

МОНТИ ДЖЕЙ

ПЕРЕВОД ГРУППЫ "BOOKHOURS"

ОНА МОЖЕТ УБЕЖАТЬ
НО ЕЙ НЕ СПРЯТАТЬСЯ

Ураденная
ЛЮДЬ

Прошли месяцы с того дня, когда мы стояли над пустой могилой, пропахшей горелой плотью и секретами. Все мы были одеты по высшему разряду, на одном из нас был свадебный наряд. Этот день должен был ознаменовать начало нового приключения.

Он ознаменовал горький конец нашей мести.

Мы совершали поступки, которые навсегда оставили след в наших душах.

Но прежде чем мы доберемся туда, нам нужно вернуться.

Туда, где все началось.

Место, которое я видела в своих снах.

Университет Холлоу Хайтс в мрачном, угрюмом приморском городке Пондероза Спрингс. Колледж для престижных, богатых детей, получающих самое лучшее образование. Город, утопающий в предательстве и тайнах, которые стали нашим проклятием.

Но мне не давал покоя не окружающий территорию лес и даже не таинственный скрытый мавзолей.

А они.

Таящиеся в ночи, существа настолько порочные, безумные и злые, что они стали властителями моих кошмаров.

Ублюдки Холлоу Хайтс.

Одно неверное движение, и я оказалась прямо на линии их огня.

Это не история о любви, не сказка со счастливым концом.

Любовь просто расцвела в нашей горе, в нашей боли, нашем страхе, нашей крови.

Какие бы ужасные вещи они не совершали, мы все это видели, помогали им и все равно их любили.

Некоторые убегают от своих монстров, мы в наших влюбились.

Монти Джей

Украденная ложь

Серия: «Ублюдки Холлоу Хайтс» #1

(разные герои)

Переводчик: Дмитрий С.

Редактор: Татьяна С.

Вычитка: Татьяна С.

Обложка: Татьяна С.

Переведено для группы: vk.com/bookhours t.me/bookhours_world

ПЛЕЙЛИСТ

Beyond the Pines-Thrice
Baby-Bishop Briggs
37 Stitches- Drowning Pool
Chalk Outline-Three Days Grace
It Was a Sin-The Revivalist
Control-Halsey
In Chain's- Shaman's Harvest
Into the Fire-Asking Alexandria
Happy Song-Bring me the Horizon
Skeleton Key- Love Inks
Help-Papa Roach
The Devil-Banks
Killer- Valerie Broussard
Black Honey-Thrice

Лес Пандероза

Вход в
Лабиринт

Округ Ирвин

Округ Берли

Общины

Округ Кеннеди

Библиотека
Колдуэлл

Округ Ротшильда

Мавзолей

Университет Холлоу-Хайтс

Побережье Орегона

Алистер

Я всегда знал, что родился с ненасытным аппетитом к насилию.

Мне суждено быть черной овцой в своей семье.

Стоит научиться предупреждать о детях, которые растут в отсутствие света. Когда вы лишаете их блеска, тьма становится не просто их частью, они сами становятся тьмой.

Сила пронеслась по моей руке, когда я почувствовал, как разбился нос этого малыша. Мои костяшки пальцев впились в плоть его лица в погоне за единственным, что могло поддержать мой голод.

Боль.

Высокий долговязый кретин, который решил, что это хорошая идея — бросить мне вызов, с грохотом упал на землю.

В официальных смешанных единоборствах полагается останавливаться, когда твой противник так падает.

К счастью для меня, это «Кладбище». Зброшенный ипподром на окраине города, куда съезжается народ из окрестных районов в поисках неприятностей. Нелегальные уличные гонки, драки, наркотики и полуголые девушки. Это райский сад для богатых детей. На траве посреди потрескавшегося асфальтового круга происходят бои, а ревут и перекликаются двигатели, выясняя, чья купленная отцом машина первой пройдет финишную черту.

«Кладбище» — это место, куда приходят, чтобы тебя похоронили. Особенно если ты против меня.

Я бросаюсь вперед, садясь на него, вдавливая колено в его брюхо так глубоко, что чувствую, как подо мной смещаются его органы. Мои проворные кулаки наносят удар за ударом по его уже воспаленному лицу. Я ритмично дышу, в каждой точке соприкосновения делаю еще один вдох. Чьи-то руки хватают меня за плечи, впиваются в меня, чтобы я остановился.

Мне все равно, я лишь сильнее давлю коленом. Мои кулаки безжалостно бьют его.

Почему я должен сдаваться, ведь он был настолько глуп, что вышел со мной на ринг?

Похоже на личную проблему.

Мое сердце колотится в груди, энергия клоочет по венам, как барабаны в ушах. Она смешивается с криками окружающих нас людей, ревом двигателей и запахом масла.

Черт, что бы я отдал, чтобы чувствовать себя так каждую секунду дня.

Я наношу удар справа, наблюдая, как кольцо отпечатывает мои инициалы на нежной коже его щеки, рассекая ее прямо над буквами А.К.

Струя обжигающей крови брызжет мне на грудь из его лица. Яростный рев прорывается сквозь меня, багровая жидкость действует как бензин на пламя внутри моего тела. Но мне нужна не кровь. Мне нужна его агония. Я хочу видеть его боль. Хочу знать, что вечером его нужно будет отнести в машину, отвезти домой, и он, вероятно, доползет до своей гребаной кровати. Где останется на следующую неделю, потому что оставленные мною синяки слишком значительны, чтобы с ними справиться.

От этого по моему позвоночнику пробегают мурашки.

Это мой не такой уж и секрет.

Я всегда, всегда злюсь.

— Иисус, мать твою, Христос, Колдуэлл, отпусти его! Хватит, мужик! — голос звенит у меня в ушах, но я наношу последний удар, прежде чем стряхнуть нетерпеливые руки со своей кожи.

Круг людей вокруг нас скандирует о жестокости, которая только что произошла. Невозможность отвернуться от трагедии и катастрофы. Все они в сущности такие же, как и я, зависимые от жестокости. Просто слишком боятся признаться в этом.

Я ненавижу трусов. И каждый чертов человек в этом гребаном городе — трус.

Монстры за масками, боящиеся, что их соседи увидят скелеты, которые они продолжают запикивать в свои шкафы. Но они не знают, что в Пондероза Спрингс ничего нельзя держать в секрете. Надолго.

Я знаю это лучше, чем кто-либо другой.

Оттенки красного вспыхивают у меня перед глазами, когда я встаю, горячая слюна вылетает из моего рта и падает прямо на его стонущее тело. Ему повезло, что он может издавать звуки, еще больше повезло, что он не умер.

Кроме крови у меня на груди, на моей коже больше нет никаких следов. Что злит меня еще больше. Ничто больше не бросает мне вызов. Я сжимаю челюсть, разворачиваюсь, масса людей расступается, как Красное море, оставляя мне открытый путь к выходу.

— Деньги за ставки, — один из парней постарше, управляющих этим хаотичным дерьмом, прижимает смятые купюры к моей груди. Я смотрю на них, потом снова на него.

— Оставь себе, — ворчу я.

Мне не нужны эти деньги. Он мог сделать с ними все, что угодно, я боролся не за деньги. Я дрался, потому что если не это, то я кого-нибудь убью.

Я быстро хватаю свою кожаную куртку, легко набрасывая ее на плечи. Моя футболка валялась где-то в грязной траве, и я не чувствую необходимости ее искать.

Мое дыхание начинает выравниваться, пока я иду к своей машине. Даже если бой был безрезультатным, выпустив хотя бы немного своей ярости, я смогу сегодня заснуть. Учитывая все происходящее, сон не то, что я могу потерять.

Как только я поворачиваю ключ зажигания, из колонок раздается музыка. Звук тяжелый и бодрящий. Моя левая рука крепко сжимает руль, и я вижу, как белеют окровавленные костяшки пальцев. Они пульсируют так сильно, что это почти приятно.

Я быстро включаю передачу, готовый к поездке в дом моих родителей. Двадцать восемь тысяч квадратных футов, девять основных спален, десять запасных, семь ванных комнат, двадцать шесть акров, а между мной и моей семьей все еще недостаточно места. Моя хватка крепнет, в следующем месяце я должен лететь на Восточное побережье. Между мной и ними будет целая страна.

Вместо этого я застрял здесь еще как минимум на год, гоняясь за призраком.

Резко поворачивая направо, сворачиваю на нашу подъездную дорожку. На дороге, укрытой высокими деревьями, асфальт на мгновение заканчивается перед большими воротами, закрывающими въезд. Я нажимаю кнопку на пульте, чтобы они автоматически открылись, проезжаю мимо них в поместье моей семьи.

Миновав безвкусный мраморный фонтан, я легко въезжаю на свое парковочное место. Ни одной машины здесь нет, значит, дома никого. Впрочем, это не имеет значения, даже когда они здесь, я для них невидимка.

Я всегда был таким.

Молния сверкает в небе за домом, на долю секунды озаряя туман, затем, когда я иду к

двери, землю под моими ногами сотрясает гром. Клавиатура светится под моим прикосновением, я ввожу свой пароль и захожу внутрь.

Когда мои родители и брат здесь, этот дом сияет светом. Его сияние видно сквозь деревья на дороге. Экстравагантные вечеринки, семейные ужины, на которые меня никогда не приглашают. Но когда они уходят, остаюсь только я и тьма.

Стук моих ботинок эхом отдается от пола, шаг за шагом, пока я не оказываюсь на кухне и не включаю кран. Опускаю свои распухшие руки под теплую воду. Кровь начинает стекать в канализацию, во всяком случае, часть ее. Другая часть застревает между пальцами, уже засохшая.

В доме не должно быть шума. Все должно быть так, как всегда, когда я здесь.

Мертвая тишина.

Только это не так. Мои уши улавливают знакомый щелчок, за которым следует звук разгорающегося кремня.

— Пытаешься меня напугать? — говорю я вслух, медленно вытирая руки, прежде чем повернуться.

Я вглядываюсь в темноту гостиной, лицо освещено единственным пламенем его зиппо, когда он перебирает ее между пальцами. Я замечаю одну-единственную спичку у него во рту, сбоку выглядывает алый кончик.

Он откидывается назад в кожаном кресле со скошенными углами, руки лежат по бокам, и он смотрит на меня сквозь темноту.

— Если бы это было так, ты бы меня не услышал, — парирует он.

Я сажусь в кресло напротив него. Дергаю за шнур лампы, освещая комнату янтарным светом. Как только я погружаюсь в старый материал, упираясь руками в колени, я слышу шаги позади себя. Но не пытаюсь оглянуться через плечо.

— Тэтч. — приветствую я, видя, как его тень проходит мимо меня, занимая место слева от нас.

При росте шесть футов четыре дюйма¹, Тэтчер — самый высокий из нас. И его рост — это не то, что пугает в нем людей.

Он закидывает одну ногу на другую, упираясь лодыжкой в колено:

— Ну что, разбил голову бедному ребенку, Али?

Я скрежещу зубами, этот напыщенный мудака знает, что я ненавижу, когда меня так называют. Знает это с тех пор, как мы стали друзьями, но он был бы не он, если бы не попытался залезть *кому-то* под кожу.

Видите ли, в венах Тэтчера текла ледяная вода, а в моих — кипящая.

— Ты действительно хочешь поговорить о том, что заводит людей, Тэтчер? — Я поднимаю одну бровь, рассматривая его костюм от Армани. Я уже давно научился не задаваться вопросом о его экстравагантном гардеробе.

— Я бы не хотел, чтобы тебе снились кошмары, — ухмыляется он, и я не могу сдержать ухмылку, которая появляется на моем лице.

Я бы солгал, если бы сказал, что в какой-то момент мне не хотелось оторвать голову каждому из них. Мы знали, как надавить друг на друга. Однако сейчас я вспоминаю, как убил бы любого, кто попытался бы сделать то же самое.

Именно поэтому я готов остаться в этом богом забытом городе, потому что один из наших был унижен.

— Где Сайлас? — спрашиваю я.

— Спит, впервые за все время, черт возьми, я даже не знаю, — отвечает Рук.

— Не будь наивным, Рук. Сайлас больше не спит. Когда он спит, он видит ее. Мы все это знаем, — вмешивается Тэтчер, напоминая нам всем, зачем мы вообще здесь находимся.

Дедушкины часы в коридоре бьют, сигнализируя, что наступила полночь. Тяжесть его слов проникает в комнату. Гнев, который я только что пытался выпустить на волю, начинает забираться обратно. Я чувствую, как пламя лижет мои пятки, как во рту ощущается привкус меди.

— Кстати, о ней, — тянется вперед Рук, бросив папку кремового цвета на стол посреди всех нас. Плюсы сына окружного прокурора.

Я наклоняюсь и хватаю ее:

— Ты уже заглянул внутрь?

Он качает головой:

— Хотел подождать, пока мы не будем вместе.

Немного приподнявшись, он лезет в задний карман и достает пачку сигарет. Вытаскивает одну, проводит рукой по длинным каштановым волосам.

— Не против? — спрашивает он, имея в виду дым.

— Сожги дотла, мне все равно, — честно говорю я.

Рук откидывается в кресле, вытаскивает спичку изо рта и зажигает ее пальцами — этому трюку он научился сам, когда мы были в летнем лагере. Он зажигает конец, глубоко вдыхая облако дыма, собирающееся вокруг его лица.

С шести лет единственными, кто меня волновали, были Рук, Тэтчер и Сайлас. Мы поклялись всегда защищать друг друга, даже если это означало причинять вред другим. Ничто другое не имело значения, кроме них, ни для кого из нас.

Вы никогда не увидите нас врозь, мы — дети, которые не созданы быть хорошими. Мы всегда были испорченными и сломленными.

— Мы все знаем, что произойдет, когда мы начнем разбираться в этом, верно? — спрашивает Тэтч. — На наших руках будет кровь. Не те небольшие разрушения, которые мы творили по всему городу всю свою жизнь. Мы не будем сжигать исторические церкви или играть в нечестивые игры. Мы будем кого-то убивать.

Мы должны содрогаться при мысли о лишении кого-то жизни. Но все мы знаем, на что способны ради друг друга.

— Это их вина. Кому как не им знать, что нельзя причинять боль тому, кто нам дорог.

Я помню ту ночь. Помню запах того дома, в котором мы ее нашли. Как свиное дерьмо и блевотина. Дом-ловушка, где наркоманы прячутся и стреляют своим жидким золотом. Я помню, как выглядело ее тело, скрюченное и безнадежно брошенное на грязной земле.

Как ангел, который заблудился и оказался в аду. Она не заслуживала смерти. И Сайлас не заслуживал того, чтобы найти ее такой.

Я все еще слышу его крики, когда закрываю глаза. Долге часы криков. Раненый зверь, чья боль перерастала в безудержную ярость. Эмоция, которая пронизывала всех нас.

— Мы узнаем, кто это сделал. Мы покончим с ним. И Сайлас сможет жить дальше. Сможет двигаться дальше.

— Сайлас не будет двигаться дальше, — качаю головой я. — Даже если мы найдем то, что ищем. От такого не уйдешь.

Я открываю папку, листая белые страницы. Имя пациентки, написанное черными жирными буквами, заставляет мою челюсть дергаться. Розмари Пейдж Донахью. Мои глаза

сканируют отчет, все заданные вопросы. Ожидалась ли смерть пациента? Нет. Проводилась ли ACLS²? Да (одним из моих лучших друзей, пока мы не оттащили его от нее, замечу). Перелистывая на следующую страницу, нахожу рисунок тела спереди и сзади, но без кругов вокруг определенных областей, как я предполагал. Он пуст.

Я хмурюсь, прочитав заключение coronera,
«Никаких видимых признаков травмы или ушибов».

А царапины на ее руках? Фиолетовые круги от очевидных синяков? Я видел их. Они там были.

«Самым значительным результатом вскрытия было обнаружение метилендиоксиметамфетамина (МДМА³) в организме пациентки. После тщательного расследования я пришел к выводу, что принятая доза вызвала у пациента тепловой удар. Повышение температуры тела привело к остановке сердца, что привело к смерти. Насильственных действий не обнаружено».

Значит, грязь под ногтями, как будто она за что-то цеплялась? Это просто совпадение? Полиция не расследовала тот факт, что Роуз никогда не притрагивалась к наркотикам до этого момента?

Кое-что не сходилось. Это меня не устраивало.

— Вот, гений, прочитай это. Скажи мне, что ты думаешь. — Я бросаю файлы Тэтчеру, наблюдая, как он подпер рукой подбородок, сканируя глазами бумагу.

— Никаких доказательств насильственных действий? Никаких документов о синяках или следах на ее коже? — говорит он вслух, и я киваю в молчаливом согласии.

— Мы видели ее тело. Не знаю, как у вас двоих, но у меня зрение идеальное. Роуз оказалась там не по своей воле. И умерла не по своей воле. Она даже не ходила с нами на вечеринки, заставляла Си все время сидеть с ней дома. Неужели Пондероза Спрингс действительно пытается скрыть убийство дочери мэра? — комментирует Рук, делая очередную затяжку своей раковой палочкой, которую я собираюсь украсть для себя.

Роуз была не только девушкой Сайласа, она стала... одной из нас. Потихоньку пробралась в нашу группу и стала нашим другом. Мы не признавались в этом вслух, но все мы заботились о ней, как о сестре.

Ее смерть разъедала всех нас.

— Это был бы не самый страшный скандал.

— Если патологоанатом лжет о таких вещах, как раны и насильственные действия, то что еще он скрывает? А еще лучше, кого он покрывает? — спрашивает Тэтчер.

— Я думаю, мы должны нанести визит доброму доктору. — Я сканирую глазами двух своих друзей.

Рот Рука искривляется в улыбке, когда он перебирает пальцами свою зиппо и защелкивает ее.

— Не нужно повторять дважды, — бормочет он.

Тэтчер резко усмехается:

— Пока я буду резать первым.

Мы заключили сделку.

Обещание одному из наших лучших друзей, что мы выясним, кто сделал это с его девушкой. Оставил ее мертвой и грязной. Все мы отказались от планов покинуть это токсичное место на целый год, просто чтобы отомстить, в чем и нуждался Сайлас.

Даже Бог не смог бы спасти людей, которые встали у нас на пути.

Брайар

«Мы все воры, Брайар. Я просто попался».

Так говорил мне отец каждый раз, когда его увозили на заднем сиденье полицейской машины.

В какой-то степени он был прав. Мы все воры.

Мы крадем воздух из атмосферы, чтобы иметь возможность дышать. Крадем счастье. Крадем зажигалки, не существует такого понятия, как «Эй, чувак, могу я просто одолжить твою зажигалку?»

Если вы верите, что они ее вернут, что ж, вы просто идиот, у которого на одну зажигалку меньше.

Но большинство из нас, все мы, на самом деле, воруем время.

Нам не причитается никакого определенного количества минут на этой земле, но мы все равно берем его. Каждый день, когда вы просыпаетесь, это еще один день, выдернутый из песочных часов.

Мне было одиннадцать лет, когда я научилась воровать. Почти профессионал, я освоила искусство семи колокольчиков за шесть месяцев и вскоре стала криминальным вундеркиндом.

Итак, пока моя мама переворачивала гамбургеры, отец расставлял манекены, одетые в мужские костюмы, с карманами, и оснащал их семью стратегически расположенными колокольчиками.

Моя задача состояла в том, чтобы обчистить манекен, не задев ни один колокольчик.

Я была его уменьшенной копией. Его гордостью и радостью. Его маленьким преступником.

У меня были ловкость, скорость и проворство.

Карманные кражи, взлом замков, взлом сейфов — все, что нужно для того, чтобы стать идеальным мошенником, я освоила к тринадцати годам.

Другие маленькие девочки учились балету. А я могла взломать сейф, даже не вспотев. Я имею в виду, черт возьми, не так уж много было такого, чего я не могла бы сделать. Даже когда он только начал направлять меня, я знала, что это неправильно. Воровать плохо. Все это знают.

Но те моменты, которые я проводила с отцом? Эти поздние ночи совершенствовали мою технику и были лучшим временем в моей жизни. Его профессия поддерживала свет, еду на столе, это связывало мою семью.

Да, некоторые семьи, возможно, объединялись за настольными играми, а моя — за воровством.

— Есть честь среди воров, Брайар. Честь среди нас.

Я привыкла к тому, что он то попадал в тюрьму, то выходил из нее, проводил несколько месяцев то там, то здесь, но он всегда возвращался ко мне. Он обещал, что всегда будет возвращаться к нам.

Но однажды он не вернулся.

Мой моральный компас никогда не имел истинного севера. Возможно, именно поэтому я всегда была так любопытна в том, в чем не должна была быть. Я осознавала, что мое

поведение противоречит социальной этике, но я не жалела ни о чем, что когда-либо сделала. Я делала это ради мамы. Я работала с теми навыками, которые мне были даны.

Когда жизнь дарит тебе лимоны, укради гребаную соковыжималку.

— Ты рада этому новому началу? Это очень важно, что они приняли тебя, даже по моей рекомендации. Они любят принимать только местных. — Мой дядя Томас, брат моей матери, впервые заговаривает со мной после полета на самолете.

Он такой застенчивый. Мама говорит, что это потому, что он родился кривым, все эти знания и отсутствие социальных навыков. Хотя он мне всегда нравился, так как дарил отличные подарки на Рождество. Вместо того чтобы говорить, он всегда обращал внимание на мелочи.

— Это больше похоже на секту, чем на школу, Ти.

Возможно, это и есть секта. Вообще-то, я знаю, что это долбанная секта. Это единственный университет в штатах, у которого достаточно денег и власти, чтобы принимать только местных жителей, студентов-выпускников или детей, которые происходят из чрезвычайно богатых семей.

Каждый, кто высовывал голову из-под камня, знал о Холлоу Хайтс.

Как туда приняли воровку с судимостью, секущимися волосами и едва ли двумя десятицентовиками? Хороший вопрос, черт возьми.

Это имело мало общего с моими 4,0 баллами, высокими результатами тестов и обширными спортивными достижениями. А все дело в том, что Томас был профессором биологии, причем уже три года.

Моему дяде было около тридцати лет, он был самым младшим из двух братьев и сестер. Моя мать и он всю жизнь росли в бедности, как и я. За исключением того, что, когда Томасу исполнилось восемнадцать, он поджал хвост и убежал подальше от своей семьи. Вернулся через несколько лет с блестящим дипломом и Ролексом.

Нет, я не пыталась его украсть.

— Это учебное заведение не так претенциозно, как ты себе представляешь. Оно удивительно простецкое, — говорит он с улыбкой.

Я усмехаюсь:

— В брошюре был целый сегмент о том, как этот университет окончил принц, настоящий шотландский принц. Это выглядит так, как будто все школы Лиги плюща собрались вместе и устроили оргию. — Я слегка зеваю. — Скажешь, что это место не заполнено до отказа богатыми детьми с карточками Amex?

Я скрещиваю руки на груди и смотрю на него, приподняв одну бровь.

Не поймите меня неправильно, я благодарна за то, что буду учиться здесь. Образование, которое здесь получу, гарантирует мне работу после окончания учебы. Просто я не в восторге от роли «стипендиата». Это все равно, что быть ребенком с коричневым бумажным пакетом для обеда или тем, кто ест козьявки.

Это не очень хорошо выглядит.

— Не будь субъективной. Здесь может быть много людей, у которых нет тонны денег, Брайар. Это будут лучшие четыре года в твоей жизни, я обещаю. — Он тянется ко мне и ободряюще сжимает мою руку, и я даже не подозреваю, как сильно в этом нуждаюсь.

Чем дальше мы едем по этому нескончаемому подъездному пути к неизбежным черным воротам, тем больше я нервничаю. Хотя я всегда мечтала быть принятой, это место похоже на кошмар.

Я смотрю в окно на маленькие капли дождя на стекле. Рассматриваю бесконечные ряды сосен. Кажется, в любой момент они потянутся к нам и схватят машину.

Солнце прячется за влажными облаками, поэтому каждое мгновение здесь кажется серым. Лишенным каких бы то ни было цветов. Тепла.

Мне, во всяком случае, кажется, что эти дети платят кучу денег за то, чтобы жить внутри романа Стивена Кинга.

Я прочищаю горло, сажусь немного прямее, натягиваю на голову капюшон толстовки и вставляю наушники в уши, пытаюсь успокоить желудок. Жуткая тишина, установившаяся вокруг нас, вызывает у меня серьезные ощущения дома с привидениями.

Даже при включенной музыке я слышу, как хрустит гравий под шинами, когда мы въезжаем внутрь кампуса. Первая часть колледжа, встречающая всех новых и вернувшихся студентов, это большая обветренная кирпичная арка с насмешливой металлической табличкой, прикрученной к фасаду. Ржавчина и плющ пытаются скрыть написанные на ней слова, но это бесполезно.

*Университет Холлоу Хайтс,
учрежденный в 1634 году,
«Мы взываем к успеху».*

Название выгравировано жирным шрифтом, демонстрируя свое имя всем, кто сюда входит.

Где книги в кожаных переплетах шепчут на мертвых языках, а пустые мраморные коридоры вызывающе скрипят. Свет никогда не касается земли, постоянное покрывало тумана вьется среди высоких сосен.

Скандално известный университет для богатых мальчиков и девочек. Один из самых уединенных и элитных колледжей в истории. По слухам, здесь учились самые богатые молодые умы страны.

Родители не будут разочарованы после того, как их ребенок завершит здесь программу, он вернется после окончания школы дипломатичным и утонченным. Готовый взяться за любую работу, которую ему предложат.

Колледж располагался на побережье Орегона, на трехстах акрах викторианской архитектуры, которая кажется старше грязи. Я осматривала его в Интернете, но компьютер не передал всей правды.

Город, в котором он построен, называется Пондероза⁴ Спрингс, известный, как вы догадались, одноименными соснами. Я мало что знаю о его истории, за исключением того, что он заполнен богатыми семьями, вам нужно проехать через него, чтобы добраться до кампуса, и он не очень большой.

Намеренно или случайно, но архитекторы сделали так, что это место кажется удаленным от любой цивилизации. Тут словно свой собственный мир за деревьями, построенный на мрачном болоте, от которого меня тошнит. Знаете, как после суши на заправке?

— Твоя штука снова пугает меня своими красными глазами-бусинками, — говорит Томас, подъезжая к месту высадки у общежития.

Я смотрю на маленькое животное в моих руках, на ее чистый белый мех мягкий под моими пальцами и высунутый маленький носик, принюхивающийся к окружающей

обстановке.

— Ее зовут Ада, и она не штука. Она крыса-альбинос. Если ты еще раз назовешь ее как-нибудь, она тебя укусит, — предупреждаю я, хотя знаю, и Ада тоже, что она и мухи не обидит.

Когда папа разрешил мне выбрать домашнее животное, когда я была маленькой, я выбрала крысу. Не потому, что пыталась быть необычной или нестандартной, а потому, что в крысах просто есть что-то невероятно классное. У меня было три крысы, и каждая из них прожила ожидаемый срок жизни в два с половиной года, прежде чем умерла. Каждый раз я ждала несколько месяцев, чтобы оплакать их, а потом начинала искать нового компаньона.

Мы с Адой живем вместе уже около года.

— Тебе нужна помощь, чтобы донести вещи до комнаты? Или думаешь, что справишься сама? — спрашивает он с водительского сиденья.

Я смотрю на общежитие, район Ируин, где живут старшекурсники. В центре располагается круглый фонтан с водой. Из-за потрескавшегося мрамора мне кажется, что он может рассыпаться в любую секунду.

Сверху доносится карканье ворон, их черные крылья пробиваются сквозь дымку. Я пытаюсь сосчитать глазами количество горгулий, стоящих на страже на вершине пьедесталов и свай.

Я отмахиваюсь:

— Я справлюсь. Но все равно спасибо.

Я открываю дверь, засовываю Аду в карман толстовки, где она находится большую часть времени, когда не в клетке.

Я автоматически жалею, что не надела джинсы вместо этих спортивных шорт, я не привыкла к холоду. В Техасе не было ни холодной погоды, ни такого сильного тумана.

Подойдя к багажнику машины, я открываю его, вешаю сумку с книгами на плечо и беру свой чемодан.

По моей спине проносится порыв холодного ветра, как будто что-то по ней пробежало. Я слегка поворачиваю голову и смотрю на здание, ожидая увидеть кого-то стоящего там. Кого-то, кто смотрит в мою сторону, но меня встречают только студенты, шаркающие по территории школы и затаскивающие внутрь свои вещи.

— Ты в порядке? — спрашивает Томас.

— Да, — качаю я головой, улыбаясь. — Я в порядке.

— Это будет действительно здорово для тебя. У меня просто такое чувство. — потирает он руки. — Вот твой ключ от общежития и карточка на обед. Если тебе что-нибудь понадобится, у тебя есть мой номер телефона, моя квартира находится за пределами кампуса, в городе, но это в нескольких минутах езды, так что не стесняйся спрашивать.

Он обхватывает меня рукой за плечо, обнимая самым неловким объятием в истории.

— Спасибо, дядя Ти.

Я не слишком сильна в сантиментах. Нельзя быть бедной и нежной.

Я должна нервничать, идя в школу, по сравнению с которой Гарвард выглядит как захолустный муниципальный колледж.

Но я не нервничаю.

Не в моей природе нервничать или бояться. Когда живешь такой жизнью, какой жила я. Той, где тебе приходится бороться за выживание, еду на столе, крышу над головой? У тебя нет времени бояться чего-либо.

Ты делаешь то, что должно быть сделано.

Алистер

— Вам двоим понадобилось достаточно времени, — бормочу я, отталкиваясь от машины ботинком, бросая сигарету на землю и затапывая угасающий уголек.

— Тэтчеру нужно было погладить свой костюм, — Сайлас толкает плечом Тэтча. Сам он одет в черное худи. Лунный свет отражается от его ожесточенного лица.

— Версаче? На место преступления? Немного претенциозно, даже для тебя. — Я разглядываю его наряд, выглядящий так, будто он присутствует на каких-то гребаных политических дебатах о глобальном потеплении или здравоохранении.

— Приятно видеть, что ты не слишком ненавидишь маму и папу, похоже, ты, по крайней мере, научился от них разбираться в брендах, — его голос выравнивается. — Мы знаем, что ты выступаешь против богатства, Алистер, но нет нужды завидовать моему невероятному стилю. — Он поправляет воротник.

Я делаю шаг ближе к нему в знак предупреждения, но звук высоко взревевшего двигателя перебивает мой временный гнев на лучшего друга.

Мотоцикл Рука стального цвета въезжает на парковку морга. Мотоцикл резко глохнет, когда он поворачивает ключ зажигания. Снимая матово-черный шлем с головы, он встряхивает волосами, как будто участник бойз-бенда.

— Рад, что ты смог присоединиться к нам, Ван Дорен. — замечаю я.

Он идет к остальным, не снимая перчаток, единственный из нас с ухмылкой на лице. Он поднимает свою сумку.

— У меня есть все, на случай, если мы решим...

— Сегодня мы ничего не будем взрывать, Рук, — прерывает его Тэтчер, уже зная, куда направлены его мысли.

Он поднимает руки в защиту.

— Пойдемте, разузнаем, что скрывает добрый доктор, — я поворачиваюсь, гравий хрустит под моими ботинками, когда мы идем к задней двери здания. Сегодня Рук выполнял небольшое поручение для своего отца в офисе окружного прокурора.

Все, чтобы помочь отцу и отпереть эту дверь, чтобы мы могли легко попасть внутрь.

Мои костяшки пальцев дрожат от предвкушения, когда я осторожно открываю дверь. Слышу, как Сайлас щелкает замком позади нас, просто чтобы никто не последовал за нами. Мы идем в ногу, пробираясь через приемную, мое сердце колотится в груди. Металлический привкус распространяется по моему рту, и я сжимаю челюсти.

Что это говорит обо мне и о том, кто я есть, что эта ситуация привела меня в восторг?

Я вижу отблеск света, как раз перед тем, как упираюсь руками в двойные двери, открывая их с громким стуком. Внутри кабинета судмедэксперта стоит ужасный запах. Он въедается в нос и проникает внутрь. Холодное тело с подтянутой к груди простыней.

Слева доктор Говард Дискил вздрагивает за своим столом, стул скрипит под его весом. Он быстро поправляет очки, пытаюсь прийти в себя после того, как мы его напугали.

— Извините, — прочищает он горло, стараясь говорить более строго. — Но вы, мальчики, не можете здесь находиться.

Он поудобнее устраивается на своем месте, настороженно оглядывая каждого из нас.

Я смотрю на парней, и все мы на короткий миг устанавливаем зрительный контакт, как

будто для кого-то из нас это последний шанс отказаться, прежде чем мы начнем пачкать наши репутации. Когда никто ничего не говорит, я снова обращаюсь к Говарду.

— Я не помню, чтобы мы спрашивали твоего разрешения.

После этого работа идет быстро. Сайлас и Рук достают из сумки нейлоновую веревку и привязывают доктора к креслу. Он сопротивляется, безнадежно, но все же сопротивляется. Он извивается в их руках, пока они обматывают черную веревку вокруг его тела, полностью обездвиживая его.

— Что, черт возьми, вы делаете?! — кричит он, его лицо приобретает уродливый оттенок красного.

Рук упирается ногой ему в спину, толкая кресло на колесиках на середину комнаты. Оставаясь за столом, он начинает открывать ящики и перебирать бумаги.

Я лезу в карман куртки, доставая пару золотых кастетов. Металл холодный в моей ладони, но тепло кожи быстро его согревает. Шагнув к Говарду, я продеваю пальцы в отверстия, позволяя изогнутому концу впиться в мою ладонь, крепко сжимая ее.

— Розмари Донахью, — говорю я, все еще глядя на боестящий металл на моей руке, мои инициалы выгравированы на вершине каждой костяшки. — Ты делал отчет о ее вскрытии, верно?

— Это конфиденциальная информация. Я не могу просто так сказать тебе что-то подобное, — возражает он, борясь со веревками.

Мышцы на моей челюсти дважды дергаются, когда я наклоняю голову влево, хрустнув шеей.

Я делаю выпад вперед, внезапный и сильный. Моя рука защищена от удара стальным щитом снаружи, но я все равно чувствую, как металл впивается в его скулу.

Воздушный поток проходит через нас, когда его голова от удара поворачивается влево. Стон боли вырывается из его рта вместе с багровой жидкостью. Она брызгает на пол, на его рубашку. Вероятно, я выбил ему зуб.

Кожа в месте моего контакта рассечена, кровоточащий неприятный порез уже начинает набухать, становясь жгуче-красным.

Я кладу руки по обе стороны от его стула, наклоняюсь так, чтобы мое лицо было близко к его лицу, качаю головой и щелкаю языком.

— Неправильный ответ, Говард.

Что-то острое, как электричество, пронзает мое тело, когда его глаза сверкают от страха.

Адреналин от осознания того, что он сейчас в ужасе за свою жизнь, заставляет мои пальцы ног загибаться в ботинках. Я мог бы жить за счет этого. Его страх. Я мог бы питаться им, как голодный гребаный пес.

— Я спрошу еще раз, — говорю я, вставая во весь рост. — Розмари Донахью. Ее вскрытие.

— Да! Да! Я делал ее вскрытие! Какое это имеет значение?! Это была просто передозировка! — отчаянно кричит он.

Я киваю:

— Хорошо, это действительно хорошо, а теперь скажи мне, почему ты забыл упомянуть о ранах на ее теле?

Шок отражается на его лице, как будто логические точки, почему мы здесь, наконец, соединяются. Он знает, что мы что-то знаем. Вопрос в том, будет ли он настолько глуп,

чтобы лгать нам в лицо?

Говард коротко качает головой:

— Их не было. Это была просто передозировка.

Я был почти рад, что он снова солгал.

Еще один резкий, убийственно сильный удар приходится на то же самое место. На этот раз он действительно выплевывает зуб, а может, и два. Вес кастета делает мои удары еще сильнее.

Этот гнев, тот, который я всегда так быстро спускаю, уже давно существует, вырываясь наружу каждый раз, когда я открываю глаза. Я злюсь на продавцов и водителей. На все и вся.

И каждый раз, когда я наношу эти удары, каждый раз, когда я причиняю боль кому-то другому, я представляю именно их. Людей, которые дали мне мою фамилию и все, что к ней прилагается.

Тех, кто сделал меня всего лишь запасным вариантом.

Я меняю направление, нанося жестокий удар в его ребра, я готов поклясться, что мои уши слышат, как они трещат в его груди. От раздирающей кости боли я чувствую себя так, словно принимаю лучший наркотик на планете. Ничто не сравнится с этой эйфорией.

— Я был там, ты, гребаная мразь, — выплевываю я. — Я видел ее тело до приезда полиции. Ее ногти в крови и грязи от того, что она за что-то цеплялась. Вся в синяках, как будто ее держали. Ты снова собираешься мне лгать? Я обещаю, что если ты это сделаешь, ты пожалеешь об этом. Верить или нет, Говард, но я обойдусь с тобой легко, по сравнению с тем, что сделает мой друг.

— Я не лгу, — хрипло говорит он, хватая воздух. — Клянусь, все мои выводы указаны в отчете. Это все!

Кровь капает из его рта на белый лабораторный халат. Интересно, думал ли он, когда надевал свои брюки сегодня утром, о том, что на них потом окажется кровь?

Если он хочет по-плохому, тогда будет по-плохому.

— Не говори, что я тебя не предупреждал.

Я поворачиваюсь к нему спиной, злясь, что не могу заставить его выложить больше информации.

— Он твой, — бормочу я.

Я даю Тэтчеру разрешение делать все, что придумает его извращенный ум. Я не настолько жесток, чтобы позволить ему начать первым. Я хотя бы попытался дать доброму доктору шанс.

Щелчок его оксфордов отскакивает от деревянного пола. Вес его зловещих намерений отражается от стен этого кабинета. Я прислоняюсь спиной к стене и расслабленно наблюдаю, как Тэтчер принимает участие в одном из своих любимых развлечений.

Заставляет людей истекать кровью.

Он сбрасывает пиджак на стол и не спеша закатывает рукава до локтей. Все это — часть его ментальной игры.

Мы хорошо контрастируем, он и я. Он холоден и расчетлив. Я инстинктивен и вспыльчив.

Идеальная пара социопатов.

Говард яростно трясет головой:

— Почему тебя это вообще волнует?! Ну же, ребята, подумайте. Если кто-нибудь узнает, что вы напали на меня, ваше будущее будет разрушено! — яростно кричит он. — Она просто

богатая девушка. Просто какая-то тупая девчонка, у которой передозировка, которая, наверное, постоянно тусовалась, вы знаете таких!

Воздух становится холодным, не слышно никаких звуков, кроме его затрудненного дыхания. Сзади, как тихая вода, из тени выходит Сайлас. Черный капюшон скрывает его лицо, когда он хватается Говарда за волосы и резко тянет на себя.

Одним плавным движением он откидывает его голову назад, и доктор стонет в знак протеста,

— Ее звали Розмари. И она была не просто девчонкой.

Его голос грубый, не быстрый и резкий, как у Тэтчера, и не саркастический, как у Рука. Он надсадный, неровный, резкий и измученный. Он полон страдания и мести.

— Она была моей. И сейчас ты увидишь, что бывает, когда кто-то трогает вещи, которые принадлежат мне, — рычит он ему в ухо.

Тэтчер хватается круглый табурет возле стола, садится на него и подкатывается к связанному мужчине. Подобно тому, как это делает врач при осмотре пациента. Сайлас снова отступает назад, скрестив руки, прислонившись к стене, продолжая наблюдать.

— Ты скромно зарабатываешь, не так ли, доктор Дискил? Шестьдесят тысяч в год? Предположительно больше здесь, в Пондероза Спрингс. Это приятная жизнь для твоих двух сыновей, не так ли? Сколько им лет? Пять и десять? — спрашивает Тэтч, вежливо ожидая ответа.

При этом он выкладывает свернутую черную кожаную сумку. Расслабленными руками он расстегивает застёжки на боку, переворачивает ее и медленно начинает разворачивать на столе. Металлические предметы, находящиеся внутри, отражаются в лунном свете, мерцая в темноте, как смертоносные звезды.

— Ах ты, маленький извращенец... — шипит Говард, пытаясь встать со стула.

Длинные ледяные пальцы Тэтчера пробегают по его коллекции взад-вперед:

— Я спрашиваю, потому что твои руки жизненно важны для твоей работы. Я, как никто другой, знаю, насколько важны руки для искусства расчленения, поэтому я соотношу их с тобой, доктор Дискил.

Я скрежещу зубами, наблюдая, как доктор рассматривает все сложные лезвия на своем столе. Его кадык покачивается.

— Так и не научился играть со своей едой перед трапезой, а, Тэтч? — говорит Рук, осматривая кабинет.

Тэтчер только ухмыляется, продолжая задавать вопросы. Залезть в голову — половина удовольствия для него. Ему нравится не только заставлять их истекать кровью снаружи, он жаждет страха внутри.

— Мой отец дал мне вот это, — говорит он, поднимая один из ножей, — Ты ведь знаешь моего отца, не так ли?

Вопрос заставляет доктора содрогнуться,

— Да, предполагаю, что знаю.

— Видишь ли, с помощью этого ножа я мог бы использовать этот маленький крючок и вонзить его в плоть твоей спины, прежде чем содрать кожу. Я как раз искал новую пару кожаных сапог.

— Я ничего не знаю! Это бессмысленно! — продолжает Говард, его голос дрожит при мысли о том, что Тэтч сделает из него пару обуви.

Покончив с поддразниванием, он хватается более толстое и длинное лезвие, на мгновение

ощущая его вес в руке, прежде чем схватить доктора за запястье, чтобы удержать его неподвижно. С точностью и почти изяществом Тэтч рассекает первую костяшку мизинца. Кусок придатка беспомощно падает на землю.

Белая кость быстро покрывается фонтаном крови, бьющей из того, что осталось от его маленького пальца. Нечеловеческий крик вырывается у него, когда он смотрит вниз на свою руку, ужасаясь тому, на что мы готовы пойти.

— Ты думаешь, то, что он сделал, больно? Несколько ударов в живот и разбитая губа? Я покажу тебе боль, доктор Дискил. Сильную боль. Пока последние слова, которые ты выкрикнешь из своего мерзкого рта, не будут: «Пожалуйста, просто убей меня». Итак, я предлагаю тебе ответить на наш вопрос, пока у меня не осталось ничего, что можно было бы разрезать.

На мгновение фасад самого богатого, будущего политика Пондероза Спрингс трескается. Существо, скрывающееся под ним, выходит поиграть.

— Я не... я просто... — он запинается на словах, готовый расколоться. Только для нас это недостаточно быстро.

Звук, как будто кто-то рубит морковь, снова заполняет комнату, еще одна костяшка отрезана, остался только кусочек пальца. Кровь пропитывает переднюю часть белой рубашки Версаче Тэтча.

Еще один крик наполняет комнату, и я благодарен, что мы смогли попасть сюда в нерабочее время.

Говард пытается перевести дух, в то время как Тэтчер снова наклоняется.

— Подождите, подождите, остановитесь, пожалуйста! Я скажу вам! Я скажу вам, только остановитесь!

Наконец-то слова, которые мы так долго ждали услышать. Я отталкиваюсь от стены и приближаюсь к ним.

— Я не знаю, кто это был. Все, что я знаю, это то, что я получил письмо, когда тело Розмари было доставлено в мой офис, с просьбой скрыть любые доказательства грязной игры с телом, — он дышит, скуля от боли между словами.

— И как это связано с Роуз? — Тэтч надавливает на палец.

— Подождите, подождите, я уже подхожу, — умоляет он. — Сначала я был против, я все равно собирался включить свои выводы в отчет... но...

— Они делают то, что делают все в Пондероза Спрингс. Они дали тебе деньги за молчание, — заканчиваю я. Моя кровь горячо бьется в жилах.

— Да, и мне нужны были дополнительные деньги! Я не мог отказаться. Я проверил свой банковский счет, и, конечно, деньги были там.

— А Роуз? Какова была причина ее смерти? — спрашивает Рук из-за стола, его руки сжимают край стола так крепко, что кажется, дерево треснет под его хваткой.

— У нее была аллергическая реакция на что-то в препарате. Он был введен ей в боковую часть шеи, я обнаружил входное отверстие. Но когда я проводил экспертизу, кто-то запихнул несколько таблеток ей в горло, пытаясь придать правдоподобие тому, что она приняла их сама, но они сделали это посмертно, так что...

— Так что она не могла их проглотить, — заканчивает за него Тэтч.

Говард кивает.

— Она умерла от анафилактического шока! Это все, что я знаю, клянусь Богом! — плачет он, кровь вытекает из его руки в такт биению сердца.

Между всеми нами на мгновение воцаряется тишина. Мы ожидали, что, возможно, кто-то с деньгами скрывает факт убийства с целью напасть на мэра.

Думаю, мы не единственные монстры, скрывающиеся в городе.

Тэтчер смотрит на меня, и я киваю, давая ему добро. Он начинает убирать свои ножи, вытирая их о брюки и аккуратно укладывая в футляр.

— Таблетки в ее горле, где они? — спрашивает Сайлас у него за спиной.

— Внизу, в левом ящике. Они в пакете на молнии. Пожалуйста, пожалуйста, только не убивайте меня! — причитает он.

Рук достает пакет, мы сходимся вместе, создавая небольшой круг.

— Они помечены, на них какой-то символ. Но он выцветший, надо бы проверить, — прищуривается он, глядя на ярко-розовые таблетки. — Я могу позвонить нескольким людям, узнать, кто продает Экстази с этой меткой.

Гребаные наркоторговцы и маркировка их дерьма.

— И что нам даст слежка за наркотиками? — спрашивает Тэтчер.

— Это все, что у нас сейчас есть. Или это, или ничего, — указываю я. — Тэтчер, заканчивай и давай убираться отсюда к чертовой матери.

Посмотрев на Сайласа, я спрашиваю:

— Ты в порядке?

Он кивает, засовывая руки в карманы толстовки:

— Отлично.

Зная, что это все, что я от него получу, я не утруждаю себя расспросами. Когда ему что-то понадобится, он даст нам знать. Сайлас не разговаривает без крайней необходимости.

— Подожди, подожди, что ты делаешь? Я вам все рассказал! — кричит Говард, когда Тэтчер подходит к нему.

Он нагибается, одной рукой хватая его за затылок, а другой вдавливая лезвие в горло, и от давления вытекает маленькая струйка крови.

— Если ты скажешь, хоть слово, я вернусь. Тогда я заберу твой предательский язык. А может, я займусь твоими, детьми. Думаешь, им понравится моя коллекция ножей?

Говард бормочет несколько слов, что-то вроде мольбы.

— В последнее время тебе хорошо удавалось что-то скрывать, постарайся, чтобы так было и впредь, доктор Дискил. Не. Зли. Меня, — толкает его Тэтч. — Все ясно?

Тэтчер забирает свой кейс, хватая черный пиджак и перекидывает его через предплечье, шагая за мной, пока мы выходим из офиса.

Я чувствую тяжесть на своих плечах, когда мы идем к нашим машинам на парковке. По спине ползет холодная змея уверенности, что это последний человек, которого мы оставили в живых в нашем путешествии к мести.

Милосердия больше нет.

Брайар

Черный и золотой, цвета экстравагантности, богатства и таинственности заметны повсюду. Это фирменные цвета школы, и они как нельзя подходят. Я брожу по коридорам с витиеватым убранством. Высокие арочные калейдоскопические окна, от которых у меня кружится голова и от того, как сквозь них пробивается ослепительный свет. Все вокруг кажется мне... дорогим.

Я вижу группы проходящих мимо меня девушек. Они держатся за руки и хихикают над чем-то забавным. Их каблуки синхронно цокают, волосы аккуратно заплетены в косы. Затерянные в своем собственном мире. Ада пищит в моем кармане, высунув голову наружу, и снова прячется, когда я уворачиваюсь от мяча, запущенного над моей головой, затем резко повернулась, чтобы увидеть парня, поймавшего мяч клюшкой для лакросса. Парень поднимает руки в знак торжества, а его друзья проходят мимо меня, задевая плечами, посмеиваясь и давая друг другу пять.

Другая девушка раздает флаеры для команды по дебатам, ее клетчатая юбка и жилет-свитер говорят о том, что она, вероятно, хочет сделать что-то важное в жизни. Я чувствую себя настолько не в своей тарелке, будто я просто тень в их жизни.

Ведь они не виноваты в том, что родились в богатстве, а я нет.

Эта волна понимания, осознания накрывает меня, когда я иду по этим извилистым коридорам, прохожу через арки и поднимаюсь по украшенной лестнице. У меня в ушах гудят наушники.

Никто здесь не знает меня.

Ни одна душа не в курсе, кто я.

Я пробираюсь сквозь одноклассников, уворачиваюсь и двигаюсь сквозь воссоединяющие объятия второкурсников. Меня почти не замечают, не потому что я странная, а потому что новенькая.

Я дохожу до комнаты в конце третьего этажа. Слева на двери золотые цифры — «сто двадцать семь». Я хватаюсь за дверную ручку, но тут кто-то похлопывает по моему плечу. Я выдергиваю наушник из левого уха, музыка все еще звучала в правом.

— Да? — спрашиваю я, глядя на высокую, симпатичную блондинку с супербелыми зубами. Под ее рукой зажат футбольный мяч, и она резво жует жвачку.

— Лиззи Фланниган, — протягивает она мне свободную руку.

Я пожимаю ее.

— Брайар, — я делаю паузу, не зная, почему мы представляемся по фамилии, — Лоуэлл.

Нервы бурлят в моем животе. Страх перед автоматическим отказом, который обычно сопровождает мою фамилию.

— Хммм, никогда раньше не слышала о Лоуэллах. В любом случае, Фланниган, как нефть Фланнигана. Да, мой отец владеет ею, довольно круто. Я просто хотела предупредить тебя, прежде чем ты войдешь во дворец жуков, — она кивает головой в сторону моей комнаты, при этом лопая пузырь.

С моих губ срывается вздох облегчения. Как я уже сказала, здесь меня не знают.

— Дворец жуков? — спрашиваю я, отвлекая внимание от себя.

В таком красивом месте есть проблема с клопами? Может, если бы они перестали так много платить газонокосильщикам за идеальные узоры, то могли бы нанять дезинсектора.

Бюджетирование на многое способно, знаете?

— Да. Жаль тебя, но ты живешь в комнате с Лирой Эббот. Супер странная цыпочка-гот с одержимостью мерзкими жуками. Если не хочешь там торчать, можешь потусоваться с нами в студенческой гостиной. Возможно, ты даже сможешь поменяться соседями, — она покачивается на каблуках взад-вперед.

У меня такое чувство, что Лиззи ведет себя так, потому что она а) не нашла причины для того, чтобы угрожать мне и б) не пронюхала о моей слабости.

Мне нравится самой выносить суждения о людях, и я бы хотела сделать это о своей соседке.

— Спасибо за предупреждение. Думаю, я справлюсь.

В Техасе есть гремучие змеи, думаю, я смогу справиться с некоторыми насекомыми. Я начинаю отворачиваться от нее, когда она снова заговаривает:

— В любом случае, — вздыхает она. — Я должна раздать это всем первокурсникам.

Она протягивает мне черную листовку:

— Это вечеринка в честь возвращения. В этом году ее проводит Джейсон Эллис, а это значит, что его родители уехали из города по делам, так что у нас есть все их поместье, чтобы побеситься.

Меня никогда раньше не приглашали на вечеринки, не говоря уже о том, чтобы на них ходить. Уверена, что в моей школе устраивали такие вечеринки, просто я никогда на них не являлась. Это похоже на шаг в правильном направлении.

Мне интересно, какими будут здешние вечеринки? Из того, что я слышала, богатые дети любят влезать в то, во что не следовало. Что-то вроде того, что у них есть все, что только можно пожелать, но им все равно нужно больше.

— Звучит круто. Спасибо за приглашение, — холодно говорю я.

— Ты местная? Или из тех больших монопольных семей на восточном побережье? Я никогда не видела тебя раньше, — она наклоняет голову, оглядывая меня с ног до головы. Рассматривает меня.

Вот оно, она пытается понять, являюсь ли я конкуренткой или просто еще одной странной девчонкой, о которой она может посплетничать со своими друзьями.

— Нет, — качаю я головой. — Я из Техаса.

— Ооо, южные деньги, да? Это круто.

Я открываю рот, желая поправить ее, не хочу, чтобы у нее сложилось ложное впечатление. Я не стыжусь того, что я бедная. Борьба за то, что у тебя есть, показывает силу. Мне не нужно ничего стесняться.

— Лиззи! Пойдем! — кричит кто-то из коридора,

— Меня зовут, увидимся завтра вечером? — предлагает она.

— Уфф, конечно, да, конечно, — запинаюсь я, слегка улыбаясь.

Наконец-то открыв дверь в комнату, я хочу только одного — упасть на пропахший нафталином матрас и накрыться грубым пледом, который купила в Уолмарт.

— Да, конечно, конечно... Что за гребаная идиотка, — передразниваю я себя, желая разбить голову о стену за то, что я такая неловкая.

Ада начинает шевелиться в кармане моей толстовки, что означает, что она готова устроиться в своей новой клетке. Томас перенес некоторые мои вещи внутрь еще до моего

приезда, решив, что так мне будет легче.

Две одинаковые односпальные кровати на противоположных сторонах комнаты, стол в конце для каждого из студентов. Я прохожу к столу, открываю клетку среднего размера, наполненную веревками, игрушками и мостиками, и запускаю внутрь Аду, чтобы она могла привыкнуть к новому жилищу.

Я не спеша рассматриваю убранство соседки. Теперь понимаю, почему это называют «дворцом жуков». Ее стены полны стеклянных коробок и плакатов с мертвыми жуками. В основном это жуки и бабочки, но уверена, что где-то здесь я заметила паука.

Я слышу, как спускается вода в унитазе, и, повернувшись, вижу, что дверь в ванную открывается. Выходит моя соседка по комнате в перемазанных грязью ярко-красных резиновых сапогах и вытирает руки бумажным полотенцем.

Мы не разговариваем, она принимает меня так же, как я ее. Ее вьющиеся каштановые волосы, которые она пытается спрятать под черной кожаной шляпой, выбивающаяся из-под нее прямая челка. Я замечаю овальное янтарное кольцо на ее указательном пальце, которое выглядит так, будто в нем закаменел какой-то жук.

— Он мертвый, — говорит она, поймав мой взгляд, шевелит пальцем, а затем указывает на те, что на стене: — Все они мертвы. Так что ты можешь не беспокоиться о том, что ночью по тебе что-то ползет.

То, как она это говорит, заставляет меня думать, что ей уже приходилось произносить эти слова раньше или она привыкла защищать свое хобби. Ей нравятся жуки, а я ворую вещи, кто я такая, чтобы судить?

— Они меня не беспокоят, — говорю я, сканируя комнату и слегка усмехаясь. — Я имею в виду, что пауки немного жутковаты, но это даже круто. Я никогда раньше не встречала никого, кто бы их коллекционировал.

С ее плеч спадает тяжесть, на лице появляется улыбка, и она протягивает ко мне свою недавно вымытую руку:

— Я Лира. Это называется энтомология. Изучение жуков, но сейчас я в основном лепидоптерист, только бабочки и мотыльки, за вычетом нескольких жуков.

Ах, только имена. Какое хорошее начало.

— Брайар. Завидую, у меня нет крутого хобби. У тебя есть причина для всего этого? Или тебе просто всегда нравились жуки? — с улыбкой отвечаю я на рукопожатие.

— У меня слабость к мертвым существам. Это долгая история, так что Брайар Лоуэлл, правильно? Я слышала, как ты разговаривала с Лиззи.

Она направляется к своей стороне комнаты, продолжая говорить:

— Принцесса нефтяной промышленности. Четырехлетняя чемпионка штата по футболу, окончила школу четвертой в нашем классе и случайно столкнула свою лучшую подругу в бассейн на выпускном балу, потому что на той было платье того же цвета, что и у нее. — При слове «случайно» она изображает пальцами кавычки.

— Значит, она негласный лидер в этих краях?

Я бросаю свои вещи на кровать, сажусь на пружинистый матрас. Я стараюсь не осуждать, но Лиззи вызвала во мне флюиды той девушки, с которой ты дружишь только потому, что не хочешь видеть в ней врага.

— Вот в чем фишка Пондероза Спрингс, — Лира повторяет мои движения на своей кровати, скидывая сапоги. — В других местах только одна Регина Джордж⁵. Здесь их много. У каждой части иерархии есть своя злыдня, у спортсменов — Лиззи. У ботаников — Эмили

Джеквилл, будущий аэрокосмический инженер. У помещанных на искусство есть Ясмин Поверли, дочь не одного, а двух арт-магнатов, и говорят, что у нее завитки, как у Пикассо. Или что бы это ни значило.

— Это место — мечта любого подростка, да? — саркастически шучу я.

Она фыркает:

— По сути.

— Так откуда ты все это знаешь? Ты местная?

Крутя кольцо на пальце и уставившись в потолок, она отвечает:

— Да. Я родилась и выросла в Пондероза Спрингс. Я не из безумно богатой семьи, так что для меня это означает, что я призрак. Надо мной никто не издевается, но и никто со мной не разговаривает. Я никому не приношу пользы, поэтому меня в это число не включили. Я просто как бы плаваю вокруг этого места, наблюдая за всеми остальными.

Она поворачивает голову и смотрит на меня.

— Все, что тебе нужно знать об этом месте и людях, которые здесь живут, я, наверное, уже знаю.

Я киваю:

— Я в курсе, каково это. Быть невидимкой — так проще, когда знаешь альтернативу. Дома у меня тоже было не так много друзей.

— Добро пожаловать в общество одиночек, Брайар Лоуэлл. Я президент, но есть вакансия вице-президента.

Я смеюсь и сажусь, скрестив ноги. Общество одиночек — партия из двух человек. Мне нравится, как это звучит. Иметь друга, быть частью чего-то. Я наклоняюсь и беру флаер, который дала мне Лиззи.

Касаясь пальцами плотной бумаги, я снова и снова читаю слова.

Когда я училась в средней школе, меня пригласили на День рождения с ночевкой. Ничего особенного, просто несколько девочек из моего класса английского языка. Я никогда раньше не была ни у кого в гостях и по глупости обрадовалась.

Короче говоря, мое веселье закончилось после маникюра-педикюра, когда моего отца поймали при попытке ограбить банк. Это разнеслось по всему городу за считанные секунды, и я быстро превратилась из Брайар, тихой девочки на английском в Брайар Лоуэлл, мусорку из трейлерного парка, чей отец ворует, чтобы выжить.

В тот вечер меня выгнали с вечеринки.

И я больше никогда не говорила об этом.

Но здесь все по-другому. Никто не узнает мою фамилию. Никто не знает, кто я. Я могу быть тем, кем хочу. Нет никаких ограничений. Мне больше не нужно быть криминальным вундеркиндом с запятнанной репутацией.

Мне больше не нужно быть аутсайдером. Скрываться, чтобы я могла красть вещи, потому что здесь все уже оплачено. Не беспокоиться о том, что мне отключат свет или у меня не будет еды на столе.

Я хочу такой жизни, в которой мне не нужно просто выживать.

Той, которой я могла бы наслаждаться.

И я знала, как ее начать.

Брайар

Ранее эта идея представлялась мне намного круче, чем сейчас. Весь вечер казался отличным планом: подготовка, дорога сюда, даже первые двадцать минут казались многообещающими.

— Не могу поверить, что позволила тебе притащить меня сюда, — смеется Лира, пряча лицо за своим красным стаканчиком, в котором осталось столько же, сколько было с тех пор, как мы приехали.

Мы стоим в отдалении на улице, наблюдая за людьми.

Когда я ехала сюда, то думала, что стану социальной бабочкой. Мы бы с Лирой поболтаем с девочками о занятиях или с мальчиками, которые покажутся нам симпатичными. Может, я даже заговорю с парнем, которому дам свой номер телефона.

Но это оказалось совсем не так.

— Ладно, может быть, — я издаю звук «уф», когда кто-то пьяно врзается в меня, бормоча извинения, прежде чем продолжить свой путь. — Может, это был не самый лучший план. В свою защиту скажу, что я не думала, что вечеринка будет такой!

Я смотрю на задний двор дома Джейсона, мы стоим на заднем дворике с кишащими людьми задним двором и бассейном. Это красивый бассейн, который вызывает во мне зависть пловца. Это единственный вид спорта, в котором я хороша, и даже в моей средней школе не было такого красивого бассейна.

Ну, если не считать телесных жидкостей и мусора в данный момент. Ди-джей гремит музыкой из множества динамиков по всему дому, и, боже, задний двор еще не слишком переполнен. Людьми кишит каждый квадратный дюйм этого особняка, они высыпаются из гостиной, кухни и даже из верхних спален.

Я наблюдаю сквозь дымку тумана и травки, как тела трутся друг о друга в такт ритму.

— Я говорила тебе, что студенты Пондероза Спрингс ненормальные. Все, что они делают, им приходится делать в десять раз жестче, чем обычным подросткам. Это из-за денег. У них появляется комплекс, что они неприкасаемые, — кричит Лира, перекрывая музыку.

Я практически притащила свою новую соседку в это место, твердя ей какую-то чушь о том, что тут мы попытаемся стать чем-то большим, чем призраки. Это первый курс колледжа, следующие четыре года должны стать лучшими в нашей жизни.

Я думала, что вечеринка — идеальный способ дать этому толчок.

Очевидно, у меня были правильные намерения, просто исполнение оказалось немного не таким.

— Я предлагаю уйти и заглянуть в закусную Тилли за жирными гамбургерами и картошкой фри, что скажешь? — предлагает Лира, видя, как нам обоим неловко.

Я еще раз оглядываюсь по сторонам: парочки, группы и многие другие с языками в горле друг у друга. Наблюдаю за хитрыми сделками с таблетками в маленьких пластиковых пакетиках. Мои легкие горят от переработанного воздуха, хотя мы на улице, и мне хочется быть где угодно, только не здесь и сейчас.

— Да, черт возьми... — начинаю я, но мой голос заглушается чьим-то именем.

Мы с Лирой обе переводим взгляд на крышу, где стоит парень, одетый лишь в костюм

Адама и шлем для лакросса.

— Боже милостивый... — бормочет Лира, прикрывая глаза, когда он что-то бессвязно выкрикивает и бросается с крыши в бассейн.

Окружающие теряют всякий остаток разума, кричат, смеются, полностью погружаясь в момент.

— Если я больше никогда не приду на такой праздник, это будет слишком рано, — бормочу я, Лира кивает головой в знак согласия. Бросает свой напиток через плечо. — Мне нужно быстро сходить в туалет, потом мы сможем уйти.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой? Я не знаю, доверяю ли я всем здесь, — кричит она, перекрывая хаос.

— Да! Так мы не потеряем друг друга.

Вместе мы пробираемся через двор к задней двери, мне в лицо ударяет жар, немного отталкивая. Внутри крошечная тьма, единственный источник света — серебристые стробоскопические лампочки, которые время от времени вспыхивают в комнате. Внутри тесно, люди теснятся невероятно близко друг к другу.

Как вообще кто-то может получать от этого удовольствие?

Я сжимаю влажной ладонью руку Лире, пока она, как может, пробирается через людей. Кажется, что мы пробиваемся через всех, пока кто-то не вклинивается между нами.

Моя рука выскользывает из ее, мой напиток проливается на рубашку, и, что еще хуже, темнота такая, что я едва могу разглядеть чье-либо лицо.

— Лира! — кричу я, прищурив глаза, пытаюсь разглядеть ее волнистые каштановые волосы и футболку с узором.

Мое дыхание учащается, во рту пересохло, и я облизываю губы, чтобы немного увлажнить их. Жаль, что у меня сейчас нет напитка, потому что мое горло похоже на Сахару. Я стараюсь сохранять спокойствие, не желая сходить с ума, и внезапно у меня появляется страх перед замкнутыми пространствами.

Мои ноги несут меня вперед, я замечаю входную дверь и предполагаю, что Лира тоже пойдет туда, если мы потеряем друг друга. Только сначала мне нужно пройти через кучу людей.

Музыка меняется, теперь это не бодрая хип-хоп песня со странным ремиксом, а пронзительный визг гитары в паре с неистовыми барабанами. Внезапный ледяной ветерок касается моего позвоночника, по коже пробегают нежелательные мурашки. Мои чувства обостряются. Кожу покалывает, дыхание становится глубже. Мои уши почти дергаются при каждом малейшем звуке.

Мне знакомо это ощущение. Меня учили замечать это, даже когда другие люди не чувствуют тонкого ощущения слезки, я ощущаю. Как вор, ты всегда должен доверять своему чутью, знать правильное время для удара так же важно, как и сам навык.

Поэтому я думаю, на самом деле знаю, что здесь кто-то наблюдает за мной. Быстро поворачиваюсь, проверяя, что происходит слева и справа от меня, все охвачены эйфорией, которую подарила им эта вечеринка.

Кто-то выдувает облако дыма мне в лицо, заставляя меня закашляться, я машу рукой, чтобы убрать его из поля зрения.

Я испуганно вздрагиваю, сердце уходит в пятки. В свете стробоскопа мелькают неясные очертания его лица. В одну секунду он там, а в следующую — темнота.

Он предстает передо мной по частям, как пазл.

Его широкие плечи обтягивает черная кожаная куртка, белая футболка плотно облегает грудь, натягиваясь на тугие мышцы. Идеальное тело пловца. Высокое, стройное, сужающееся к талии. Опустив одну руку вдоль тела, он подпирает ногой стену. Длинные ноги обтянуты темными потертыми джинсами — стандарт для парней из колледжа, за исключением висящей у него на поясе цепочки с бумажником, и это заставляет мои легкие пульсировать от адреналина.

От меня до него не менее двадцати человек, они окружают его с двух сторон, но он все равно выделяется. Я не двигаюсь, продолжая собирать его по кусочкам. Мой рот начинает наполняться слюной, руки сильно потеют, а в животе что-то клокочет.

Дым от его сигареты создает завесу тайны вокруг его лица, стробоскоп урывками освещает его. Я улавливаю выступающие вены на его властных руках, слишком большие пальцы, украшенные серебряными кольцами.

Бессознательно вздрагиваю: на костяшках его пальцев запеклись следы крови. Недавно он кому-то набил ими лицо, и я не знаю, возбуждает меня это или пугает. Он защищался? Или просто жестокий по натуре?

Мне очень интересно. Моя любопытная сущность хочет большего. Больше, чем то, что мне видно. Это было до тех пор, пока я не начала собирать воедино части его лица. Биение в моем животе замедляется, переползая между ног.

Я напрягаюсь, резко прикусив язык.

Суровый хмурый взгляд, украшающий его ангельское лицо, лишает меня воздуха. Как такой красивый человек может выглядеть таким жестоким, ума не приложу. Я всегда была хороша в математике, углах, точках и числах.

Все в нем безупречно пропорциональное. Симметричное, резкое и интенсивное.

Темные волосы цвета оникса. Темные глаза, похожие на кусочки лакрицы, достаточно сладкие, чтобы их съесть, и достаточно терпкие, чтобы вызвать тошноту. Это не тот случай, когда вы думаете, что кто-то смотрит на вас, но на самом деле он таращится куда-то в другое место.

Его взгляд не оставляет сомнений. Он смотрит на меня.

Но меня пугает оттенок его сердца. Такой ужасающий черный цвет окружает бьющийся у него в груди орган, бесконечно перерабатывающий кровь. Из-за этого я задумываюсь, если его разрезать, не будет ли его кровь багровой?

Низ живота дрожит от ужаса и желания. В его внешности чувствуется манящее меня притяжение. Но я ощущаю идущие от него флюиды, как брошенный в тихий пруд камень. Он наполнен шумом, анархией, олицетворением насилия, и это задевает во мне аккорд, который давно не вырывался.

Страх.

Горячий страх, который кипит в моем горле, разъедает кожу и вызывает внезапную потребность бежать, далеко, далеко от него.

В то время как мой мозг работает в режиме повышенной готовности, крича, что нужно уходить и уносить ноги.

Мое тело реагирует совершенно иначе. Оно отказывается покинуть его пристальный взгляд. Внешняя часть меня замирает. Но внутри все гудит. Чувство, ожившее между ног, усиливается, потому что в неприятностях есть что-то такое, что я всегда любила.

Когда свет стробоскопа на долю секунды меркнет, вновь осветив комнату, он уже не опирается на стену. Теперь он уже на несколько шагов ближе ко мне.

В одну секунду он там, в другую — нет, только чтобы снова появиться еще на дюйм ближе ко мне.

Он хищник, который ищет, чем бы поживиться. Что-то, во что он мог впиться зубами и разодрать на куски, разжигая свою потребность в охоте и утоляя голод.

Я обхватываю рукой запястье, впиваясь ногтями в мягкую плоть руки. Заставляю себя оставаться на месте. Мне нужно увидеть, что произойдет.

Что он будет делать.

Еще одна вспышка света, а затем я чувствую его в своем пространстве.

Он очень близко ко мне. Всасывает весь мой кислород. Оглядывает мое тело. Еще один шаг вперед, еще один дюйм, и я смогу прикоснуться к нему. Почувствовать его запах. Ощутить его присутствие в десятикратном размере.

Словно почувствовав это, он проводит языком по клыкам и опускает голову, напрягая челюсть. Его глаза манят меня, вызывая желание показать ему что-то... особенное.

Он знает, что я нервничаю. Готов к тому, что я повернусь и побегу. Думаю, какая-то его часть хочет догнать меня, хочет, чтобы я попыталась убежать, чтобы волк в нем мог выследить меня.

Темнота окутывает меня еще на секунду, я задерживаю дыхание, готовая столкнуться с последствиями своего решения. Готовясь к любым разрушениям, которые он хочет мне устроить, готовясь увидеть, как его лицо озарится чем-то вроде удивления от того, что я осталась на месте.

На миллисекунду я чувствую запах чего-то пряного и теплого. Чувствую его близость, даже слышу, как его дыхание опалает мое лицо.

Я закрываю глаза, теряясь в секундах перед его атакой.

— Брайар!

Голос Лиры пробивается сквозь дымку, и я открываю глаза, понимая, что таинственный мужчина исчез, растворился в толпе, не сказав ни слова.

— Эй, ты знаешь... — замолкаю я, зная, что Лира полна знаний о людях, которые здесь живут, но как мне объяснить, что это был за человек?

Высокий? Горячий? Когда он смотрит на тебя, тебе кажется, что он может съесть тебя живьем? Она решит, что я сошла с ума.

— Знаю кого? — кричит она, сводя в беспокойстве брови.

Я еще раз оглядываюсь вокруг себя, пытаюсь уловить хотя бы проблеск его кожаной куртки или серебряных колец.

И разочаровываюсь.

— Никто, это был никто. Пойдем, давай выбираться отсюда.

Алистер

— Ну, ты получил свою дозу, Алистер? Я не знал, что ты из тех, кто только наблюдает. Я все ждал, когда же ты набросишься, но ты подвел меня, приятель. Я был готов к шоу.

Я спускаюсь по ступенькам парадного входа, прикуривая сигарету. Дым обжигает мою грудь, уничтожая все хорошее, что там осталось.

— Не хватает действий, идеальный? Хочешь получить удовольствие, наблюдая за мной? Тебе стоит только попросить, Тэтч, и я тебе разрешу.

Он пристально смотрит на меня. Медленно поднимает средний палец, рубиновый

драгоценный камень с его фамильной печаткой отражается в ночи.

— Подвинься, сладкий, — я открываю водительскую дверь, саркастически улыбаясь.

— Это моя машина!

— А ты водишь ее так, будто старик с катарактой. А теперь подвинься, блядь.

Он скрежещет зубами, переваливаясь через среднюю консоль и перебираясь на пассажирское сиденье. Поправляет свой костюм-тройку. Я ненавижу эту машину. Ламборджини Хуракан один из лучших на рынке, в фирменном цвете Тэтчера. Темно-красном. Но даже я могу понять, что этой машиной нужно управлять правильно, и превышение скорости на десять километров — это не то.

— Пристегнись, дорогой. Не хочу, чтобы ты поранился.

Я чувствую на себе его пристальный взгляд, когда включаю передачу, агрессивно нажимаю на педаль газа, громко взвизгнув шинами.

— Сломаешь — купишь новую, — фыркает Тэтчер, когда мы выезжаем с подъездной дорожки и направляемся по адресу, который нам прислал Рук.

Правой рукой он держится за боковую ручку двери, это незаметно, большинство даже не увидит, как его и без того бледная рука становится еще бледнее, с силой хватаясь за ручку.

Вот только я знаю, что единственное, с чем Тэтчер не может смириться, — отсутствие контроля.

— Да? На какие деньги? Думаешь, я смогу выложить за это двести тысяч?

— Не скромничай, Алистер. Мы все знаем, что у тебя денег больше, чем у Бога. Одно из преимуществ того, что твоя фамилия известна всему городу.

Мои руки крепко сжимают руль. Мой внутренний зверь просыпается, он делает это всякий раз, когда заходит речь о деньгах моей семьи. И вообще о моей семье.

— Это не мои деньги. Это их деньги.

Тэтчер расслабляется в своем кресле, со вздохом кладет голову на подголовник.

— Как скажешь, Али. Как скажешь.

Поездка проходит быстро, эта машина с легкостью скользит по асфальту. Вскоре я поворачиваю машину на грязную подъездную дорожку. Старый шаткий почтовый ящик указывает на дом.

Я вижу огонь еще до того, как мы подъезжаем к дому, оранжевое зарево между деревьями трещит и разгорается.

— Я убью его, блядь, — со стоном произношу я, проводя рукой по волосам, от волнения у меня дрожат руки.

Машина останавливается после того, как мы паркуемся в нескольких футах от пылающего трейлера. Я быстро выпрыгиваю из машины, видя нависшего над коленопреклоненным телом Сайласа с деревянной бейсбольной битой в руках.

— Где ты, блядь, был? — приближаясь ко мне, шипит Рук, всем телом излучая гнев.

— Да, почему мы так долго добирались сюда, Али? Ты ни на кого не отвлекался? — хитро спрашивает Тэтчер. У него есть склонность задавать вопросы, на которые он уже знает ответы. Они подстегивают его чудовищное эго.

Я толкаю Рука в грудь, прежде чем он успевает подойти ко мне, и тычу в него пальцем:

— Я сказал тебе ждать. Я же говорил тебе, что в худшем случае ты можешь поджечь его, но не раньше, чем я приду сюда.

Анархист в нем отказывается отступить, не говоря уже о том, чтобы признать, что его поступок был безрассудным. Мне следовало бы лучше знать, чем позволить ему взять на себя

инициативу в этом деле. Рук так же непредсказуем, как ревущее пламя позади нас.

Я отвлекся. Это моя вина, что я не оказался здесь раньше.

Отвлечения делают тебя слабым. Делают глупым, а я не такой.

Сегодня вечером я позволил себе быть и тем, и другим.

Обычно я не люблю вечеринки. Сегодня я пошел, потому что нам нужно было присмотреть за Нейтом. Дождаться, пока он уйдет. До этого ходил только тогда, когда у нас был план устроить хаос, напугать людей, подраться с кем-то, сжечь что-то, испортить всем веселье. Я никогда не хожу на настоящую вечеринку. Однако эта вечеринка в Холлоу Хайтс оказалась... интересной.

Мне следовало сосредоточиться на поставленной задаче. Сейчас многое было поставлено на карту, но вместо этого я остановился, чтобы посмотреть на нее.

На ту, которая не отводила взгляд от моих глаз, даже когда мое присутствие начало ее пугать. Ее ангельское личико светилось в темноте, отражаясь от стробоскопов. Я не мог как следует ее разглядеть, не знал, то ли ее волосы каштановые, то ли это тот темный оттенок блонда, к которому я, казалось, питал слабость.

Не думаю, что это имеет значение.

Внутри нее было что-то более интересное, чем ее внешность. То, как она не убегала от меня. Она не позволяла своему страху одолеть ее. Нет, ей было любопытно. Она позволила своему любопытству победить и хотела увидеть, что я буду делать.

Мой член дернулся.

Интересно, как далеко она позволит мне зайти, прежде чем запросит о пощаде.

— Ты не босс мне, Колдуэлл. Если я хочу поджечь эту дыру, потому что считаю, что это лучший способ защитить нас, то я, блядь, так и сделаю.

— Осторожнее, Рук, — предупреждаю его я.

— Или что? Ты меня ударишь? — поднимает он бровь. — Давай, я уверен, что выдержу, — дразнит меня он.

Но это не спарринг в моем подвале, как обычно, где я выпускаю свой гнев, а ему нужна боль. Я прямо сейчас оторву ему яйца и полу их на полку в моей гребаной спальне.

— Дамы, у нас сейчас есть более насущные дела. Уберите свои члены, вы неадекватны по сравнению со мной, давайте пока сосредоточимся на том, чтобы не умереть или не попасть в тюрьму.

Тэтчер хлопает нас по плечам, протискивается между нами и идет к Сайласу. Он знает, что это не повод для беспокойства, потому что это все равно, что братья спорят из-за последнего куска пирога.

— Ты хотя бы замел следы? — спрашиваю я Рука, пока мы смотрим вслед Тэтчеру.

Он бросает на меня косой взгляд.

— Я не любитель. Сломал лампочку в духовке, включил ее на высокую температуру, прошло десять минут, прежде чем она взорвалась. Тем не менее, мы должны сделать это быстро, у него лаборатория в спальне, и я слышал, что мет легко воспламеняется.

Черт побери.

— Бей! — воет Тэтчер, как волк в полнолуние.

Сайлас выпрямляется, как будто он бьется за титул чемпиона мира. Отклонив деревянную битку назад, он бьет ею, качнув бедрами и верхней частью тела. Грохот, сопровождаемый звуком, похожим на хрустящий рис, электризует ночь.

Очевидно, Сайласу надоело просто наблюдать за всем нашим весельем.

По верам проносится заряд возбуждения, член снова дергается. Сегодняшний вечер полон вещей, которые, очевидно, заставляют меня двигаться.

— Кто он? И что мы знаем?

— Нейт Роббинс, самопровозглашенный Король конфет. Продает все, от травки до героина. Единственный человек в городе, у которого можно купить экстази с короной, — говорит Рук. — Хотя он ничего не говорит о том, от кого это получает. Это обычная реакция, остановись, не убивай меня.

Я смотрю на пылающий трейлер, вся левая сторона охвачена оранжевым огнем, быстро продвигающимся к задней части. Я не заинтересован в том, чтобы сгореть сегодня дотла. Так что нам нужно закругляться.

К счастью для нас, это уединенное место. На участке земли, окруженном высокими деревьями, в милях от всех остальных. Идеальное место для совершения убийства.

Завывает ветер, совы ухают в ветвях, и я чувствую запах приближающегося дождя. В воздухе витает запах приближающейся грозы.

Нейт едва сидит на коленях, и если Сайлас умен, а я знаю, что он умен, то первым делом отбил ему ноги. Грязь покрывает одежду Нейта, кровь капает с его лица, что говорит о глубоких ранах.

Я сомневаюсь, что он сможет выйти из этого состояния, если мы позволим ему прожить так долго.

Нейт хрипит от боли. Я знал, что его будет немного сложнее расколоть, чем доктора Говарда. Нейт преступник, он потеряет больше, если скажет правду.

— Я не скажу вам, придурки, ни хрена! — сплевывает он слюну и кровь на землю перед собой.

— Как героически, — ворчит Тэтчер.

У нас нет времени возиться с этим парнем, не то, что с Говардом. Время идет, и нам нужны ответы.

Хрустнув шейей, я хватаю Нейта за засаленные волосы. Сайлас хорошо поработал над ним, из открытых ран сочится кровь, и уже появились синяки.

— Тэтчер, дай мне свой нож. — Я протягиваю к нему руку, затем ощущаю на пальцах прохладный металл швейцарской армии.

Щелкаю, чтобы лезвие легко открылось, зацепляю его уже открытую рану, приподнимая кожу, разрывая связки и нервы. Это очень болезненно, и никогда бы я не хотел испытать этого на себе.

— Сукин сын!!! — плачет Нейт, я чувствую его теплые слезы на тыльной стороне моей руки, пока держу его за загривок. Каждая кость, по которой ударил Сайлас, вероятно, сломана или раздроблена. Они отдают болезненным ощущением при каждом его движении.

Я не могу представить, какую боль он испытывает.

— Я бы не стал снова лгать, Нейт. Расскажи мне об Экстази.

— Черт побери! Черт! ПОМОГИТЕ МНЕ! КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ! — воеет он ночи, как банши.

Закатив глаза, я еще сильнее оттягиваю кожу, приподнимаю и вдавливаю кончик лезвия в ткань под ней. Чувствую, как лезвие задевает его скулу, и начинаю возить взад-вперед.

— Кричи, как сраная киска, сколько хочешь, Нейт. Здесь тебя никто не услышит. Никто не спасет тебя от этого, — закипаю я.

— Блядь, хорошо! — стонет он, плачет, как маленький ребенок. Я его не виню. — Я

скажу, пожалуйста, я скажу!

Я шлепаю его по другой части лица:

— Самый умный ход, который ты когда-либо делал, Нейт.

— Я получаю свой товар от помощника учителя в Холлоу Хайтс. Зовут Крис. Это хороший продукт, единственный парень, который делает его в штате. Я просто, я... — Он замолкает.

— А-а-а, продолжай, Король конфеток, — добавляю я, покачивая ножом перед его лицом.

— Я просто помечаю его своим символом, ясно?! Чтобы люди думали, что это я делаю это дерьмо. Я встречаю парня на парковке Тилли по субботам, он водит белый Вольво. Это все, что я, блядь, знаю, клянусь.

— Помощник учителя? Ты, блядь, шутишь, — вздыхает Рук.

Я бросаю Нейта на землю, он ударяется об нее с глухим стуком. Окна внутри дома разлетаются вдребезги, слышимый взрыв отражается от стен. Огонь шипит и гогочет, предупреждая нас о своей ярости.

Я вскидываю руку, чтобы защитить лицо от волны жара. Нам нужно уходить. Сейчас же.

Оставить Нейта здесь, не боясь, что он заговорит или умрет, в любом случае теперь он не сможет нас тронуть. Нейт наркоторговец, а мы — четверо сыновей самых известных семей в этой гребаной дыре.

Я бегу к машине Тэтчера и быстро прокалываю ножом шины Нейта, тем самым усложняя ему путь к помощи.

— Неужели все в этом гребаном городе замешаны? Кто следующий, гребаные священники? — бормочет Рук и поворачивается ко мне, закинув сумку за спину и держа в руке шлем.

Я бросаю взгляд на Сайласа, он смотрит на пламя, которое с каждой секундой поднимается все выше и выше. Он погружен в свои мысли, и мне интересно, не видит ли он что-то еще, кроме пламени. Интересно, голоса это, или ему мерещатся люди, танцующие в огне.

Интересно, видит ли он ее?

В моих глазах вспыхивает красный цвет, и я понимаю, что не могу ничего сделать, кроме как смотреть на его боль. Не могу ему помочь, во всяком случае, пока. Но могу расправиться с теми, кто причастен к ее смерти. Я не в силах вернуть ее, но могу отомстить за нее.

Ради Сайласа.

Я перевожу взгляд на Рука:

— Если это так...

Извержение сотрясает землю, порыв горячего ветра обрушивается на всех нас. Нейт кричит, огонь, вероятно, распространился за пределы дома и подбирается к нему.

— Тогда мы будем смотреть, как весь город сторит из-за этой ошибки. Ради Роуз.

Брайар

— Так что давай, выкладывай. Расскажи мне, что мне нужно знать об этом месте. Где следует избегать тайных обществ, — спрашиваю я Лиру, когда мы начинаем ковыряться в нашем обеде.

Погода достаточно хорошая, чтобы есть на улице, солнца, конечно, нет, но и дождя тоже, а мне нужно отдохнуть от всей этой пыли в стенах здания.

Я накалываю на вилку помидор и отправляю его в рот, пока Лира начинает выковыривать косточки из черных вишен. Темный сок окрашивает ее пальцы. Сегодня была обязательная вводная часть для всех студентов. Занятия начинаются завтра, и не знаю, рада ли я или меня вот-вот стошнит на мои Чаксы.

Вводная часть была праздником дремоты. Преподаватель за преподавателем, затем декан, выражающий свою потребность в послушании и совершенстве. Учителя навязывали правила, которые были старше всех присутствующих в зале. Я почти не слушала, я не собиралась делать ничего скандального, что могло бы потребовать от меня знания законов и ответственности.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает Лира, подсовывая под себя один из своих массивных черных Док-мартенсов.

— Все, что угодно, — пожимаю плечами я. — В Кеннеди-Холл действительно водятся привидения?

Я поднимаю бровь с игривой ухмылкой.

Лира смеется.

— Кто знает? Рассказывают, что была девушка, которая спала с одним из профессоров английского языка, когда школа только открылась. Якобы он пытался порвать с ней, и она была так разбита, что спрыгнула с края одного из проемов колоннады. Ее тело нашли у подножия обрыва, застрявшее на одном из зубчатых камней. Ходят слухи, что если пройти по Кеннеди-Холл после полуночи, то можно услышать ее крики при падении.

Ветер развеивает мои волосы за плечами, в голове роятся мысли. Что такого в любви, что заставляет людей хотеть умереть, если они не могут ее получить? Когда-то я слышала, что это химическое вещество в мозгу, и начала думать, что мне не хватает биологии, чтобы испытывать такие чувства.

— Безумие, когда люди так сильно любят, не правда ли? — говорю я вслух.

Лира берет в рот вишню без косточки, тихо пережевывая:

— Это не любовь. Это одержимость. Две очень разные вещи.

— Да? Ты не думаешь, что это одно и то же?

— Нет, — качает головой она. — Любовь реальна. Осязаемая вещь, по которой можно провести пальцами, теплая и безопасная. Одержимость — это фантазии в твоей голове, снова и снова. Одержимость — это жить в кошмаре, но не хотеть проснуться.

Я прищуриваю глаза, подавляя улыбку. Ее лицо такое серьезное, она смотрит на свои пропитанные вишней кончики пальцев, как будто что-то смотрит на нее в ответ. Я знаю, что в шкафу моей соседки есть скелеты, они есть у всех.

Что-то, что заставляет тикать ее тайный механизм. Главный секрет, который мотивирует каждый шаг, и когда она будет готова, то расскажет мне. Но какая-то часть меня

думает, что это ключ к разгадке того, кем на самом деле является Лира Эббот.

— Ого, как глубоко, — саркастически бормочу я.

Она огрызается, услышав мой голос, и игриво пихает меня в плечо.

— Я серьезно. Между ними тонкая грань, но она все же есть.

Открыв свой сок, я смотрю налево, откуда исходят громкие звуки, и вижу небольшую группу парней, играющих в футбол. Мы выбрали один из столов, расположенный под деревом, вдали от оживленных мест, потому что, как мы поняли прошлой ночью, общение — это то, чему еще нам придется научиться.

Один из игроков прорывается сквозь остальных, пытающихся добраться до него, и пересекает их согласованную линию для тачдауна. Он поднимает руки над головой, его светлые волосы падают на лоб. Этот парень создан для привлечения внимания.

Его белая рубашка с длинными рукавами оставляет мало места для воображения, ее прозрачный материал позволяет увидеть рельефные мышцы торса, которые сокращаются, когда он смеется и радуется вместе со своими друзьями.

— Истон Синклер, — шепчет Лира. — Сын Дина Синклера. Один из самых любимых сыновей в Пондероза Спрингс. Спортсмен, президент студенческого совета, волонтер в местном приюте для животных. Идеальный человек, если таковой вообще существует.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, испытывая проблемы с тем, чтобы не смотреть на него. Вы не можете винить меня, но у нас дома не было таких парней. Таких, которые выглядят, как модели Аберкромби.

Словно ощущая, что мой взгляд прожигает дыры в его голове, он поворачивается в мою сторону и, хмуря красивое лицо, ищет смотрящие на него глаза.

Я быстро поворачиваюсь обратно к Лире, лицо пылает ярко-красным.

— Да, — хихикает Лира. — Он, как правило, так действует на девушек. Давай посмотрим, кто еще... О! Скотти Кэмпбелл.

Она показывает направо.

— Его родители владеют кучей сталелитейных заводов, и он вылил на меня весь свой поднос с едой в первый день в пятом классе. Потом упал с целого лестничного пролета в школе на следующий день, после этого я начала верить в карму.

Парень высокий, долговязый и похож на человека, который задирает других людей, пока не появится кто-то покрупнее.

Не в силах побороть свое любопытство, я снова поворачиваю голову к Истону ровно настолько, чтобы мельком увидеть симпатичную брюнетку, обнимающую его за плечи и целующую его в губы.

— А что насчет нее? — спрашиваю я, слегка завидуя тому, как клетчатая юбка облегает ее фигуру. Милый кардиган на плечах, а повязка на голове сдерживает разлетающиеся волосы. Уверенная, элегантная и сногшибательная.

Все то, чем я не являюсь.

— Мэри Тургид, родители — владельцы сети магазинов. Одна из самых конкурентоспособных в академическом плане в нашем классе. Двойная специализация, цель — стать адвокатом защиты в одной из крупнейших юридических фирм Америки. Целеустремленная, красивая и мастер убивать людей добротой.

Да, определенно полная противоположность мне. Хотя они симпатичная пара. Молодой Джон Ф. Кеннеди и Джеки О.

Интересно, каково это — быть такой девушкой? Мисс Американа, которую все любят,

которая цветет в центре внимания. Я пробыла здесь всего неделю и уже думала о том, кем мне никогда не стать.

Даже если Холлоу Хайтс был туманным и немного загадочным. В нем было то, чего никогда не было в Техасе.

Надежда на лучшую жизнь.

Холодный порыв ветра с силой переворачивает страницы книги Леры, он завывает между деревьями, заставляя их стонать и раскачиваться. Некогда безмолвное небо раскалывается от раскатов грома. Предупреждение о надвигающейся буре. Вот и наш обед на улице.

Я начинаю собирать свои вещи, не желая попасть под этот ливень, когда слышу, как Лира глубоко вдыхает, как будто кто-то ударил ее прямо в живот.

— Почему они здесь? — хрипит она, ее голос дрожит от страха. Она прижимает книгу к груди, словно та должна ее защитить.

Я быстро оглядываюсь вокруг, замечая ропот и шепот, распространяющийся по площади. Все либо переглядываются, либо смотрят в одном направлении. Я чувствую, как меняется настроение в воздухе, как будто темная сила только что охватила всех.

— Кто? Что происходит? — хмурюсь я, глядя в сторону главного зала.

Дверь открывается, и оттуда выходит полицейский. Уже облава на наркотики? Почему все так напуганы?

В ответ в дверной проем входит высокая фигура, от которой у меня по позвоночнику пробегает вспышка чего-то очень похожего на страх. Дневной свет одного за другим освещает появляющихся за ней парней, их руки в наручниках за спиной. Они на расстоянии всего двадцати футов от меня.

Даже при том, что они скованы металлическими браслетами, истерика, охватившая всех студентов вокруг меня, говорит о том, что наручники мало сдерживают силу, которую они излучают.

— Ублюдки Холлоу Хайтс.

Это произносится как молитва сатанинского культа. Я наполовину жду, что земля начнет дрожать, а адский огонь прольется вниз под тяжестью ее тона. По какой-то причине очевидно, что эти парни не в первый раз совершают нечто подобное.

Люди боятся их не просто так.

Всего их четверо.

И трудно отрицать, насколько они привлекательны. Достаточно красивы, чтобы притянуть вас к себе, но окружающая их аура заставляет вас сделать шаг назад. Несколько шагов назад.

Они выходят один за другим, словно демоническое господство в идеальном соответствии. Они настолько разные, но выглядят как самое удачное сочетание. Как ножи и кровь.

Рядом кто-то громко цокает языком.

— Нельзя было начать год без какого-то хаоса, да, парни? — громко кричит он.

Студенты физически вздрагивают, волосы у меня на затылке встают дыбом, болезненно осознавая беспокойство, пробегающее по моему телу. Я горжусь тем, что ничего не боюсь, но в страхе есть что-то заразное. Как только он овладевает одним человеком, это передается окружающим.

Первый стоит, расправив плечи, с волчьей ухмылкой, а в его красных губах, как

предупреждение, зажата спичка. Каждый раз, когда его рот двигается, он перекачивает ее на другую сторону.

— Это спичка? — насмешливо спрашиваю я.

Лира кивает.

— Его зовут Рук. Рук Ван Дорен. Сын окружного прокурора. Он самый.. коммуникабельный из четверых. Можно подумать, что черты соседского парня делают его самым милым. Но спичка здесь неспроста, — бормочет она, словно рассказывает мне жуткую историю у костра. — Люди шутят, что спичка там, чтобы зажечь его короткий запал. В прошлом году он сжег самую старую иву в городе. Без всякой причины. Просто сделал это, потому что ему нравится смотреть, как горят вещи. Каждый пожар, каждое преступление с поджогом, все знают, что это он. Но это только то, что я слышала.

Мне хочется закатить глаза. Сказать ей, что она драматизирует, что это глупо. Но чувствую, какой он дикий, это видно по его глазам. Они вспыхивают и искрятся, как лесной пожар, готовый уничтожить все на своем пути.

— Я полагаю, это прекрасное начало. — Голос человека, стоящего позади Рука, отдается эхом, как крики в пустой пещере.

Он отдается у меня в груди, а льдисто-голубые глаза этого парня жалят всех перед ним, включая меня. Это самые голубые глаза, которые я когда-либо видела у человека. Он самый высокий и худой среди своих собратьев, но, на мой взгляд, самый устрашающий.

Фарфоровая кожа, безусловно сочетающаяся с его угольно-черным пиджаком, отглаженной черной водолазкой и клетчатыми брюками, мне завидно, как хорошо он одет. Все в нем говорит о том, что он заботится о своем внешнем виде. Следит за тем, чтобы каждый его светлый волос был на своем месте.

— Тэтчер Пирсон. Олицетворение смерти в одном идеально созданном человеке. — говорит с придыханием Лира, совсем так, как когда любуется одним из своих мертвых жуков. С волнением. — Способном задушить тебя голыми руками и не чувствующем ничего в своем холодном, темном сердце. Он не способен на эмоции. Вот почему считается, что яблоко от яблони недалеко падает. Его отец был единственным и неповторимым серийным убийцей Пондероза Спрингс.

— Ты, блядь, шутишь. Серийный убийца? — шиплю я. А я-то думала, что это у меня долбанутые родители. Отец-псих победил родителей-грабителей. — Ты...

Не могу поверить, что спрашиваю об этом.

— Как ты думаешь, он похож на своего отца? Он, знаешь, убивает людей? — шепчу я, потому что будь я проклята, если он меня услышит.

Лира только пожимает плечами, наблюдая, как он идет к полицейским машинам.

— Я не знаю, и это не та теория, которую многие проверяли. Так что до тех пор никто не узнает. — Она не сводит с него глаз, даже когда я спрашиваю ее о других.

— Эм, Сайлас Хоторн, — кивает она. — Наследник технологической империи. В двенадцать лет ему поставили диагноз «шизофрения». Конечно, его родители пытались скрыть это, но в Пондероза Спрингс нет ничего, что осталось бы незаметным. Во всяком случае, не навсегда. Он всегда мало разговаривал, но теперь, после Розмари, он практически немой.

Я обвожу взглядом золотистую кожу. Внешний облик, созданный для солнечного света, таит в себе эоны тьмы. Красивые золотисто-карие глаза, которые должны нести тепло, но у меня чувство, что в них живут только демоны.

— Розмари? — спрашиваю я, чувствуя себя так, будто меня посвящают в местные дела банды или какого-то клуба убийц.

Она кивает, заслоняя меня, желая, чтобы я говорила тише.

— Розмари Донахью, дочь мэра. Я не уверена, что именно произошло, но все говорят, что у нее была передозировка. Сайлас был ее парнем. Они были вместе, кажется, со средней школы. Именно он нашел ее тело. Они все нашли.

Это имело смысл. Я видела таящийся в нем гнев. Причину, по которой тьма накатывала на него волнами. Потеря любимого человека превратила его в нечто совершенно иное.

У меня было так много вопросов. Так много чувств. У меня не было достаточно времени, чтобы привести в порядок свои мысли.

Именно тогда облака заплакали тяжелыми, влажными слезами, упавшими на мою тонкую серую матерчатую куртку. Скоро она промокнет. Дешевый материал плохо отталкивает воду.

Нам нужно попасть внутрь до того, как дождь разразится в полную силу, но я остаюсь сидеть на своем месте. Потому что по мощным ступеням спускается последний из четверки, и не думаю, что он нуждается в представлении.

Я его узнала.

Я бы запомнила эти глаза где угодно.

Другие ребята были одеты строго, в дизайнерскую одежду, носили свое богатство как знак гордости. Но он одет в поношенную кожаную куртку, обтягивающую его мощные плечи. Под ней серый «хенли» и простые джинсы.

То же чувство, которое я испытала прошлой ночью, скользнуло по моим ногам: в темноте он был манящим, но при свете дня выглядит так поразительно, что у меня перехватывает дыхание.

— Это Алистер Колдуэлл. Они никогда не говорят об этом вслух, но все знают, что именно он вершит судьбы. Его семья владеет половиной города, один из его прадедушек основал Пондероза Спрингс. Он дерется в «Кладбище» каждые выходные и никогда не проигрывает. Сомневаюсь, что кто-то хоть раз смог его ударить.

Алистер.

Так вот как зовут загадочного парня, которого я видела на вечеринке.

Мое дыхание вырывается заметными клубами, цепочка на его талии, кольца на пальцах. Все это так хорошо подходит к образу разгневанного парня. Разгневанного бога. На его лице не отражается ни одной эмоции, кроме ярости.

Я чувствую это даже отсюда.

— Сыновья мучительно богатых. Худший кошмар Пондерозы Спрингс. Они — Черная Смерть этого города. Не потому, что популярны, а потому, что у них есть сила пугать людей. Легенды. Они претенциозные и им принадлежит все до последней капли. Я просто... я не знаю, почему они здесь, — говорит в замешательстве Лира.

Они этим наслаждаются. Каждый из них. Вызывая ужас и вопросы. Студенты жутко заинтригованы тем, что же такого случилось, что пришлось вывести их всех в наручниках. Им нравится этот страх. Как голодные монстры, и это идеальная еда.

— Они живут здесь, почему бы им не приехать в Холлоу Хайтс? — Я каким-то образом обрела голос, чтобы задать еще один вопрос.

— Они ненавидят это место. Все они. Они должны были уехать после выпускного класса. Я думала... Не знаю. Они просто не должны были быть здесь.

Ветер щиплет мою обнаженную кожу, на ладонях выступает пот, и я с трудом дышу. Дождь льет все сильнее, а мы сидим и смотрим, как их запихивают на заднее сиденье черного внедорожника.

Адреналин, который я почувствовала рядом Алистером, мог бы дать фору любому преступлению, которое я когда-либо совершала. Мое сердце бешено колотится в грудной клетке. Когда полицейские усаживают Алистера в машину, его темные глаза пронзают меня насквозь.

Я знаю, что он меня видит. Так же, как и на вечеринке.

Уголок его губ дергается, и я перестаю дышать. Помедлив, он подмигивает, затем дверь полностью закрывается, и машины направляются в полицейский участок.

В тот день меня преследует темное облако, даже после того, как я сбрасываю мокрую одежду и встаю под теплый душ. Я стою и чувствую, что Алистер еще не закончил со мной.

Алистер

В течение моей жизни было много такого, чего я никогда не испытывал. То, что никак не повлияет на меня, если я когда-нибудь все же это испытаю.

Такие тривиальные вещи как покой, комфорт, любовь.

Понимаете, ребенку они необходимы, чтобы расти. Это жизненно важно для его дальнейшего формирования личности. Однако я уже давно смирился с тем, что то, что мое взросление не было чем-то нежным и сладким.

Меня воспитывали не в доброте и радости. С того момента, как я появился на свет, мне ясно дали понять, какова моя роль в семье.

Ничего, кроме запасного варианта. Резервная копия.

Если только со старшим братом что-нибудь не случится, я буду лишь пустой тратой отличного мебельного пространства.

Но было одно знакомое мне чувство. Не благодаря моей кровной семье. Не потому, что отец научил меня этому или мать показала мне в детстве.

Это я чувствовал в своих костях, оно проносилось по моим венам. То, чему я научился в результате многолетнего опыта. Это было единственное, в чем я был уверен.

Преданность.

Уверенность, что кто-то прикрывает мою спину так же, как я прикрываю их. Что если потребуется, ради них я всегда брошусь под автобус.

И именно поэтому я понял, что этот придурок со значком пиздит.

— Завязывай, Алистер. Твои дружки уже все рассказали, свалив все на тебя. Ты же не хочешь сесть за покушение на убийство и поджог, сынок?

У меня подергивается верхняя губа, мне приходится физически проглотить желание встать и разбить ему лицо об этот разделяющий нас металлический стол. Однако я не двигаюсь, держа руки в наручниках на коленях.

Я впечатлен своим самообладанием.

— Да? Скажи мне, *papa*, что я натворил? Ты расскажешь мне, как я это сделал? А? — хмыкаю я, не обращая внимания на его игры.

Его гложет раздражение. Он, вероятно, получил такое же дерьмо от Рука и Тэтчера, а Сайлас... сомневаюсь, что он вообще проронил хоть слово с тех пор, как они притащили нас в полицейский участок.

Они ничего от нас не добьются и скоро поймут, насколько бессмысленным было вообще привозить нас сюда.

— Я не твой папа, мальчик. Если бы я был им, ты бы отправился в военное училище быстрее, чем успел бы открыть свой рот. — Меня беспокоит его южный акцент, очевидно, что он переехал сюда позже, потому что местные жители не говорят, как деревенские провинциалы.

— И я не твой сынок и не твой мальчик, ты, инбредная деревенщина. И я больше ничего не скажу, так что ты зря тратишь время.

Я бесстрастно кладу ноги на стол, грязь с подошв моих ботинок падает на столешницу. Затем закидываю руки за голову и, откинувшись назад, закрываю глаза. Никогда еще я не был так спокоен.

Мы не голодные псы, готовые разорвать друг друга на куски, как только наша преданность подвергнется испытанию. Годами мы прикрывали друг друга, нам даже не нужно знать подробности того, что сделал кто-то из нас, и все же мы могли лгать так безупречно, что никогда бы никого не заподозрили.

Неужели они думают, что мы друг на друга сдадим? Поместили нас в разных комнатах? Уменьшили термостат? Надели на нас наручники и оставили здесь на час, прежде чем войти? Решили напугать нас, чтобы мы сдали друг друга?

Мы не гребаные собаки.

Мы волки. Бешеные, одичавшие, яростно преданные своей стае и только своей.

— Ты думаешь, это шутка? Это серьезные обвинения, тебе грозят годы тюрьмы. Ты думаешь, что этот образ крутого парня сработает в тюрьме штата? — он повышает голос, я слышу, как его кулак громко ударяет по столу, но не решаюсь открыть глаза.

— Если бы у вас были хоть какие-то доказательства, я бы и правда еще как-то среагировал. А пока я немного вздремну, ты не против? — я приоткрываю один глаз и киваю в сторону выключателя.

В комнате раздается скрип его стула, ко мне приближаются тяжелые шаги, я чувствую, как в мою кожаную куртку впиваются пальцы, привлекая меня к его лицу. Чувствую запах его утреннего кофе и дешевого лосьона после бритья.

— Я тебя за это прищучу, маленький урод. Даже если это будет последнее, что я сделаю, я сам брошу твою задницу в тюрьму, — шипит он.

Я скрежещу зубами, открываю глаза и уверен, что в них нет ничего, кроме чистого зла. Красные пузырьки начинают проникать в мои радужки, комната вращается быстрыми кругами, коп, в имени которого я даже не уверен, становится лишь черным силуэтом.

Чем-то, что я должен уничтожить. Я не могу остановить дрожь в руках и то, как они взлетают вверх, даже скованные наручниками, ударяясь о его предплечья. Коп тут же от меня отстраняется.

— Еще раз поднимешь на меня руку, и я засуну свой кулак так глубоко тебе в задницу, что ты оближешь мои гребаные костяшки.

Я встаю, возвышаясь над ним, может быть, на дюйм. Я смотрю на него сверху вниз и думаю, был бы он таким смелым, будь я не в наручниках, а он без гребаного пистолета. Сомневаюсь.

— Да, большой мальчик? Сделай это. Дай мне повод бросить тебя в тюрьму, — ухмыляется он, весь такой наглый, как будто я не собираюсь разбить ему лицо.

Моя сдержанность — не то, чем я могу похвастаться, и единственное, что спасает его соскребания с пола собственной челюсти, — это дверь комнаты для допросов, которая с грохотом распаивается.

— А вот и твой рыцарь в сияющих доспехах здесь! — поет Рук, вальсируя в комнату.

Офицер-мудак отступает от меня на шаг:

— Ты не можешь здесь находиться, это текущий допрос.

— Ну, видишь ли, дело в том, — начинает Рук, но не успевает закончить, потому что я слышу в коридоре позади него его отца.

— Кто-нибудь может объяснить мне, почему моего сына арестовали из-за слов какого-то наркоторговца?! — кричит он, и я понимаю, что офицер рядом со мной осознает, что облажался.

Отец Рука, Теодор, был не из тех врагов, к которым можно было легкомысленно

относиться. Его отец когда-то был судьей, и Теодор всего за несколько лет прошел путь от окружного прокурора Пондероза Спрингс до вашей чести. Как и его отец до него, он постепенно становился худшим кошмаром собственного сына. Но позволить ему сесть в тюрьму он не мог. Это слишком сильно запятнало бы его имя.

Я смотрю на Рука, на моем лице проступает что-то похожее на понимание того, с чем, как я знаю, ему придется столкнуться сегодня вечером. Если кто и заслуживает того, чтобы покинуть это место, так это он. Если кому и нужно было уехать подальше от своей токсичной семьи, так это Руку.

Он качает головой, молча говоря мне, чтобы я не брал это в голову.

Я поднимаю руки, встряхивая наручники. Офицера заживо съедает мысль о том, что он должен меня отпустить. Он весь дрожит, пока вставляет ключ в замок, освобождая мои руки от металлических браслетов.

Я не даю ему ни минуты времени, у меня и так слишком много работы. Разбираться с дерьмом этого засранца — не то, что я хочу добавить к списку необходимых дел.

Идя к выходу вслед за Руком, я слышу, как он снова открывает рот.

— Колдуэлл, — говорит он.

Я поворачиваю голову, чтобы дать ему понять, что я слушаю.

— Каково это — знать, что твои родители — единственные, кто не взял трубку? Они заняты? Разве они не навещают Дориана в Бостоне, он выиграл еще одну награду?

Я ненавижу звук его имени.

Дориан.

Причина, по которой я стал таким. Причина, по которой я вообще родился в своей поганой семье. Думаю, я единственный человек в мире, который ненавидит Дориана Колдуэлла.

Однако меня уже давно перестало волновать то, чем они занимаются, и мне не нужно знать, что они делают со своим любимым золотым ребенком.

Все в этом городе знают, что я — его тень. Я вижу, как они шепчутся и бормочут об этом, когда вхожу в переполненные комнаты. Я всего лишь дешевая замена, у которой не было ни единого шанса.

Я знаю, что офицер пытается залезть мне под кожу, пытается вывести меня из себя, но не реагирую. Это того не стоит, и они тоже.

Вместо того чтобы что-то предпринять, я просто выхожу из полицейского участка. Сайлас сидит на скамейке, ожидая нас, и встает, как только мы оказываемся в поле его зрения.

Нам нужно поговорить об этом, но не здесь и не сейчас.

Тэтчер выходит из одной из комнат для допросов, отец Рука не отстает от него. Его пальто перекинуто через плечо, на лице улыбка.

Когда мы выходим на улицу, дождя, к счастью, уже нет. Рук прикуривает сигарету, но его отец тут же выхватывает ее у него изо рта и бросает на землю.

— Арестован? В первый день школы, Рук? Сколько еще будет продолжаться это восстание? Еще год, два? Потому что я уже устал прикрывать твою задницу! Тебе не кажется, что ты уже достаточно натерпелся от этой семьи?

Теодор немного повышает голос, в конце концов, он на публике. Покачав головой и принужденно улыбнувшись, он заканчивает:

— Знаешь что, мы можем поговорить об этом сегодня вечером.

Я сжимаю кулак, это не первый раз, когда я хочу врезать мистеру Ван Дорену по крысиной физиономии. И я не в первый раз это предлагаю.

Но по какой-то причине, которую за годы нашей дружбы мы так и не выяснили, Рук не позволяет нам и пальцем тронуть его отца. Даже после всего, через что он заставил его пройти.

Хотя у меня на это свое мнение. Я знаю, что Руку нравится, когда ему причиняют боль. Когда он звонит мне в полночь и просит сделать ему больно. Рук говорит, что это для снятия напряжения. Я знаю больше.

Знаю, что он считает это наказанием за что-то, что он сделал в своей жизни, за что-то, что когда-то причинило боль его отцу, но я не знаю, что именно.

Отец Рука спускается по ступенькам участка и, сердито расправив плечи, идет к своему Кадиллаку.

— Мне нужно наверстать всю работу, которую я оставил из-за того, что мой сын — бесцеремонный кусок дерьма, но я ожидаю, что ты будешь дома, когда я приеду, это ясно, Рук?

Он только кивает, даже не глядя ему в глаза.

— А вы трое, — Теодор поворачивается, указывая пальцем на нас. — Я очень близок к тому, чтобы позволить вам всем сгнить в тюрьме, Рук не должен был с вами дружить. Все, что он когда-либо делал, это из-за вас троих.

Он обвиняет, как будто судит нас за развращение его милого, невинного Рука.

— Ужасно ханжески с твоей стороны, Теодор, — отвечает Тэтчер, глядя ему в глаза.

Нам не нужно говорить вслух, что мы знаем об отношениях Рука и его отца. Он в курсе, что мы прекрасно осведомлены о том, что происходит, когда он выходит из себя.

Больше мы ничем не обмениваемся, пока его машина не выезжает со стоянки.

Я поворачиваюсь к Руку, закидываю руку ему на плечо:

— Мы уже можем его убить?

— Я поддерживаю это и говорю от имени немого, он тоже поддерживает, — добавляет Тэтчер.

Рук качает головой, глядя в серое небо, как будто в этих облаках есть какое-то послание для него.

— Нет. Смерть — это для него награда. Я хочу, чтобы он страдал. Так же, как и я.

Брайар

С самого детства я всегда хорошо разбиралась в цифрах. Возможно, это связано с тем, что в детстве отец учил меня считать карты, но я все равно предпочитала цифры всему остальному.

Два плюс два всегда будет четыре.

В математике все имеет фиксированное решение, конечно, есть разные способы получить ответ, но чаще всего вы следуете заданной формуле, и каждый раз получается одно и то же решение.

Математика проще, чем такие вещи, как английский язык или люди. И то, и другое слишком сложно, они могут иметь множество ответов, восемнадцать тысяч различных вариантов того, как разложить стихотворение или понять, что кто-то имеет в виду, когда говорит: «Я в порядке».

В мире, где все имеет слишком много вероятностей, я предпочитаю числа. Всегда.

Я вожусь с лежащей передо мной чистой тетрадью, постукивая концом ручки по белым листам, готовая к тому, что урок уже начнется. Все остальные вокруг меня общаются, занимая свои места в лекционном зале. Я выбрала место сзади слева, потому что ненавижу ощущение, что кто-то говорит обо мне за моей спиной.

А еще, признаться, мне нравится наблюдать за людьми.

Заставив себя занять место, я достаю из сумки новенький MacBook в благоговении от того, что у меня вообще есть такой. Томас купил его мне в подарок, я почти отказалась принять его, но знала, что он понадобится мне для курсов, которые я посещаю.

— Брайар, верно?

Я поворачиваюсь направо и неосознанно вздрагиваю, прежде чем встретиться со взглядом нежно-голубых глаз.

Я тут же хмурюсь, потому что не уверена, что он делает, разговаривая со мной, или откуда знает мое имя.

— Я Истон, Лиззи упоминала, что ты недавно в городе, — он протягивает руку, чтобы пожать мою, как будто это какая-то официальная деловая конференция. Улыбка, с которой он тут возник, не уменьшилась ни на дюйм.

Я робко отвечаю на этот жест, беру его теплую руку в свою и слежу за его движениями. Сегодня утром я приняла душ, но что-то в прикосновении к нему заставляет меня чувствовать себя грязной. Он выглядит таким чистым, таким уравновешенным и идеально собранным, что рядом с ним я чувствую себя как в канализации. Я волнуюсь, что посмотрю вниз и увижу на его незапятнанной ладони грязь от моих пальцев.

— Эм, приятно познакомиться? — от того, как нервно я произношу эту фразу, она звучит скорее, как вопрос, а не как утверждение.

Истон непринужденно смеется, его белокурые локоны колыхнутся от движения, мощная грудь слегка дрожит.

— Мой отец убил бы меня, если бы я не оказал официального приветствия не местному. Он уже несколько лет пытается привлечь сюда студентов из других штатов. Ты специализируешься на математике?

Разговаривать с людьми — это умение, которым он овладел с годами. Это видно. По

тому, как он держит себя. Уверенность в плечах и естественная энергия, которую он излучает, делают его легким в общении. Я просто не понимаю, почему он решил поговорить со мной. Учитывая, что по сравнению с ним я, несомненно, нахожусь в самом низу метафорической пищевой цепочки.

— Вообще-то, статистика.

— Умная и красивая. Неплохое сочетание. — Его улыбка становится более кокетливой. Могу поклясться, что Лира говорила, что у него есть девушка.

Может, она ошиблась?

— Вряд ли, — усмехаюсь я, и напряжение в моих суставах немного ослабевает. — А что насчет тебя? Ты изучаешь математику?

— Информатику. — Он шевелит пальцами, как будто печатает. — Я неплохо владею своими пальцами.

Я знаю, что он говорит о своих пальцах на клавиатуре, но не могу сдержать клубничный румянец, который начинает разгораться на моих щеках. Даже от мысли о том, что он в очках, в белой рубашке с закатанными рукавами, печатает на компьютере, и сияние экрана освещает тонкие черты его лица.

Этого достаточно, чтобы заставить любую девушку покраснеть.

Я замечаю, что место рядом со мной в этот момент пусто, и, пожевав внутреннюю сторону щеки, решаю, какого черта? Худшее, что он может сказать, это «нет».

Я указываю на стул рядом со мной:

— Не хочешь ли ты занять это место...

— Истон! Малыш, я заняла нам впереди! — по комнате эхом разносится сладкий, приятный голос, и мы оба смотрим туда, откуда он послышался.

Молли? Нет, Мэри!

Это его девушка, предупреждаю я себя. Помня, что Лира посоветовала мне не наживать в ее лице врага, даже если она выглядит безобидно со своим гардеробом в духе Блэр Уолдорф⁶.

— Тебе, наверное, стоит занять свое место. Думаю, скоро начнется, — спешу закончить я, не желая конфликта между ним и ней. Мне не нужно быть посреди ИТ-пары. Это не входит в мой список дел.

— Да, было приятно с тобой познакомиться, — он выхватывает ручку из моих рук, притягивает к себе мой открытый блокнот и быстро что-то записывает. — Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится или захочешь пойти в библиотеку позаниматься.

Он просто милый, Брайар.

Парням разрешается иметь друзей-девушек. Он просто вежлив, не думай об этом слишком много. Его девушка, вероятно, не против.

— Спасибо, обязательно.

Я забираю у него свои вещи, кладу их обратно, пока он идет вперед и садится на свое место рядом с Мэри. Я предполагаю, что она спрашивает обо мне, потому что ее глаза быстро переходят на меня, прежде чем она начинает шептать что-то ему на ухо.

Истон быстро целует ее в щеку, что отвечает на все заданные ею вопросы, потому что она улыбается и садится на свое место рядом с ним.

У меня не так много времени, чтобы подумать об этом, потому что входит наш профессор, его голос звучит громко и управляет комнатой. Следом за ним входит парень помоложе, который занимает место в углу аудитории за своим собственным столом.

— Добро пожаловать на прикладную математику. Я профессор Шеридан, а это мой ассистент, мистер Кроуфорд. Предполагая, что все здесь присутствующие изучают какую-либо область, связанную с математикой, можно с уверенностью сказать, что это будет очень простой для вас курс. Есть вопросы, прежде чем мы начнем? — Он сцепляет руки за спиной, расхаживая перед длинной зеленой классной доской, давая студентам время поднять руки.

Когда наступает тишина, он кивает.

— Отлично, давайте начнем?

Мой первый день начался так, как начинается большинство первых дней. Естественно. У меня был жесткий профессор, который говорил быстро, а писал еще быстрее. Это означало, что моя ручка работала в два раза быстрее, на полпути я решила нажать запись на компьютере, чтобы поймать все, что я пропустила.

Я прошла через трудную часть, думаю, первый день всегда самый трудный, и завела друга. Так что воспринимаю это как победу.

То есть я думала, что прошла через первый день без каких-либо препятствий. Все шло так хорошо, я была сосредоточена, все понимала, была довольна, и тут воздух всколыхнулся.

Мы сидим в классе уже минут тридцать, когда дверь с тяжелым скрипом распахивается. По дощатому полу раздаются шаги, и передо мной появляется презрительное лицо, которое я видела последние несколько дней каждый раз, когда закрывала глаза. Это не было уверенностью, он не выставлял себя в очаровательном свете, как Истон. От его улыбки у меня в животе не порхали бабочки. Он их сжег. Это был вызов и сила «мне плевать».

Его не беспокоило, что он опоздал, что нарушает правила или, что все смотрят на него. Ему было на все наплевать.

Тьма, которую я чувствовала той ночью, возвращается. Она разбухает внутри меня, проедавая путь к моему горлу.

Я вижу, как профессор Шеридан начинает ругать его за опоздание, но когда он понимает, кто это, то говорит лишь:

— Пожалуйста, присаживайтесь, мистер Колдуэлл.

Алистер немного осматривает комнату, задерживая нашего преподавателя и его ассистента еще на секунду, прежде чем переместиться в лекционный зал и поискать свободный стул.

Реакция сидящих передо мной студентов очень разная. Некоторые из них, в основном девушки, двигают свои сумки, чтобы освободить свободное место рядом с собой, надеясь, что он сядет с ними. Другие делают все возможное, чтобы скрыться от его взгляда.

Страх и восхищение.

Две очень разные и очень сопоставимые эмоции. Оба они коренятся в одном и том же месте — в интересе.

Наблюдение за остальными означает, что я отвожу взгляд от него, поэтому, когда снова на него смотрю, то вижу, что он уже поднимается по ступенькам к моей секции сидений.

Передо мной есть несколько свободных стульев. Он должен выбрать один из них. Если Алистер на них не сядет, станет ясно, что он выбрал место рядом со мной не просто так. Остальные в классе заметят. Я не хочу, чтобы меня знали, как девушку, которую выбрал Алистер Колдуэлл.

Но удача — слишком большая просьба, потому что он опускается на стул рядом с моим. Его крупная фигура заполняет пространство, подавляя меня, заставляя чувствовать себя такой крошечной. Как будто я забила в угол, и дикий зверь держит меня на месте.

Сжимаю ручку так крепко, что белеют костяшки пальцев. Я чувствую, как мое сердце бешено колотится, так сильно ударяясь о ребра, что, кажется, сейчас потеряю сознание.

Я глупо оглядываюсь по сторонам, наблюдая, как люди, с которыми я даже не успела поговорить, начинают ахать и перешептываться. Делая предположения о том, почему он сидит именно здесь. Их тихие голоса и менее чем скрытые взгляды заставляют меня неуютно чувствовать себя на своем месте.

— Какие-то проблемы? — низкого тона этих нескольких слов достаточно, чтобы сказать мне, что его голос похож на все остальное в нем.

Пугающий.

Глазеющие и сплетничающие ученики мелькают вокруг так быстро, что я удивляюсь, как у них нет хлыстовой боли.

Все успокаивается, когда наш учитель начинает объяснять какую-то формулу, которую пять секунд назад я полностью понимала, а теперь даже не могу понять, что это за класс.

Его запах. Он пугает меня.

Не просто мельком, как на вечеринке, а весь его запах.

Пряный, как гвоздика, и плотский. Это запах черной магии в полночь. Когда ведьмы стоят вокруг своего варева ночью при луне и свечах, освещающих комнату. Благовония, витающие в воздухе. Древние заклинания и оккультное колдовство щиплют мой нос. Это дым, древесина, и я ненавижу то, как сильно люблю этот запах.

Дурацкие гребаные гормоны.

Запретив себе смотреть на него, я откидываюсь на спинку стула, глядя вперед и делая вид, что сосредоточена на том, что говорит профессор Шеридан. Но мое периферийное зрение видит его достаточно хорошо. Достаточно, чтобы не отвлекаться. Его мясистые руки непринужденно лежат на столе. Это такая странная вещь, которую я замечаю. То, что его руки сейчас выглядят нормально, а не как оружие. Просто невозможно видеть в нем что-то, кроме неприятностей.

На кольце на указательном пальце его инициалы, что я бы назвала красивым на любом другом.

Боже правый, даже с боку он великолепен.

Но не так шикарен, как Истон. Нет. Истон — это белые заборы из штакетника, папа-футболист, воскресные бранчи и секс при выключенном свете. И в этом нет ничего плохого, это то, чего я хочу.

Что-то прочное и безопасное. Надежное.

Алистер великолепен в каком-то зловещем смысле. Безрассудная несдержанность, суматоха, разбитые сердца, но ты никогда не бросишь его, потому что того, как его губы скользят по твоему телу, пока ты прикована к его кровати, достаточно, чтобы заставить любую женщину остаться.

Я не хочу проблем. Я хочу безопасности.

Эта возможность, эта школа — мой шанс ее получить. Жизнь, от которой мне не придется убегать. Тем не менее, я все еще позволяю себе поддаваться его влиянию.

Хотя прекрасно знаю, что произойдет, если свяжусь с таким парнем, как он.

У меня потеют руки, это зудящее чувство на ладонях. Такое же чувство я испытываю каждый раз, когда собираюсь что-то у кого-то украсть. Вкус во рту словно нектар. Сладкий и вызывающий привыкание.

Вот почему так трудно уйти с опасной стороны рельсов.

Ты знаешь, как это плохо для тебя. Ты видишь, что это может с тобой сделать. Но это так чертовски приятно, что ты просто должен это иметь.

Ты жаждешь это. Ты готов на все ради этого. Готов умереть за него.

— У тебя есть зуб на эту ручку? — говорит он, все еще глядя в переднюю часть класса.

Похоже, я не единственная, кто сейчас использует периферийное зрение.

Его голос только еще больше возбуждает меня. Я имею в виду, почему Алистер вообще здесь? Он вообще ходит на этот урок?

Меня раздражает, что он так меня будоражит.

Это не неожиданно, но можно подумать, что он принесет хотя бы лист бумаги и карандаш, хотя бы книгу? Кто приходит на занятия без письменных принадлежностей?

Такие люди, как он, всегда меня беспокоили. Те, кто позволяет деньгам своих родителей решать все их проблемы. Они не понимают, что такое борьба, потому что мама и папа их от всего отмазывали.

Конечно, люди в этом городе боятся его. Алистера и его псов.

Но кто они такие, как не четыре избалованных сопляка, которым нравится закатывать истерики? Ведь они не убийцы, ради всего святого, будь они убийцами, они бы сидели в тюрьме! Они просто стая богатых детей с плохим поведением.

— Ты вообще ходишь на этот предмет? — как только я это говорю, мне хочется взять свои слова обратно. Не потому, что я не хотела этого, а потому что знаю, что он ответит.

Я не должна была даже признавать его. Но я никогда не умела держать язык за зубами, особенно когда раздражена.

Мы сидим в тишине, и я надеюсь, чертовски молюсь, что Алистер меня не услышал. Тогда я смогу забыть, что вообще говорила, и выйти из этого класса без единой царапины.

Он небрежно поворачивает голову, глядя прямо на меня, как будто не может поверить, что я что-то сказала.

— Нет. — Это все, что я получаю.

«Просто оставь его в покое, Брайар. Оставь его в покое».

— И что, ты просто сидишь в том классе, в котором хочешь? Это преимущество того, что твоя фамилия выбита на табличке возле библиотеки? — Я смотрю на него, его темные глаза изучают мое лицо.

К черту это. Я дам ему понять, что не боюсь ни его, ни его друзей. И что шутить со мной — не лучшая идея.

На его губах появляется ухмылка, и я не могу не задаться вопросом, как он выглядит, когда улыбается. Если это простое движение вообще смягчит его черты.

— Осторожно, — предупреждает он. — Не стоит говорить о том, чего не понимаешь. Ты даже не представляешь, какие привилегии я имею благодаря своей фамилии.

Я закатываю глаза, крепче сжимая в пальцах ручку, словно она должна как-то защитить меня.

— О, я все понимаю. — Единственный способ преодолеть то, что тебя пугает, — это встретиться с этим лицом к лицу, разрушить его, чтобы оно стало просто надоедливым насекомым. — Ты шикарный парень, у которого, наверное, отобрали АМЕХ? Ты наказываешь маму и папу за то, что они отлучили тебя от твоего Ламбо? Тебе надоел твой экстравагантный образ жизни, и ты хочешь устроить небольшие неприятности? Смирись с собой и добро пожаловать в клише богатых подростков. Ты не особенный.

«Черт возьми, Брайар, это было жестко».

Больше, чем мне бы хотелось, но я хотела дать понять, что не позволю ему или его чокнутым друзьям помыкать мной. Здесь я отказываюсь быть невидимой Брайар.

Не то чтобы они могли что-то со мной сделать.

Ничего слишком разрушительного.

Однако я не уверена, что это правда, пока считаю тики в его челюсти.

Во-первых, он тренирует челюстные мышцы?

Во-вторых, ему стоит побриться.

В-третьих, блядь.

Алистер выпускает низкий вздох, от которого раздуваются его ноздри, поводит шеей ровно настолько, чтобы она хрустнула. Рассуждая фактически, он не ударит меня на глазах у всех этих людей. Теоретически, я не знаю его достаточно хорошо, чтобы с уверенностью утверждать, что он этого не сделает.

В настоящее время я схожу с ума, пытаюсь понять, как это исправить, прежде чем он взорвется.

Алистер снова поворачивается ко мне лицом, смотрит на меня бездонным взглядом, протягивает руку, хватается за ножку моего стула и рывком притягивает меня к себе. Я не могу понять, это скрипит стул или я. В любом случае, мое лицо пылает яростным красным цветом, потому что я знаю, что люди смотрят.

Я издаю неловкий звук «уф», когда угол моего стула сталкивается с его. Та самая рука, на которую я смотрела, начинает ползти вверх, чтобы схватить меня за бедро, его пальцы сжимаются так сильно, что меня царапает ткань моих джинсов. И вдруг я разрываюсь между двумя половинками себя.

Часть меня, которая хочет дать ему пощечину за то, что он прикоснулся ко мне, и другая часть, которая пульсирует от тепла его пальцев на моей внутренней стороне бедра. Опасно близко к моему центру.

Его дыхание бьет мне в лицо, обдувая мои губы и щеки. Я чувствую исходящий от него запах кофе, утренней сигареты и ароматизированной жевательной резинки, которую он жует.

Все это кружится в моем мозгу, путая мои мысли. Как и в тот вечер, когда я впервые увидела его, логическая сторона моего мозга отключалась. Я знала, что должна уйти, но все равно осталась. Так же, как и сейчас.

Мой рот безмолвно открыт, я смотрю на Алистера, как его темные глаза перебегают с моих губ на мои глаза, снова и снова, а затем он заговорит:

— Есть тонкая грань между храбростью и глупостью, девочка. Ты, блядь, ее переходишь, — выдыхает он, мое тело отшатывается от такого выпада, его лицо наклоняется еще ближе.

Его губы отчаянно близки к моим, на расстоянии дюйма. Я чувствую тепло его кожи на своей, и знаю, что должна отстраниться, но не могу. Мое тело мне не позволяет. Оно отказывается.

— Меня боятся не из-за моих денег, а потому что я могу и убью, если мне перейти дорогу. Тебе стоит подумать об этом, прежде чем снова открывать свои членососущие губы.

Я резко вдыхаю, представив себе, как стою перед ним на коленях, пока он произносит эти слова. Мой рот плотно обхватывает его толстый член, а Алистер запускает руку мне в волосы, дергая туда-сюда, чтобы доставить себе удовольствие.

— Не будь глупой. Это тебя прикончит, — заканчивает он, отпуская мое бедро и

отпихивая стул на место. Вернувшись лицом к доске, он скрещивает руки на груди, как будто этого не было.

Несколько студентов оборачиваются и смотрят, а наш профессор не замечает, так как он стоит к нам спиной.

Я задерживаю дыхание, желая ударить себя по лицу, но в то же время говорю себе, что мне нужно переспать как можно скорее, потому что, очевидно, у меня случай сексуальной депривации, если этот психопат меня заводит.

«Я просто проецирую, вот и все», — говорю себе я, пытаюсь успокоить свои покрасневшие щеки и неровное дыхание.

— Ты в порядке, Брайар? — Мелодичный голос Истона, как защитное одеяло, смешанное с ледяной водой, возвращает меня к реальности.

Я моргаю, глядя на студентов, которые выбегают из класса и собирают свои вещи. Очевидно, я все пропустила. И даже не слышала, было ли у нас домашнее задание. Я беззвучно благодарю себя за то, что включила запись на компьютере, мгновенно сохраняю файл и запикиваю свои вещи в сумку.

Я встаю:

— Да, я в порядке. В полном порядке.

«Очень правдоподобно, Брайар. Честно. Где твой Оскар?»

Истон смотрит на Алистера, его некогда очаровательное лицо становится холодным.

— Колдуэлл, — произносит он менее блистательное приветствие.

— Синклер, — отвечает Алистер, глядя на него с ухмылкой.

Рядом друг с другом они выглядят как идеальное олицетворение дня и ночи. Инь и ян. Добро и зло.

Я замираю, не в силах пройти мимо Алистера, если он не передвинет свой стул вперед. Поэтому просто стою на месте, неловко наблюдая за ними.

— Как твой брат? — самодовольно спрашивает Истон, как будто это «домашняя» шутка или что-то в этом роде.

Быстрый, как хлыст, Алистер отвечает с такой же иронией:

— Как твоя мама?

Несколько мгновений они смотрят друг на друга, ни один из них не произносит ни слова. Очевидно, что они не ладят, но знают друг о друге достаточно, чтобы проникнуть друг другу под кожу.

— Пойдем, Брайар, я помогу тебе найти следующий класс. — возвращается ко мне Истон, на его лице дружелюбная улыбка.

Я благодарна ему за помощь, желая как можно скорее выбраться из этой ситуации, но Алистер все еще не отодвинул свой стул.

— Выпусти ее, придурок, — фыркает Истон.

— Если она попросит меня по-хорошему, я подумаю. — Это обращено ко мне.

Эти темные глаза смотрят на меня и сияют вызовом. Побуждая меня что-то с этим сделать.

Я проглатываю желчь в горле, не желая опаздывать на следующий урок и нуждаясь в глотке свежего воздуха, который не пахнет горячей гвоздикой. Я ненавижу находиться здесь, быть в центре всего этого.

Я не из тех девушек, которых можно запугать. Мой отец воспитал меня лучше.

Ты справишься, Брайар.

Я закидываю сумку с учебниками повыше на плечо, убираю волосы в сторону и делаю вдох для храбрости.

С легкостью перекидываю ногу через колени Алистера, стараясь не обращать внимания на желание между моих ног, которые находятся прямо над его пахом. Наши глаза встречаются на долю секунды, его челюсть сжимается, руки скрещены на груди, вены вздуваются.

Истон хватает меня за руку для поддержки, помогая мне подтянуть другую ногу, пока я не оказываюсь рядом с ним на внешнем ряду.

— У меня следующая статистика с Гейнсом, — говорю я ему, уже шагая по проходу к двери и чувствуя, как за каждым моим движением следит пара эбеновых глаз.

Я стараюсь этого не делать. Пытаюсь бороться с той частью меня, которая ищет проблемы. С той частью меня, которой не хватает адреналина от воровства и блуждания в тени. Я говорю себе, что теперь могу быть другой, что я не обязана быть тем человеком.

Но она побеждает. Борьба бессмысленна.

Я осторожно поворачиваю голову на верх лекционного зала и смотрю на неподвижного Алистера. Его взгляд не отрывается от моего, как будто он знает, что я посмотрю на него в ответ.

Ухмылка украшает его лицо, когда он поднимает руку, слегка шевеля пальцами в притворном прощальном жесте.

Отсюда, снизу, его глаза не такие темные. Они потрясающего карего цвета, и я считаю почти несправедливым, что у парней, заключающих в себе темную магию и жестокие намерения, всегда самые красивые глаза.

Алистер

Я ходил на терапию один раз.

Один раз в смысле, на один единственный прием, который длился, может быть, двадцать пять минут, прежде чем психиатры отказались работать со мной дальше.

Мне было двенадцать лет, я был на пять дюймов ниже ростом, чем сейчас, и пытался ударить ножом своего девятнадцатилетнего брата на нашей кухне во время рождественской вечеринки, после того как сломал ему нос и пальцы правой руки.

Забавно, но я мало что помню, кроме того, что мне рассказывали, и в идеальном видении я помню, как сидел на полу кухни и смотрел, как люди дергали за ниточки, вызывая лучших пластических хирургов и врачей, которых можно было купить за деньги.

Моя мать рыдала, держа лицо Дориана в своих руках, а он прижимал к лицу пропитанный кровью носовой платок, отмахиваясь от нее. Они поспешно вышли за дверь, вскоре после них все разошлись, и ни один человек даже не взглянул в мою сторону. Не для наказания. Не для беспокойства. Даже не спросили, почему я это сделал. Ничего. Единственная причина, по которой меня отправили на терапию, была в том, что моя бабушка настояла на этом, чтобы спасти имя Колдуэлл. Утверждала, что у меня временное взрывное расстройство; все, что угодно, лишь лучше выглядеть.

Они все прошли мимо кухни, где я сидел, сжимая в руке разбитые костяшки пальцев, наблюдая, как они смотрят сквозь меня, словно я был всего лишь стеклом. Чем-то, на что можно только смотреть, но не видеть. Не то, что Дориан, который был ничем иным, как чистым золотом.

Это был мой первый удар. Мой первый взрыв ярости, который я не смог сдержать. Я физически не мог больше это глотать, я должен был что-то сделать. Хотел причинить ему боль. Хотел убить его.

Я подошел к холодильнику и взял пакет замороженного горошка, зная, что холод поможет уменьшить отек. Рук научил меня этому еще до того, как мне исполнилось семь лет.

Дориан учился на втором курсе в Холлоу Хайтс и решил, что ему нужен кабинет, чтобы учиться, трахать девочек и прочую чушь, которую он сказал моим родителям. Вместо того чтобы занять одну из пятнадцати тысяч других свободных спален, он занял мою оранжерею. Он выбрал ее, потому что знал, что это единственное место в этом гребаном доме, где я могу находиться. Ему даже не нужен был кабинет, он просто хотел еще раз показать мне, что все в моей жизни принадлежит только ему.

Оранжерея находилась в западной части дома, это была небольшая круглая пристройка к первоначальному дому. Мой дед построил ее для моего отца, когда тот был в моем возрасте, и она никогда не использовалась, пока мне не исполнилось пять лет.

Я все время оставался там. Не выходил оттуда, если был дома.

Мне нравилось слушать, как дождь бьет по окружающему меня стеклянному, смотреть, как молнии бьют в деревья, а гром сотрясает маленький зеленый диванчик внутри. Кроме дивана, там мало чего было. Несколько мертвых растений и бесполезные книжные полки, но это было мое, и это было единственное место, которое у меня было.

И он забрал его у меня.

В том возрасте, в котором он был, когда я пытался его убить, я все еще не мог войти в ту комнату. Когда Дориан уехал в аспирантуру, они оставили там все его вещи, и, по правде говоря, она перестала быть моей в ту же секунду, когда он решил ее забрать.

Короткий список мест, куда я мог сбежать, в тот день стал еще короче. Он и сейчас такой же короткий.

«Кладбище» было только для выходных, я правил рингом. Ни разу не побежденный. Ни разу не задетый. Но это было не мое. Не совсем. Изредка я ходил в дом Тэтчера, но даже там я чувствовал себя не в своей тарелке со всеми этими уникальными скульптурами и викторианскими украшениями.

Единственное место, которое у меня теперь было, — это Спэйд Уан.

Тату-салон недалеко от Пондероза Спрингс, зажатый между старой парикмахерской и обычным магазином. Неоновая вывеска, прикрепленная сбоку к окну, жужжала и отбрасывала фиолетовый свет на витрины.

Два этажа: нижний — зал ожидания с черными кожаными диванами, стойка администратора и небольшая кладовка.

Верхний этаж был разделен высокими стеклянными пластинами, предоставляя каждому художнику свое собственное пространство, чтобы украсить его по своему усмотрению. В основном это были индивидуальные рисунки в рамках на стенах, наклейки и тату-оборудование. А в задней части находился деревянный стол, за которым я оставался, если только не убирался в магазине или не помогал.

Причина, по которой я был так зол на Дориана все эти годы, причина, по которой он подтолкнул меня нанести первый удар, чтобы по-настоящему пробудить во мне ярость, которая никак не хотела уходить, заключалась в том, что именно там я делал наброски.

Я не держал это в секрете, потому что моим родителям было наплевать на то, что я делаю. Поэтому я вешал их на стеклянные панели стен зимнего сада. Каждая из них была покрыта кремовым листом бумаги с каким-нибудь нарисованным мной рисунком. Дориан знал об этом. Он видел это.

К двенадцати годам я покрыл ими все пространство. Поэтому, когда они переделали комнату в его кабинет, я больше не видел этих рисунков. Все они были выброшены. Это был еще один гвоздь в мой эмоциональный гроб.

Не желая, чтобы он победил, не желая, чтобы мои каракули снова попали в их руки, я начал рисовать на себе. На моих пальцах, руках и бедрах. Везде, куда я мог дотянуться.

Я часто задавался вопросом, смотрели ли на меня отец и мать, видели ли они, что у меня действительно есть талант. Но я мог бы в десять лет окончить Массачусетский технологический институт с IQ, сравнимым с Эйнштейном, и этого все равно было бы недостаточно, чтобы сравняться с моим братом. Я никогда не мог сделать ничего такого, что было бы достаточно хорошо для них.

Думаю, лучше было узнать это в юном возрасте, чем всю жизнь добиваться их внимания, когда этого никогда не произойдет. У них было все, что им было нужно в ребенке, когда у них появился Дориан. Я был просто пустым местом.

С семнадцати лет я начал приходить сюда. Я нашел его однажды ночью, когда допоздна катался на своей машине, размышляя о том, чтобы перелететь в ней через популярный трамплин для прыжков. У меня не было ничего, ради чего я хотел бы жить.

Это не так печально, как вы думаете. Это происходит каждый день. Люди умирают, и ты с этим смиряешься.

Я хотел умереть с тех пор, как узнал причину, по которой мне вообще дали жизнь. Я имею в виду, что парни остались бы друг у друга. Я был не нужен, и я устал бороться за жизнь, которую ненавижу. И тогда я увидел салон.

Так что, если верить в голливудскую чушь вроде судьбы, можно было назвать это как-то так.

Когда я вошел, познакомился с владельцем, Шейдом, и начал появляться с поддельным удостоверением личности только для того, чтобы сделать татуировку, я понял, что наконец-то нашел действительно свое.

Не моего брата. Не моих родителей. Даже не парней.

Это было все мое, и никто не мог отнять это у меня.

Шейд позволял мне работать здесь, когда у меня было время, безвозмездно с моей стороны, и единственный раз, когда я добровольно использовал хоть один цент из денег моих родителей, это когда я подал заявление на стажировку здесь после того, как узнал, что останусь в Пондероза Спрингс на следующий год.

Первоначально, до появления Роуз, я планировал уехать в Нью-Йорк. Шейду понравилась моя работа, и он сказал, что устроит меня в салон на восточном побережье для прохождения практики. Казалось, что кто-то снял с моей груди груз, тяготивший меня всю жизнь, и я наконец почувствовал, что крылья, которые мне подрезали в детстве, начинают отрастать.

А потом кто-то решил убить девушку моего лучшего друга. Девочку, которую я считал младшей сестрой. И весь этот план был поставлен на паузу.

Я собирался убраться к чертовой матери из этого места, подальше от всего этого дерьма и просто начать жизнь там, где меня никто не знает. Где никто не слышал о моей проклятой фамилии.

Карандаш в моей руке разламывается на две части, упав на рабочий стол и мой незаконченный рисунок татуировки. Это татуировка на бедре, над которой я работал с тех пор, как сегодня пришел сюда. Все татуировки на моем теле я либо сделал, либо нарисовал сам. Все мое тело было моим портфолио. Я позволял Шейду делать те тату, которые не мог сделать сам, но мои ноги были полностью моей работой.

— Подходящее время для перекура? — спрашивает Шейд из своей кабинки, глядя на ногу парня, которому он делает тату.

Я киваю:

— Думаю, да.

Затем отодвигаю стул и встаю, потягиваясь.

— На обратном пути захвати мне еще несколько перчаток из кладовки, убедись...

— Черные. Я все помню, ты знаешь? — говорю я, пока ноги несут меня вниз по ступенькам и к выходу.

Медленный людской поток оставляет меня в тишине и покое, когда я прикуриваю Marlboro Red, позволяя знакомому дыму наполнить мои легкие с первой затяжки.

Я думал, что у меня будет тишина и покой.

Мой телефон начал жужжать в переднем кармане на второй затяжке, и я не могу не ответить. Не сейчас, учитывая все происходящее.

Я подношу сигарету к губам, зажимаю ее между зубами, провожу пальцем по экрану, прикладывая динамик к уху.

— Да, женушка?

Я слышу насмешку.

— Если бы я был твоей женой, ты бы не одевался как президент мотоклуба на пенсии, у которого проблемы с алкоголем, — информирует меня Тэтчер.

— Ты точно, сука, как жена. — Я сползаю по стене, присаживаюсь на корточки и упираюсь спиной в огромные окна снаружи магазина. — Зачем ты мне звонишь?

— Вопрос получше: где ты?

— А что? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— А то, что ты должен быть здесь и помогать нам контролировать Рука. Ну, знаешь, следить, чтобы он не разнес мой дом на мелкие кусочки, пока делает хлороформ в моем подвале.

Блядь.

Я забыл об этом.

Конечно, это было очень важно, но я уверен, что они справятся и без моего присутствия.

Крис Кроуфорд, помощник учителя, о котором нам рассказал наш стукач-наркоторговец, был единственной зацепкой, которая у нас оставалась. Говоря так, мы выглядели как мстительные детективы. Взять закон в свои руки, спасти значок и дать нам ножи.

Всю неделю мы следили за ним, пытаюсь поймать его за чем-то необычным, и почти остановились, махнули на него рукой, пока Тэтчер не получил фотографии, на которых он просматривает товар в своей машине после школы. Был ли он нашим убийцей, еще предстоит выяснить. Но он поставлял наркотики, от которых умерла Роуз, и это было лучше, чем ничего.

Нам нужно было за что-то ухватиться. Хоть за что-то. Если бы мы этого не сделали, я боялся, что это сделает Сайлас.

— Он специалист по химии, Тэтчер. Это просто ацетон и отбеливатель, твоя покойная бабушка могла бы это сделать. До тех пор, пока он не начнет радоваться, ты обойдешься без меня несколько часов.

Как бы я ни жаждал возмездия, я не мог не надеяться, что это конец. Что Крис накачал Розмари наркотиками, пытаюсь залезть к ней в трусы, и все закончилось ужасно. Мы могли бы запытать его до мучительной смерти. А потом жить дальше.

Кроме Сайласа, конечно. Ему для этого потребуются годы.

Я видел, как они росли вместе, Роуз и он. Она была единственной, кто действительно понимал его шизофрению. Когда они были вместе, они словно находились в своем собственном маленьком, извращенном мире.

Я не знаю, сколько времени ему понадобится, чтобы прийти в себя. Если вообще он когда-нибудь придет в себя.

— Ты так и не ответил на мой первоначальный вопрос, Алистер.

О, вот оно.

— Мне казалось, я ясно дал понять, что из тебя получится дерьмовая жена, — пытаюсь отвлечь его я, но все тщетно, я уже должен это знать.

— Где ты? — серьезно говорит он, дав понять, что не хочет спрашивать снова.

— На улице, — выдыхаю я, оглядываясь вокруг.

Да, я могу сказать своему лучшему другу, что сейчас в тату-салоне, где прохожу стажировку. Это не то, что я делаю проездом, но это принцип.

Тот факт, что у меня есть одна вещь для себя. То, чем мне не нужно делиться или

беспокоиться о том, что у меня что-то отнимут.

Ты никогда не узнаешь, насколько хорошо чувствовать себя собственником, пока не станешь тем, кому никогда ничего не позволено иметь, тем, у кого всегда что-то отнимают.

— Мне нужна была передышка, я поехал покататься. Ты знаешь, что Пондероза Спрингс делает со мной. Почему ты так хочешь знать?

Наступает тишина, прежде чем он заговаривает снова:

— Значит, теперь мы храним секреты друг от друга? Так значит?

— Нет, — вдыхаю я дым. — Если бы тебе нужно было знать, я бы тебе сказал.

Я провожу рукой по волосам, потому что знаю, что он вот-вот поймет мое отношение.

Я практически слышу, как Тэтчер скрежещет зубами. Я даже не знаю, почему его волнует то, что я делаю. Не похоже, что он способен действительно заботиться о ком-то.

Все внутри Тэтчера мертво.

Все эмоции. Чувства. Раскаяние. Все.

— Конечно, друг, — холодно бормочет он.

— Встретимся завтра, ребята, — говорю я, но он не слышит, потому что у меня в ухе раздается гудок еще до того, как я закончил предложение.

— Долбаный мудака.

Я смотрю на свой телефон и вижу пропущенное сообщение от Сайласа. Открываю его, вижу ссылку и его текст под ней.

«То, что ты хотел».

Нажав большим пальцем на ссылку, я попадаю в папку с документами, которые, как я предполагаю, собрал Сайлас. На моем лице медленно появляется ухмылка, как бывает, когда ты охотился за чем-то месяцами и только начинаешь вгрызаться в это зубами.

На моем экране все, что Сайлас смог раскопать о Брайар Татум Лоуэлл.

Я не знал о ней ни черта, помимо того, что у нее острый язык, а у Истона Синклера на нее стояк, и ненавидел это.

Неизвестность мне не нравилась.

Ее отношение ко мне давало понять, что она не местная, и хотя мне нравились девушки, которые могли не только дать, но и взять, я шутил, когда говорил, что она переступает черту.

Для того чтобы залезть ей под кожу так, как я хотел, мне нужно было знать все о своем противнике. О той, которая была такой смелой и дерзкой, такой уверенной, что не боится меня, в то время как ее бедра дрожали от моих прикосновений.

Сначала я собирался оставить все как есть, но после того урока она не давала мне покоя. Доставала меня своими разноцветными глазами. Смесь золотого, карего и зеленого, закрученных в одну спираль. Поэтому я проверил Facebook, прежде чем написать Сайласу. Я не заходил на Facebook долбанные годы. Мне пришлось создать фальшивый аккаунт, чтобы найти ее. Оказалось, что она тоже не любит социальные сети.

Согласно ее школьному аттестату, она не пропустила ни одного учебного дня, имела средний балл 4,0 и все четыре года была в команде по плаванию. Там даже есть очаровательная фотография с первого курса, когда у нее были брекететы.

На всех ее школьных фотографиях не было ни одной фотографии, где она была бы с другом, похоже, моя умница была одиночкой. На выпускном вечере своей команды по плаванию она стояла рядом с родителями, едва улыбаясь, и выглядела так, будто готова на все, чтобы раствориться в толпе. Словно пыталась уменьшиться, чтобы не занимать много места. Признаюсь, две косы, которые она носила в бассейне, заставляли мой член дергаться.

Я продолжаю листать файлы, любопытствуя, как Брайар смогла позволить себе такую школу, как Холлоу Хайтс, учитывая происхождение ее родителей. У них едва были деньги. Но я быстро вникаю, узнав, что ее дядя — профессор Томас Рид.

Я хмурюсь, когда появляется информация о судимости, и не одной, а целых трех. Я пробегаю языком по верхней губе. Я знал, что в ней есть что-то, что жаждет меня, а теперь понимаю, что это не я, а хаос, который приходит вместе со мной.

Ей тоже нравится темнота. Она любит в ней прятаться. Оставаться в ней.

Одно обвинение в нападении и избиении, которое впечатляет не только само по себе, но и в отношении парня, который пытался напасть на ее мать. Еще одно обвинение в вандализме, которое выглядит просто как какая-то шалость. И одно обвинение в мелкой краже.

Значит, она и боец, и воровка. Как интересно.

Интересно, за сколько ниточек пришлось потянуть Томасу, чтобы устроить преступницу в эту школу. Для того чтобы ваше заявление было хотя бы рассмотрено здесь, нужно было иметь тринадцать гребаных клубов и сумасшедший средний балл, сочетающийся с отличными результатами тестов.

И все же она была здесь.

Здесь, в Пондероза Спрингс, где ей не место.

Брайар раскрыла свой миленький ротик, думая, что я буду просто сидеть и смотреть. Думая, что Истон Синклер поможет ей, пока я за ней охочусь. Когда она увидит, что он не сможет мне противостоять, во мне будет столько тестостерона, что я могу сгореть. Этот маленький засранец ничего не мог мне сделать с детского сада, есть некоторые вещи, которые папины деньги не могут скрыть.

Я бросаю окурок сигареты на землю, угольки пляшут в воздухе. Я встаю во весь рост и поворачиваюсь лицом к витрине магазина.

На моем лице отражается логотип с черепом, создавая эффект маски. Белый череп закрывает мои скулы и глаза. Я наклоняю голову вправо и влево, череп, кажется, движется вместе со мной. Жестокое представление того, кто я внутри.

Мертвый. Пустой. Беспощадный.

Вот только мне не нужна маска, чтобы быть кем-то из этих существ. Я просто есть.

Брайар Лоуэлл может думать, что не боится меня, потому что я не дал ей повода для страха.

Во всяком случае, пока.

Брайар

— Как ты нашла это место? — наивно шепчу я, качая головой от своего невежества.

Не похоже, чтобы мертвые могли меня услышать, во всяком случае, я об этом не знаю.

Когда Лира спросила, не хочу ли я увидеть что-нибудь крутое, я подумала, что она имеет в виду тайный ход в университетских коридорах. Что не удивило бы меня, я действительно намерена его найти. Это место слишком древнее, чтобы не иметь таких.

Я не предполагала, что мне придется пройти, по меньшей мере, две мили по лесу за зданиями Ротшильда. Мы идем, углубляясь в приближающиеся деревья, которые раскачиваются и стонут.

Над нашими головами клубится туман, оседая все ниже и ниже по мере того, как начинает садиться солнце. Растворяясь в неясном закате из сумрачных пурпурных и горьких оранжевых оттенков. Мы идем недалеко от побережья, я слышу, как волны разбиваются о камни неподалеку, и чувствую солоноватый запах, которым пропитан воздух. Он настолько сильный, что я почти чувствую его над насыщенным ароматом влажной земли и острой хвои.

Только увидев прорастающие из мшистой земли надгробия, я начинаю по-настоящему беспокоиться. Здесь десять, может, двенадцать могил с обломанными и поврежденными надписями, которые настолько заросли листвой и грязью, что их едва можно разобрать.

Но даже не это тревожит меня больше всего.

— Больше всего в Орегоне мне нравится популяция жуков. Когда я была маленькой, мама разрешала мне играть в ее саду, и я всегда возвращалась с божьей коровкой или каким-нибудь насекомым. Я искала *Scolopocryptops sexspinosus*⁷ летом перед началом занятий в школе.

Несмотря на то, что это несколько необычно, меня восхищает то, как много она знает о жуках. Лира настолько умна, что иногда это вызывает у меня зависть. То, как ее мозг впитывает факты и выплевывает их из памяти. Это удивительно впечатляюще, но она настолько не осознает этого, что не производит впечатления всезнайки. Просто девушка, которой нравится говорить о жутких ползучих тварях.

Я хмурю брови, следуя за ней через губчатое болото.

— По-английски, пожалуйста.

Она хихикает:

— Древесная сороконожка⁸. Мне нужна была одна, чтобы закончить мою коробку с образцами сороконожек, а они обычно встречаются в гниющей древесине или рядом с ней. Была сильная гроза, и я пошла искать поваленные деревья и обнаружила это место. — Она держит лямки своей сумки, глядя на возвышающееся здание перед нами.

Оно серое, мрачное и выглядит так, будто, если я не буду осторожной, может меня поглотить. На петлях висят ворота из тонкого сплава, и я вижу, как по ним скользят пауки, и от этого моя спина совершает очень странное дрожащее движение.

— Это церковь или?.. — спрашиваю я, вместе с ней глядя на здание, с выражением неуверенности на лице. Лира, напротив, сияет, с воодушевлением дергая металлические ворота нетерпеливыми пальцами.

— Это мавзолей.

О, к черту это. Абсолютно, блядь, нет.

Я не вижу ничего, кроме крошечной тьмы внутри, он даже не такой уж и большой, чтобы вместить тела, не говоря уже о куче тел. Строение чуть больше небольшого сарая или мастерской.

Лира поворачивается ко мне, дразняще помахивая фонариком.

— Давай, не будь слабачкой. Внутри прохладно.

Затем она уходит, исчезая в темноте, с небольшим свечением, указывающим ей путь. Я остаюсь снаружи. Мой мозг пытается убедить меня в том, что это катастрофическая идея, но мое любопытство оказывается сильнее.

Я смотрю вверх на зловещие облака, небо начинает чернеть, и я чувствую несколько прохладных капель дождя на своей коже.

— Я об этом пожалею, — бормочу я себе под нос, набрасываю капюшон на голову и следую за своей странной подругой в поисках того, ради чего мы сюда пришли.

Я достаю свой фонарик, освещая бетонные ступеньки, уходящие вниз. Я вздыхаю, первый шаг делаю осторожно, стараясь не упасть.

На середине пути мой конверс за что-то цепляется, и я дергаюсь вперед. Я поспешно хватаюсь за стену и вздрагиваю, когда моя рука касается влажной поверхности. Успокоившись на мгновение и вытерев руку о джинсы, я продолжаю спускаться по ступенькам, пока не достигаю дна.

Лира уже начинает включать масляные лампы — полагаю, она оставила их здесь после своих предыдущих визитов, — освещая помещение тусклым теплым светом. Запах ужасен. Здесь затхло, сыро, а запах гниющего дерева висит в воздухе, как смерть.

Потолок гораздо выше, чем я ожидала, стены по обе стороны от меня усеяны склепами, некоторые из которых разбиты, и я не собиралась проверять, осталось ли там тело. Напротив меня к стене прислонен неоправданно большой крест, а в центре стоит прямоугольный гранитный стол, на который Лира положила все свои вещи.

— Здесь я занимаюсь таксидермией. Здесь гораздо просторнее, и мне не нужно беспокоиться о том, что кто-то ворвется ко мне.

Она кружится, раскинув руки, глядя на крышу, как будто это место — какая-то большая столовая, и, наверное, для Леры так оно и есть.

— Итак, почему жуки? — спрашиваю я, взяв деревянный ящик и переворачивая его, чтобы на него сесть.

— А почему не жуки?

— Туше.

— Моя мама была биологом, она работала со змеями в своих медицинских исследованиях, поэтому странные животные были обычным явлением в моем доме. Наверное, поэтому я так хорошо отношусь к твоей домашней крысе, — подмигивает она, с помощью фонарика заглядывая в углы и под старые коробки.

— Твоя мама все еще?.. — спрашиваю я, затягивая вопрос, надеясь, что не затронула щекотливую тему. Каждый раз, когда Лира говорит о ней, это всегда в прошедшем времени, и я предполагаю, что она умерла.

— Нет. Мертва как гвоздь.

Я слегка распахиваю глаза от ее грубых слов, но мне ли не знать, что люди по-разному справляются с потерей.

— Она умерла, когда мне было семь лет. Меня отдали в приемную семью, и когда мне

исполнилось восемнадцать, я получила полный доступ к своему наследству и страховым деньгам. Так что я решила, что уже провела здесь всю свою юность, могла бы и получить здесь образование.

Я киваю, принимая всю эту новую информацию, мне нравится, что я узнаю ее лучше. У меня никогда раньше не было настоящего друга, и это начинало походило на дружбу, которая продлится до конца колледжа.

Лира прыгает к жуку на полу, ее маленькие руки ловко подхватывают его на ладонь, пока он ползет по полу на своих шести лапках. Ее фонарик светит на экзоскелет, цвета насекомого почти переливаются насыщенной зеленью и блестящей синевой.

— Драгоценный жук⁹, люди использовали их панцири для украшений во время религиозных церемоний. Теперь они стали предметом коллекционирования из-за своего цвета.

Лира смотрит на симпатичного жука, ее глаза загораются от удивления и любопытства. Она берет прозрачную банку и засовывает его внутрь, после чего плотно закрывает крышку.

— А что насчет тебя? Твоя мама умерла? Твой отец? Братья и сестры? Я заметила, что ты не часто говоришь о себе. Ты ведь не тайный советник-резидент? — шутит Лира, ее шутливый голос заставляет меня улыбаться.

Меня никогда никто не спрашивал об этом. Всю мою жизнь никто не брал на себя смелость спрашивать меня о том, кто я, о моей жизни. Я мешкаю, пытаюсь решить, хочу ли я рассказать всю правду о своих родителях, о том, что делал мой отец и в кого он меня превратил. Или я хочу солгать, потому что Лира никогда об этом не узнает.

Она будет знать только то, что я ей скажу.

Я могу превратить себя в кого угодно.

— Моя мама все еще живет в Техасе, а отец в тюрьме штата с тех пор, как мне исполнилось тринадцать, — вздыхаю я. — Я росла в одном и том же разбитом трейлере с самого рождения, и я единственный ребенок. Честно говоря, обо мне мало что можно сказать.

— Твой отец сидит за что-то плохое? Например, убийство?

Я качаю головой:

— Нет. Он был карьерным вором. Карманник, грабежи, все такое. Однажды он решил, что сможет ограбить банк. И ошибся.

— Ты скучаешь по нему?

— Да, каждый день. Я знаю, что быть преступником плохо, воровать плохо, но все, что он когда-либо делал, он делал для меня и моей мамы. Отец просто работал с тем, что у него было. Хотя я научилась у него нескольким трюкам, — говорю я с ухмылкой.

Выбор быть честной с Лирой был не таким уж трудным. Я не хочу, чтобы фундамент нашей дружбы был построен на лжи. В долгосрочной перспективе это не приносит никому пользы. К тому же, я знаю, что могу доверять ей, что она не осудит меня за то, что я ей скажу.

— Мне что, придется запереть свою вишневую колу и темный шоколад, чтобы ты не могла их украсть ночью? — говорит она с соответствующей ухмылкой.

Я смеюсь.

— Твой тайник в безопасности, слово скаута, — я поднимаю три пальца и кладу руку на сердце.

Идут минуты, я наблюдаю, как Лира рыщет вокруг в поисках интересных существ,

которых большинство раздавило бы шлепанцем. Я даже держу в руках жука, который, по словам Лиры, меня не укусит, и это довольно круто. Чем дольше здесь нахожусь, тем менее жутким становится это место, как только свыкаешься с тем фактом, что тебя окружают мертвые тела, это не так уж плохо.

Это что-то вроде уединенного убежища, и поэтому мы решаем сделать его местом сбора Общества Одиночек. Тайный орден из двух человек и только двух. Ну, я думаю, пока у нас не появится больше друзей, если это когда-нибудь случится.

Все идет хорошо, пока воздух не прорезает резкий звук чьего-то крика. Он рикошетом отскакивает от стен, от чего у меня дрожат ноги, а сердце сжимается от паники. Я непроизвольно подпрыгиваю, вглядываясь в ступеньки, откуда доносится звук. Это крик о помощи, и самое страшное, что он где-то не далеко.

Он совсем рядом.

Прямо у дверей мавзолея.

Говорят, никогда не знаешь, как сработает твой инстинкт борьбы или бегства. Легко сидеть за киноэкраном и кричать девочке: «Не ходи в чулан!».

Но это не так просто, когда ты — девушка, запертая на жутком подземном кладбище, и единственный выход — встретиться лицом к лицу с тем, что снаружи заставляет беспомощного человека кричать.

— Ты... — начинаю я.

— Да, — заканчивает Лира, быстро кивая головой. Ее лицо такое же бледное, как и мое.

Мы, молча, начинаем гасить масляные лампы, взваливая на плечи свои сумки. Мы все еще не понимаем, как нам выбраться из этой ситуации, когда мы даже не знаем, что ждет нас снаружи.

Я смотрю на нее, у меня потеют руки, когда я сжимаю фонарик.

— Нам нужно пойти посмотреть, что там наверху, а потом мы придумаем, как выбраться, хорошо? — говорю я, лицо Лиры сияет от моего белого света.

Она кивает, выключая свой, отчего в комнате становится намного темнее.

Я прерывисто вздыхаю и отшатываюсь, когда слышу еще один мучительный крик. Как будто кого-то разрывает на части животное. В моей голове проносятся самые худшие сценарии.

Кого-то заживо съедает пропитанный кровью медведь или волк. Еще хуже, если их мучает человек. Тащит в лес, где никто не может услышать их крики из-за грохота волн и постоянного завывания ветра.

Я сглатываю желчь в горле, выключая фонарик. Даже не могу разглядеть свою руку перед лицом — так темно. Я чувствую, как Лира хватается за мою сумку, крепко прижимаясь ко мне, когда я начинаю пробираться к ступенькам.

Мои руки ощупывают грязную стену, а нога находит первую ступеньку. Мои зубы стиснуты так сильно, что пульсируют, я стараюсь вести себя тихо, боясь, что даже слабый вздох скажет тому, что снаружи, что мы здесь, внизу.

Я постепенно делаю шаг, видя, что металлические ворота все еще открыты, и снаружи светит луна. Я вижу, как яростно раскачиваются деревья, снова чувствую запах океана и знаю, что сейчас мы увидим то, что издает этот шум.

Чем дальше мы поднимаемся по ступеням, тем больше я слышу. Например, низкие крики и приглушенные стоны. Когда мы достигаем вершины и обе выглядываем наружу, чтобы засвидетельствовать это, дыхание в моих легких обрывается.

Внутри меня дрожат нити страха.

Четверо высоких мужчин окружают тело в нескольких ярдах от них. Их присутствие ужасающе. Это зло и мучения.

Я облизываю губы, их сухость наступает внезапно.

— Что они...

Я кладу нежную, но твердую руку на рот Лиры, заставляя ее замолчать рядом со мной. Распахнув глаза, я качаю головой, прикладывая свободную руку к губам и делая гримасу «шшш».

Все они одеты в черное с головы до ног. Их фигуры сливаются с ночью, один из них стоит позади мужчины, стоящего на коленях на земле. С такого расстояния я вижу, насколько ранено его лицо. Его глаза настолько разбиты, что почти не открываются, грязь и кровь покрывают его скулы.

Кислота бурлит у меня в желудке, и я ничего так не хочу, как блевануть. Мы являемся свидетелями преступления. И я не уверена, что я или Лира сможем его остановить.

Я слышу только бормотание, ничего больше. Только приглушенный шепот и звук кулака одного из них, соединяющегося с его костями. Это сводит с ума, насколько силен удар. Отсюда я особенно хорошо слышу, как ломается его челюсть.

Это похоже на игру в ожидание.

Мы должны бежать? Ждать, пока они закончат?

Мы с Лирой сидим здесь. Прижавшись друг к другу внутри мавзолея, напрягая зрение, чтобы смотреть на этот ужас. Они бьют его. Снова и снова. Ни пощады, ни сочувствия. Только безудержная ярость и сила.

Этот человек, которого придется опознавать по зубам, потому что его лицо стало настолько неузнаваемым, стонет. Но он не молит о своей жизни, он просто ее отдает. Когда они делают паузу, возможно, чтобы задать вопрос, и он не отвечает то, что они хотят, раздается еще один удар по лицу.

На этот раз пауза немного дольше, их внимание полностью сосредоточено на нем. Секунду спустя я слышу шипение существ, которые больше всего ассоциируются с дьяволом. Один из них, тот, что пониже ростом, бросает на парня мешок с разноцветными, склизкими змеями. Они извиваются и обвиваются вокруг его тела, и я никогда не слышала такого ужаса, как сейчас.

Это не просто крик страха. Он в ужасе. Это травмирует его на всю жизнь. Воспоминание о том, как змеи двигались по его коже, шипели и впивались в него. Этот звук врывается из его легких и проносится по лесу.

Я хватаю Лиру за руку, бесшумно направляясь от открытых ворот налево от мавзолея. Мы держимся от них на расстоянии, но все равно направляемся в сторону школы.

Нам нужна помощь. Нам нужно убираться оттуда, пока нас не поймали.

Мы крадемся неторопливо, каждый листик под нашими ботинками, заставляет нас приостанавливаться, задерживать дыхание, чтобы убедиться, что они не услышали, а затем продолжаем двигаться дальше. Это почти больно. Как сильно я напрягаюсь всем телом. Как стараюсь быть осторожной, чтобы не издать ни звука.

Челюсть болит от сжатия, а голова пульсирует от того, что в ней бурлит кровь.

— Брайар, это нож? — нервно шепчет Лира.

Я поворачиваюсь лицом к группе злодеев, хотя пытаюсь не обращать на них внимания, надеюсь, что если это сделаю, то давление в моей груди ослабнет.

Один из них хватается мужчину за волосы и волочет его перед всеми, как жертвенного ягненка. Его шея открыта свету, кадык, покрытый каплями крови, торчит наружу, так как они держат его голову откинутой. Выставляя на всеобщее обозрение.

Я задерживаю дыхание.

Я, как в замедленной съемке, вижу, как фигура в капюшоне поднимает клинок, который на мгновение поблескивает в свете луны. Мое дыхание повисает в воздухе, секунды, кажется, тянутся часами.

Нож проходит по трахее мужчины, и густая багровая жидкость начинает вытекать, как из плотины, которая только что открыла свои шлюзы. Пытаясь выжить, он подносит обе руки к шее, пытаясь удержать давление, чтобы предотвратить потерю крови, но это бесполезно.

Он булькает, выпуская изо рта еще больше крови, борясь за свою жизнь. Она вытекает и вытекает. Последние мгновения жизни покидают его тело.

Кровь заливает всю его одежду, вытекая из него с неестественной скоростью, и остановить ее просто невозможно.

Я подношу руку ко рту, пальцы дрожат на коже, а в глазах собираются обжигающе горячие слезы. Они падают сами по себе, и я не собираюсь их останавливать. Страх окутывает меня. В отличие от тени, которая просто идет следом, страх пропитывает мое тело. Инфекция, которая распространяется в течение миллисекунд. Он поглощает каждую клеточку, каждую мысль, каждую мимолетную надежду, пока между мной и саваном ничего не остается.

Только тьма.

Внутри меня появляется еще кое-что. Если бы меня спросили об этом моменте через годы, может, через часы, я бы не знала, что ответить. Потому что я как бы вне собственного тела.

Моя человечность обрывает все связи с моей душой. Я не чувствую угрызений совести. Ни печали. Ни боли. Как будто мой мозг приказал моему телу полностью прекратить чувствовать. Его единственная цель теперь вытащить меня отсюда живой.

Сделав шаг вперед, я хватаю Лиру за руку и тащу ее в сторону кампуса, но наталкиваюсь на ее сопротивление.

— О... н, он ме... мертв, — бормочет она. — Действительно, мертв. Как будто действительно, действительно...

Ее глаза стекленеют. Одержимые чем-то, что удерживает ее на месте, чем-то, что заставляет ее смотреть. Если бы меня там не было, я бы боялась, что она останется здесь, наблюдая за ними, пока они не уйдут.

— Мертв, Лира. Я знаю. А теперь пойдём, нам нужно выбраться отсюда, пожалуйста. — Я умоляюще дергаю ее за руку.

Дрожь в моем голосе, должно быть, пробуждает ее, и она, наконец, отводит взгляд от сцены и возвращается ко мне. Она кивает, увидев мое лицо, и мы обе начинаем ускорять шаг к выходу.

Я позволяю Лире идти впереди меня, потому что она знает дорогу лучше меня, но без фонариков это просто игра в угадайку.

Ты видишь только вспышки лунного света между деревьями, неравномерные и недостаточные, чтобы осветить землю перед тобой. Поэтому ориентироваться в лесу гораздо сложнее.

Думаю, мы продвигаемся вперед. Думаю, мы могли бы выбраться из этого целыми и невредимыми, но за что-то цепляется мой шнурок, резкий рывок за ногу заставляет меня упасть на землю с тяжелым стуком и легким криком, который я не могу контролировать.

Мое тело падает на мокрую землю, ладони жжет от удара, и я понимаю, по жгучей боли, что порезалась. Но боль кажется пустяком. Честно говоря, она второстепенна.

Потому что, когда я поднимаю глаза на Лиру, она не смотрит на меня. Она смотрит куда-то в сторону группы людей, которые только что хладнокровно убили человека.

Ее рот слегка приоткрыт, а глаза блестят от слез. Она напугана.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть назад, и понимаю, почему.

Как стая голодных волков, только что отведавших свежего мяса, все четыре головы повернуты в нашу сторону. Каждая из них смотрит на нас. Их капюшоны все еще подняты, и я не могу разглядеть в темноте их лица, но знаю, что они смотрят на нас. На меня.

Прилив адреналина проносится по моим венам, грудь сжимается, и на меня накатывает сильная волна головокружения. Я уверена, что на этот раз у меня был внетелесный опыт.

Все чувствует необходимость работать в усиленном режиме, и я понимаю, что это мое тело включило режим борьбы или бегства. И когда речь заходит о том, что выбрать, я решаю, что лучше не спорить.

Я поворачиваюсь к своей подруге, которая все еще не смотрит на меня.

— Лира, — спокойно говорю я. — Беги.

Алистер

Все шло по плану. Все шло чертовски идеально, и я должен был быть готов к тому, что все полетит к чертям собачьим.

Сайлас и Тэтчер схватили Криса на парковке, солнце уже село, и хлороформ подействовал как заклинание. Он потерял сознание за несколько секунд.

Они встретили меня в нескольких милях от школы, Тэтчер перекинул его тело через плечо. После того, как Сайлас просмотрел его телефон, не найдя ничего полезного, кроме истории поиска порно-аниме, мы бросили телефон в машину, чтобы его не отследили. И Рук сбросил машину с обочины шоссе Девилс, с высоты ста футов в Тихий океан. Ее бы не нашли в течение нескольких месяцев, и к тому времени не смогли бы найти его тело.

Когда мы все встретились здесь, в лесу, и Крис очнулся, все после этого тоже пошло по плану.

Ну, потребовалась минута или две, чтобы он заговорил, и после того, как он закончил кричать, а я избил его до полусмерти. Он так и не понял гребаного намека. Мы не принимали «нет» за ответ.

— Просто расскажи нам, как твой продукт оказался введенным в шею мертвой девушки, Крис. Ты расскажешь нам, и все это исчезнет, — рявкаю я ему в лицо, пока он стоит на коленях на земле.

У него одно из тех шикарных лиц, с очень тонким носом и большими глазами. Я знал Криса до этого момента и до начала работы в Холлоу Хайтс. Я знал его до того, как начал ходить на занятия, на которые ранее не ходил, просто чтобы посмотреть, каким он будет дерьмовым помощником преподавателя, листая свой телефон и играя в Кэнди Краш.

Он дружил с Дорианом в старших классах. Вместе они ходили в одни и те же кружки, оба были в команде по плаванию, и Крис всегда был придурком. Просто есть люди, к которым он прилипает, как клей.

— Иди на хуй, Колдуэлл. Это не пройдет бесследно, мой отец узнает об этом! — жалуется он, светлые волосы покрыты отвратительной грязью, слова вылетают с запинками из-за разбитой губы.

Я обеими руками хватаю воротник его рубашки, крепко сжимая материал, и поднимаю его к своему лицу.

— Ты думаешь, я боюсь твоего гребаного папочки? Единственный человек, который сейчас должен бояться — это ты. Особенно если ты не расскажешь мне, что знаешь, — повторяю я.

В воздухе витает какое-то предчувствие. Своего рода кайф. Он гудит и скользит по моему телу, как ток под напряжением, потому что я знаю: что бы ни случилось сегодня вечером, Крис Кроуфорд не выйдет из этого леса живым.

Чувство, что я узнаю правду о Роуз. О мести за душу, которая не заслуживала того, что получила. Моя хватка, кажется, крепче сжимает его рубашку, челюсть подергивается от нетерпения.

Я не удивлен, просто не думал, что у него хватит смелости сделать что-то вроде плевок мне в лицо. Но, конечно, он подается назад и плюет прямо мне на щеку. Теплая слюна, смешанная с кровью, становится для меня переломным моментом.

Он гогочет, когда я отворачиваюсь от него и с глухим стуком сбиваю его на землю. Демоны, живущие в моей голове, бесятся. Мне надоело играть свою роль. Правда заключается в том, что я наименее опасный из нас четверых. Я всегда это знал.

— Я не могу передать тебе, как сильно ты об этом пожалеешь, — говорит Тэтчер у меня за спиной.

Я живу ради боли. Ради того, чтобы видеть, как люди ломаются под моими ногами и поддаются агонии, которую я заслужил. Если бы я больше никогда не ел, но мог продолжать причинять вред другим и питаться только энергией, которая исходила от их страданий, обещаю, я бы так и сделал.

Но есть что-то, что связывает всех нас четверых. То, чем мы все наслаждаемся, — это страх людей. Мы никогда не хотели быть популярными или королями бала. Мы хотели вселять во всех страх. Чтобы, когда мы входим в комнату, все боялись поднять глаза. Боялись, что зрительный контакт станет последней каплей перед тем, как мы совершим что-то ужасное.

Я старался узнать, что именно пугает человека. Что заставляет его сердце биться, а ладони потеть.

Хотя я в курсе, что Крис упивается и наслаждается тем, что накачивает девушек на вечеринках в старших классах, только чтобы переспать, я также знаю о нем кое-что очень важное, что поможет мне получить то, что я хочу от него сейчас.

Крис смертельно боится змей.

Однажды летом он был в поместье, возился во дворе с моим братом, когда мимо них проползла простая, безобидная садовая змея. Дориан несколько дней смеялся над моментом, когда Крис завизжал, как девчонка и, не раздумывая, убежал в дом.

Я наслаждаюсь этим воспоминанием. Этот дар был дан мне в столь юном возрасте. Помнить, что именно по-настоящему пугает людей. Не только внешне, но и под всем этим. Что вызывает у них мурашки по коже и дарит ночные кошмары.

А потом я этим пользовался. Потому что жаждал власти, которую получал.

Мы все так делаем.

Единственная настоящая сила в жизни — это страх.

Деньги можно отнять. Титулов можно лишиться. Но создавшуюся нами репутацию, такую, от которой по позвоночнику пробегает дрожь у каждого, как только мы входим в комнату, уже не отнять.

Я поднимаю нижнюю часть футболки, грубо вытирая лицо. Слюна убирается с легкостью.

— Ты принес их? — спрашиваю я Рука.

Он поднимает коричневый мешок, слегка встряхивает его, вес его кажется тяжелым.

— Конечно, да. Это не первое мое родео. Ты забыл о нашем выпускном бале?

Выпускной бал, на котором мы так и не побывали. Ну, технически.

Однако мы выпустили в здание, где он проходил, четырех взрослых удавов. Они никого не укусили, но было забавно сидеть на крыше и наблюдать, как ученики и учителя высыпали на парковку. Их крики эхом доносились изнутри.

Один из многих трюков, которые мы проделывали.

Рук подходит к Крису, держа мешок в одной руке. На мгновение в глазах Криса появляется облегчение, он благодарен, что я перестал его бить. У меня подгибаются пальцы ног при мысли о том, что через несколько секунд он будет умолять меня выбить из него все

дерьмо, если мы остановим происходящее. Рук подходит к Крису сзади и говорит:

— Смерть от укусов змей — это не выход, Крис. — Затем аккуратно переворачивает мешок вверх дном и высыпает содержимое на стоящего перед ним на коленях человека.

Черные, красные и желтые змеи рассыпаются по его телу. Покрывая его плечи и колени. Проходит меньше миллисекунды, прежде чем он понимает, что происходит. Крис осознает, что его худший страх сбылся.

— Как там в песне, Тэтчер? Красный и желтый цвета могут убить человека? — спрашивает Рук, приседая за Крисом, произнося это достаточно громко, чтобы он услышал его слова за истерикой.

Крики после этого становятся настолько громкими, что не понять, как мы его мучаем. Они настолько сильные, что уверен, Крис преодолел звуковой барьер. Я даже не уверен, что человеческие легкие обладают достаточной емкостью, чтобы издавать такие крики.

Крис дико размахивает руками, разбрасывая глупых существ в разные стороны, их хлипкие тела кружатся на ветру. Вряд ли он знает, что если бы он просто сидел спокойно, они бы занялись своими делами и оставили его в покое.

Но коралловые змеи кусаются, когда им угрожает опасность, а когда ты — змея, и тебя подбрасывают, это выглядит довольно угрожающе. Первый укус приходится на шею, маленькая пасть змеи открывается, чтобы выпустить второй по ядовитости нейротоксин в мире. Другой укус приходится в руку. После двух укусов у него останется менее трех часов до того, как вся его дыхательная система отключится.

— Скажи нам то, что мы хотим знать, Крис. Ты можешь закончить это, — предлагаю ему я. — Смертью от нейротоксина очень болезненна. Пот, рвота, мучительная боль. Я могу сделать так, чтобы это прошло.

Я иду к его бледнеющему телу, мне любопытно, почему он так упорно молчит. Что он скрывает?

Крики стихают, их место занимают рыдания. Его тело сотрясается от силы его слез. Крис смотрит на меня, бледное лицо и молочные глаза. Безнадежный, сломленный, воля внутри него сломалась под моим напором.

— Я получил сообщение! Я получил со... сообщение от моего парня! — с дрожью умоляет он. — Пожалуйста, просто уберите их! Сними их, и я скажу вам!

Крис захлебывается слезами, стекающими по его лицу, прокладывая путь сквозь кровь, которая по консистенции напоминает краску.

Рук приходит ему на помощь — настолько, насколько это возможно после укусов змей. Ногой он отодвигает их от его дрожащего тела. Подбирает несколько из них голыми руками и кладет в нескольких футах от себя. Одну он держит в руке, играя с ней,

— Положи это дерьмо на землю, пока тебя не укусили, — ругаю его я.

Он закатывает глаза, кладет ее на землю.

— Да, капитан осел.

Мой взгляд возвращается к Крису, и я наблюдаю, как он барахтается на руках и коленях. Все содержимое его желудка вываливается на землю. Не знаю, от нервов это или от укусов. В любом случае, мне трудно испытывать к нему жалость.

Мне интересно, чувствовала ли себя так Роуз. Если бы это он покончил с ее жизнью, чувствовала ли она себя так же. Умоляла ли она, плакала ли, звала Сайласа? У меня раздуваются ноздри, я ботинком давлю в бок Криса, опрокидывая его на спину.

— Говори.

— Я не делаю наркотики, — кашляет он. — Я не... я просто собираю их и бросаю туда, куда нужно. Когда я начал там работать, мне пришло сообщение со случайного номера. Я думал, что это фигня, но на моем счету всегда были деньги после сброса. Моя работа ни хрена не оплачивается, а это дополнительные деньги.

Он вздыхает, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Я получил сообщение от своего парня, я не знаю, кто он, только знаю, что он сказал мне, где забрать наркотики и куда они направляются. Он сказал мне, что у него есть кое-что, о чем мне нужно позаботиться, я просто подумал... подумал, что это очередная партия наркотиков или что-то в этом роде. Сказал, что заплатит мне за это двадцать пять сотен.

Все в этом городе сводится к деньгам. Все. Все здесь продали душу дьяволу за гребаные пятаки и десятицентовики.

— Продолжай, — приказываю я.

Он, морщась, подносит руку к шее, где место укуса опухло и покраснело.

— Я пришел по адресу, и там была припаркованная машина. Он сказал мне проверить багажник, и тогда я нашел ее. Она была уже мертва! — говорит он в панике.

— Я сказал ему, что это не для меня. Я не мог этого сделать, но все, что ему было нужно, это чтобы я подбросил ее тело, чтобы все выглядело как случайная передозировка. Это были легкие деньги, мужик! Так что я... я просто, я... я оставил ее в том доме-ловушке, потому что знал, что там все еще тусуются подростки.

Его объяснение только злит меня еще больше, оно не успокаивает и даже не помогает. Это только усугубляет ситуацию.

— Значит, мы просто должны поверить, что ты ее не убивал? Должны поверить тебе на слово, Крис? — спрашивает Тэтчер.

Крис поднимает руку в защиту.

— Клянусь! Я клянусь! Это все, что я знаю! Я не знаю, кто убил ее, — плачет он, как новорожденный ребенок. — Парень, который пишет мне, — учитель, он делает наркотики, создает их в школьных лабораториях. Я думаю, это он, он это сделал! Я не знаю, пожалуйста, чувак, не дай мне умереть!

Крис медленно превращается в очередное рыдающее месиво, боль начинает усиливаться. Он сворачивается калачиком, обнимая себя.

Я провожу руками по лицу. Я так чертовски устал бегать по кругу. Еще больше тупиков. Еще больше людей, которые, блядь, ничего не знают. Я бью кулаком в кору ближайшего дерева, раскалывая первый слой и, судя по ощущениям, сильно порезав костяшки пальцев.

— Господи, мать твою! — кричу я в небо.

И если я думал, что зол. Если я думал, что в этот момент моя ярость была неуголима, то я не могу представить, что чувствовал Сайлас, когда появился из тени.

Он не оставляет Крису ни единого шанса оправдаться, Крис похоронил себя в тот момент, когда признался, что приложил руку к мертвому телу девушки. Ничто не может помешать ему подойти к Крису сзади, схватить его за волосы и рывком поставить на колени.

Я не спорю, глядя, как острый слепой разрез проходит прямо по плоти шеи Криса. Густая жидкость вытекает из раны, проливаясь на землю.

Наступает момент тишины, наше тяжелое дыхание и звук тела Криса, бьющегося в поисках помощи, которую он не получит ни от кого из нас.

Нам требуется секунда, чтобы принять тот факт, что Сайлас только что убил человека. Впервые он оборвал жизнь человека, и это должно задеть меня сильнее, чем задело. Что-то

внутри меня должно измениться, если я считаю себя нормальным человеком. Но я не считаю. Это похоже на обычный день.

И с этого момента все превращается в абсолютное дерьмо.

Я слышу это.

Звук треснувшей ветки, который может принадлежать животному, но потом до меня доносится крик девушки. Он раздаётся эхом вокруг нас, но я могу сказать, что он близко. Слишком близко.

Я поворачиваю голову в сторону звука, но вижу только деревья, пока луна не освещает, откуда доносится крик.

Не животное, а очень испуганная Брайар Лоуэлл лежит на лесной траве. Ее подруга, стоит позади нее, смотрит на нас с отвисшей челюстью.

Я встречаюсь взглядом с Брайар. Я вижу, как переключатель в ее мозгу переходит в режим инстинкта, а не на обычные человеческие реакции. Она готова броситься наутек.

Меня захлестывает смесь эмоций. Одна из них раздражение. Какого хрена она оказалась посреди этого леса? Неужели следила за нами? Раздражение от того, что теперь у меня появилась еще одна проблема, с которой мне придется разбираться. Раздражение от того, что она может стать причиной того, что мы сядем за убийство.

Брайар только что превратилась из приятного на ощупь, надоедливового вредителя в общественного врага номер один.

Однако другая эмоция азарт.

Удар кремня внутри плотской части меня.

В ее глазах, как у раненой зебры, ничего, кроме страха и выживания. Они только что стали свидетелями всего того, что мы сделали с Крисом. Они только что увидели, на что мы способны, и я сильно сомневаюсь, что девушки планировали держать рот на замке по этому поводу.

Как и в ту ночь на вечеринке, она знает, что я буду делать дальше.

Брайар знает, что я охотник, а она — моя добыча. Тогда даже больше, чем сейчас.

Естественный отбор в его лучшем проявлении.

Гонка за тем, кто больше хочет. Они хотят жить, а мы не собираемся попадаться.

Хищник против жертвы.

И я никогда не проигрываю.

— Блондинка — моя, — высокомерно говорю я.

Рук завывает в ночи от смеха, зловещий гогот отскакивает от деревьев. Он ничего не принимает всерьез и просто рад участвовать в погоне. Тэтчер уже бежит за ними, а Сайлас решает подождать с телом Криса, пока мы не разберемся с этой проблемой.

Ноги сами несут меня сквозь извилистые деревья, дождь падает мелкими каплями, стекая по футболке. Ботинки грохочут под моими ногами, вдавливаясь в землю и толкая меня вперед. Я вижу пряди ее волос цвета дикого меда, которые яростно хлещут ее по спине, когда она размахивает руками, желая унести подальше от меня.

Я вхожу в режим инстинкта. Игнорирую жжение в груди от нехватки кислорода. Я не думаю о том, что будет после этого. Адреналин, кипящий в моих внутренностях, позволяет мне сосредоточиться только на одном.

Поймать ее.

Мои рефлексы помогают в этот момент больше, чем когда-либо прежде, когда я уворачиваюсь от деревьев, упавших веток и камней, торчащих из земли. Я наблюдаю, как на

бегающих ногах Брайар натягивая узкие джинсы. Ее красно-черная клетчатая рубашка развеивается на ветру.

Моя маленькая красная шапочка убегает от большого злого волка.

Наша история неизбежна.

Я ловлю ее.

Я пирую.

Ее левая нога подводит ее. Брайар цепляется за заросший корень, спотыкается и я ее догоняю.

Я наступаю ей на пятки, она чувствует меня позади себя, вся вера в то, что ей удастся вырваться, постепенно покидает ее тело, и ее скоро охватит безнадежность.

Сделав рывок вперед, я обхватываю ее за талию и притягиваю к своему телу, пока мы падаем вперед. Я инстинктивно изгибаюсь, чтобы моя спина приняла удар на себя.

Мы падаем на землю, катимся и останавливаемся. Брайар вырывается из моих рук, ползет на четвереньках, пытаюсь отползти от меня. Я хватаю ее за лодыжку и притягиваю к себе.

Быстро маневрирую, чтобы сесть на нее сверху. Прижимаю ее к себе за талию. Оба моих колена расположены по обе стороны ее тела. Брайар царапается, брыкается руками и ногами, делает все возможное, чтобы сбросить меня, но это бессмысленно.

Крик вырывается из ее груди, и я закрываю ей рот рукой, вдавливая ладонь в ее губы. Другой рукой беру ее руки и держу их над головой.

Мы находимся всего в двадцати ярдах от кампуса, а это значит, что нам придется действовать деликатно. Я не могу допустить, чтобы ее крики разбудили всю школу.

— А я-то думал, что ты умная, — вздыхаю я, моя грудь вздымается от погони, на моем лице появляется улыбка. — Ты должна знать, что происходит, когда бежишь. Я лишь еще больше хочу тебя догнать.

Брайар ударяет меня коленом по заднице — печальная попытка столкнуть меня с ее тела. Я хвалю ее за эту попытку, какой бы печальной она ни была. Я могу восхищаться теми, кто борется, а не умоляет о помощи. Таким человеком, который сам стал своим спасителем.

Она кричит в мою ладонь, все ее крики приглушены. Проходит совсем немного времени, прежде чем она понимает, что криками ничего не добьется.

Я рывком поднимаю Брайар с земли, толкая перед собой, ее руки в моих тисках за спиной, а другой я все еще зажимаю ей рот.

Из леса появляется Рук, в руках у него ее подруга в такой же позе. Он тяжело дышит, его длинные волосы взъерошены и развеиваются. Должно быть, она тоже здорово сопротивлялась.

— Ну, похоже, у нас небольшая проблема, — саркастически говорит Тэтчер, поправляя пиджак и прочищая горло. Положив руки на бедра, он делает глубокий вдох.

— Небольшая? Они только что видели, как мы кого-то убили. И что, блядь, мы будем с ними делать? — вздыхает Рук, легкая паника в его голосе раздражает меня.

Я об этом позабочусь. Я всегда об этом забочусь.

— Я имею в виду, что у нас есть варианты, — говорит Тэтчер, глядя на Брайар. — Похоже, ты поймал того, кого хотел, Али.

Затем его взгляд перемещается на подругу Брайар.

Я видел ее раньше, мельком, может быть два раза за всю свою жизнь, но я знал, что она живет где-то здесь. Просто не был уверен, кто она такая.

Тэтчер наблюдает за ней, и она отвечает ему тем же. Их взгляды устремлены друг на друга в каком-то странном сатанинском брачном ритуале.

— Мы не можем, черт возьми, убить их, Тэтч.

Мой светловолосый друг, у которого проблем больше, чем у хастлера¹⁰, улыбается в темноте. Луна светит на него, ослепляя нас.

— Кто сказал? — приподнимает он бровь, все еще глядя на маленькую темноволосую девушку.

Появляется вспышка его перочинного ножа, и Брайар застывает в моих руках. Прямая, как доска. Я чувствую, как волосы на ее руках встают дыбом.

Раньше она казалась мне хрупкой. Сейчас, когда Брайар прижалась ко мне, я вижу, что она довольно высокая для девушки. Глубоко вдохнув, я так же замечаю, что от нее пахнет цветами.

Нежно, экзотически, сладко.

Брайар дергается в моих руках, возражая против заявления Тэтчера. Не знаю, борется ли она за себя или за свою подругу, которая стала предметом восхищения моего друга-психопата.

— Успокойся, девочка, — бормочу я ей в волосы. В моем голосе звучит ухмылка, но я говорю это так, как если бы вы разговаривали с испуганной лошадью.

— Это говорю я, Тэтчер. Мы убиваем их, и мы не лучше тех мерзавцев, за которыми охотимся, — спорит Рук.

— Мило, Рук. Вот чего ты никогда не поймешь. Я ничем не лучше их, — говорит Тэтчер.

— Может, вы двое заткнетесь, чтобы я мог подумать? — выдавливаю я из себя.

Как бы легко ни было их сейчас убить, это не лучшая идея. Они, к сожалению, еще ничего не сделали. Так что убить их означало бы убить невинных людей, а это не то, чем я увлекался.

Однако их убийство гарантировало бы нам с парнями защиту. Я бы сделал все, чтобы с ними ничего не случилось, даже если бы это означало причинить боль кому-то невинному.

Черт побери.

— Мы их не убьем. Потому что они будут молчать, не так ли, Брайар?

Она дрожит в моих объятиях, как будто ее только что пронзил холодный озноб, *это правда, детка, я знаю все о твоей сладкой заднице.*

Я крепче сжимаю ее руки, наклоняю голову к ее плечу, мое дыхание проносится мимо ее уха:

— А если нет, знаешь, что я с тобой сделаю? Хочешь знать, что я сделаю с твоей подружкой? Что позволю ему сделать с твоей подружкой? — киваю я в сторону Тэтчера.

С ее губ срывается тихий стон, который она вряд ли хотела испустить. Я скриплю зубами, мой член дергается в джинсах, прижатый к ее заднице.

— Покажи мне, как ты напугана, — рычу ей в ухо, звук моего голоса заставляет ее дрожать.

«Дай мне это», — хочу прошептать я. — *«Позволь мне питаться этим».*

Я хочу видеть ее на коленях, смотрящей на меня этими глазами-калейдоскопами, готовой сделать все, что я захочу. Я так возбужден в тот момент.

Я хочу оказаться под ее кожей. Поверх ее тела. Между ее ног. Пировать, покорять, показать ей, как сильно она может кончить, когда ее трясет от удовольствия и страха.

Мы их не убьем. Это слишком просто. Это не весело.

Мы сделаем то, что умеем лучше всего.

Напугаем.

И втайне я не боялся, что они настучат. Что такого могла сказать никто из Техаса и ее подруга, чтобы хоть кто-то поверил?

— Блядь! — кричит Рук, закрывая лицо руками, а его пленница бежит в сторону школы.

Я слишком сильно отвлекаюсь на Рука, чтобы предвидеть, что Брайар вопьется зубами в кожу моей ладони и с силой пихнет меня локтем в живот, заставив отпустить ее.

Обе девушки убегают в кампус, оставляя вместо себя пыль.

Рук и Тэтчер собираются бежать за ними, но я останавливаю их.

— Не надо.

— Но что, если они...

— У меня есть план.

Это все, что я говорю, и для них этого достаточно.

Они доверяют мне. Они знают, что все, что я делаю, я делаю для них.

Брайар

Я чувствую себя больной.

Физически, умственно, духовно — все, что только возможно в человеческом теле.

Последние два дня меня мучает тревога.

Я постоянно оглядываюсь через плечо, ожидая увидеть полицейского или, что еще хуже, одного из них. Еда едва имеет вкус, и, что еще хуже, я едва могу что-нибудь проглотить.

Каждый раз, когда что-то попадает в желудок, я думаю о крови. Думаю о змеях и криках, отправляя все, что я проглотила, обратно в горло.

Мои внутренности горят, кислотный рефлекс и необходимость кому-то рассказать. Кому-нибудь. Сохранение этого секрета, который я не должна хранить, убивает меня изнутри. Съедает меня.

Ночами меня преследуют мертвые тела, смерть и гниющие трупы, и я ворочаюсь, пока тусклое солнце не заглядывает в комнату общежития.

Кошмары о том, как мое сердце едва не вырывается из груди. Мои ноги болят от бега, но этого все равно недостаточно, чтобы вырваться из его лап. Я вижу его глаза во сне, я вижу их, когда он лежал на мне, заглядывая в мою душу.

Такие темные. Злые. В них столько ненависти.

От этого я вскакиваю с кровати, вся в поту. Его голос звенит у меня в ушах:

«Покажи мне, как ты напугана».

Его руки держат мои запястья, его пальцы впиваются в мою кожу. Его ладонь над моим ртом, его запах, от которого мне становится больно. Я все еще чувствую его грубое, твердое тело, вжимающееся в мое.

Он опасен. Как молния. Все в нем заставляет меня чувствовать себя беззащитной и уязвимой. Я в его власти. Он может делать со мной все, что хочет, и я ненавижу это.

Ненавижу его за ту власть, которую он надо мной имеет.

Но больше, чем его друзья-психопаты, чем его убийственные руки, меня пугает то, что, хотя я боюсь за свою жизнь, это меня возбуждает.

В тот момент я почувствовала себя живой. Каждая клеточка внутри меня наполнилась жизненной силой. Я могла бы без страха прыгнуть со скалы, ограбить банк. Я чувствовала себя сверхчеловеком благодаря адреналину, который бурлил во мне.

Мое тело все еще держится за влечение, которое я испытывала к нему в ночь вечеринки. Мой разум понимает, как опасно тянуться к такому парню, как он, мой мозг понимает последствия. Разрушения, которые он может причинить.

Но мое тело.

Моему телу нравится поток электричества. Эндорфины.

Рисковать своей жизнью, своей свободой — это то, что я делала с тех пор, как меня научили воровать. Это наркотик, с которым я завязала до приезда сюда, и к которому я твердо решила не возвращаться.

И руки Алистера Колдуэлла для меня — самый худший вариант рецидива.

За это я ненавижу его больше всего.

Мысли о нем заставляют меня потянуться в карман толстовки и провести пальцем по громоздкому кольцу, которое когда-то украшало руку короля моих кошмаров. Я чувствую

полые кусочки от его вырезанных инициалов, поглаживая по ним снова и снова.

Я украла его на случай, если нас действительно убьют. Так полиция будет знать, кого искать. Если я и пойду ко дну, то не одна.

Последние два дня я жду логического завершения. Чтобы увидеть, как он войдет в мой класс математики, направится прямо ко мне и задушит меня голыми руками. Закончив работу, которую начал в лесу.

Я не видела ни одного из них, и Лира тоже.

Тихие скрипы и стоны почти древней библиотеки заставляют меня вздрогнуть. Я быстро поворачиваю голову через плечо, чтобы убедиться, что позади меня ничего и никого нет.

Напрягаю глаза, чтобы отыскать его между бесконечными рядами тускло освещенных книжных полок, почти ожидая, что он притаился в тени. Однако там никого важного, только другие студенты, ищущие материал.

Я поворачиваюсь на своем месте, подтягиваю ногу и подминаю ее под себя. Снова надев наушники, я возвращаю свой взгляд к ламинированным газетным статьям.

Отдел генеалогии в школьной библиотеке оказался гораздо обширнее, чем я думала. Я прочитала, казалось, сотни статей об истории этого места и города, на территории которого оно расположено.

В основном, я ищу все, что связано с фамилиями Колдуэлл, Ван Дорен, Хоторн и Пирсон. Все это похоже на сложную шахматную партию, и я ужасно проигрываю, потому что не знаю своего противника как следует.

Судя по тому, что я читаю, каждый из них потомок основателей города. Их семьи переплетаются с тысяча шестисотых годов. Что означает старые деньги и еще более старые секреты. Хотя о них самих практически ничего не известно, вокруг их семей множество сообщений.

Отец Сайласа один из самых успешных в мире владельцев технологий. Он создал систему, которая защищала крупные корпорации от кибервзломов. Казалось, любая компания, которая зарабатывала деньги, инвестировала в Хоторн Инкорпорейтед. У Сайласа также есть два младших брата, которые учатся в средней школе и довольно умны, завоевывают награды направо и налево.

Семья Рука переполнена адвокатами и судьями. Людьми, ответственными за уравнивание весов добра и зла. Как они могли так ошибиться с этим поколением? О его маме почти ничего не известно, и я даже не уверена, что она существует.

Пирсоны, не имея лучшего слова, являлись шлюхами внимания. О Тэтчере имелось мало информации, что меня не удивило, но его богатейшие дедушка и бабушка были повсюду. Они построили империю недвижимости после ухода из фермерского бизнеса в пятидесятых годах. Но самый большой скандал вокруг этой семьи был связан с отцом Тэтчера, который в настоящее время находился в камере смертников после убийства тринадцати женщин за четыре года.

А я-то думала, это моя семья облажалась. Я просто воплощение счастья по сравнению с некоторыми из этих людей. Я имею в виду, представьте, что вы растете сыном серийного убийцы, и не можете не задаться вопросом, что это делает с ребенком.

Невозможно не понять, как он стал таким, как сейчас.

Это также заставляет меня задаться вопросом: это природа? или воспитание? Есть ли что-то биологически закодированное в мозгу Тэтчера? Или социопатические наклонности

проявились только после того, как мир сказал ему, что он чудовище?

Несмотря на то, что про другие семьи было множество статей, Колдуэллы лидировали в публикациях Пондероза Спрингс.

Бесконечные страницы их истории. Как они возникли из ничего и создали наследие. Изначально они переселились в этот район за свободой вероисповедания и на основе этого создали один из самых богатых городов в мире. Более того, я узнала, что у Алистера есть старший брат по имени Дориан, и он, похоже, любил быть в центре внимания.

Звездный пловец, выпускник средней школы и университета Холлоу Хайтс, он получил практически все награды, которые только можно придумать. Я чуть не задохнулась от того, как они похожи. Почти как близнецы, хотя Дориан старше. Главное отличие заключалось в том, что Дориан был жизнерадостным, яркая улыбка освещала его черты лица, поэтому его темные волосы и глаза не казались такими уж темными.

Согласно этой новейшей статье, сейчас он живет в Бостоне, участвует в одной из лучших программ ординатуры в Соединенных Штатах и скоро станет хирургом.

Я не могу оторвать взгляд от фотографии на первой странице прошлой статьи о семейных узах, мистер и миссис Колдуэлл гордо стоят позади Дориана, каждый из них держит руку на его плече, а он сидит в кресле перед ними. Все это время Алистер отеснен в сторону, ни тепла, ни внимания, ему ничего такого.

Он чужой везде. В том числе и в кругу своей семьи.

— Эй, ты готова идти?

Я вскакиваю, положив руку на сердце, от быстрой смены скорости мне хочется потерять сознание. Я так взвинчена, беспокойна, что все заставляет меня вздрагивать.

— Прости, я не хотела тебя напугать, — мягко улыбается Лира, ее рука все еще лежит на моем плече.

Я быстро собираю исследования, в которые погрузилась, складываю их в аккуратную стопку, а затем киваю.

— Да, давай вернемся до темноты, — говорю я.

Обычно я не против прогулок по кампусу ночью. Но обычно я также не беспокоюсь о четырех убийцах-мудаках, затаивших на меня злобу.

Вместе мы выходим из библиотеки. Мгновенно я плотнее закутываюсь в одежду, чтобы прохладный ветерок не проник сквозь нее.

— Я знаю, что ты не хочешь говорить об этом, но думаю, что нам нужно это сделать. Нам нужно разработать план, кому мы расскажем, — я прерываю молчание нашей прогулки.

Для любого прохожего мы просто две девушки, болтающими о жизни.

Я хотела рассказать кому-нибудь сразу после того, как окажусь в безопасности. Я все еще хочу кому-нибудь рассказать. Мне кажется, что сейчас самое подходящее время.

Единственная причина, по которой я этого не сделала, заключается в том, что Лира упорно твердит, что это ужасная идея.

Она искренне боится их, даже мысль о том, что они узнают, что мы что-то сказали, приводит ее к нервному срыву.

— Только не это. Я думаю, мы договорились не говорить об этом, — умоляюще твердит в ответ она.

— Нет, нет. Ты согласилась. Я никогда этого не говорила. Это наша обязанность — рассказать кому-то. А как же семья того человека? Разве ты не думаешь, что они заслуживают знать?

Меня беспокоит мысль о том, что где-то там кто-то пропал. Кто-то, у кого есть семья, а мы еще никому не сообщили.

— Ты не понимаешь, Брайар, — снова говорит мне Лира, пока мы идем по территории к нашему общежитию. Моя тонкая куртка плохо справляется с прохладным ветром. Лето давно прошло, а осень наступила быстро.

— Я знаю, что у них есть деньги, но это не защищает их от всего, — спорю я в сотый раз. — Это не фильм Тарантино. Людям не сходят с рук такие вещи, если ты кому-то расскажешь.

— Могут, если у тебя правильная фамилия, смотри, — вздыхает она, быстро оглядываясь вокруг себя, как бы убеждаясь, что их там нет. — Они — сыновья семей-основателей. В Пондероза Спрингс все иначе, чем там, где ты выросла. Тут есть иерархия, негласные правила, и одно из них — эти мальчишки неприкасаемы.

Все это звучит просто невероятно. Неужели они настолько защищены, что им действительно может сойти с рук убийство?

— Я знаю все об этом. Семьи-основатели. Богатое дерьмо. Я знаю. Мы можем обратиться к властям за пределами Пондероза Спрингс. У нас есть варианты, Лира. Мы не можем просто позволить им выйти сухими из воды. Их наследие не делает их невидимыми для закона.

Ее лицо каменное, серьезное, но я все еще вижу в ее глазах страх.

— Да, это так. Они выше всего этого. Конечно, каждый из них ненавидит свое богатство и семью за тот ущерб, который они нанесли, но эти фамилии защищают их от *всего*. То, что они вообще нас отпустили — это подарок. Ты не знаешь, потому что выросла не здесь, но они сделают все, чтобы защитить друг друга. Будут лгать, воровать, обманывать, убивать. Мы — жвачка под их ботинками. Меду нашими жизнями и перспективой сесть в тюрьму они всегда выберут себя.

Мои конверсы стучат по булыжнику, пока мы идем по кампусу, мимо нас проходят другие студенты. Все они беспокоятся об оценках или вечеринках, а мы почему-то оказываемся в стороне. Мы беспокоимся о своей жизни и о том, что мы сделали, чтобы так проклясть Бога, что он бросил нас на пути Ублюдков.

Я крепче сжимаю кольцо Алистера.

— И что, ты действительно хочешь держать это в себе? Вести себя так, будто этого никогда не было? Думаешь, ты сможешь это сделать? — спрашиваю я.

— Не осуждай меня! Ты этого не видишь, но так будет лучше для нас обоих, — отвечает она, проскальзывая в дверь первой.

— Лира, мы не можем...

— Брайар! Я уже знаю, что происходит, когда ты доносишь на таких людей, как они. Когда ты раскрываешь секреты о тех семьях, о которых тебе не положено говорить, — скидывает руку Лира. — Вся моя жизнь разрушена, потому что моя мать думала так же, как ты. И теперь из-за этого она гниет на шести футах под землей.

Ее голос дрожит, нижняя губа подрагивает, когда она поворачивается лицом ко мне в коридоре.

Я нахмуриваю брови.

— О чем ты говоришь?

Я предполагала, что ее мать умерла от сердечного приступа, может, в автомобильной аварии? Какое отношение они имеют к смерти ее матери?

Ли́ра проводит рукой по своим вьющимся волосам, от дождя они пушатся, пальцы застревают в них, и она разочарованно вздыхает.

— Генри Пирсон — вот о ком я говорю. Отец Тэтчера. Мясник Спрингс. Он убивал и насиловал женщин. Держал их в своем подвале неделями, просто чтобы продлить пытку как можно дольше. Он делал с этими женщинами невыразимые вещи. И поскольку моя мать пыталась быть героем, пыталась быть похожей на тебя, она оказалась одной из этих женщин.

Я распахиваю глаза, пузырьки кислоты в желудке вызывают у меня тошноту.

Несколько недель назад это место было мечтой. Землей возможностей.

Но оно быстро превратилось в мой самый страшный кошмар.

— Она увидела, как он кладет тело в багажник, когда выходила на пробежку. Она сразу же обратилась в полицию, думая, что они что-нибудь сделают. Думала, что они защитят, — насмехается Ли́ра, сильно прикусив нижнюю губу и глядя в потолок. — Но она поняла, что нет никого, кто мог бы защитить тебя от такого человека. Здесь негде спрятаться. Не от семей основателей.

Гневные слезы наворачиваются на ее глаза, собираются в уголках, а затем катятся по щекам.

— Я была там в ту ночь, когда он появился.

Я ахаю, прикрыв рот пальцами, как будто это может предотвратить конец истории Ли́ры.

— Он ворвался в дом, и моя мама посадила меня в свой шкаф. Мне нравилось спать с ней, когда я была маленькой. Она пыталась позвать на помощь, но это было бесполезно, он одолел ее. Я видела, что он сделал с ней, Брайар. Видела, на что способны такие мужчины, как они. Я видела смерть той ночью. Я лежала рядом с ней, пока на следующий день не пришла уборщица. Я видела, как она разлагается и разбухает. Видела все это. Я видела, что произошло, и пытаюсь предупредить тебя. Пытаюсь спасти тебя, умоляя ничего не говорить. Все закончится не так, как ты думаешь.

Слезы капаят из ее глаз, стекая по подбородку на пол в коридоре нашего общежития. Я даже не знаю, что сказать. Как ответить на такое?

Последние два дня я только и делала, что приставала к ней с расспросами о том, что нужно кому-то рассказать, кому угодно, что мне нужно выпустить это из себя, но я не понимала, что это может сделать с ней.

Как я выложу все не тем людям, которые повлияют на ее и мою жизнь. Я никогда раньше не была в таком положении, находясь во власти кого-то другого. И ничего не могу сделать, чтобы защитить себя или Ли́ру. Мы не можем позвать на помощь или протянуть руку помощи. Мы одни.

Я задерживаю дыхание, тянусь вперед и хватаю Ли́ру за руку, показывая свою поддержку. Это неизвестное чувство в моем животе. Узлы нервов и беспокойства, потому что я не знаю, что будет дальше. Не знаю, каким будет мой следующий шаг, но мы сделаем это вместе.

Оставят ли они нас в покое? Закончат ли они то, что начали? Что они вообще делали, убивая кого-то? Что в их жизни было настолько плохо, что они решились на убийство?

Это были вопросы, на которые, как я боялась, никогда не получу ответов.

— Хорошо, я понимаю. Я ничего не скажу. Обещаю, — тихо шепчу я, притягивая ее в крепкие объятия.

Хотя я сама не до конца верю в свои слова. Я ничего не скажу, пока не буду уверена, что

с Лирой ничего не случится.

Я закрываю глаза на мгновение, думая о том, как ужасно это должно было быть для нее. Кошмары, которые ей снились, ненависть, которую она испытывала, наблюдая, как Тэтчер вальсирует по кампусу. Знать, что из-за его отца она стала сиротой. В моем животе бурлила ярость за нее.

Лири обнимает меня в ответ.

— Как ты можешь смотреть на него, Лири? Почему ты все еще остаешься здесь? — спрашиваю я. Я бы на ее месте сбежала из этого города как можно скорее.

Она немного отстраняется, вытирая лицо от слез.

— Это трудно объяснить, но я чувствую себя ближе к ней, когда нахожусь здесь. Уехать отсюда — все равно, что бросить ее, а я не думаю, что еще готова к этому.

Я вижу, что она хочет сказать что-то еще, что-то не договаривает, но я не настаиваю. Я считаю, что Лири уже достаточно поделилась семейной историей на сегодня.

Тишина возвращается, когда мы идем в нашу комнату. Поднимаемся по парадной лестнице на третий этаж. Я вроде как привыкла к экстравагантным украшениям и чрезмерным формальностям. Это начинает становиться нормальным. Хотя я только начала обживаться, но знаю, что если эти бессонные ночи и навязчивые воспоминания будут продолжаться, то в следующем семестре мне придется перевестись.

Я не могу оставаться здесь, постоянно беспокоясь о том, что за мной кто-то следит. Кто-то стоит за моей спиной. Но я также не могу оставить Лиру одну, чтобы она в одиночку отбивалась от голодных волков.

Когда мы добираемся до верхней ступеньки, в холле слышится шум. В конце длинного коридора, где слева находится наша комната, собралась толпа девушек. Их голоса отскакивают от стен и рикошетом долетают до нас.

Начинается полнейшая паника. Я знаю, что это не совпадение, что они сгрудились вокруг нашей комнаты, так же, как не было совпадением то, что я чувствовала, что кто-то наблюдает за мной в библиотеке до появления Лиры.

Они наблюдают за нами. Играют с нами.

Несмотря на то, что ни Лири, ни я не видели их с той ночи. Они все еще были там. Рыскали в темноте. Терпеливо ожидая идеального момента для нападения. Хищники в засаде, животные, которые хватают свою добычу с помощью хитрости и заманивания.

Прошлой ночью они превратились в преследующих существ. Но я не хуже их знала, что такие, как они, не преследуют. Они ждут. Используя элемент неожиданности в своих интересах, наносят удар, когда ты меньше всего этого ожидаешь, и страх только зажегся в угольках твоих глаз.

Именно это делает их охоту увлекательной.

Я не позволяю своим страхам помешать мне выяснить, что именно привлекло всеобщее внимание. Что оказалось настолько интересным, что заставило всех выбежать из своих собственных комнат в коридор после долгого учебного дня.

— Извините, — бормочу я, пробираясь сквозь толпу.

Прокладываю себе путь сквозь них с Лирой, идущей за мной по пятам. Ее шаги менее тревожные, чем мои, как будто она уже знает, что ее ждет.

— Что это?!

— Гребаные чудики!

— От него воняет!

Один-единственный гвоздь пронзает череп освежеванной и изрезанной твари. Ее средних размеров тельце свисает с гвоздя, струйка темной жидкости стекает по двери и сливается в сгусток на полу. Запах перебродил из-за жары, распространяется по коридорам.

Гниющее мясо и дикие намерения просачиваются в мое тело. У меня по коже поползут мурашки от неизбежности. Ладони вспотели, во рту пересохло, а сердце бьется о грудь, как барабан. Я протискиваюсь вперед, хватаюсь за дверную ручку и распахиваю дверь.

Судорожно пробираюсь к клетке на столе, откидываю крышку и щелкаю языком. Надежда рассыпается в моей груди. Моя милая полностью белая девочка не выскакивает из своего укрытия за угощением, как обычно.

В отчаянии я бросаюсь к качелям и домикам, обыскивая все пространство ее жилища. Из моего горла вырывается вскрик, когда я поднимаю металлическую клетку и яростно бросаю ее на пол. Она разбивается об пол.

Никогда в жизни я не испытывала такой ярости. Никто никогда раньше не делал со мной ничего подобного, не вторгнулся в мое пространство и не крал у меня. Я всегда была единственной, кто брал. Я контролировала то, что кто-то мог сохранить, а что нет.

— Брайар... — шепчет Лира позади меня, мои плечи поднимаются и опускаются от сильных вдохов, слезы стекают по моим щекам. Мое зрение затуманено от гнева и боли.

Лира смотрит на меня печальным взглядом, но какая-то ее часть хочет сказать мне: *«Я тебе говорила»*. Я вижу это.

Я поворачиваюсь и вижу, что весь этаж смотрит на меня, как на какое-то цирковое представление. Я хочу закричать, чтобы они убрались к черту, и я уже собираюсь это сделать.

Но вижу бумагу. Белую бумагу, которая прижата под моей дохлой крысой, висящей на двери. Я вытираю слезы тыльной стороной ладони, иду к двери, и девочки за ней отпрыгивают назад от моей агрессии.

Я срываю записку со стены, вглядываясь в слова, нацарапанные темно-красным, без сомнения, кровью. Нет ни подписи, ничего, потому что он уверен, что я пойму, от кого это. Записка не от Рука, не от Тэтчера и не от Сайласа.

Нет, она от того, у кого темные глаза.

«Я заберу то, что принадлежит мне, маленькая ворюшка. А до тех пор помалкивай».

Алистер

Бах-бах, бах-бах.

Резкий звук распространяется по воздуху, и я понимаю, где они находятся. Тяжелые металлические фейерверки отдаются эхом, когда я иду по задней стороне дома Сайласа на задний двор, где есть участок, отведенный под одно из его многочисленных занятий.

Мы знаем, что он уходит туда, когда голоса становятся слишком громкими. Когда то, что творится в его голове, начинает просачиваться в реальный мир. Тир, который создал для него отец, прост: мишени на разных дистанциях, стойка, за которой мы должны стоять, а также оборудование для обеспечения безопасности, к которому никто никогда не прикасался.

— Двести баксов за то, что ты не встанешь перед пятнадцатиярдовой мишенью. — говорит Тэтчер, когда пистолет перестает стрелять.

— Добавь пару сотен, и договорились, — торгуется с ним Рук.

Происходит быстрое рукопожатие, и я понимаю, что должен что-то сказать. Сказать им, что это глупо и безрассудно, любой другой так бы и поступил. Если бы я был хорошим другом, я бы сказал. Нам не нужно, чтобы кого-то подстрелили, в довершение к тому дерьму, которое у нас и так на тарелке, но если они заключают пари, я знаю, кто выстрелит.

И он не промахивается.

Никогда.

Листья падают на землю, хрустя под моими ногами, пока я иду к стойке. Опираюсь руками на перила, наблюдая за ними. Сайлас на удивление вылез из своей черной толстовки, на его массивные плечи натянута серая футболка.

Он всегда скрывает себя. Он не из тех парней, которые выпендриваются или выставляют себя напоказ. Ему нравится быть на заднем плане, но когда он в своей стихии, когда делает то, что ему нравится, он любит демонстрировать свои таланты.

Рук держит в руках пакет с чипсами, идет по дорожке, останавливаясь перед черно-бело-красной мишенью в форме верхней части тела человека. Он поворачивается к нам лицом, ухмыляясь.

Нет никакого страха. Никакого беспокойства. Только волнение перед адреналином, который вот-вот нахлынет. Когда вы преодолеваете препятствия, которые ставит перед вами мозг в ситуации страха, когда вы встречаетесь лицом к лицу с паникой, страх может стать лучшим афродизиаком в мире.

Это называется «наводнение».

Выброс эндорфинов в организм. Он заставляет вашу кожу покалывать, а сердце биться. Именно поэтому в мире существуют адреналиновые наркоманы. Потому что им нравится быть напуганными. Порывом смерти.

То, к чему мы все испытываем вкус в той или иной форме.

Сайлас перезаряжает магазин новой обоймой, щелчки и лязг оружия — единственные звуки, исходящие от него, даже когда он смотрит, как Рук ухмыляется перед ним, как наглый ублюдок.

За те годы, что я его знаю, Сайлас собрал неплохую коллекцию оружия. У него есть любимое. То, которым он пользовался чаще всего, то, которое ему подарили в пятнадцать

лет.

Ствол «Дезерт Игл» пятидесятого калибра отражается в солнечном свете, на каждой стороне написаны два предложения:

Timebo mala — слева.

Vallis tua umbram — справа.

По-латыни это означает: «*Не бойся зла. Тень и долина твои*».

Это подарок Розмари на День рождения. Сделанная на заказ рукоятка с красным черепом и полированный хромированный ствол стоили не меньше трех тысяч. Это был идеальный подарок для такого человека, как он, свидетельство их отношений и связи, которую они разделяли.

Связи, которая должна была длиться всю жизнь, но была жестоко вырвана у них обоих.

С легкостью он поднимает пистолет, я не люблю массивное полуавтоматическое оружие. Я предпочитаю иметь полный контроль над разрушениями, к которым причастен. Оружие кажется мне слишком безличным. Не говоря уже о том, что стрелять из него все равно, что бить молотком по руке.

Тем не менее, он делает это легко. Просто. Как будто ничего особенного.

Опираясь на локти, я жду, наблюдаю, как он поднимает правое плечо чуть ниже щеки, умело выставив пистолет перед собой. Рук широко раскидывает руки, оставляя Сайласу пространство для выстрела вокруг его тела.

Перед выстрелом повисает пауза для драматического эффекта. Едва отдергивая руку назад, Сайлас стреляет снова и снова, присматриваясь и настраивая прицел так, чтобы пуля пронеслась мимо массивного тела Рука.

Когда в пистолете не остается н одного патрона, Сайлас направляет его на землю. Он хрустит шейей, глядя на свою работу.

Мы все видим, как Рук отходит от мишени, и его силуэт за спиной очерчивает идеальная линия пулевых отверстий. Я думаю, что обойма пуста, но тут Сайлас выпускает еще две пули, проделав две дырки в чипсах.

— Пытался взять немного сверху, не так ли, говнюк? — поддразнивает Рук, дуясь, что его закуска теперь испорчена.

Призрак ухмылки появляется на лице Сайласа, и я слегка улыбаюсь. Первая настоящая эмоция, кроме ярости или страдания, которую я вижу после смерти Роуз.

Рук это умеет. Заставить Сайласа улыбаться, заставить его на мгновение забыть о боли.

Он нуждается в этом. Ему нужны его друзья. Ему нужно знать, что с ним все будет хорошо, и мы будем рядом, если такого не случится.

— Плати, сука. — Рук протягивает руку Тэтчеру, который лезет в брюки, перебирает хрустящие сто долларовые купюры и кладет их на ладонь.

— Жаль, что он не промахнулся. Я надеялся увидеть немного крови.

— Конечно, ты ждал, Дракула, — говорит он, складывая деньги в задний карман.

Я провожу языком по верхним зубам:

— Не то чтобы я не любил проводить время с вами тремя, но по какой причине я получил сообщение девять-один-один? — заговариваю я впервые с момента приезда.

Этим вечером я планировал пойти в Спэйд Уан, но получил сообщение о срочной встрече от Сайласа, который редко пишет сообщения в группе, поэтому знал, что это должно быть важно.

Тэтчер первым признает меня:

— Это насчет твоего маленького питомца.

Брайар Лоуэлл.

Не питомец. Просто мишень.

Я не волнуюсь, что она откроет свой красивенький ротик, я внимательно слежу и за ней, и за ее подругой. Это свидетельство моей способности оставаться незамеченным, потому что обе они не перестают оглядываться.

Особенно Брайар.

Она чувствует меня рядом, и я думаю, ее сводит с ума то, что она не может найти меня, когда ощущает мой взгляд на своем теле. Прячась в тени библиотеки, за окнами своих классов. Я постарался сделать так, чтобы она не проронила ни слова.

Я не собирался делать ничего серьезного, пока в этом не возникло крайней необходимости. Пока я не заметил, мне не хватает жизненно важной части. Я подумал, что потерял его в суматохе, но когда кайф улегся, понял, что не потерял.

Его у меня отобрали.

Ее липкие от многолетнего воровства пальцы украли мое кольцо. Девушка, которая быстро превратилась из наивной сторонней наблюдательницы с глазами-калейдоскопами в девушку, которая украла у меня кольцо.

Я тру палец в том месте, где раньше находилось мое пропавшее кольцо, чувствуя себя голым без него. В гневе я решил убить двух зайцев одним выстрелом.

Пробрался в ее комнату, а затем направился в библиотеку, чтобы понаблюдать за ней. Я планировал разгромить все вокруг, чтобы найти то, за чем пришел, но когда этого нигде не оказалось, я выбрал вариант «Б».

Доказать свою правоту и убедиться, что они обе знают, что их ждет, если хоть словом обмолвятся о том, чему стали свидетелями.

Я даже не знал, что у нее есть домашнее животное. Это была удача с моей стороны и серьезное неудобство для нее.

Конечно, я позволил Тэтчеру снять с животного шкуру, решив, что было бы невежливо не привлечь его к такому кровавому делу.

Я не видел ее лица, когда она нашла его. Но слышал ее гневный крик, грохот разбрасываемых по комнате вещей, когда ждал у подножия ступеней ее холла.

Этот гнев принадлежал мне. Это с ней сделал я. Разжег огонь под ее задницей. И мне принадлежал каждый дюйм этих эмоций. Все ее эмоции.

— Что насчет нее? — спросил я, сжимая кулак от необходимости вернуть то, что мне принадлежит.

— Сайлас наконец-то залез в базу данных доступа к школьным пропускам, — говорит Рук. — Спустя косяк и два пакета «Доритос» мы узнали, что дядя Брайар, Томас Рид, — профессор биологии.

— И с чем именно связано изучение организмов? — говорю я, не понимая.

— Посмотри на себя, Али, как ты внимателен на уроке. Мамочка и папочка гордились бы тобой, — дразнится Тэтчер, а я скрежещу зубами.

Мамочка и папочка могут отправляться в ад.

— Может, ты, блядь, просто скажешь мне, что ты нашел?

— Томас Рид входил и выходил из химической лаборатории чаще, чем любой преподаватель естественных наук в университете, — говорит Сайлас со звонким металлическим щелчком. Меня немного шокирует, что он действительно говорит.

— За последние два года он был там в нерабочее время, в час, в два часа ночи. Сотни раз.

Я облизываю нижнюю губу:

— Значит, мы думаем, что он и есть тот учитель, который написал Крису? Не хочу говорить очевидное, но что если Крис просто лгал, чтобы мы его не убили? Что, если он на самом деле тот, кто это сделал?

Я ненавижу играть в это дерьмо с соединением точек. Я чувствую себя продажным детективом, а быть копом — это не то, к чему я когда-либо стремился.

— Зачем тогда рассказывать нам о подбрасывании тела? Если бы он хотел соврать, разве не стал бы все отрицать? Кроме того, какого учителя ты знаешь, который направляется в химическую лабораторию в два часа ночи? Это было бы логично, но мы не можем пойти и отрубить ему голову, — злобно улыбается Рук. — Пока.

Он продолжает:

— Но это зацепка. Мы можем наблюдать за ним, следить за ним, пока не получим необходимые доказательства.

Зиппо Рука щелкает, пламя освещает кончик его сигареты.

— И мы думаем, что его дорогая племянница замешана в этом или, по крайней мере, знает об этом. Я имею в виду, подумай об этом, — выдыхает он.

— Она на мели, как чертова шутка. Думаешь, стипендию ей оплачивает Холлоу Хайтс? Как она вообще туда попала, это еще лучший вопрос. Она не слишком умна или одарена. У Томаса должно быть много ниточек, за которые он мог потянуть, чтобы доставить ее сюда. Деньги, на которые можно купить племяннице поступление в престижный университет. Такие деньги, которые платят за молчание людей.

Я скрещиваю руки на груди, пожевав внутреннюю сторону щеки.

Вот она, веская причина ее преследовать.

Чтобы показать ей, каково это, когда ты попадаешь в переплет с людьми, которым наплевать, будешь ты жить или умрешь.

Идеи трещат. Мысли искрятся.

Образы ее широко раскрытых глаз, мокрых от непролитых слез и паники. Ее розовая нижняя губа дрожит, когда она обдумывает каждое жизненное решение, которое когда-либо принимала до этого момента.

Я заберу у нее все.

Ее радость. Друзей. Секреты. Страх.

Все это я должен забрать. Украсть.

— Да. Я с тобой согласен, но ее даже не было в Пондероза Спрингс, когда убили Роуз. И я сомневаюсь, что ее дядя ходит и говорит с ней об убийстве девушек.

Однако мне нужно действовать с осторожностью. Если мы пойдем не за теми людьми, наступим не на ту ногу, причиним вред не тому человеку, вся операция закончится через двадцать секунд.

— Ты защищаешь ее?

Я перевожу взгляд на Тэтчера, его руки скрещены на груди, в точности повторяя мою позицию. Ветер трепет его зачесанные назад волосы. Серая водолазка и черный пиджак делают его старше. Утонченнее. Это еще один элемент его процесса запугивания.

Выглядеть соответствующе. Играть свою роль. Но внутри — вот где ты можешь спокойно гнить.

Внутри ты можешь быть настолько злым и зловещим, насколько пожелаешь. Тэтчер верит в маску. Скрывая мир от того, что происходит под поверхностью.

А я нет.

Я не ношу маску. У меня нет причин прятаться.

Он вписывается в социальную пищевую цепочку с помощью внешнего вида и общения. Но мы трое — единственные, кто видел, что на самом деле скрывается под ледяной кожей Тэтча.

И поскольку мы знаем это, поскольку мы поставили его в невыгодное положение, он презирует возможность нелояльности. Быть преданным.

— Разве, похоже, что я защищаю ее, придурок? Я просто констатирую факты, — сердито хмурюсь я, выходя из-за стойки, чтобы мы были в равных условиях.

Если я что-то и ненавижу, так это когда меня спрашивали о моей преданности. Особенно по отношению к ним.

Рук кладет руку мне на грудь.

— Потихе, парень. Не надо натягивать трусы. Я не говорю, что она знает об убийстве. Я просто говорю, что у меня нехорошее предчувствие, что она знает что-то о наркотиках. Я имею в виду, — он раздражается смехом. — Просто посмотри на ее послужной список. Не совсем законопослушный гражданин.

— Ну, не у всех из нас есть папочки, которые чистят наши дела. — Теперь Тэтчер просто ведет себя как придурок. Он прекрасно понимает, какую цену, в конце концов, заплатит Рук за эту услугу своего отца.

— Как насчет того, чтобы не обсуждать сегодня проблемы отцов, хорошо, Американский Психопат?

Я всегда восхищался этим в Руке. Его способностью смеяться над болью, шутить над тем, что любого другого разозлило бы.

Присоединяясь к веселью, я саркастически вдыхаю воздух:

— Не обращай на него внимания, это неделя акул, — с усмешкой я толкаю Руку в плечо.

У нас было направление, был другой план, другой человек, представляющий интерес. Как бы это ни раздражало, мы приближались к цели. Каждая отметина на нашей душе, вся кровь, которую мы пролили, в конце концов, стоила того.

И теперь я мог немного повеселиться.

— Сейчас нам нужно быть терпеливыми, — говорю я, убедившись, что они все меня слушают. — Мы наблюдаем за Томасом. Смотрим, как он двигается, что делает.

— А девочки? — спрашивает Тэтчер.

— Мы напугаем их. Сделаем все необходимое, чтобы обеспечить их молчание. Получим от Брайар любую информацию, какую только сможем. Но мы не поднимем на них руку, не сейчас, — предупреждаю я.

Мы должны довести это до конца. Довести их до такой паранойи, чтобы они едва могли моргнуть от страха, что эти секунды с закрытыми глазами будут моментом, когда мы нападём. Пусть они почувствуют, что каждый миг мы наблюдаем за ними, всегда рядом. Готовы наброситься.

Я хочу, чтобы их преследовали призраки. Хочу, чтобы они окаменели и были охвачены ужасом.

Только тогда, когда у нас будут необходимые доказательства, мы сможем закончить начатое.

Такого радостного возбуждения я не испытывал долгое время. Моя кровь бурлит, рот наполняется слюной.

— Кто не любит небольшую прелюдию перед главным событием? — шевелит бровями Рук, по собственному желанию пытаюсь отобрать пистолет у Сайласа, который смотрит на него с укором за то, что он даже прикоснулся к нему.

Мы должны подойти к делу творчески. Должны быть зловещими и скрытными.

Мы заставим их желать смерти, просто чтобы отдохнуть от ужаса, сковавшего их тела.

Это то, ради чего я живу.

Брайар

У меня официально наступила крайняя степень недосыпания. Я начинаю ощущать последствия отсутствия сна после сорока восьми часов. Беспокойство, раздражительность и даже галлюцинации поздней ночью. Я слышу звуки шагов, скрип дверей, вижу тени в пустой комнате общежития.

Даже когда ложусь в свою кровать, мои глаза отказываются закрываться. Мой мозг чертовски хочет оставаться бодрым и бдительным. Я не хочу дать им шанс застать меня в уязвимом или невыгодном положении.

Мне кажется, что если я всегда буду бодрствовать, то буду готова в любой момент.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как я переполошилась из-задохлой крысы на двери. Обо мне все еще перешептываются и говорят за моей спиной в классе, но я научилась не замечать. Я отгородилась от всего, что говорили, и действительно стала полагаться на Лиру, которая, к счастью, не против и тоже опирается на меня.

Она позаботилась о беспорядке на двери, быстро положив Аду в коробку и вытерев кровь. Вместе мы похоронили ее у дерева за одним из школьных зданий, устроив ей небольшие похороны, после чего вернулись в общежитие и стали смотреть фильмы о Гарри Поттере.

Я старалась сохранять оптимизм, но это не помогало. Каждый день был похож на очередную игру в ожидание, очередной день, когда я краем глаза улавливала движение тени, но, повернувшись, видела, что там никого нет.

Вчера я обедала с дядей Томасом, который был полон энергии и все время болтал. Это было прекрасно, так как мне оставалось только улыбаться и кивать головой. Он слышал от моих учителей, что я хорошо учусь, и был рад моей успешной адаптации.

И хотя мне хотелось рассказать ему о случившемся, я обещала Лире не делать этого. Поэтому держала все в себе, заглатывая безвкусную пищу, пока он продолжал говорить о предстоящем ежегодном школьном мероприятии, на котором я не хотела присутствовать.

Однако я сказала ему, что пойду, надеясь, что это будет просто какое-то собрание. У меня не было настроения заниматься ничем, кроме уроков и прятаться в своей комнате в общежитии.

Теперь я живу в постоянном состоянии неопределенности, задаваясь вопросом, когда же это закончится.

Сегодня после занятий я отправилась в библиотеку, чтобы позаниматься, но быстро поняла, что тепло обогревателя внутри большого здания и мои уставшие глаза, пытающиеся читать, были ужасной идеей, потому что, в итоге, я заснула на одной из своих книг и видела сон.

И как всегда он был о нем.

Не о его злобных друзьях, которые ходят по кампусу с высоко поднятой головой и ухмыляются, как чеширские коты. Даже не о том, с которым я учусь в одном классе, и кто считает, что переворачивать свою зиппо — это черта характера.

В моих снах только он.

Не знаю, что именно в его поведении заставляет меня выпрямить спину или мои чувства обостриться, как у испуганного котенка. Я никогда не испытывала такого страха

перед человеком.

Просто в Алистере Колдуэлле есть что-то такое, что заставляет меня паниковать. Что-то внутри него такое темное, такое проклятое, что вызывает к самым глубоким уголкам моей души. То, как он смотрит на меня с другого конца двора, словно знает каждую деталь моей жизни.

От чего я вздрагиваю, вспоминаю мое прошлое, откуда я родом. Он смотрит на меня так, будто знает все. Что я сделаю еще до того, как я это сделаю.

И он знает, что я у него украла.

Оглядываясь назад, я не была уверена, что вырвусь из его рук живой, и мне нужно было иметь что-то на своем теле, чтобы полиция знала, кто меня убил, я украла не потому, что хотела. А потому что должна была.

И я не могу подойти к нему и бросить в него кольцо.

Мне нравится иметь над ним это преимущество.

У меня есть то, что он хочет. То, что ему нужно. Если он захочет вернуть кольцо, ему придется вырвать его из моих мертвых рук. Я чувствую, что поставила его в невыгодное положение, может быть, в меньшем масштабе, чем он меня, но, тем не менее, в невыгодное положение.

Очнувшись от быстрого сна, я иду поплавать, холодная вода школьного бассейна будит мои мышцы и дает мне столь необходимый заряд энергии. Приятно заняться чем-то обычным из моей прежней жизни. В школе я была отличным пловцом, не то чтобы это имело большое значение — быть стартером или что-то еще, потому что у меня была неправильная фамилия, но я была хороша.

Когда я заканчиваю, мои волосы пахнут хлоркой, кожа на пальцах сморщена, и хотя я и боюсь, что от душа засну, мне нужно смыть с себя воду из бассейна.

Поэтому я надеваю свою одежду поверх влажного купальника, планируя пробежать весь обратный путь до общежития, прежде чем скользну под горячую воду, которая успокоит мои мышцы. Я вздрагиваю от этой перспективы, когда, толкнув дверь из зала бассейна, начинаю свой путь через кампус.

Ветер сильно обжигает мою кожу, автоматически появляются мурашки. Я мчусь по территории, преодолевая как можно больше расстояния при быстрой ходьбе. Я уже вижу свет, пробивающийся из верхнего окна моего общежития, и уже почти добегаю до безопасного места, когда на мои плечи обрушивается другой холод.

Я чувствую его слишком поздно, присутствие кого-то позади меня. Солнце зашло, я совсем одна, и желание закричать бурлит у меня в животе. Я быстро оборачиваюсь, приготовившись увидеть то, что всегда вижу, — ничего.

Он не позволяет мне увидеть его. Он просто остается достаточно долго, чтобы я знала, что он наблюдает.

Но я готова. Готова.

Я сжимаю кулак и, разворачиваясь, чувствую, как он приближается ко мне.

— Бр... — слышу я начало своего имени всего за секунду до того, как бью кулаком, надеясь, что задену что-то на его лице.

Мои костяшки мгновенно пульсируют, лицо вспыхивает, и я вижу копну золотистых волос.

О боже.

— Какого хрена! — шипит Истон, держась за челюсть, куда я нанесла лучший правый

хук в своей жизни. Ронда Раузи¹¹ могла бы гордиться.

Мое сердце учащенно бьется, нервы от испуга стремительно несутся к моей голове. Я закрываю рот руками,

— О, черт. О, боже, прости, — бормочу я.

Он поворачивается ко мне лицом, все еще держа место удара, потирая красную область на скуле.

— Чертова девчонка. Не хотел бы встретить тебя в темном переулке, — шутит он сквозь боль, и я нервно смеюсь.

— Мне так жаль, я не хотела, я просто, я думала, что ты... — замираю я, решив, что лучше не заканчивать это предложение так, как я хотела.

— Думал, что я?.. Грабитель?

— Что-то вроде этого, ты в порядке? — обеспокоенно спрашиваю я, у меня такое чувство, будто я только что ударила парня, который больше других полагается на свое лицо. Я делаю вдох, пытаюсь успокоиться.

— Я выживу. Лучше спрошу, ты в порядке? Ты выглядела серьезно напуганной.

Я озабоченно провожу руками по лицу, вздыхаю.

— Я устала, вот и все. Плохо спала, голова идет кругом.

Он кивает в знак понимания, краснота усиливается, и я знаю, что к утру будет синяк.

— Если тебе станет легче, думаю, я сломала костяшку. — Я поднимаю руку, чтобы он мог видеть уже опухший сустав.

С легкостью Истон хватает мою руку, не дав мне времени даже вздрогнуть. Опускает глаза, чтобы осмотреть мои костяшки. Большим пальцем проводит по чувствительной коже, и я слегка вздрагиваю.

— Я думаю, ты могла сломать ее; хочешь, я принесу тебе льда? — выдыхает он на мою руку, его губы ближе, чем нужно.

Я чувствую тепло его кожи рядом со своей и быстро убираю руку.

Я украла много вещей.

Блендер, телевизор, часы, я даже крала батарейки из пультов.

Бойфренды — это не то, что я планирую добавить в список.

— Со мной все будет в порядке, просто небольшая царапина. Просто завтра ты сможешь сказать Мэри, что твой соперник выглядит хуже, чем ты, — отвечаю я, мягко улыбаясь.

— Да, — кивает он, по-мальчишески почесывая затылок. — Я попробую. Все хорошо, но я не должен был так к тебе подбегать, думаю, сейчас все немного напуганы.

Вот опять.

Паника.

— Из-за чего? — задаю я вопрос, ответ на который точно знаю.

— Помощник учителя, Крис? Тот, который вел у нас занятия по прикладной математике, он пропал. Пропал в последние несколько дней, а теперь пропала Коралина Уиттакер. Ее родители заявили об этом вчера, все переполошились. Этот город любит разжигать слухи и пугать неместных своими историями о привидениях, — ухмыляется Истон. — Они, наверное, просто свалили из этого места, это не первый раз, когда на кого-то действует давление Пондерозы Спрингс.

Я уже ударила его по лицу, и теперь мне хочется блевануть на его ботинки. С тех пор, как мы стали свидетелями убийства, это первый раз, когда кто-то упомянул об этом.

У меня полностью пересыхает во рту. В голове проносятся образы змей, ползающих по

его телу, их острые зубы вонзаются в кожу. Фрагменты того, как кровь, словно водопад, льется из его горла. Звуки, с которыми он боролся за свою жизнь.

Я вздрагиваю, отступая от Истона, мне нужно добраться до своей комнаты в общежитии.

— Да, наверное, ему просто нужно было отдохнуть от школы или что-то в этом роде, — отвечаю я. — Мне пора возвращаться в свою комнату, увидимся завтра на занятиях.

Я сжимаю ремешок сумки:

— И прости меня за твое лицо! Я как-нибудь заглажу свою вину ответами на домашние задания.

Я спешу, желая уйти от этого разговора.

Он неуверенно хмурит брови. Наверное, думает о том, какая я странная, учитывая, что ударила его по лицу и убегаю, как курица с отрезанной головой.

Я поворачиваюсь спиной, переставляя ноги в сторону своего холла.

— Брайар! — зовет он позади меня.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Да?

— Будь осторожна. Не все здесь те, за кого себя выдают.

Он поднимает руку, потирая средний палец, указывая на кольцо у меня на руке. Я забыла о нем, забыла, что надела его после плавания, потому что у меня нет карманов.

— Да, спасибо, — отвечаю я, исчезая в безопасности своего общежития.

Супер. Отлично.

Теперь он думает, что я с Алистером. Давайте просто добавим это к списку вещей, которые сейчас не должны происходить в моей жизни.

Я почти бегу к своей комнате, с трудом открывая дверь. Все вокруг начинает кружиться, и я не могу угнаться за скоростью происходящего. В комнате темно, кроме прикроватной лампы Лиры, тусклый свет которой отбрасывает тень на ее спящее лицо. Книга, которую она читала, покоится на ее груди, пока она мирно спит.

Что бы я отдала, чтобы так же поспать.

Не видеть его во сне.

Не думать о нем.

Запиревшись в ванной, я спешу в туалет, где тяжело падаю на колени. Они ударяются о кафель, а я выливаю в белую чашу то небольшое, что есть в моем теле.

Мой живот напряжен, горло уже болит от желудочной кислоты. Я закрываю глаза, так как за ними мелькают статические разряды. Все эти змеи. Вся кровь. Звуки их хохота, когда они гнались за нами по лесу.

Для них это была игра.

Они, вероятно, убили Криса только ради забавы. Шутки ради. Им надоели все их деньги и статус, и они решили поднять ставки. Знание их фамилий спасло бы их от любой ответной реакции.

Они даже близко не подошли бы к тому, чтобы быть пойманными, потому что во всем этом хаосе есть расчет. У них на все есть причина, план, они всегда продумывают свой следующий шаг.

Я не встаю, пока не убеждаюсь, что закончила, и только тогда начинаю сбрасывать одежду и запрыгиваю в белую душевую кабину.

Задернув пластиковую занавеску, я закрываю глаза, поднимаю голову к душевой лейке и

переключаю на обжигающе горячую воду. Я хочу стереть с себя воспоминания.

— Ух... — задыхаюсь я, вода — это шок для моей системы, мои замерзшие пальцы на ногах горят от жара. Я чуть не издаю стон от того, как это приятно. Я опускаю голову, позволяя струям стекать по моей спине и намочить волосы.

Я чувствую каждую каплю, отскакивающую от моей кожи, тишину, кроме журчания воды по кафелю под моими пальцами. Я сосредотачиваюсь на своем дыхании, на жидкости, на том, как мне тепло.

С тех пор как это случилось, я думаю о том, почему они совершили убийство. Действительно ли им было так скучно? Или произошло что-то другое?

Действительно ли люди рождаются монстрами? Или их так воспитывают?

А та девочка, Коралина, они бы не стали с ней что-то делать, разве нет? Что заставляет меня задуматься: если они что-то сделали с ней, то не из-за них ли погибла девушка Сайласа?

Я не могу представить, что кто-то настолько жесток, чтобы убить свою собственную девушку, но я также никогда не видела ничего похожего на этих четырех парней, так что все возможно.

Все, что угодно.

Я посторонний человек, наблюдающий за тайнами и предательствами этого города. Я в невыгодном положении, Лира знает все тонкости и нюансы. Я — лишь то, что узнаю изо дня в день, и этого недостаточно, чтобы подготовить меня к встрече с ними.

Я разгребаю путаницу из волос, пар от воды омывает мою грудь. Я открываю глаза, намереваясь взять шампунь для волос, но меня буквально ослепляет красный цвет.

Сначала я думаю, что у меня кровоточат костяшки пальцев, но ее слишком много. Вокруг меня так много крови, что она никак не может быть моей, я бы умерла.

Это похоже на что-то из ночного кошмара.

Мои руки покрыты тонким слоем темно-красной жидкости. Она стекает по моему лицу, попадает в глаза, от чего все плывет. Меня окутывает цвет крови.

Я откидываю волосы влево, наблюдая, как кровь разбрызгивается по белой плитке, стекая вниз и устремляясь к стоку. Я размазываю ее по рукам, по животу, удивляясь тому, как ее много. Как густо она ощущается на моей гладкой коже.

Мое сердце мчится, бьется, колотится и пытается спастись.

Несмотря на то, что она почти без запаха, аромат железа и старых пенни обжигает мне волоски в носу. Это кажется слишком реальным. Все это кажется капец, каким реальным.

Я вспоминаю Крису и кровь, что текла из его шеи. Это моя карма за то, что я не рассказала, за то, что позволила ему умереть, как забитому животному.

Слезы смешиваются с багровой водой, мое горло сжимается от переизбытка эмоций. Но вскоре во мне нарастает злость. Она бурлит и пенится в моем желудке, потому что я знаю, что это не карма. Это сделал кто-то с двумя руками и ногами, а не судьба или какое-то дьявольское вмешательство.

Я чувствую себя глупо из-за того сомневалась в них. Из-за того, что сомневалась в том, на что они готовы пойти, чтобы обеспечить наше молчание. Они снова были в нашем общежитии. Показав, как легко могут пробраться в наш дом и выйти из него, и насколько мы на самом деле беззащитны.

Я тяну руки к насадке для душа, откручивая и разрывая ее на куски. Внутри засунуты пять поддельных пластиковых капсул, из которых капает фальшивая кровь. Я бросаю

насадку на пол, не заботясь о том, разбужу ли Лиру.

Нащупываю плитку для опоры, упираюсь в нее обеими руками, опускаю голову и глубоко дышу.

Жидкость стекает по мне ручейками, ударяясь о кожу и просачиваясь в канализацию. Красный цвет дразнит меня.

Это их способ сказать мне, что на моих руках кровь. Показать мне, что я не невинна. Я видела, что они сделали с тем человеком. Я не звала на помощь и не кричала, чтобы они остановились, я просто позволила этому случиться.

Кровь Криса запятнала мои руки так же, как и их. Я виновна. Я не лучше их, и они хотят, чтобы так было.

Они хотят, чтобы мы оказались запятнанными. Лгуньями. Убийцами. Они хотели, чтобы мы чувствовали вину на своих душах.

Мы — марионетки на ниточках. Ожидающие их следующего шага. Вся наша жизнь в их руках, и кто знает, как долго они будут продолжать напоминать нам об этом своими выходками.

Они держат нас там, где мы им нужны.

Негде спрятаться, некуда бежать.

Выхода нет.

Брайар

Школьное мероприятие, на которое Томас заставил меня прийти, на самом деле оказалось вовсе не собранием.

Вся школа, или то, что на нее походило, собралась на задворках района Берли, где я проводил большую часть своего времени. Именно здесь проходила большая часть уроков математики.

Вместо открытого общего пространства, как в центре территории, зала для отдыха, как за округом Ирвин, или жуткого мавзолея за округом Ротшильд. Вместо этого здесь был лабиринт из живой изгороди.

Удивительно ли, что в Холлоу Хайтс появился роскошный лабиринт, возможно, с жуткой историей, связанной с его названием? Не совсем.

Я быстро поняла, что это в порядке вещей.

Пондероза Спрингс и построенный в нем университет были не для слабонервных.

Чрезмерно амбициозные семь концентрических кругов, выполненных из живой изгороди из самшита, занимали все пространство позади здания, постепенно сливаясь с линией леса. Один-единственный вход в заросли зелени и, как я предполагала, один выход. В центре возвышалась башня с двойной винтовой внешней лестницей, чтобы еще больше запутать людей.

Быстро наступил вечер, студенты надели светящиеся в темноте браслеты и держали фонарики, сбившись в группы, смеясь, наслаждаясь очередным студенческим событием, о котором будут рассказывать в день своей свадьбы.

Я им завидовала.

Их беспечности и привилегированности.

Мне стало интересно, пришли бы они сюда, если бы узнали, что студентов похищают, а учителей убивают в лесу.

Продолжили бы они веселиться? Защитило бы их богатство от такой жестокой вещи, как смерть?

Я не была в этом уверена.

Просунув большие пальцы в отверстия на манжете кофты с длинными рукавами, я чувствую, как ветер плотнее прижимает к телу полиэстр. Лира заплела мне волосы в тугую косу, на которой еще заметна легкая краснота, окрасившая мои светлые волосы.

Мы оттирали душ часами, стоя на четвереньках, но безрезультатно. На белом кафеле теперь слабый розовый налет. Не говоря уже о том, что моя кожа осталась такого же цвета даже после нормального душа.

— Это называют Лабиринтом, — говорит Лира, шагая в ногу со мной, пока мы спускаемся по мощеным ступеням на влажную траву перед парящим лабиринтом.

Мой желудок урчит от недостатка пищи и усталости:

— Конечно, как же еще.

Я складываю руки на груди, опираясь на левую ногу, чтобы заглянуть во вход, и вижу там лишь тьму и скудный лунный свет. Нам никак не сориентироваться здесь без фонарика.

— Он был вдохновлен греческим мифом, знаешь Тесея и Минотавра? Строители хотели, чтобы он был копией того, что находится на Крите. Они проводят эту игру для

первокурсников каждый год, задания всегда разные, и обычно это какая-то головоломка. Я с нетерпением ждала этого, когда училась в средней школе.

От меня не ускользает использование прошедшего времени. *С нетерпением ждала*, так как сейчас ей уже все равно.

Они не только украли у нас чувство безопасности, они украли у нас чувство радости. Мы теперь боимся делать что-то веселое, боимся, что они выскочат из-за угла и сожгут нас дотла.

Что весьма отстойно, потому что я всегда считала, что неплохо разбираюсь в головоломках.

— Добро пожаловать в класс первокурсников Холлоу Хайтс! — объявляет один из учителей с микрофоном на вершине мощных ступеней позади нас.

— Мы рады включить вас в вековую традицию! Каждый год игра проходит по-разному, но награда всегда одна и та же. Если вы найдете золотой ключ в Лабиринте, то получите доступ в одну из многочисленных потайных комнат школы, которые были переделаны в частные залы для отдыха.

Наши сверстники громко аплодируют и выражают энтузиазм, уверена, больше радуясь соревнованию, чем награде. Хотя это знаменитый университет с большим количеством мемориальных досок и наград, чем у гребаного Папы Римского, они не предлагают организованный спорт, боясь, что легкая атлетика станет более приоритетной, чем образование, а этого не может быть в такой школе, как эта.

Если бы кто-нибудь, хоть на секунду подумал, что Холлоу Хайтс делает что-то, чтобы сбить с курса величайшие молодые умы поколений, то был бы немедленно дискредитирован. Люди годами пытаются устроить сюда своих детей, чтобы их заявления скрепили, наконец, заветной скрепкой.

Вот откуда произрастет наша будущая Америка.

Мне не дает покоя осознание того, что у четверых из этих людей уже имеется кровавый, как тампон, лист с обвинениями, что они планируют делать после этого? Будут ли они помогать детям? Править свободным миром?

— Команды только из двух и трех человек! У каждой команды будет пятнадцать минут, чтобы найти ключ в лабиринте, если вам это не удастся, после сигнала тревоги поднимите фонарик к небу и ждите, пока учитель придет и выведет вас из лабиринта. Как всегда, мы хотим обеспечить вашу безопасность в это веселое время...

Далее перешли к списку мер предосторожности, которые одна половина из нас уже через двадцать секунд не вспомнит, а другая половина даже не слушает.

Мои глаза сканируют море студентов, подсознательно ища одного из них. Еще один быстрый урок, который я усвоила: если ты видишь одного из Ублюдков, значит неподалеку остальные трое. Они никогда не появляются поодиночке. Подобно акулам, которые охотятся стаями, нужно беспокоиться не о той акуле, которую вы видите, а о той, которая незаметно прячется в тени и с большей вероятностью оторвет вам кусок ноги.

Я не вижу черную толстовку Сайласа, волосы Тэтчера, и не слышу щелчка зажигалки Рука. Я даже не чувствую давления, которое возникает, когда смотрит на меня Алистер. Обычно именно так я узнаю, что они что-то вынюхивают.

Паника. Пот. Адреналин.

Как будто все мои чувства соединяются в одно, и в то же время — это не похоже ни на что испытанное мною раньше.

Боже, я ненавидела его за это.

Но сегодня я никого из них не вижу. Не чувствую их присутствия. Организованные школьные мероприятия все равно не совсем в их духе. Слишком много глаз, слишком много ожиданий, которые нужно оправдать.

Я подталкиваю Лиру бедром, слегка ухмыляясь:

— Мы все еще можем повеселиться, да? Было бы здорово иметь тайное место, где можно спрятаться.

Она хрипло смеется, и это первый звук радости за последние несколько недель.

— Ты действительно думаешь, что мы найдем его раньше, чем это сделают старательная Трейси и золотой мальчик Гарретт?

Ее взгляд устремляется на Истона и Мэри, сильную пару, как по видению, так и по характеру.

Я не упускаю из виду желто-фиолетовый синяк, украшающий его идеальное в остальном лицо, и то, как Мэри намеренно подобрала свой кардиган под цвет его рубашки.

— Дело не в том, чей папа может купить самую большую яхту. А в том, как пройти лабиринт. Никаких денег. Никакого статуса. Конечно, изо дня в день у них есть преимущество, но сейчас преимущество у нас.

— Наши очаровательные личности?

Я слегка толкаю ее в плечо, ветерок подхватывает ее локоны и отбрасывает их за плечо.

— Кроме этого, всезнайка. Наше преимущество — это уличная смекалка. Думаешь, этим детям когда-нибудь приходилось думать на ходу? Выходить из сложной ситуации без мамы и папы? Сомневаюсь.

Я не грублю, просто говорю правду.

Мне кажется, мы с Лирой единственные в этой школе, кто вырос за чертой миллионеров. Конечно, у Лир сейчас, в восемнадцать лет, имелись деньги, но она выросла в системе патронатного воспитания, а я знаю, как это бывает. Я видела, что приемные семьи делают с детьми. Во что они их превращают и позволяют им стать.

С самого рождения ты попадаешь в этот мир без возможности позаботиться о себе. Тебе приходится учиться и адаптироваться у других. У большинства есть родители, которые направляют и учат их. Показывают им неправильные и правильные стороны жизни.

Но есть и другие.

Изгой, беглецы, одиночки, которые учатся всему этому сами. Мы учимся трудным путем, учимся на собственных неудачах, на ошибках. Мы отращиваем когти и острые зубы вместо нежных сердец. Боремся за жизнь. Заботимся о себе и своих близких. Вот и все.

— Ты не беспокоись о том, что... — она делает паузу, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. — Что лабиринт загорится или что тебя зацепит медвежий капкан?

Я не смеюсь, хотя должна бы. Я не думаю, что кто-то из них может сделать что-то подобное.

Волнуюсь ли я? Да.

Дам ли я им все испортить? Чертовски постараюсь этого не сделать.

— Сомневаюсь, что они будут здесь сегодня вечером. К тому же, они не смогут попасть в лабиринт, когда мы будем внутри, у обоих входов стоят учителя. Мы будем в безопасности и сможем повеселиться сегодня, хорошо? — успокаиваю ее я.

Она кивает, не понимая, что я планирую продолжить:

— Но я действительно считаю, что мы должны подумать о том, чтобы рассказать кому-нибудь, Лира.

Некоторое время она молчит, и мы слышим, как вокруг нас снова и снова звучит воздушный горн, сигнализирующий о начале и окончании пребывания людей в Лабиринте.

— Давай отдохнем сегодня вечером. Сейчас. Всего один нормальный вечер, а утром поговорим о том, что нам делать.

Это самое близкое согласие, которое я от нее получила. Я знаю, что сейчас она скорее скажет «нет», но все равно чувствую, что это маленькая победа. Она начинает теплеть от идеи довериться кому-то. Полиции. Учителю. Любому, кто мог бы нам помочь.

Я беру ее под руку.

— Ты сможешь бегать в этой юбке?

Ее бедра облегает ткань в черно-зеленую клетку, навевая мне мысли о форме Слизерина из «Гарри Поттера».

Мило, что Лира являет собой такой парадокс. Она носит клетчатые юбки и вельветовые брюки, чтобы собирать жутких насекомых. Она всегда приходит в общежитие с грязью на коленях и ладонях. Она скрещивает ноги, когда сидит с книгой на коленях, но при этом рыгала громче, чем любой взрослый мужчина, после того, как выпьет банку колы. Как она может быть такой нежной и женственной, но при этом делать что-то, что считалось пацанским. Я восхищаюсь тем, как ей удается так легко уравнивать части себя.

— Наверное, нет, но мы попробуем, — смеется Лира и тянет меня к сокращающейся очереди на вход в лабиринт.

Мы болтаем, чтобы скоротать время, наблюдаем, как ученики снова и снова терпят неудачу, как громкий горн пронзает небо как раз перед тем, как учитель объявляет, что очередная команда еще не нашла ключ.

Мы следующие в очереди, стоим между преподавателем психологии Лире и моим профессором статистики, ожидая разрешения войти в надвигающуюся темноту между плюшевыми зелеными изгородями.

Порыв ветра бьет меня сзади так сильно, что мне приходится ухватиться за край лабиринта. Он проносится сквозь деревья, их больные конечности стонут и раскачиваются за нами.

Я смотрю на свои сжатые кулаки, на то, как ногти впиваются в плоть моей ладони, на то, как учащается ритм моего сердца.

— Брайар!

Лира щелкает пальцами перед моим лицом, пытаюсь вернуть меня на землю.

— Мы начинаем, — улыбается она и первой направляется в Лабиринт.

Опустившийся над землей туман засасывает ее, когда она исчезает внутри. Страх лижет мне шею, но я быстро стряхиваю его. Следую за подругой.

Вытянутой рукой я пробегаюсь по краю лабиринта, а другой нажимаю на кнопку включения фонарика. Блики бьют Лире в лицо, и она поднимает руку, чтобы защититься от яркого света.

Я направляю свет налево, затем направо, видя два разных пути. Туман делает дальнюю видимость почти невозможной.

— Хочешь разделиться? Так мы сможем охватить больше территории, — предлагает она.

Мой первый инстинкт — сказать «нет». Мы всегда сильнее числом. Но это школьная

функция, а не план побега от них. Поэтому я киваю,

— Я пойду налево. Удачи, — улыбаюсь я.

Когда мы расходимся в разные стороны, я делаю глубокий вдох, наклоняю голову, чтобы немного размять шею. Когда я начинаю бродить по левым и правым поворотам, все становится немного размытым, поэтому стараюсь ускорить темп.

Я знаю, что у нас мало времени и ненавижу проигрывать. Чем дальше я продвигаюсь внутрь, тем больше теряюсь, каждый поворот, каждое изменение направления кажется мне неправильным. Высота лабиринта слишком велика, чтобы я могла смотреть поверх изгородей, поэтому даже не представляю, близка ли я к середине или нет.

Я уверена, что с минуты на минуту зазвучит сирена, и одна эта мысль заставляет меня бежать быстрее.

— Я пожизненный владелиц крысы, я должна быть в состоянии выбраться из этой дурацкой штуки, — ворчу я, делаю глубокий вдох и немного кашляю.

Мои легкие влажные от тумана. Мое сердце немного сжимается при упоминании Ады. Если меня не убьют до окончания универа, я вернусь, чтобы отомстить ему за убийство моего питомца.

Я кладу руки на колени и опускаю голову, чтобы перевести дыхание.

Снова подняв голову, я поднимаю фонарик, сканируя пространство перед собой. Свет проходит сквозь туман, выхватывая белую краску башни, возвышающейся в нескольких футах передо мной.

— Будь я проклята, — шепчу я, ухмыляясь.

Подойдя к строению, я замечаю золотой ключ, свисающий со ступеней на одной нити. Подтянувшись на носочках, я обхватываю пальцами металл, гордость переполняет меня до краев.

Я слышу, как ключ срывается со струны и падает мне в руки. Несколько секунд я люблюсь искусственным золотом, но мое действие, похоже, вызвало ужасные события. Как будто струна была заминирована, а я стала идеальной жертвой.

Вокруг меня раздаются крики, высокочастотные, пронзительные для ушей вопли. Голоса кричат снаружи Лабиринта. Я прыгаю, кручусь слева направо, ожидая, что кто-то окажется рядом со мной. Вместо этого в ночи раздается равномерный звон выстрелов, отчетливый звук стрельбы.

Это просто фейерверк, рассуждаю я, хотя нет ни искр, ни всполохов разноцветного света, поднимающегося в облака. Я могу сколько угодно говорить себе, что это фейерверк, но это не изменит правды.

— Всем сохранять спокойствие и, пожалуйста, пройдите во двор! — объявляет по микрофону один из учителей, и голос эхом доносится до меня.

Не знаю, что хуже.

Быть запертой в этом лабиринте или не знать, что происходит за его пределами.

За последние несколько недель мои инстинкты самосохранения работают сильнее, чем когда-либо прежде. Это совсем не похоже на то, что тебя поймали копы или чуть не поймал парень, у которого ты воруешь.

Это намного хуже.

— Лира! — кричу я во всю глотку, в горле болезненно звенит. — Лира!!!

Я дергаюсь, подсвечивая дорогу фонариком, я начинаю возвращаться по своим следам, которые уже начала забывать.

Я напрягаю глаза, чтобы видеть в темноте, пытаюсь отыскать Лиру и одновременно безопасно выбраться из этого лабиринта. Туман и крики уже достаточно дезориентировали мои органы чувств, а теперь еще и вопиющая музыка, от которой начали вибрировать стены Лабиринта. Никаких слов, только диссонирующие аккорды, сигнализирующие о надвигающейся судьбе в моем будущем. Она звучит как мотив, играющий на карусели, чтобы привлечь людей яркими красками и кружащимися лошадьми.

Я думаю, это просто шутка, которую старшеклассники разыгрывают с младшими учениками. Вот и все.

— Лира! — снова пытаюсь я, но ничего не слышу в ответ.

Звук громкого удара достигает моего уха, я бросаю взгляд вправо и вижу тонкий черный цилиндр, который только что начал извергать ярко-красный дым из верхней части. Он течет и пузырится, распространяясь вокруг меня густыми волнами. Начав с ног и поднимаясь вверх по телу.

Я не жду, пока он продолжит обвивать меня. Я двигаюсь вперед, вытянув руки перед собой, как прославленная мумия.

Тук. Тук. Тук.

Еще больше дымовых шашек пролетает через верхушки живой изгороди, приземляясь в случайных местах вокруг меня. Дым застилает мне зрение, полностью окутав меня тревожным ярко-красным цветом.

Ужас охватывает меня, волосы на затылке встают дыбом. Мое сердце стучит в ушах, а глаза горят от раздражения.

Я не боюсь и не пугаюсь.

То, что я чувствую, выходит за рамки бесполезного существительного.

То, что я чувствую, это осязаемая, живая сила, которая подкрадывается ко мне, как голодный зверь. Она вгрызается в мою сырую плоть, разрывая меня на части, пока не сможет полакомиться обездвиженным сердцем в моей груди.

Я больше не могу контролировать свои руки, они дрожат.

Кашель наполняет легкие, я бесполезно размахиваю руками, чтобы прогнать дым из поля зрения. Все как в тумане, все вращается слишком быстро. Я стою несколько мгновений, мой желудок сжимается, я закрываю глаза, желая снова стать маленькой. Мне хочется вернуться домой, в Техас, и найти утешение в объятиях отца. Позволить ему защитить меня.

Я думаю о своем отце и о том, как он воспитывал меня, чтобы я была сильнее этого. Храбрее, чем девушка, падающая к ногам тех, кто полон решимости сбить ее с ног. Он показал мне, как украсть богатство прямо у них из-под носа. Научил не бояться ночных ухабов. Потому что я и была этой кочкой в ночи.

Прерывистое дыхание касается моих губ, мой фонарик освещает лишь клубы дыма перед моим лицом. Я прислушиваюсь к звукам криков, к тому месту, откуда доносятся голоса, если я смогу направиться в их сторону, это выведет меня из этого лабиринта.

— Лира! — задыхаюсь я, надеясь, что мой придушенный голос кого-то насторожит.

Я засовываю ключ в карман, сую фонарик в рот и, держа его зубами, срываю с себя пуловер, затем бросаю его на землю.

Черная майка прилипает к моей коже из-за пота, струйками стекающего между грудями на живот. Я выравниваю дыхание и, пытаюсь унять панику, двигаюсь к выходу.

Вот тогда-то я и слышу тихий смех.

Мрачную, скрытую усмешку, от которой у меня напрягаются мышцы. Они заставляют

меня быстрее двигать ногами. Зная, что что-то близко. Они близко, а я заперта здесь вместе с ними. От угрожающей ауры этого звука у меня панике трясутся поджилки. Отголоски смеха отдаются в моей груди, гудят в голове.

Мотив карусели крутится быстрее, становясь все громче и громче с каждым шагом вперед.

Я чувствую дуновение ветра позади себя, целомудренное прикосновение к моей пояснице, но обернувшись, вижу лишь еще больше дыма. Еще одно прикосновение руки к моей левой ноге заставляет меня снова обернуться. Они совсем рядом. Прямо за стеной дыма, прячутся, играют. Я кручусь и отворачиваюсь, пока они касаются моего тела.

Я застреваю в ложной реальности. В призрачной игре, в которой не хочу участвовать. Мой желудок бурлит, разум плывет, а они гогочут и прижимаются ко мне. Появляются и исчезают в тени.

Они везде и нигде одновременно.

За ними невозможно угнаться.

— Какого хрена вам нужно?! — кричу я, сытая по горло этими играми, уставшая от мучений в кошки-мышки. Мой фонарик направлен прямо вперед, а моя грудь вздымается и опускается от гнева.

— Чего вы хотите?! — снова кричу я.

Снова смех, мой фонарик ловит проблески их лиц по мере того, как они подходят все ближе и ближе. Они идут бок о бок, их широкие плечи двигаются синхронно друг с другом. На крайнем слева — клоунская маска, на том, что посередине, — лицо Билли из «Пилы», а на последнем — простая белая маска, у которой на месте глаз течет кровь.

Они приближаются ко мне, и к горлу подступает тошнота. Я пячусь назад, пока не наткнувшись на что-то твердое. Уверена, что именно так и чувствуешь себя в аду. Тот, что в белой маске, самый высокий, берет меня за косу, растирая ее между большим и указательным пальцами.

Я остаюсь неподвижной, а он наклонялся ко мне, прикасается носом своей маски к моим волосам и отчаянно громко вдыхает.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я хриплым, надсадным голосом.

То, что я считала частью лабиринта, начинает двигаться позади меня. Я отступаю от него, только чтобы шагнуть ближе к другой фигуре. Мне некуда бежать, я ничего не могу сделать, чтобы помешать его рукам обхватить меня. Он заслоняет мне рот ладонью и прижимается ко мне своим твердым телом.

Тот, кто скрывается в тени и есть дитя ночи. Даже в маске я знаю, кто он. Я чувствую его.

Я готовлюсь закричать от стоящего передо мной ужаса.

— Твой страх. — Его звериный тон громко звучит над музыкой и суматохой. Я рыдаю в его большую ладонь и чувствую вкус кожи.

Передняя часть его маски касается моего носа. Я перемещаю глаза, чтобы разглядеть черно-белый череп на верхней части его лица. Часть, где должны быть губы, скрыта толстым черным респиратором, который искажает его голос.

— Твое молчание, — продолжает он.

Запах пластика и дыма почти непреодолим, но не так силен, как лежащий в основе аромат гвоздики и черной магии. Адреналин течет по моим венам, как жидкое золото. Каждое нервное окончание возбуждается, каждый атом дрожит от энергии. Я жива.

Я в руках смерти и чувствую себя чертовски живой.

— Правда, — он хмыкает.

Какая правда?

Что он кровожадный сукин сын? Я могу уже сказать ему это.

Рука Алистера обвивается вокруг моей талии, притягивая меня ближе, если это возможно, и затрудненные звуки его дыхания сквозь маску заставляют меня дрожать. Я съеживаюсь, когда его темные глаза проникают в мою душу сквозь череп.

— Теперь ты принадлежишь мне, Маленькая Воришка. Мы владеем тобой. Ты принадлежишь нам. Не забывай об этом.

От этого рыка у меня трясутся поджилки, и дрожит нижняя губа.

Я трушу от его слов, понимая, что все равно ничего не могу с этим поделать. Мне не спасти себя от этого момента. Не остановить происходящее.

Мое сердце стучит так сильно, что он наверняка чувствует это в своей груди. Горячая, влажная жидкость пропитала мои бедра, мое тело сексуально возбуждилось от заряда первобытного ужаса. Я говорю себе, что это просто естественная реакция моего тела. Что я ничего не могу с этим поделать. Это биологическая реакция.

Его хватка на моем теле усиливается, рука, закрывающая мой рот, становится тверже.

— Тебе нравится бояться, не так ли, Брайар? Тебе нравится играть в тени с нами, монстрами? — спрашивает он, подначивая меня, как ребенка.

Я дергаюсь в его хватке, стараясь показать, как можно больше отпора в своих глазах. Я устала от погони и от того, что он ловит меня. Устала бегать, ждать, когда он сделает шаг. Я не хочу больше играть в маленькую испуганную девочку, и знаю, что внутри я не такая.

Мое тело почти отказывает, часть меня хочет найти его тепло и желание, которое волнами исходит от него, но я с этим борюсь. Со всей силой, которая осталась в моем теле, я откидываю голову назад, а затем врезаюсь ею ему в нос.

На мгновение раздается ласкающий ухо хруст, после чего я отрываюсь от его тела и мчусь в противоположном направлении, не останавливаясь, чтобы посмотреть, как он отреагирует на удар головой, от которого моя голова пульсирует от боли. Я спотыкаюсь в лабиринте, падаю на изгороди, царапаю и режу руки. Я слышу его позади себя, его тяжелые шаги, то, как его ботинки колотятся о землю.

Моя грудь болит от желания глотнуть чистого воздуха, без дыма, ноги горят, когда я огибаю очередной угол.

На долю секунды я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, насколько он близко, и в этот момент сталкиваюсь с другим. Я немедленно начинаю отбиваться от них, пинаться, царапаться, кричать как при кровавом гребаном убийстве.

— Брайар! Брайар! — напавший выкрикивает мое имя, пытаюсь собрать мои руки в свой захват, отбиваясь от моих ударов.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите! — кричу я, продолжая бороться.

В бреду и сломленная.

— Брайар! Это декан Синклер, я пытаюсь помочь!

Тот, кого я приняла за одного из нападавших, оказался деканом нашей школы. Деканом, который заглянул в лабиринт в поисках двух студенток, оказавшихся в ловушке после переполоха снаружи.

Стены вокруг меня словно обрушиваются, я падаю в объятия кого-то, кто не является им. Сам дьявол мог бы протянуть мне руку помощи, и я бы ее приняла. Мистер Синклер

обхватывает меня руками, прижимая к своей широкой груди, пахнущей старыми специями, и гладит по затылку.

— Все хорошо, ты в порядке, — воркует он, вероятно, чувствуя беспорядочные скачки моего сердца и видя мое перепуганное состояние.

Я закрываю глаза, из них текут слезы, и именно в этот момент мне надоедает плакать.

Я сыта по горло чувством беспомощности. Игрой, в которой они эксперты. А я лишь жалкая пешка в их шахматной партии. Они владеют моей жизнью, управляют ею, моими кошмарами.

Жизнью, за которую я боролась и просто позволяю им ее отобрать.

Они всего лишь испорченные засранцы с вендеттой, в которой я не участвую. Они хотят убить меня, прекрасно. Но с меня хватит мучений и их больных шуток.

Мне надоело быть марионеткой. Надоело быть мышью в этой игре, где доминирует кошка.

Если они хотят играть, то хорошо.

Я поиграю.

Алистер

Я рисую ее не потому, что она привлекательна.

Многие девушки привлекательны. Есть много красивых и сексуальных девушек, но сейчас не это важно. Мне все равно, что она красивая.

Я повторяю эти слова снова и снова, подчеркивая угольным карандашом изгиб ее круглого лица, придавая дополнительную детализацию тому, как краснеют ее щеки, когда она волнуется. Ее изогнутые брови, даже левую бровь с отметиной от шрама. Ослабив нажим, я рисую форму ее розовых губ.

Я рисую ее, потому что она очередное напоминание о чем-то прекрасном, что заставляет меня истекать кровью. Вся моя жизнь прошла в окружении блестящих вещей, потрясающих людей с сияющими улыбками и красивыми домами. Все они только и делали, что отнимали у меня, причиняли мне боль, пока не осталось ничего, что можно было бы забрать, ничего человеческого, что могло бы причинить боль.

Вполне логично, что ее зовут Брайар¹², чертов колючий куст в моем боку. Тыкает, колет, раздражает меня.

В лабиринте было весело. Захватывающе. Мои руки обхватывали ее испуганное тело, и она дрожала от моих прикосновений. Даже в темноте, когда вокруг нас клубился дым, я видел, как в этих разноцветных глазах пляшет ужас.

Они дрожали из-за меня, молили о пощаде под слоем инакомыслия. Она не собиралась легко сдаваться, отказываясь лечь и сдать. И это меня устраивало, более чем устраивало.

Мне нравится, что она готова стараться и отдавать столько же, сколько получала.

Мой карандаш сильнее вдавливается в бумагу, эти рисунки просто напоминание. Предупреждение о том, что происходит, когда ты доверяешь красоте, а не поступкам.

Большим пальцем я начинаю растушевывать жесткие края, затеняя их в текстуру кожи, придавая ей больше глубины, чем она заслуживала.

В кармане жужжит телефон — единственное, что может оторвать меня от альбома во время занятий. В юном возрасте я научился заглушать звуки тех, кто находится у власти, и теперь школа для меня легкая прогулка.

Достав его из кармана, я вижу несколько сообщений от парней, в основном о Сайласе и его медлительной заднице. Мы ждем уже несколько недель, чтобы узнать о записях с камер наблюдения, которые он пытался взломать.

Что-то о том, что это сделать оказалось сложнее, чем другие вещи, кажется, он упоминал что-то о брандмауэре¹³? Я, блядь, не знаю. Все, что я знаю, это то, что он тратит свое драгоценное время.

Мы следили за Томасом, по очереди присматривая за ним, и нам еще не удалось поймать его за чем-то подозрительным. Никаких полуночных побегов из его квартиры на Мэйн-стрит, никакой контрабанды запрещенных наркотиков в его машине после школы, мы даже не поймали его, когда он заходил в химическую лабораторию.

Я полагал, что теперь он все хранит у себя дома. Пытается затаиться после того, как Крис пропал, а Король Конфеток чуть не погиб от пожара, вспыхнувшего в его доме. Кто бы ни был замешан в этом деле, он знает, что может стать мишенью. Знает, что кто-то придет за ними следом, и, вероятно, делает все возможное, чтобы свести свое присутствие к

минимуму.

Мы с Руком провели целую ночь возле его дома, и не обнаружили ни малейшего намека на какие-то преступные деяния. Я начинал верить, что мы ищем не того парня, что заходы и выходы из химической лаборатории — просто совпадение.

Я отправляю ответное сообщение, сую телефон обратно в карман и беру карандаш, чтобы дорисовать то, над чем работал.

Я редко был внимателен на уроках, даже когда мне повезло, и в старших классах у меня был факультатив по искусству, я все равно заглушал звуки учителей и их указания. Не потому, что считал себя лучше, а потому что мне не нужна была их помощь. Мне не нужны были их наставления.

Перелистнув на следующую чистую страницу в альбоме, я начинаю работать над несколькими эскизами татуировок. Которые хотел бы иметь сам, те, которые хотел бы подарить другим. Чем больше я работаю, тем больше склоняюсь к черно-серым иллюстрациям, даже к сюрреализму, благодаря которому мог бы направить творческий спектр на кожу.

Шейд считает, что нужно овладеть всеми техниками татуировки, начиная с основ и по нарастающей. У тебя может быть специализация, одна категория, в которой ты действительно хорош, но остальные ты должен делать так же хорошо. Поэтому, несмотря на то, что я ненавижу традиционные работы в японском стиле, я работаю над эскизом дракона.

— Мистер Колдуэлл, — слышу я, и мой альбом закрывает кто-то, кто явно не является мной.

Страницы моего альбома для рисования падают поверх моей руки для рисования и карандаша.

Остальные в классе, кажется, одновременно вдыхают, все они, возможно, в шоке от того, что видят, как кто-то вопиюще неуважительно относится ко мне. Конечно, в Холлоу Хайтс учителя главные. Это их работа — диктовать и направлять нас на протяжении всего нашего четырехлетнего пути.

Но только не меня.

Не меня.

Не Сайласа.

Не Рука, не Тэтчера.

Нас они не трогают. Позволяют плохим парням руководить собой, надеясь, что наши фамилии и деньги покроют любой ущерб, который мы причиним за то время, что мы здесь.

Они не пытаются командовать нами, потому что знают, что это не будет услышано. Мы не только сами можем устроить хаос, но и наказать одного из нас — значит расстроить наши семьи. А с такой фамилией, как Колдуэлл, которую носит половина города, школьная библиотека и совет университета, мою семью им уж точно не хочется разозлить.

— Не могли бы Вы сказать мне определение Аксона? Относительно тела, конечно.

Перед моим столом возвышается профессор Томас Рид, я даже не хотел садиться впереди, но к тому времени, как оказался здесь, пустое место осталось только в этом ряду.

Я провожу языком по передним зубам, издавая при этом глубокий сосущий звук. Студенты вокруг меня затаили дыхание, наблюдая за мной.

— А вы не против поцеловать меня в задницу? Относительно тела, конечно.

Это не тот ответ, который он хотел, но тот ответ, который он ожидал от меня услышать. Он усмехается, уголки его губ приподнимаются в улыбке. Я еще не заметил в Томасе и

Брайар никакого сходства, кроме светлого цвета волос.

— Умно, Алистер, очень умно. Знаешь, как говорят, сарказм — это низшая форма остроумия.

Я ухмыляюсь:

— И высшая форма интеллекта. Может быть, Вам стоит продолжать преподавать биологию, а не читать студентам лекции об Оскаре Уайльде. Не похоже, что это Ваша сильная сторона.

Очередная неудачная попытка подколоть меня почти полностью меняет его отношение.

Его охватывает раздражение, когда он представляет себе сценарий, при котором может высказать мне все, что думает, без того, чтобы я ответил ему тем же.

— Ты прав. Это биология. Так что давай оставим каракули и наброски для урока рисования. Будь внимателен, или я тебя выгоню.

Очевидно, что профессору Риду, преподавателю, который работает здесь всего несколько лет, наплевать на дурную репутацию, которая окружает меня и мою фамилию. Я уважаю это. Человек, который делает свои собственные предположения, человек, который не позволяет другим запугать его, чтобы помешать его работе.

Это почетное качество, и в любой другой ситуации оно могло бы заставить меня уважать его еще больше, но, к сожалению, это не тот случай, и сейчас всем этим он только бесит меня до чертиков.

Я с шумом отодвигаю стул. Хватаю свои вещи, засовываю карандаш за ухо, а затем посмотрю Томасу в глаза. Если он в этом замешан, надеюсь, все в моем взгляде говорит ему об этом.

Я за тобой приду.

Сжав зубы, я встаю во весь рост, возвышаясь над ним на несколько дюймов:

— Позвольте, — бормочу я, на самом деле мне наплевать, выгонит он меня или нет. Я все равно собирался уходить.

Я собирался уйти, не сказав больше ни слова, дойти до машины, доехать до дома, а потом выместить свое разочарование на боксерской груше или стене. Я знал, что его карма приближается, и знание того, что позже я могу заставить его заплатить в десятикратном размере, в тот момент удерживало меня от безрассудных поступков.

Это было до тех пор, пока я не почувствовал его руку на своей груди.

Его гребаную руку.

На моей груди.

Моя кровь приближается к физической точке кипения, когда я опускаю голову и смотрю на его тонкие пальцы, прижавшиеся к моей белой футболке. Мой разум отключается на несколько секунд, крутясь вокруг бесконечных возможностей того, как переломать каждую кость в его теле.

Каждая из них хрустнет под моим кулаком, под моим ботинком, когда я наступлю на его трахею, медленно ее раздавив. Я хочу разорвать его на куски и использовать их в качестве жевательных игрушек для собаки Сайласа, Самсона.

Мой рот наполняется дикой жаждой.

Боли. Сломанных костей. Криков о пощаде.

— Твои родители могут быть в совете директоров, Алистер, но это не делает тебя неприкасаемым. Мы все перед кем-то отчитываемся, — тихо говорит он мне на ухо.

Я неторопливо поднимаю взгляд, делаю глубокий вдох, чувствую, как раздуваются мои

ноздри от агрессивно проходящего через них воздуха.

— Убери от меня свою руку, — рычу я, внезапно потеряв все оправдания, почему я еще не бью кулаком ему в лицо. Мой контроль ускользает все дальше и дальше.

— Вы ударите учителя, мистер Колдуэлл? Это основание для исключения, независимо от того, какая у Вас фамилия.

Что, блядь, с этой семьей, которая испытывает мое гребаное терпение? Сначала его племянница, которая, когда я с ней закончу, не отличит свою задницу от головы, а теперь этот гребаный мудака. Оба они, чужаки в этом месте, и не знают, как это работает.

Думают, что они выше этой бесконечной родословной.

Красные точки начинают затуманивать мое зрение, зверь, которого я не потрудился запереть, рычит в моей груди, готовый наброситься на намеченную цель.

Обхватить его запястье, я сжимаю его так сильно, что чувствую дискомфорт.

— Не так уж много ограничений в том, что я могу сделать, профессор Рид.

Я выплевываю его имя, как гнилое мясо. На долю секунды в центре его зрачка вспыхивает фейерверк беспокойства, но тут же гаснет.

Я отпускаю его запястье, слегка толкнув его плечом для верности, и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Выражение его лица заставляет меня сказать что-нибудь, что он мог бы использовать, чтобы доставить мне неприятности.

— Вам следует быть осторожным, профессор Рид. Люди пропадают без вести и все такое.

Было безответственно говорить об этом прилюдно, но я думаю, что это немного лучше, чем убить его голыми руками в этом классе. Распахнув дверь, я иду по коридору, радуясь, что он пуст и никого не придется отпихивать с дороги, пока я буду пробираться к парковке.

Я сомневаюсь, что доберусь до дома, прежде чем мой кулак врежется во что-то или в кого-то. Возникло желание позвонить Руку и попросить его встретиться со мной в доме для спарринга. Если мы с Тэтчером сталкивались лбами, то с Руком, казалось, подходили друг другу.

Иногда ему нужно было, чтобы его били, а мне — бить.

Я думаю, для него разница была в том, чтобы контролировать того, кто его бил. Все, что я знаю, это то, что иногда он нуждался в этом, ему нужна была боль, и я мог это ему дать. И мы сделали бы все друг для друга. Независимо от одолжения. Даже если бы это означало выбивание дерьма друг из друга.

Злость сочится из каждой поры, трясущимися руками я нажимаю кнопку разблокировки на своем брелоке и дергаю дверь.

Мне нужна была секунда, чтобы перевести дух. Мне нужна была минута, чтобы успокоиться.

Чего мне точно не было нужно, так это открыть дверь своей машины и обнаружить в ней полчища ползающих жуков. Сотни плоских овальных тел разбегаются по приборной панели и зарываются под сиденья.

В своем заблуждении я решаю, что вместе с гигантскими инопланетными насекомыми там есть и змеи, но быстро понимаю, что именно они издавали шум.

— Какого хера, — выругиваюсь я, осматривая внешнюю часть своего автомобиля, чтобы убедиться, что не наехал на что-то, что могло привлечь их внутрь машины.

Ничего не обнаружив, я снова заглядываю внутрь и хватаюсь за лист белой бумаги с размазанными по нему красными чернилами. Я тянусь к гнезду, в котором их около

двадцати, и стряхиваю бумагу, пока жуки не падают на пол.

Мне потребуются месяцы, чтобы вывести затхлый, влажный запах из моих сидений. Я не боюсь жуков, и они меня не беспокоят, просто это сильно раздражает.

Видимо, сегодня мир решил испытать меня на прочность.

Я несколько раз просматриваю записку, смотрю на жуков, снова и снова возвращаюсь к записке. Мои губы дергаются в ухмылке.

«Я не боюсь тебя, Колдуэлл. Отвали и найди себе новое хобби. Я предлагаю начать с коллекционирования насекомых. Вот, я дам тебе для начала».

Я облизываю нижнюю губу, качая головой, какой же она гребаный воин.

Воин, которого я раздавлю всмятку своим ботинком. Я увижу, как тот маленький огонек, который мерцает в ее глазах, когда меня нет рядом, исчезнет навсегда. Я возьму все, что, она знает, и переверну это.

И когда это произойдет, она медом растечется на моем языке.

Достаточно человечна, чтобы бояться, и достаточно сильная, чтобы не дать этому поколебать ее. Я не дурак и знаю, что она напугана, но у меня сильное предчувствие, что она не даст нам больше ею управлять.

У меня чешется рука, и, посмотрев на нее, я вижу, что по моей коже ползет здоровый панцирный жук. Я бросаю его на землю и давлю ногой. Он хрустит под моим весом.

Ей не только удалось затащить сотни тараканов в мою машину, но и проникнуть в нее, не включив сигнализацию. Она показала талант. Показала перспективу.

Чертовски жаль, что это будет потрачено впустую. Что мне придется показать девчонке, которая думала, что все знает, что такое жизнь на самом деле.

Утащить ее в темноту, в тень, где я любил прятаться, и показать ей, почему она должна бояться кого-то, созданного из кошмаров.

Такого, как я.

Брайар

Сегодня по моей крови растекается самоудовлетворение. С сегодняшнего дня у меня другой настрой. Прогуливаясь по кампусу, я знаю, что Алистер занят очисткой своей машины от тараканов.

Лира уверяла меня, что это только их спровоцирует. Мы сделаем себе хуже. Может, и так, может, розыгрыш был ошибкой, но, по крайней мере, они теперь знали, что мы не собираемся позволять вытирать о нас ноги.

Лабиринт стал той соломинкой, которая сломала спину верблюда.

Надоело быть легкой добычей, надоело позволять им побеждать, даже если я проиграю войну, я выиграла битву. Я подала Алистеру ложку его собственного лекарства и надеялась, что на вкус оно будет, как протухшее молоко.

Я крадусь по коридору в рекреационный зал школы, стеклянная дверь с простым замком — единственное, что отделяет меня от бассейна. Сияние ламп под водой отражается от стен, когда я приближалась.

Я вытаскиваю две заколки из волос, беру первую и раздвигаю ее зубами на девяносто градусов. Присев на корточки, вставляю вторую заколку внутрь, поворачивая ее влево, чтобы создать напряжение внутри стандартного навесного замка.

Просовываю первую заколку поверх другой, играя внутри штифтами. Это простая математика, стандартный замок имеет пять штифтов, и каждый штифт должен быть прижат вверх, чтобы замок открылся. Однако есть изъятые штифты, по крайней мере, три, которые труднее освободить, поэтому начинаю с них. Покачиваю заколку вверх и вниз, пока не почувствую нужное сопротивление.

Когда я чувствую его, сильно нажимаю, слыша приятный щелчок.

— Один убит, осталось два, — шепчу я, продолжая тот же процесс, пока все не будут вытащены, и замок не поддастся, открывшись с одной стороны.

Я самодовольно улыбаюсь, снимая навесной замок с двери и откладывая его в сторону, а затем проскальзываю внутрь. Любуюсь темным небом, мерцающим надо мной, английский плющ взбирается по бокам стеклянных панелей, проникая на крышу, где еще больше прозрачных пластин составляют верхнюю часть здания.

Днем свет проникает во все стороны, он кажется привлекательным и теплым. Но ночью возникает какая-то грань. Смотришь на лес и думаешь, не затаилось ли что-нибудь между деревьями, смотрящими на тебя. Если слишком долго на них таращиться, то найдешь, что искал. Если ты не осторожен, твоим разумом овладевает темнота.

Я подключаю телефон к маленькому динамику, достаточно громкому, чтобы меня услышали, но достаточно тихому, чтобы никто не узнал о моем присутствии. Я решаю не включать свет в помещении, достаточно того, что освещает бассейн.

Яркий, теплый свет придает бассейну зеленый оттенок морской пены, делая его более привлекательным.

Я с волнением снимаю одежду, оставшись в черном купальнике. Я весь день ждала момента, чтобы погрузиться в прохладную воду. Плавание дарит мне ощущение невесомости. Ничто не имеет значения, кроме того, как двигается мое тело. Мой мозг мог отключиться на некоторое время, и я могла просто плыть.

Мне это нужно.

Больше никаких Ублюдков. Никаких планов мести. Никаких проблем со школой или математикой.

Просто немного поплавать.

Мои босые ноги проходят по холодному полу вокруг бассейна. Слегка влажный и липнувший к ногам, я вдыхаю запах хлорки, витающий во влажном воздухе. Вербена и дикие розы, посаженные вокруг бассейна, почти подавляют его, но не полностью. Мне нравится этот запах. Именно хлорки. Я вдыхаю его, как краску, когда готовлюсь к прыжку в воду с трамплина.

Музыка льется по воздуху, нежные искаженные мелодии, с подрывными текстами полными гнева. Такие песни разжигают разбитые сердца и возвращают потерянных домой.

Не выдержав, я ныряю с головой в девятифутовую глубину бассейна олимпийского размера. Бурный поток воды обволакивает меня, давя на уши и делая все, что находится над поверхностью, тривиальным.

Давление воды обнимает меня, дает мне необходимый комфорт. Моя семья могла быть бедной, мой отец мог воровать ради работы, но я выросла в любви.

Я выросла в доме, где обнимали свободно и часто. Где летом всегда был включен гриль, запах древесного угля разносился по теплему воздуху. Где зимой мы находили самый большой холм в нашем трейлерном парке и катались с него на санках с пластиковыми крышками от контейнеров для хранения. Где мама читала мне сказки на ночь и укладывала меня спать.

Я привыкла быть невидимой для всех за пределами моего дома. Я чувствовала себя ненужной в школе, на меня косо смотрели в продуктовом магазине, но я знала, что войду в трейлер с двумя спальнями, который будет казаться мне домом и поддерживать меня. Мне практически нечего было назвать своим, кроме семьи, а теперь казалось, что у меня нет и этого.

Я никогда не чувствовала себя более изолированной.

Да, у меня есть Лира и Томас, я часто звоню маме, но этого недостаточно. Ходить здесь — это постоянный холодок по позвоночнику, это всегда таскать на плече чип, готовясь защищаться.

Если не считать того, что меня преследуют психопаты, я полагаю, что большинство первокурсников колледжа чувствуют себя так же.

Они отчаянно пытаются вписаться в общество, найти свое место в мире в одиночестве. Уехать от семьи всегда звучит красиво, пока ты не окажешься далеко, в одиночестве, поедая рамен в толстовке, которую не стирали три дня.

Но это процесс. Я знаю, что это пройдет так или иначе. Либо я начну привыкать к мучениям, либо позволю им запугать меня.

Я не выныриваю, пока у меня не начинают жечь легкие, пока за веками не проступают черные пятна.

Задыхаясь от жажды воздуха, я откидываю волосы с лица и смахиваю их на спину. Хлорка щиплет глаза настолько, что я вынуждена их протереть.

В медленном темпе я добираюсь до мелководья, кладу ноги на бортик бассейна, вытягиваю руки, прорабатывая мышцы.

Я хотела дать несколько кругов на ночь, зная, что это меня утомит, и я смогу немного отдохнуть сегодня. Что мне и требуется, потому что завтра у меня тест, а я не хочу провалить

свой первый тест в колледже.

Я выбираю дорожку номер пять посередине, песня меняется, пока я ныряю обратно под воду, начиная брассом свои первые сто метров.

Пятьсот метров комплексным плаванием всегда были моим заплывом. Думаю, моего тренера по плаванию тихо убивало то, что я была единственной в команде, кто мог выполнять все четыре стиля плавания. Я выигрывала соревнования только для того, чтобы увидеть ее взбешенное выражение лица, потому что, как и все остальные, он ожидал от меня провала.

И я думаю, именно к этому все это и сводится.

Вот почему я не поджала хвост и не убежала подальше от этой школы с убийцами со склонностью к похищениям.

Я не собиралась давать им то, чего они от меня хотели.

Провала.

Именно это все видели, когда смотрели на меня. Лишь мусор из трейлерного парка, предназначенный для сточных канав.

Я хотела большего для себя. Хотела доказать, что они все ошибаются. Я жила ради тех моментов, когда мне это удавалось, когда я видела шок на их лицах. Именно это я попытаюсь сделать и здесь.

Построить для себя лучшее будущее, чтобы, глядя на меня, люди видели женщину, преисполненную успеха и уверенности. Они не смогут представить меня другой.

Этим парням у меня это не отнять. Я также не позволю им увидеть, как я терплю неудачу. Даже если они будут смотреть на меня со своих тронов, думая, что их ужасные выходки прогонят меня, погубят.

Им не стать моим концом. Не отнять у меня мое будущее.

К началу плавания на спине у меня горят руки, я делаю все более резкие вдохи и остаюсь под водой все меньше и меньше времени. Глубоко в мышцах появляется усталость.

Но я пробиваюсь вперед. Я требую от своего тела большего, потому что мой разум еще не закончил. Я плаваю, потому что вода всегда была для меня чем-то вроде свободы. Отказ от правил гравитации и возможность почувствовать себя абсолютно невесомой.

Есть что-то в самом движении, когда ты преодолеваешь боль, это начинает казаться естественным. То, как кружится вокруг меня прохладная вода, когда я двигаюсь в среде, отличной от воздуха.

Плавать я стала случайно.

Мне было одиннадцать лет, и мама записала меня на летнюю программу, и я все три месяца провела в бассейне. И в конце программы были соревнования, которые я выиграла с большим отрывом.

Это был первый положительный знак отличия, который мне когда-либо давали.

Девушка, которая умела плавать, как рыба.

Поэтому я не останавливалась.

Я в последний раз ныряю под воду, со всей силы оттолкнувшись от края бассейна пальцами ног и пятками, продвигаясь вперед под водой, как быстрый кинжал по ветру.

Я снова появляюсь на поверхности, вращая руками по кругу, заставляя свое тело завершить последний метр вольного стиля. Мои руки скользят по воде, ноги отталкиваются с силой, когда последние остатки моей выносливости начинают иссякать.

Мои пальцы и ладонь шлепают по бетону, знаменуя конец моего заплыва. Я

выпрямляюсь на мелководе, мои ноги дрожат, и я делаю глубокий вдох. Опираясь на край, вновь обретаю способность видеть над водой.

Я с небольшим усилием откидываюсь назад, позволяя воде нести меня. Мое дыхание выравнивается, и через стеклянные окна я смотрю на усыпанное звездами небо. Я погружаюсь в свой собственный мир.

Представляю себя властной женщиной. Владелицей бизнеса. Новатором. Кем-то важным. Кем-то, кого нельзя игнорировать. Я не знала, чем хочу заниматься после колледжа, в основном потому, что не думала, что смогу позволить себе колледж. Теперь возможности безграничны.

У меня бесконечный выбор с шикарным дипломом Холлоу Хайтс.

Мои глаза закрываются сами собой. Тишина воды успокаивает хаос в моей голове. Не знаю, сколько я лежу так, просто плавая, но я чувствую, как начинают неметь мои пальцы.

Когда я снова открываю глаза, свет из бассейна подо мной больше не отражается от окон. Все вокруг черное.

В своих грезах я думаю, что у меня все еще закрыты глаза. Только когда я встаю в бассейне, опустив ноги на дно и потирая веки, я осознаю, что нахожусь в темноте.

Не просто в темноте, а в крошечном забвении. Я не могу даже увидеть свою руку перед лицом, даже света звезд не хватает, чтобы разбавить черноту.

Это просто смешно. Я знаю, что свет в бассейне, вероятно, погас или отключился — простое объяснение. Но иррациональный страх подкатывает к моей спине, шепчет мне на ухо.

Что, если в этом университете есть акулы, которых выпускают сюда по ночам? Или крокодилы? У них есть почти все опасное и жуткое, почему это должно быть таким надуманным?

Я смотрю вниз на воду, черная жидкость — это только звук в моих ушах. Я едва могу разглядеть ее верхнюю часть, не говоря уже о том, что подо мной. Пальцы ног колются, желая, чтобы я вытащила их из этого бассейна.

Кровь с силой пульсирует во мне, ударяясь о кожу с каждым ударом сердца. Во рту у меня пересыхает, как будто в горло засунули вату.

Это нормальная человеческая реакция. Любой бы чувствовал себя так. Ощущение, что сейчас что-то схватит меня за ногу и утянет под воду. И я больше никогда не увижу поверхности.

К счастью, я все еще ее чувствую, не зная, как далеко от края я нахожусь из-за моего безрассудного плавания. Я начинаю пробираться вперед, вытянув одну руку в поисках чего-то твердого, что могло бы помочь мне выбраться из бассейна.

О том, чтобы оглянуться назад, не может быть и речи, я знаю, что как только увижу бесконечную унылость за своим плечом, это только усилит мою панику.

Лампочки просто перегорели, вот и все...

Всплеск

Я облизываю пересохшие губы и почти сразу же замерзаю.

То, что только что вошло в воду вместе со мной, сделало это некрасиво. Его вес завибрировал на дне бассейна, подтачивая мои и без того слабые ноги.

Гигантская анаконда?

Разозленная акула-бык?

Мстительный человек?

Я поворачиваюсь лицом в направлении звука и медленно начинаю пятиться, измеряя расстояние по тому, как вода доходит мне до пояса. Чем дальше я отхожу назад, тем меньше воды скапливается вокруг моего живота, значит, я направляюсь к мелководью.

Если это животное, то мне конец. Оно видит меня в этой темноте. Чувствует мои легкие движения. Мое сердце колотится.

Но если это человек. Тогда у меня есть шанс, потому что он видит меня не больше, чем я его.

Здесь был слышен только один всплеск, значит, здесь со мной только один из них. Но остальные трое вполне могут ждать у всех выходов, когда я сделаю шаг.

Я слышу, как вода рябит передо мной, в нескольких футах от меня, возможно, если мои чувства в порядке. Снова рябь, потом еще, как будто она движется ко мне так же медленно, как я отступаю назад. Мы оба осторожничаем по контрастным причинам.

Я, желая выбраться из этого бассейна с минимальными повреждениями и как можно тише, в надежде, что они даже не заметят, что я ушла.

Они, не желая спугнуть меня, чтобы я не убежала.

Вода внезапно становится холодной. Ледяной. Такими я представляю себе воды Аляски в зимнюю стужу. Мелкие мурашки покрывают мои бедра, руки, нижняя губа дрожит. Я никогда раньше не хотела выходить из воды. Не то что сейчас.

Я прижимаюсь спиной к бортику бассейна, облегчение захлестывает мою душу. Подняв руки, я упираюсь ладонями в плитку, подтягиваясь, готовая схватить свои вещи и бежать отсюда.

Но в своих мечтах я оказываюсь дальше, чем в реальной жизни.

Руки, человеческие руки хватают меня за бедра и без всякого сочувствия тянут обратно в воду. Я скольжу обратно в бассейн, как будто никогда его и не покидала. Мои легкие наполняются могучим криком, я открываю рот, чтобы позвать на помощь, но его закрывает чья-то ладонь.

— Спокойно, Брайар. Не хочу, чтобы кто-то узнал, что ты врываешься туда, где тебе не следует находиться после комендантского часа.

Этот голос. Эти руки. Это чувство.

Отвращение, мерзкая ненависть кипит в моих венах. Тот факт, что он снова поставил меня в такое положение, что его руки держат меня, а мое тело пожирает это. Я гадаю, что он сделает дальше, как наивная маленькая девочка. Он прижимает меня к стене, положив одну руку мне на бедро.

Я чувствую, как его грубые, промокшие джинсы трутся о мои обнаженные бедра, его мягкая футболка липнет к моим обнаженным рукам. Кто прыгает в бассейн в одежде?

Я вырываюсь из его хватки:

— Я думаю, что убийство будет приоритетнее, чем прыжок в бассейн, не так ли, Алистер?

Я не вижу его, только неясные очертания его фигуры. Мускулистые плечи, то, как он наклоняет голову, забавляясь моей реакцией, и я, не глядя, знаю, что на его губах застыла убийственная ухмылка.

Камни, массивные камни давят мне на грудь. Каждый вдох причиняет боль, когда я рядом с ним. Он забирает весь кислород. Оставляя мне только его резкий запах, который я вдыхаю как топливо.

— Зачем тебе болтать о том, что тебя не касается? Я думал, мы начали становиться

друзьями, — говорит он со скрытой угрозой, от которой меня тошнит. У меня кружится голова.

Я чувствую, как он проводит большим пальцем по моему животу. Я полностью игнорирую его вопросы. Он не заслуживает ответа.

— Ты пришел один? Или привел своих питомцев, чтобы они помогли тебе расправиться со мной?

Я задеваю его за живое, потому что чувствую, как его большой палец впивается в мою кожу, грубо и требовательно. Заставляя меня сглотнуть от боли. Все его большие красные кнопки, те, с которыми я не должна связываться, окружают его друзей. Ты можешь напасть на него, но стоит тебе переключить внимание на его дерьмовых приспешников, как он уже готов наброситься.

Я пытаюсь вырваться из его хватки, но в награду получаю удар, который возвращает меня на место. Моя спина упирается в борт бассейна.

— Тараканы. Немного по-детски, даже для такой бездельницы, как ты.

— В одежде в бассейне. Немного неуверенно, даже для парня с маленьким членом.

Он смеется глубоким и насыщенным смехом, как темный шоколадный торт. Сначала горький, но постепенно тает на языке, становясь сладким и липким. Мой любимый вид шоколада.

Мое тело дрожит в его руках, снова мой мозг воюет с остальной частью меня. Эндорфины наполняют меня, покалывая бедра, проносясь по всему телу. Я сглатываю желчь, выпячивая подбородок, хотя он этого не видит.

Рука, не лежащая на моем теле, начинает бегать по моему плечу, лишь кончиками пальцев скользя по моему силуэту. Он рассматривает меня своими руками.

— У тебя есть то, что принадлежит мне, Маленькая Воришка.

Весь смех пропал. Все воспоминания о его человечности исчезают.

Я перевожу взгляд на свою одежду, лежащую на стуле возле колонки, из которой все еще играет музыка, зная, что его кольцо засунуто в передний карман рубашки. Я впервые благодарна за то, что он меня не видит.

— И я хочу это вернуть, — рычит он, его тон вгрызается в мою кожу, как дикие волки, обнажающие зубы.

— У меня ни хрена нет, — упираюсь я, что бессмысленно, но я не хочу, чтобы он думал, что я отступаю. Мое сердце колотится от откровенной лжи.

Он хватается рукой меня за затылок, захватывая волосы сзади с пьянящей жестокостью. Он тянет меня вниз, так что мое лицо оказывается обращенным к нему. Я чувствую его рот над своим, и обещаю себе, что, если он меня поцелует, я откушу ему язык.

— Ты видела, что мы сделали с тем учителем, не так ли?

На меня обрушиваются яркие образы.

— Вот что происходит с людьми, которые отбирают у меня вещи, Брайар. Они становятся мертвыми.

Его дыхание — это Новокаин для моих чувств, от которого все немеет. Яд в его голосе проникает в мои поры, заражая меня. Все эти образы возвращаются, те, что мучают меня по ночам. Кровь, змеи, он.

Те, что с ним, самые худшие, потому что я всегда просыпаюсь со струйками пота, стекающими по пояснице, и с влажными трусиками.

— Я не боюсь тебя, — морщусь я.

Еще одна ложь.

— Да? Докажи это.

Клянусь, я чувствую, как его верхняя губа задевает мою, когда он произносит «докажи».

Он крепче запускает руку в мои волосы, превращая их в поводок, с помощью которого он может управлять мной. С быстротой и точностью он просовывает свое промокшее правое бедро между моих ног. Раздвигая и приподнимая меня одновременно.

Я задыхаюсь, мое дыхание сбивается в горле, голова откидывается назад от его хватки, и легкое трение пронзает меня от центра до пальцев ног. Молния рассекает мои кости. Все вокруг становится абсолютно пустым, каждая молекула исчезает. Эта огромная сила энергии проходит через меня, это было всего лишь секундное прикосновение, но казалось, что дольше.

Все мое тело балансирует на его коленях, все давление направлено на мою промежность. Его грубые джинсы натирают нежную кожу между моих ног. Только через несколько мгновений я замечаю, что мои руки лежат на его плечах, обтянутых футболкой.

— Ты уже испугалась, Маленькая Воришка?

Я скрежещу зубами, пытаюсь вдохнуть, но все, что у меня получается, — это глотки его дыхания. Его дымное дыхание наполняет меня все сильнее, сильнее, сильнее. Я готова взорваться. Нити ужаса обвиваются вокруг моего горла, удушая меня.

Я напугана, да. Мой разум, мое сердце.

Но мое тело, мое больное извращенное тело, ему это нравится.

Слишком сильно нравится.

Настолько, что я не могу остановить его, чтобы доказать свою точку зрения.

— Съешь меня, — выдыхаю я.

Я чувствую его самодовольную ухмылку прямо над моими губами. Он дразнит меня. Играет со мной.

Я чувствую это волнами. Как его колено начинает двигаться короткими кругами, напряжение не покидает мой клитор. Я чувствую все, как будто он прикасается только к голой коже. Тонкий материал моего бикини только способствует его трению.

Интенсивность медленно начинает нарастать. Мой язык распухает во рту, я прикусываю его, не давая вырваться ни одному стону. Мне вдруг становится жарко, вода, которая раньше казалась льдом, теперь превратилась в расплавленную лаву. Каждое движение его колена разжигает пламя, а я могу только смотреть. Я могу только чувствовать, как разрастается ад.

Я просто тлеющие угли и пепел удовольствия в его руках.

Бог, и он, блядь, знает это.

Алистер проводит языком по своей нижней губе, задевая мою, и я чувствую его слабый вкус. Знаете, как страшно почти ощутить вкус единственного на земле наркотика, который может тебя убить?

Я вишу на качелях жизни или смерти в объятиях Алистера. Ищу удовольствия у того, кто ищет у меня тишины.

«Это просто чтобы доказать свою точку зрения», — напоминаю себе я. Я просто доказываю свою точку зрения. Я показываю ему, что не сдамся, и он не сможет меня напугать. Больше не сможет.

Он дергается, и из моего горла вырывается мучительный стон. Алистер резко вдыхает, впитывая мое удовольствие, пока мы обмениваемся тяжелыми вздохами и стонами.

Я не могу отрицать влажность, просочившуюся между ног, возможно, я могла бы

списать это на бассейн, но он знает, знает так же хорошо, как и я. Мое тело жаждет этого.

— Просто скажи мне то, что я хочу услышать. Скажи мне, что ты боишься меня, бездельница, — бормочет он мне в губы.

От его грубого оскорбления в моем животе поднимается жар, мои щеки горят красным, а может, они горят оттого, что я стыдливо вращаю бедрами по его мускулистому бедру. Оно сгибается и напрягается под моим весом, подталкивая меня все дальше и дальше к краю.

— Гнить тебе в аду, козлина с трастовым фондом.

Мое проклятие едва ли можно назвать угрозой, так как оно вырывается с придыханием. Вместо мягких, податливых звуков имени любовника, произнесенного моими губами. Это унижительный термин, наполненный такой ненавистью.

Ненавистью к нему за то, что он заставляет меня любить это.

Я впиваюсь ногтями в его кожу. Так, чтобы, когда он уйдет, на нем останутся мои следы. Чтобы, глядя утром в золотое зеркало, он помнил, что у меня есть ногти и острые зубы.

Как это возможно — что я сейчас настолько возбуждена, а мои чувства настолько противоположны? Напряжение внутри меня только усиливается, когда желание нарастает. Мои ноги дрожат, заставляя воду плескаться вокруг нас.

Мои бедра двигаются сами по себе в погоне за облегчением, в погоне за одобрением. Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Я не знала, что когда-нибудь захочу снова испытать подобное. Такой жар. Такой кайф. Такое безрассудство.

Слишком много адреналина. Мое сердце не выдерживает.

Громкий крик нарастает в моей груди. Я падаю, нет, меня бросают в глубокий конец липкого, амброзивного бассейна желания. Спираль внутри моего живота сжимается сильнее, и все из-за парня, полного злых игр.

Я не думала, что он может подойти ближе, но он подошел. Его губы прижались к моим, но не в поцелуе.

— Ты не можешь использовать меня. Не для того, чтобы твоя тугая, розовая пизда кончила. Не для глупых игр с твоей подругой. Ни для чего. Я получу то, что принадлежит мне, Брайар. Даже если мне придется убить тебя за это, — рывкает он, мой рот двигается с каждым его словом.

Подождите, что?

Вода вокруг меня превращается в волны наслаждения, готовые засосать меня под прилив экстаза, пока вдруг снова не остывает.

Он роняет меня в бассейн, от резкой перемены я падаю в прохладную жидкость, прихожу в себя, прежде чем снова вскочить на ноги, кашляя в поисках воздуха.

Придя в себя, я оглядываюсь вокруг, свет в бассейне снова горит, но Алистера Колдуэлла уже не видно.

Моя грудь вздымается, а мысли путаются.

Был ли он здесь на самом деле? Неужели я заснула в бассейне? Неужели мне приснился еще один сон?

Боль между бедер дает мне ответ. Пульсация в задней части моего черепа от его хватки говорит мне, что все это было очень реально.

Я была напугана.

Я была зла.

Я была опустошена.

Как он может так злиться из-за кольца? Это украшение, черт возьми. Мне претит ощущение, что в его истории есть что-то большее, чем то, что я вижу. Я не хочу знать его историю. Мне все равно.

Он садист, который закатывает истерики чаще, чем двухлетний ребенок. Его поведению нет оправдания.

Нет.

Начинает играть другая песня, как будто последних тридцати минут и не было. Жизнь начинается снова, и я вырываюсь из лабиринта времени, в который он меня бросил.

Меня переполняет такое разочарование, что я опускаюсь на дно бассейна. Я падаю как камень, плыву, пока не оказываюсь на дне.

Затем распахиваю глаза, позволяя хлорке выжечь его из моей памяти, открываю рот и кричу.

Алистер

— Сильнее.

— Сильнее!

— Да ладно, чувак, я сказал сильнее! И это все, на что ты способен? Не удивительно, блядь, что ты запасной.

Его слюна попадает на мою голую грудь, его лицо покраснело, как пожарный гидрант. От криков, от драки.

Я обхватываю его руками и впиваюсь в его обнаженный живот, глаза не могут не заметить глубокие рваные шрамы, которые лежат там и на его груди. Я утыкаюсь головой в его плечо, левой обхватываю его шею, чтобы удержать его на месте, пока наношу удар за ударом в его брюхо.

Запасной.

Я ненавижу это забытое богом имя.

Пусть лучше Тэтчер называет меня Али каждый день до конца жизни, чем я снова услышу от кого-то это слово.

Это все, кем они меня видят, это все, кем меня когда-либо видели.

Болезненные удары исходят из моего кулака, созданного, чтобы дробить кости. Я знаю не так много людей, которые могли бы выдержать такие удары. Я думаю, что после многих лет насилия он привык к этому. Это было извращенное чувство связи между друзьями.

Старые раны, которые я любил прятать с помощью взрывной ярости, вновь являются мне в этом подвале. Они разверзаются, оставляя меня истекать кровью по всем причинам, по которым я хотел бы никогда не родиться.

Намеренно или случайно, но родители назвали меня в честь главного палача и мучителя из Ада. Еще до того, как я смог мыслить, мне дали имя, которое предопределило, кем я стану.

Тем, кто приносит боль душам. Имя, данное злым духам и людям с плохим характером. Оно не могло быть более совершенным.

Рук подстегивает меня своими словами, как я и предполагал. Так, как мне и нужно.

— Ты слабак, Алистер, — стонет он, хотя я наношу достаточно повреждений, чтобы сломить его, он все еще хочет большего.

Моя голова раскалывается от прилива крови:

— Заткнись на хер, Рук.

Именно здесь мы превращаем годы боли в моменты свободы, мы выбиваем муки из костей друг друга.

Обхватив его рукой за шею, я притягиваю его лицо к своей груди, соединяя руки у основания его головы. Погружаю колено в мягкое место прямо под его грудной клеткой. Восприимчивое движение, от которого у меня подкашиваются ноги. На его коже начинают появляться раны.

Наши тела слипаются от капающего с них пота. Мы используем друг друга как выходы, которых у нас не было в детстве.

Пот, дым и приторный запах резины от коврика забивают мне нос. Но этого недостаточно, чтобы забыть тот экзотический цветочный аромат, который присосался к

моей коже, как пиявки. Он проникал сквозь хлорку, даже после душа я все еще чувствовал этот запах. Я все еще чувствовал ее запах.

Энергию, которую я почувствовал, оставив ее там, промокшую до нитки, зная, как сильно она пульсирует в ожидании оргазма. Я чувствовал жар, соки, которые лились из ее пизды даже в воде. Зная, что я закрутил ее разум в узел.

Я показал ей, что она ничем не лучше нас. Грязная, грубая девчонка, которая наслаждается тем, что подкрадывается по ночам. Что пыхтит и хнычет в объятиях парня, которого ненавидит.

Тянется за оргазмом на бедре мужчины, который должен был стать ее кончиной. Это было опьяняюще. Я никогда раньше не чувствовал такой силы.

Моя голова не в том месте, где нужно. С каждой секундой она все больше ускользает от этой борьбы.

В своем рассеянном состоянии я даю Руку возможность толкнуть меня в грудь и отбросить от себя. Он наносит небрежный левый хук в мою челюсть с достаточной силой, чтобы зажать мою нижнюю губу. Я чувствую, как кровь начинает стекать по моему подбородку.

Мы замираем на секунду, оба в шоке. Глаза Рука открыты чуть шире, а я подношу палец к губе и отвожу его, чтобы осмотреть ярко-красную жидкость, оставшуюся после удара.

Меня никогда раньше не били.

Я никогда раньше не позволял никому бить себя.

Не уверен, кто в большем шоке, я или Рук. Впервые с тех пор, как мы были подростками, он нанес мне удар, от которого пошла кровь.

Она все портила. Ее запах, жалкие стоны, нетерпеливые движения бедер и одышка мешали мне сосредоточиться. Ее существование разрушало мою жизнь.

Я был настолько поглощен ею, желанием избавиться от нее, заставить ее замолчать, что другие женщины стали для меня размытым пятном. Все они находились где-то вне фокуса, потому что мое внимание было приковано к тому, что делает она, где она находится, с кем разговаривает.

В ту ночь в бассейне она делала все, что я хотел. Marionette на моих ниточках. Я показал ей, что она всего лишь игрушка, которой я могу управлять. В мои намерения не входило, чтобы она оседлала мое бедро, но мне хотелось посмотреть, как она выяснит, кто именно является главным в этой ситуации.

Я знал, что она не отступит. Даже если будет мочиться от страха. В Брайар Лоуэлл есть что-то такое, что не позволяет ей отвернуться от того, что ее пугает.

И я не хочу ничего, кроме как раздавить ее голыми руками.

Мои мысли путаются, я вне себя от ярости. В своей истерике я резко бросаюсь на Рука. Я валю его на мат и слышу, как он приземляется на землю с сильным ударом.

Под кожей у меня все пылает, температура тела резко подскакивает. Я уверен, что скоро моя кожа начнет плавиться.

Я хочу уничтожить ее. Хочу проглотить ее всю.

Я вернул себе власть после ее маленькой шарады с тараканами, но Брайар скоро найдет что-нибудь еще, чтобы нанести мне ответный удар. Я хочу, чтобы она была настолько сломлена и потеряна, что у нее не было другого выбора, кроме как подчиниться и умолять меня прекратить ее страдания.

На коленях, задыхаясь.

Подо мной хрипит Рук. Небрежной техникой я обхватываю его, затягивая в удушающий захват. Я обвиваю его ногами вокруг талии, правой рукой обхватываю его горло, а левой затягиваю захват на его дыхательном горле.

Демоны, адские существа, которых я скрывал внутри себя, выползли наружу, раздирая мои внутренности в клочья. Я едва могу видеть, мое зрение расплывается и наливается красным.

Я едва различаю фигуры, только пятна света. Вкус собственной крови на языке заставляет меня сильнее сжимать его шею. Чем больше я причиняю ему боли, тем ближе к тому, чтобы поймать ее.

Тем ближе я к тому, чтобы полностью ее развратить. Пока не останется ничего от того, кем она была. Когда Брайар посмотрит в зеркало, то даже не узнает себя. И, возможно, дважды подумает о том, чтобы покрывать своего дядю и его сомнительный бизнес.

Может, тогда она пожалеет о том, что была причастна к смерти Роуз. Причастна к уничтожению одного из наших друзей.

— Али... Алистер! Чу-чувак, я... я... — Рук прорывается сквозь мою хватку, возвращая меня к реальной жизни.

Напомнив мне, что я в десяти секундах от того, чтобы убить его. Я даже не почувствовал, как его рука несколько раз ударила меня по предплечью, до этого момента.

Я тут же отпускаю его, позволив ему сесть и поползти к скамейкам на другой стороне комнаты. Его длинные волосы покрыты потом и колышутся перед глазами.

Я упираюсь спиной в стену позади себя, оставаясь сидеть на заднице. Опускаю лицо и смотрю на пол под собой, держа голову между ладонями. Мне нужно взять себя в руки.

Брайар занимает слишком много места в моем мозгу.

Занимает все пространство в моем мозгу.

— Ты в порядке? — спрашиваю я его, пока он заглатывает галлон воды менее чем за пятнадцать секунд.

— Лучше не бывает, — говорит он с усталой ухмылкой, припухлость и краснота на его шее ясны, как день.

Мы сидим в тишине, переводя дыхание, собираясь с силами. Даем эйфории момента улечься, а адреналину выветриться.

Это напоминает мне о том, как он впервые попросил меня ударить его. Когда нам было по четырнадцать лет, на заднем дворе его дома. Его глаз был уже фиолетовым от предыдущей ночи с его отцом, мы по очереди стреляли из его пневматического пистолета по птицам, которые летали по небу.

Он повернулся ко мне с этим взглядом в глазах. Как будто я ему нужен. Как будто ему нужна моя помощь.

И я помню, что подумал, как это здорово — быть нужным. Когда тебя хотят видеть в качестве друга и обращаются за помощью, даже если эта помощь была чем-то психопатическим. В истинной манере Рука, он сначала шутил, он хотел посмотреть, насколько сильно я могу ударить.

Но когда я не выкладывался по полной, тогда я видел его сторону, которую редко кто видел. Включая меня и остальных парней. Ту его часть, которая все еще остается сломленным ребенком.

«Мне нужна боль, Алистер. Она нужна мне, чтобы я не забыл, что я сделал».

Это все, что он мне сказал.

После этого мы больше никогда не говорили об этом. Я просто появлялся, когда он звонил, и шел выколачивать из него дерьмо, словно был моим личным передвижным мешком для трупов.

— Когда твои родители вернутся домой? — спрашивает он, убирая волосы с лица.

Я пожимаю плечами.

— Да хрен его знает, может, на следующей неделе. У них скоро заседание совета школы, и они не упустят возможности похвастаться своими достижениями. А с приближением праздников моя мать должна начать планировать свои пышные вечеринки.

Праздники всегда были самыми худшими.

Рождество, День благодарения, Хэллоуин.

Любой повод устроить собрание, где люди могли бы ими восхищаться. Они использовали любой предлог, чтобы быть в центре внимания.

Дом всегда был полон людей, которые роились вокруг, как шершни, замаскированные под бабочек. Всегда слишком громкие, слишком яркие, слишком фальшивые. Поэтому обычно на каникулы я оставался с Тэтчером, его бабушкой и дедушкой.

Потому что не имело значения, появлюсь я на Рождественское утро или нет, им было все равно, и они не потрудились бы спросить, где я. К тому же, бабушка Тэтча по утрам печет убойные блинчики.

— Сайлас не стал бы тебя винить, знаешь ли.

Я хмурюсь.

— Что?

— Он не стал бы винить тебя, если бы ты решил уехать до того, как мы узнаем, что случилось с Роуз. Он знает, через что ты здесь проходишь. Никто из нас не стал бы тебя винить.

Это никогда не было сказано вслух до этого момента, но я уже знал это. Мы все это знали.

— А ты бы винил себя? Если бы ты оставил его одного в его горе, до того, как он получит ответы, ты бы винил себя? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Я бы чертовски ненавидел себя, если бы бросил его.

— Тогда почему ты думаешь, что я чувствую что-то другое?

Рук кивает, принимая мой ответ. Не то чтобы он сомневался в этом, но я думаю, Рук чувствовал, что ему нужно сказать это, чтобы убедиться, что я здесь не потому, что должен быть здесь.

Может, этот город и был проклят ложью и отбросами родителей, но в нем я нашел людей, ради которых готов снести врата ада.

Семья — это не то, где ты родился. Это то, за кого ты проливаешь кровь.

Тэтчер. Сайлас. Рук.

Это единственные люди, которые имели для меня значение.

Мы поднялись на верхний уровень дома, оба разделились, чтобы принять душ, у нас было достаточно времени, чтобы привести себя в порядок, прежде чем моя входная дверь открылась, и по щелчку оксфордских туфель я понял, что это Тэтчер.

— Какого хрена ты надел? — комментирует Рук из моей кухни, где он поглощает сэндвич, обмотав полотенце вокруг талии.

Я натягиваю футболку через голову и смотрю на Тэтчера. Он одет в коричневатокремовый свитер, который выглядит так, будто его сбрили прямо с тела ягненка.

— Итальянская роскошь, дорогой. Стоит больше, чем твое левое яичко.

Я издаю смешок, видя, как Сайлас входит следом за ним с папками под мышкой. Ранее мы все планировали встретиться здесь. Сайласа не было в школе, как и Рука, потому что они вдвоем не спали всю ночь, пока Сайлас взламывал камеры наблюдения.

Он рано написал сообщение, что нашел кое-что, что может нас заинтересовать.

Рук оставался с ним почти все время. Отчасти, чтобы присматривать за ним, а отчасти, чтобы убедиться, что он принимает лекарства. Последнее, что нам было нужно, это чтобы он жаждал мести и не принимал лекарства от шизофрении.

Я следую за ними на кухню, хлопаю Сайласа по спине в знак приветствия, прежде чем он выкладывает папку на мраморный остров.

— Томас и Брайар не замешаны. — Это первое, что вылетает из его рта еще до того, как он открывает то, что находится внутри.

При звуке ее имени у меня сжимаются пальцы на ногах, и меня охватывает желание оскалить зубы. Мне не нравится, как другие люди произносят ее имя. Что-то в этом заставляет мои шестеренки двигаться в неправильном направлении.

— Прости, что? — говорю я, в моем тоне очевиден шок.

Открыв белую папку, он достает листы, а также черно-серые фотографии.

— Я наконец-то добрался до камер наблюдения и нашел вот это.

Он раскладывает их, чтобы мы все посмотрели.

Я хватаю одну из фотографий и вижу учителя, выходящего из лаборатории, не Томаса. Что в данный момент может означать что угодно.

— Похоже на мистера Уэста, он мой учитель органической химии. Какое он имеет отношение к чему-либо? — спрашивает Рук.

— Грег Уэст использовал пропуск Томаса для входа и выхода из лабораторий. Я не знаю, как он его получил, но он подменил их. Смотрите. — Он сдвигает лист со временем к середине, указывая на входы и выходы.

— Все разы, когда Грег входил в систему, она регистрировала идентификационный номер Томаса и наоборот. Это Грег пробирается в лабораторию после полуночи. Это был его способ прикрыть свою задницу на случай, если кто-то узнает о наркотиках.

У меня урчит в животе.

Предлог набить морду Томасу Риду, пока он не умрет от кровотечения, теперь вылетел в окно. Теперь он просто учитель с огромной палкой в заднице и стояком за то, что разозлил меня.

— Недели слезки не за теми людьми, черт возьми, — ругаюсь я.

Тэтч переводит взгляд на меня.

— Ах, ах, — цокает он языком. — Давай не будем притворяться, что тебе не понравилось шпионить за дорогой племянницей Томаса, Али.

— Ты всегда можешь поменяться со мной местами. Я бы лучше ходил по пятам за горячей цыпочкой, а не рылся в офисе и квартире Томаса. Он координирует цвет своего нижнего белья, — шутит Рук, разговаривая с полным ртом еды.

Я скрежещу коренными зубами, не обращая внимания на Рука.

— Ты хочешь, чтобы они донесли? Кто-то должен присматривать за ними, пока ты чистишь свои гребаные ботинки, Тэтч.

С хитрой ухмылкой он поднимает руки вверх, позволяя Сайласу продолжить рассказ о том, что ему удалось найти.

— Я вернулся на несколько месяцев назад, и вы можете видеть, как через несколько часов после ухода Грега появляется Крис, проникает внутрь, уходит с мешком и отправляется делать все, что ему нужно.

— Итак, Грег — учитель, который написал Крису сообщение о подбросе тела, что означает, что он либо сделал это, либо знает, кто это сделал. Это то, о чем мы говорим?

Сайлас кивает, его кулаки сжимаются при упоминании о ее смерти.

— Он единственный человек, которого мы смогли связать с Крисом. И зачем ему красть пропуск Томаса, почему бы просто не использовать свой собственный? Если только...

— Если только ему есть, чего скрывать, — заканчиваю я.

Мы позволяем новой информации осесть в памяти. Я провожу пальцами по волосам, прижимая ладони к голове.

Зная, что мы потратили целый месяц на поиски не того человека, но мы также знали, что это будет нелегко. Мы говорили об этом до того, как все началось. Знали, что могут пройти годы, прежде чем выясним, что с ней случилось, если вообще что-то выясним.

Но это, это было похоже на что-то более близкое к зацепке. Я чувствовал, как приближается конец этого дела, зная, что, когда мы найдем нужные нам доказательства, мы встретимся с Грегом и узнаем, что именно произошло той ночью.

Мы сможем позволить Роуз покоиться с миром, зная, что того, кто забрал ее жизнь, постигла та же участь.

Брайар

— Два двойных чизбургера с луком, корзиночка «Кудряшек Тилли» и два клубничных молочных коктейля, все верно, дамы?

Мой желудок урчит, когда официантка повторяет нам наш заказ. Жирная, вкусная еда из закусочной была всем, что мне сейчас было нужно в жизни.

— Да, — в унисон произносим мы с Лирой, немного смеясь над нашей сплоченностью.

— Я пойду передам его!

Когда она уходит, я поворачиваю голову, чтобы посмотреть в окно на темную дорогу и парковку, полную машин. Этот маленький ресторанчик первая вещь в этом городе, которая напомнила мне о доме.

Старая музыка, игравшая из музыкального автомата в углу, клетчатый пол, вишнево-красные кабинки и ярко-синие неоновые огни возвращают меня домой, в Техас, в Waffle Palace, который находится в двух милях от моего дома.

Запах жареного масла, смех, улыбка на моем лице в первый раз, когда мы пришли сюда.

Мы обе занимались часами, а потом усталые и голодные забрались в машину Лир и проехали двадцать минут, чтобы добраться сюда. На часах только семь, поэтому на ужин собралось много народу. Ресторан полон людей, которых вы никак не ожидали здесь увидеть.

Мужчины в костюмах, дамы на каблуках.

Казалось, это отдых от роскоши. Собрать всех вместе в скромном заведении, где подавали все — от пирожков до рыбы с картошкой.

Прошло полторы недели октября, и листья полностью опали. За исключением сосен. Они сохраняли свой темно-зеленый наряд круглый год.

С момента последней встречи с отродьем Сатаны в бассейне мы ничего о них не слышали. Мы виделись с ними в кампусе, но розыгрыши, письма — все это прекратилось примерно в первых числах месяца.

Иногда я все еще чувствовала присутствие Алистера, он наблюдал, витал в воздухе, но это было не так, как раньше. Либо они планировали что-то вроде нашего грандиозного похищения и расправы, либо считали, что их мучения обеспечили наше молчание.

Часть нас хотела забыть все, что мы видели. Я хотела исчезнуть с их радаров и скрыться от их взглядов. Даже если это означало молчать. Я хотела сосредоточиться на учебе и вести себя так, будто той ночи никогда не было, и казалось, что Лира справляется с этим гораздо лучше, чем я.

Другая часть меня чувствовала, что я сгорю. Хранить такой секрет до конца жизни. Я была уверена, что это съест меня заживо, но после бассейна пообещала себе, что закончу школу, буду иметь средства для самозащиты и расскажу кому-нибудь.

Я бы рассказала все, что видела, и надеялась, что справедливость восторжествует, но сейчас я не могла этого сделать. Я бы так и осталась бездомной девчонкой из нищего Техаса, обвиняющей в убийстве самых важных сыновей Пондерозы Спрингс.

Сколько бы сценариев я ни прокручивала, это никогда не заканчивалось для меня хорошо.

Обещание, которое я дала, немного развеяло мою тревогу. Настолько, что ко мне

вернулся аппетит. Это было хорошо для меня, потому что Томас начал беспокоиться о том, что я становлюсь хилой.

— Истон Синклер спросил меня о тебе сегодня в классе, — сообщает Лира, прислонившись спиной к стеклянному окну, вытянув ноги перед собой через всю кабинку. — Он не разговаривал со мной с детского сада, и тут одолжил мой желтый карандаш.

Я приподнимаю бровь.

— Почему он спрашивал обо мне?

После того, как я случайно включила Джеки Чана, я видела его только на уроках и один раз в библиотеке, где мы вместе просматривали ответы на вопросы учебного пособия. Я не думала, что сделала что-то такое, что могло бы послужить основанием для того, чтобы он спрашивал Лиру обо мне.

— Он хотел узнать твой номер телефона, — хихикает она. — Кто-то влюбился в тебя, — поет она мягким голосом, тыча в меня указательным пальцем.

Я отмахиваюсь от него, закатывая глаза с тихой усмешкой.

— Возможно, ему просто нужны были ответы на домашнее задание или что-то в этом роде, ты сказала ему, чтобы он отвалил и беспокоился о своей девушке?

Она покачала головой.

— Нет, я сказала ему, что если бы ты хотела дать ему номер, то дала бы.

За это я полюбила ее еще больше.

— К тому же он все равно не похож на твой типаж.

— У меня есть типаж? — спрашиваю я, никогда не думая о себе как о человеке с типом. То есть, за вычетом того, что я требовала, чтобы парни, которыми я интересовалась, были холостыми и совершеннолетними.

— Ты просто не похожа на девушку, которая живет с парнем, который работает с девяти до пяти. Тебе было бы слишком скучно, — начинает она. — Я думаю, есть два типа женщин: те, кто ищет комфорт, и те, кто ищет любовь.

Я никогда раньше не слышала, чтобы кто-то говорил что-то подобное. Я имею в виду, что можно иметь и то, и другое, верно? Можно иметь стабильные отношения и быть влюбленной, это случается постоянно.

— Ты не думаешь, что у людей может быть и то, и другое? Разве не хочется чувствовать себя комфортно, когда ты влюблена? Я не думаю, что может быть одно без другого.

Примерно в это время возвращается официантка с подносом еды, ставит все перед нами и спрашивает, может ли она принести нам что-нибудь еще, когда мы отказываемся, она уходит.

Лира берет вишенку с вершущки своего молочного коктейля и кладет ее в рот.

— Для меня любовь не должна быть комфортной. Любовь должна заставлять тебя чувствовать себя *некомфортно*, она должна бросать тебе вызов, раздвигать твои границы, заставлять тебя расти как личность, и все эти вещи ты должен делать вне своей зоны комфорта. Поэтому я не думаю, что ты можешь иметь и то, и другое, нет.

Мне нравится слушать, как она говорит. Мне нравится слушать, что она думает о жизни, любви, философии, даже когда у нас полномасштабные дебаты по эпизоду «Мыслить, как преступник». Все, что она говорит, как будто годами зрело в ее мозгу. Вы бы не предположили этого, когда впервые увидели ее, потому что она застенчива, но Лира забавная. Она быстро реагирует на сарказм, и мне грустно от того, что я единственный

человек в школе, который это знает.

Все, кто упустил возможность стать ее другом, сильно прогадали.

Я беру картошку, макаю ее в кетчуп.

— Так ты девушка, которая хочет любви, верно? Авантюрного парня, который поможет тебе выкопать червей и знает, как испачкаться? — Я дразняще вскидываю брови, запихиваю соленый жареный картофель в рот и жую.

Призрак улыбки проходит по ее чертам, и она фыркает, как будто думает о каком-то парне или, может быть, девушке — я никогда не спрашивала ее о сексуальной ориентации.

— Что-то вроде этого, кто знает.

Я беру свой бургер, расплавленный сыр сочится сбоку, а кусочки бекона выглядывают из-под булочки. Мой рот наполняется слюной, когда я подношу его ко рту и откусываю самый большой кусок в своей жизни.

— Лира Эббот! Это ты, милая девочка?

Я едва не давлюсь, пытаясь прожевать этот нечестивый кусок пищи, когда к нашему столику подходит мужчина в строгом костюме.

— Привет, мэр Донахью, — мягко говорит Лира, улыбаясь мужчине с аккуратно подстриженной бородой и мягкими рыжими волосами, который сейчас смотрит на меня.

Конечно, я познакомлюсь с мэром одного из самых престижных городов страны, пока у меня рот набит едой. Я закрываю рот рукой, жуя как можно быстрее.

— Привет, — бормочу я, болезненно сглатывая. — Извините, я Брайар.

Я вытираю руки о салфетку и протягиваю ему руку.

Он пожимает ее с улыбкой.

— Приятно познакомиться, Брайар. Я горжусь тем, что знаю все лица здесь, но не могу сказать, что знаю тебя! Ты здесь недавно?

Я киваю.

— Да, сэр. Я учусь в Холлоу Хайтс.

— Пожалуйста, зови меня просто Фрэнк. Очень приятно узнать, что в наш уголок мира приезжают студенты из других мест! Нравится ли вам, дамы, ваш первый семестр? Я слышал, что на ежегодной охоте в лабиринте недавно произошла случайная осечка с фейерверками.

Мы с Лирой смотрим друг на друга со слегка прикрытыми глазами, вспоминая ту ночь. Но она быстро приходит в себя.

— Все идет хорошо, просто занимаемся учебой и пытаемся оправдать ожидания, возлагаемые на нас, студентов. — Она прикрывает глаза.

— Ну, я оставлю вас, девочки, ужинать, Лира, дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо? — предлагает он, и она кивает в знак согласия, наблюдая, как он уходит и направляется к двери, чтобы уйти.

— Ты просто случайно знакома с мэром?

Мы снова усаживаемся в нашу кабинку и продолжаем есть.

— Он знал мою маму в свое время, я училась в одном классе с его дочерьми, когда росла. — Лира делает паузу, берет картошку и макает ее в свой молочный коктейль. Я морщусь, смущенная таким сочетанием, но я научилась не задавать вопросов о странностях моей подруги. — Мне так жаль его.

— Почему?

Она оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что вокруг нас никого нет, и никто не

прислушивается к нашему разговору, прежде чем заговорить:

— Мало того, что его жена ушла от него к другому мужчине, он потерял обеих своих дочерей в течение шести месяцев. Он потерял все, и я не знаю, как он может продолжать улыбаться.

Я начинаю вспоминать, как она говорила о погибшей дочери мэра, прочитав это в одной из новостных статей, когда я искала информацию о парнях. Там говорилось, что ее нашли в местном доме для вечеринок, и полиция признала это случайной передозировкой, но, очевидно, мельница слухов с удовольствием добавила соли на и без того большую рану. Если бы вы спросили кого-нибудь в школе, вам бы сказали, что она покончила с собой, или что Сайлас убил ее, потому что она спала с кем-то еще.

Если бы вы спросили меня, это было бы в любом случае печально.

Девушка моего возраста, которая даже не начала проживать лучшую часть своей жизни, заставляла людей строить догадки и придумывать ложь, чтобы добавить драматизма в их скучные миры. Это было жалко.

Судя по фотографиям в статьях, она была красивой, ее любили, судя по некрологу, просто обычная девушка, время которой пришло слишком рано.

— У Розмари была сестра?

Я не могла представить, как это — потерять обоих своих детей, и в такое короткое время?

— Сестра-близнец, — ежится Лира. — Ее зовут Сейдж. Мэру Донахью пришлось поместить ее в психиатрическую клинику в Вашингтоне после смерти Роуз. Она просто сошла с ума, я думаю. Просто не могла перестать говорить о ее смерти и о том, что кто-то убил ее. Было грустно наблюдать за ней в коридорах после этого. Как будто она потеряла половину себя, и я думаю, что в каком-то смысле так оно и было.

От этой грустной истории у меня начинает ныть сердце.

— Несмотря на то, что мы с ней не дружили, это был наш выпускной год. Предполагалось, что это будет весело, и моменты, которые мы будем вспоминать в старости. Но все, что ей об этом запомнится, — это год смерти ее сестры.

У меня нет братьев и сестер, но я не могу представить, каково это — потерять близнеца. Появиться на свет вместе только для того, чтобы его забрали в восемнадцать лет. Возможно, она действительно потеряла половину себя, когда умерла. Но психушка? Это кажется немного жестоким.

— Ты не думаешь, что психиатрическая клиника — это слишком сурово? Может, она просто горевала. Потеря такого человека может привести к странному поведению.

Я не хочу показаться осуждающей, просто мне трудно понять, почему отец, только что потерявший одну дочь, отправляет другую куда-то далеко. Разве он не хотел бы удержать ее как можно дольше? Никогда не выпускать ее из виду? Режим родителя-наседки или что-то в этом роде?

— Честно говоря, я никогда об этом не задумывалась. То есть, может быть, так и есть? Я не уверена во всех деталях, но кто-то сказал, что мэр нашел ее в ванной с порезанными венами. Я думаю, он просто делал все, что мог, понимаешь? Просто делал все, что мог, чтобы защитить ее, — Лира макает еще один ломтик картофеля в свой молочный коктейль, прежде чем отпить из него.

Слова повисают в воздухе, пока я отодвигаю остатки еды на край своей тарелки, возясь с чем-нибудь, чтобы молчание не было неловким. Просто впитываю все это.

Куда бы я ни повернулась, везде что-то мрачное, что-то нездоровое и печальное.

Почему, черт возьми, здесь кто-то живет?

— Хочешь посмотреть Нетфликс в клубном Доме Общества Одиночек? — спрашивает она, меняя тему разговора, а взбитые сливки оставляют у нее усы над губой.

В сумасшедшем лабиринте, после того как Дин Синклер вывел меня в безопасное место, и я увидела, что Лира уже выбралась, я вспомнила, что нашла ключ. Я вручила его декану, и он объявил нас победителями.

Ключ дал нам доступ к тому, что мы назвали «Клубный Дом ОО» — к секретной комнате на третьем этаже в округе Ротшильд. Внутри были диваны, телевизор, столы и даже маленький аппарат для попкорна.

Комната была в нашем распоряжении до конца первого курса, и именно там мы стали проводить большую часть времени. Отчасти потому, что она была наша, отчасти потому, что мы могли закрыть дверь на ключ и чувствовали себя в безопасности.

— Если только я первой выберу фильм. — Я поднимаю свой стакан с молочным коктейлем в ее сторону,

— Договорились.

Мы чокаемся стаканами, и на мгновение я чувствую себя обычной студенткой колледжа.

Я чувствую себя обычной девушкой, которая собирается устроить вечер кино со своей соседкой по комнате.

И я не могу не задаться вопросом, права Лира или нет. Действительно ли я та девушка, которой нужен вызов? Кому следует выбрать любовь? Нужна ли мне дополнительная драма, которой наделена моя жизнь? Парень, который плох для меня, но хорош для моей жажды приключений?

Потому что этого, даже такого простого момента, мне показалось достаточно.

Алистер

Однажды, когда мне было восемь лет, мой дедушка взял меня на охоту.

Он в основном охотился на крупных животных. Которых он мог выпотрошить, освежевать и повесить на стену или расстелить на полу в качестве ковра перед одним из своих многочисленных каминов. Не потому, что ему нравилось убивать, а потому, что ему нравилось побеждать.

Когда в его доме появлялись новые люди, он непременно проводил их в свой кабинет и хвастался одним из своих многочисленных убийств. Рассказывая абсурдную историю, которая всегда делала его героем. Как он отважно отбивался от медведя, когда был еще подростком, или выслеживал раненого лося на протяжении двадцати миль.

Мой отец стал хвастуном не просто так.

Мы стояли посреди леса с рассвета до полудня, когда вспышка рыжевато-коричневого меха прошелестела по деревьям перед нашей палаткой.

— Красивая самка.

Его прокуренный голос всегда царапал мне уши, как гвозди по меловой доске.

Пума сканировала пространство своими ярко-желтыми глазами, не думая смотреть направо. Дед сунул мне в руки возмутительно большое ружье.

Я посмотрел на него, сбитый с толку тем, что делать с этой гребаной штукой, потому что я никогда раньше даже не стрелял из пистолета.

— Давай. В конце концов, ты должен стать мужчиной, — кивнул он головой на ничего не подозревающего животного.

Я никогда этого не понимал. Необходимость убивать кого-то, чтобы доказать свою мужественность. Это всегда казалось уловкой, чтобы сделать из людей серийных убийц. Но поскольку я чувствовал себя польщенным тем, что он выбрал меня сегодня, я поднял тяжелое оружие.

Подражая всем западным фильмам, которые я когда-либо смотрел, я направил ствол ружья наружу, положив маленький палец на спусковой крючок, и сделал несколько глубоких вдохов. Все казалось тяжелым, я чувствовал себя неловко, держа его в руках.

Я еще не врос в свое тело, во мне были только конечности и кости. Я даже не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы удержать его. Я сказал себе, что это все равно что игрушечные пистолеты, с которыми играл Сайлас, те, что стреляли пластмассовыми пулями с резиновыми наконечниками.

Я не хотел этого, но, когда нажал на спусковой крючок, и взрыв от выстрела потряс мое тело, я закрыл глаза. Я зажмурился, поморщившись от мгновенной боли. Мне словно снесли плечо, и в течение десяти секунд я думал, что случайно выстрелил в себя.

Но даже сквозь боль мои барабанные перепонки агрессивно звенели.

Я думал, что, как львы или тигры, пума будет рычать, защищаясь. Что у нее будет глубокий, хриплый голос, который заставит землю вибрировать от бравады. Вместо этого это был жалкий вопль.

Он был похож на плач ребенка, который кричит снова и снова.

Открыв глаза, я увидел, что животное упало на поляне, запрокинув голову и оскалив зубы, крича от мучительной боли.

Мой дед в тот день преподал мне очень важный урок. Единственный, который я навсегда запомнил. Он потащил меня за больную руку к ревущему животному.

Быстро достал из сапога нож и показал мне длинное, толстое лезвие.

— Иногда избавить кого-то от страданий проще простого, Алистер. Например, эту пуму, — сказал он. — Очевидно, что ей больно, поэтому мы ей поможем.

Он быстро вонзил кинжал прямо под ее грудную клетку, думая, пробив сердце.

Звук замер в моих ушах, глаза животного закрылись, и вот так просто жизнь оборвалась.

— В других случаях не так просто определить, когда кого-то надо прикончить. Ты можешь не увидеть этого сразу, но это всегда видно по глазам. Именно по ним можно определить, что человек уже мертв, даже если он полностью здоров. Сердце бьется, но глаза уже остыли.

Я много думал о его словах на протяжении долгих лет. Особенно когда смотрелся в зеркало.

Я думал об этом еще больше, когда шел позади Сайласа. Я слышал только хруст земли под нашими ботинками и отголоски крика Сайласа в моей памяти. Совсем, как у той пумы, когда мне было восемь. Как будто его разрывали на части, разделяя конечности. Это был не рев, а вопль, дробящий стекло. Осколки вонзались в мою грудь, когда я смотрел, как он несколько минут назад рыдал над телом Розмари.

Его руки впивались в ее грудь, снова и снова. Я едва мог смотреть, зная, что это ничего не даст. Это так больно, что не оставалось шансов даже для надежды. Я вздрогнул, когда треск ее ребер наполнил воздух. В этот момент мы с Руком должны были что-то делать, пока Тэтчер звал на помощь. Она была мертва. Она была мертва уже несколько часов. Мы все поняли это, когда увидели ее.

Но ни у кого из нас не хватило духу сказать ему об этом, пока он не стал приносить больше вреда, чем пользы.

Я схватил его за плечи:

— Сайлас, — думаю, это был самый мягкий мой голос с тех пор, как я был ребенком. — Ты должен остановиться. Она ушла, она ушла.

— Отвали! Отвали, Алистер! — рыдал он, надавливая с большей силой.

Тело Роуз не оказывало никакого сопротивления его силе. Она содрогалась при каждом сжатии груди, ее обычно покрасневшие щеки стали болезненно-серого цвета, и у меня защипало глаза, когда я увидел ее такой.

Я дернул сильнее, цепляясь за его подмышку. Рук последовал моему примеру, и я услышал его голос:

— Си, пожалуйста, чувак. — Его голос дрожал, слезы подступали к горлу. — Ты сделаешь только хуже, просто отпусти ее.

Вдалеке завывали полицейские сирены, мигающие красные и синие огни отражались от деревьев на улице, пробиваясь сквозь разрушенный дом, в котором подростки напивались до беспомысленности в тайне от родителей.

— Нет! Нет! Розмари, очнись, Розы, пожалуйста! Отпусти меня! Я должен помочь ей, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, РОУЗ!

Мои руки горели от напряжения, когда мы оттаскивали его от ее тела, он боролся с нами всю дорогу, брыкаясь ногами.

Я многое сделал для своих друзей. Это было самым трудным.

Мы держали его, как дикого зверя, и никакие слова не могли его успокоить. Он просто продолжал выкрикивать ее имя в ночи. Как будто луна услышит его мольбы и вернет ей жизнь.

Я хотел этого для него.

Если бы я мог поменяться местами с Роуз. Если бы кто-то дал мне такую возможность, я бы ушел вместо нее. Только бы Сайлас был в порядке.

Полиция, скорая помощь налетели, как пчелиный рой. Жужжали вокруг места происшествия, говорили тихими голосами. Когда шок немного прошел, когда Сайлас понял, что она не вернется, и медики ничего не могут сделать, кроме как накрыть ее простыней, он замолчал.

У меня болело горло, и, хотя мы пытались уговорить его уйти, сесть в машину, чтобы мы могли ему помочь. Он отказался уходить. И поскольку я был психически измучен, во мне не было сил бороться. Я не смог бы бороться с ним до самой машины, поэтому мы ждали вместе с ним.

Мы стояли, пока полиция не закончила, даже после того, как они нас допрашивали. Мы не двигались. До тех пор, пока они не начали поднимать ее на каталку, и тогда он снова зашевелился. Как разъяренный бык, он протиснулся сквозь них, снова прокладывая себе путь к ней.

Офицеры потянулись к нему, крича, что ему нельзя проходить за желтую ленту, как будто мы не были там за сорок минут до их расследования. Он игнорировал их, как пули, ricoшетающие от металла, их голоса мало что могли сделать, чтобы остановить его.

Рук схватил его за плечо.

— Сайлас, что ты делаешь?

Его охватило беспокойство, он боялся его ответа. Он повернулся в нескольких футах от ее покрытого тканью тела, лицом к полиции и всем своим друзьям. Казалось, он смотрел прямо сквозь нас, когда сказал:

— Я просто хочу понести ее еще раз. У нее мерзнут ноги, когда она без обуви на улице.

Никто, ни одна душа не попыталась остановить его, когда он поднял ее на руки. Ее вялая рука вывалилась из-под белой простыни, кончики пальцев окрасились в ярко-красный цвет.

Мы шли позади него, Тэтчер, Рук и я, пока он нес ее к машине скорой помощи. Я смотрел, как ее рука качается у него под боком, как ее волосы рассыпаются по его предплечью, и мне было ненавистно осознавать, что она больше никогда не будет смеяться. Что она больше никогда не расскажет банальную шутку и не будет дразнить Руку из-за его волос. Я ненавидел, что она никогда не будет рядом, чтобы мы чувствовали себя... нормальными. Как обычные парни, а не незаконнорожденные сыновья Пондерозы Спрингс.

Как она проникла в глубины моего сердца и стала другом, но так быстро исчезла. То, как ее не волновало, что люди пялились на нее в коридоре, когда она впервые взяла Сайласа за руку в средней школе. Странный шизик, держащий за руку дочь мэра, о которой шептались.

Но Роуз было все равно.

Она смотрела на Сайласа так, будто все это никогда не имело значения.

Сейчас он нес ее тело на одну из последних остановок перед тем, как ее похоронят на глубине шести футов под землей.

Ее жизнь закончилась, вот так просто. Без всякого предупреждения.

Была отнята у нас.

Украдена.

— Ты принимаешь лекарства?

Голос Рука возвращает меня в настоящее. Напоминание о том, что у нас есть очень короткий промежуток времени, который не включает в себя мои дневные мечты и его вопрос о лекарствах.

Сайлас смотрит на него из-за стола, его руки заняты бумагами, которые он перебирает в ящиках, он слегка опускает голову, как бы говоря: *«Ты действительно спрашиваешь меня об этом сейчас?»*

— Не смотри на меня так, мать твою. Сейчас двенадцать часов дня, если ты не примешь их сейчас, то забудешь после еды. Ты всегда забываешь после еды, — возражает Рук, снимая книги со встроенной полки.

— У меня их нет с собой, я возьму их позже, — ворчит Сайлас.

После той ночи я несколько месяцев беспокоился, будет ли он снова выглядеть как человек. Исчезнут ли мешки под глазами, и вернется ли он к своей нормальной загорелой коже, а не к отвратительной бледности.

Мы все по очереди сидели у его двери, заносили внутрь еду, воду, лекарства. Просто ждали.

Три недели.

Мы ждали три недели, прежде чем он вышел из своей комнаты.

Слабый, с заметной потерей веса и требованием выяснить, что случилось с Роуз.

Когда мы согласились помочь, это было похоже на то, что мы даем ему повод для работы. Может, с нашей стороны было неправильно так поступать. Может, мы делаем только хуже, разрывая муравейник, в котором не было необходимости, но это помогло ему.

Он снова начал есть, набрал мышечную массу, занимаясь со мной в спортзале.

Но даже тогда, даже сейчас, когда я смотрю в его глаза, я вижу это.

Его глаза стали холодными в ту ночь, когда сердце Роуз перестало биться.

Рук резко останавливает свое занятие, как будто у нас есть все время в этом гребаном мире. Он подходит к своей сумке и расстегивает боковой карман. Открывает маленький пакетик с двумя белыми таблетками внутри.

— Ты шутишь, — замечает Сайлас, наблюдая, как он подходит к столу.

— Разве я похож на шута? — отвечает Рук.

Рук Ван Дорен, единственный из нас, кто смог покинуть этот город и стать приличным человеком. Часть меня чувствовала вину за то, что мы так сильно подпитывали его хаотичность, в словах его отца была доля правды.

Рук уже был испорчен, но вместо того, чтобы советовать ему прятать это, как все остальные, мы заставили его это принять.

В зависимости от того, как на это посмотреть, это может быть хорошо, а может быть, только нанесет еще больший вред.

— Ладно, медсестра Джеки, — вклиниваюсь я. — Принимай свои чертовы таблетки, чтобы мы могли закончить то, ради чего сюда пришли.

Сайлас принимает лекарство, бормоча негромкое «спасибо».

Мы обыскиваем каждый уголок: под коврами, под диванными подушками, но ничего не

находим. Напряжение велико, так как мы идем к тому, что выглядит тупиком. Если мы не сможем связать Грега Уэста с Роуз, то нам больше не на что опираться.

И мы не можем вламываться в кабинет каждого учителя. Это будет означать, что убийство Роуз останется нераскрытым. Без полиции, которая могла бы провести расследование, без зацепки, которую можно было бы найти, ее смерть навсегда останется в нашем сознании, в сознании Сайласа.

Если только Тэтчер не убьет его просто для того, чтобы убить, нам конец.

Я смотрю, как Сайлас перелистывает страницы, сканируя глазами что-нибудь, малейший намек на что-то, что даст нам повод навестить Грега поздно ночью. Он использует любые средства, чтобы получить нужную нам информацию.

Он отчаянно ищет ответы, и я думаю: разве знание не хуже? Знать теперь, что она была убита, но все еще не иметь возможности поймать ее убийцу.

Я не могу не задаться вопросом, не следовало ли нам с самого начала оставить все как есть. Может, нам следовало сказать ему «нет» и дать ему погоревать. Но, опять же, если бы мы так поступили, то одевались бы для еще одних похорон.

У Сайласа, по его мнению, нет ничего, кроме Роуз, ради чего он мог бы жить. Эта охота дала ему еще одну причину. Я не собираюсь быть тем, кто отнимет ее, только для того, чтобы он покончил с собой несколько минут спустя.

Мы ищем еще десять минут, секунды бегут быстро, слишком быстро. У нас заканчивается время и терпение.

— Здесь ничего нет! Несколько смятых Хастлеров¹⁴ со школьницами доказывают, что он гребаный извращенец, а не гребаный убийца! — кричит Рук, разочарование волнами исходит от всех нас.

— А чего ты ожидал, тупица, что на стене большими буквами будет написано сообщение: «Я убил Розмари Донахью»? — огрызаюсь я.

Если кому и нужно злиться, так это Сайласу. Наша задача как друзей — держать себя в руках ради него, а не взрываться, когда дела идут не так, как мы хотим.

— Знаешь, тебе не обязательно быть такой ебаной пиздой, — огрызается он.

— Никаких больших букв, но как насчет металлического сейфа, спрятанного за занавеской? — раздается голос Тэтчера — единственная причина, по которой я не вбил зубы Руку. Это и только это.

Повернувшись, я вижу, что Тэтч отдергивает занавеску, которая, как я понимаю, скрывает окно, чего, видимо, и хотел мистер Уэст. В стене находится большой сейф со встроенным комбинированным замком.

Единственный способ проникнуть внутрь, не будучи пойманными, — это узнать код, и, судя по всему, он не из тех, кто просто записывает пароль к своему нехитрому сейфу.

— Кто-нибудь знает кого-нибудь, кто может взломать сейф? — бормочет Рук из угла.

Сигнал на моем телефоне начинает срабатывать, предупреждая меня, что нам нужно уходить, потому что до включения камер наблюдения осталось всего десять минут.

— Если нас поймают, будет неважно, знаем ли мы кого-нибудь. Пошли, — машу им я, проверяя, все ли лежит на своих местах, затем открываю дверь и смотрю в обе стороны.

Убедившись, что никто не идет, мы все легко выскользаем, закрыв за собой дверь. Мы идем по коридору здания округа Ротшильд и направляемся к выходу из здания.

Это не полный провал и не самая лучшая новость, но уже хоть что-то. Еще одно задание, еще один человек, которого нужно выследить. Все, что потребуется, лишь бы Сайлас не

обратил свое любимое оружие против самого себя.

Я не хочу в этом году хоронить еще одного друга.

Рук уже переписывается с половиной своих знакомых, расспрашивая о взломщиках сейфов и людях, специализирующихся на этом. К тому времени, как мы выбираемся из здания и идем мимо общих залов, мое внимание привлекают две фигуры перед библиотекой, библиотекой с моим именем.

Я довольно близок к греху гнева. Если бы дьявол раздавал награды своим лучшим представителям, я бы выиграл трофей с охрентельным успехом. Я знаю о похоти, моя гордость втянула меня в бесчисленное количество драк, думаю, что обжорство и жадность идут рука об руку, и я был обжорой для наказания.

Зависть один из единственных грехов, которые я не часто практиковал. Зависть и ее зеленое чудовище появлялись вокруг одного человека, и с годами она постепенно угасала. С возрастом я понял, что у *него* нет ничего такого, чего бы я хотел, и вскоре моя зависть как нежеланного младшего брата переросла в ненависть. Мне безразлично, жив мой дорогой старший брат или умер, в самом худшем смысле этого слова.

И сейчас мне, как никогда в жизни, хочется совершить убийство первой степени. Дориан Колдуэлл.

Бичом моего существования становится разговор, который я не могу слышать, с занозой в моем боку.

Я не видел брата с поза-позапрошлого Рождества и взял за правило не выходить из дома, пока он не уедет. Он стоит в нескольких футах от меня, на его плечи накинут дурацкий твидовый пиджак, похожий на мешок из рогожи.

Успех, богатство, все это прилипает к нему, как мухи к дерьму. Я презираю его еще больше за то, как он укладывает свои волосы — такого же угольного цвета, как у меня.

Передо мной стоят две противоположные силы, которые я хочу уничтожить совершенно разными способами.

Погода приличная, достаточно теплая, чтобы Брайар надела шорты, которые мамы носили в восьмидесятых. Я скольжу взглядом по ее длинным ногам вплоть до порванных конверсов. На левой ноге сбоку кусок серебристой клейкой ленты. Полагаю, он приклеен, чтобы прикрыть большую дыру, которая все еще видна.

Ее волосы подхватывает порыв ветра, отбрасывает их назад, Брайар улыбается моему брату, который помогает ей собирать книги с земли.

Мне хочется оторвать ему руки за то, что он заставил ее так улыбаться.

За то, что он привлек ее внимание.

Я впираюсь ногтями в ладонь, сжав ее с такой силой, что думаю, не выступила ли кровь. То, как Брайар смеется над его словами, и как он специально касается ее пальцев, когда передает ей книги.

Не знаю, чего мне хочется больше: убить его или наказать ее.

Дориан должен был отсутствовать, по крайней мере, еще неделю или две. Он никогда не появлялся на каникулах так чертовски рано, и когда он так делает, то пытается забрать то, что принадлежит мне. Дориан снова вырывает то, что принадлежит мне, прямо из моих гребанных рук.

Доказывает, что я лишь его запасной вариант. Все, что у меня есть, может забрать только он.

Но не в этот раз. Не ее.

Брайар моя.

Моя, чтобы мучить.

Моя, чтобы манипулировать.

Моя, чтобы ломать.

Ей, черт возьми, пора узнать, что бывает, когда она не играет по моим правилам.

Я смотрю на парней, чувствуя, что мне нужно физически отвести от нее взгляд,

— Думаю, я знаю кое-кого, кто может помочь нам с этим сейфом.

Хочет она этого или нет.

Брайар

Закрывавший мое лицо мешок неожиданно срывают, так грубо, что от боли саднит шею. Мне на щеку попадают капли воды. Я скалюсь и несколько раз моргаю, чтобы глаза привыкли к тусклому освещению.

Я пытаюсь собрать воедино, как здесь оказалась, но все кажется затуманенным, включая мою память. Последнее, что я помню, как вышла из библиотеки уже после захода солнца. Я успела дойти до выхода из общежития, а затем все вокруг погрузилось во мрак.

Я чувствую на языке вкус металла, более резкого, чем медь, более горького, чем просто кровь.

Я рассматриваю окружающую обстановку, а во рту разливается страх перед неизвестностью. Мои конверсы на бетонном полу, его грубыми узорами украшает плесень, и я чувствую запах сухой гнили здания, в котором нахожусь. Свечи освещают помещение, этого достаточно, чтобы мне было видно то, что еще находится внутри.

Разбитые витражи, выдолбленные квадратные пространства, где раньше стояли гробы, — все это говорит о том, что я здесь уже бывала.

Мавзолей, куда Лира затащила меня за несколько мгновений до того, как я стала свидетелем чьей-то смерти. Очевидно, он станет и моим последним пристанищем. Как подходяще. Я оглядываюсь вокруг, не обнаружив никаких признаков своей соседки, надеясь, что мое отсутствие вызовет у нее тревогу, достаточную, чтобы сообщить кому-нибудь о моей пропаже. Если ее саму еще не схватили.

Я лишь надеюсь, что помощь подоспеет раньше, чем они завершат начатое.

Алистеру официально наскучили наши игры. Когда они не подходили к нам и ничего не предпринимали в течение последних двух недель, я поняла, что парни замышляют что-то серьезное.

Подготавливая эпический финал этого праздника Ада.

Я собираю весь страх, отказываясь умирать испуганной. Особенно не перед этими засранцами. Я достаточно натерпелась от них с тех пор, как сюда попала.

Подавшись вперед, я плюю на чей-то ботинок. И поскольку Тэтчер всегда носит оксфорды, Рук неравнодушен ко всему, что делает его похожим на придурка-плейбоя, а Сайлас предпочитает кроссовки, я знаю, что моя слюна попала в намеченную жертву.

Мой наименее любимый член их сатанинского культа слегка покачивает ботинком.

— Я убивал людей и за меньшее, — пробивается сквозь тишину отточенный голос Тэтчера.

Я рычу, и, если бы взглядом можно было убивать, Тэтчер Пирсон был бы на шесть футов ниже земли.

— Тогда хорошо, что я плюнула не на тебя, — отвечаю я. У меня чешется горло, и я готова отдать свой левый палец за воду.

Ко мне подходит Алистер, наклоняется так, что мои неподвижные глаза встречаются с его двумя черными безднами. Кристаллы обсидиана светятся, посылая предупреждения моей душе. Я вызывающе кривлю лицо, заставляя себя смотреть на прислонившегося к стене Сайласа, мои глаза сосредоточены на татуировке на внутренней стороне его запястья. Стоящий слева от него Рук играет с зажигалкой.

Эти двое жуткие уже сами по себе. Знаю, что, если разозлю кого-нибудь из них, они поджарят меня на костре, а после скормят своим домашним животным. Я знаю о репутации Тэтчера, и одного этого уже достаточно, чтобы мучиться от кошмаров.

Но какими бы пугающими и нервирующими они ни были, на них все же легче смотреть. На всех них смотреть гораздо легче, чем на него.

С жаром прикосновений, он впивается пальцами мне в щеки, сжимает губы, заставляя меня наклонить голову, чтобы я снова встретила с ним взглядом.

— Смотри на меня, Маленькая Воришка, — угрожает он таким резким тоном, что у меня электризуется кожа. — Или ты забыла, что ты принадлежишь мне?

Я выдерживаю его взгляд, не отступая ни на секунду. Его черные глаза пронзают мои. Собственнический характер его хватки усиливает мой вызов.

Ему принадлежит мой страх. А не им. Вот что он говорит своими глазами.

— Твой страх заканчивается и начинается со мной, только со мной, — продолжает он, наслаждаясь силой, которая исходит от этого заявления. Алистер знает, что бы ни случилось, его друзья никогда не напугают меня так, как он.

От них мое сердце никогда не будет биться так часто, а под кожей кипеть жар, как от него. Они никогда не будут контролировать меня так, как он.

Мы оба знаем, что он прав, и мне неловко признавать это, даже про себя. Для такой сплоченной группы социопатов, это не так уж хорошо.

— Не надо, — я наклоняю свое лицо ближе к его лицу, наши дыхания смешиваются, как это было в бассейне. — Не льсти себе. — Закрываю я, откидываясь на спинку стула. — Тебе ни хрена не принадлежит, Алистер. Это деньги твоих родителей. Без твоей фамилии у тебя ничего нет, — усмехаюсь я, сдерживая сердцебиение.

Они все равно собираются меня убить, верно? С таким же успехом я могу сходу сказать им, что думаю о каждом из них.

— Я не думаю, что ты в том месте, чтобы делать циничные замечания, деревенщина, — защищает своего друга Тэтчер, скрестив руки на груди. Его белая рубашка растегнута, закатана до локтей. Вены на его предплечьях тревожного кобальтово-синего цвета.

— О, да? — я перевожу взгляд на него. — И что ты собираешься с этим делать, Норман Бейтс¹⁵? Порежешь меня, потому что твои мамочка и папочка тебя не любили?

Я саркастически надуваю губы.

Когда Лира говорит о Тэтчере, то всегда в приглушенной манере. Как будто он бугимен, который всегда подслушивает под кроватью. Мне еще не приходилось видеть его в действии, поэтому я никогда не воспринимала его всерьез. То, как он расхаживал в своих пальто и водолазках.

Для меня он был просто парнем с серьезными проблемами, которые требовали срочного лечения.

Вплоть до этого момента, когда его маска изысканности упала, как якорь на морское дно, увлекая меня за собой. К горлу подкатывает рвота, когда он угрожает мне глазами, настолько лишенными каких-либо эмоций, что я не уверена, что у него вообще есть душа.

— Не надо.

Они так хорошо знают друг друга, что Алистеру даже не нужно оборачиваться, чтобы это сказать. Он и так знает, что Тэтчер собирался сделать что-то поспешное.

Он опускает руки и крепко сжимает мои бедра. У меня екает внутри, тело плавится. Я дергаюсь на стуле, отталкиваясь от него, желая убежать от его прикосновений. Только из-за

этого застежки впиваются в нежную кожу моего запястья.

— Если ты собираешься убить меня, то убей, просто убей меня, черт возьми! Я устала от этого! — восклицаю я или пытаюсь воскликнуть, но из-за сухости у меня в горле, это выходит надтреснуто.

Рук смеется из угла, как взрыв, громко и навязчиво.

— Кто-нибудь скажет ей, что она выиграла? — Он вращает зиппо по костяшкам пальцев, как домино.

Я перестаю двигаться, пристально глядя на каждого из них. Я недоумеваю, что именно выиграла. Это больше похоже на полную противоположность призу.

— О чем он говорит? — я направляю свой вопрос Алистеру, глядя на него сверху вниз. Хватка на моих бедрах становится крепче, он держит меня еще мгновение, а затем отпускает.

Он делает шаг назад:

— Мы не собираемся тебя убивать, — вышагивает вокруг моей спины Алистер, а Тэтчер закатывает на меня глаза.

— Присяжные еще не определились, — добавляет Тэтчер.

— Пошел ты, — шиплю я.

Алистер теперь стоит позади меня, заставляя волноваться. Я мычу от предвкушения, когда он наклоняется, и его рот опускается к моему уху. Раскаленный воздух нагревает чувствительную кожу моей шеи, и мое тело пронизывает цепная реакция мурашек.

Каждый раз, когда он оказывается рядом, это похоже на предупреждающие знаки перед торнадо или грозой. Звучащие у меня голове сирены, заставляют быть начеку.

— И что дальше? Ты собираешься продолжать играть со мной? Какие гребаные киски, — рычу я, отстраняясь от него верхней частью тела.

Кончик ножа трётся о мои запястья:

— Нам нужна твоя помощь.

Он, должно быть, бредит. Должно быть, в детстве их уронили прямо на их чертовы головы и раскололи их гребаные черепа. Они могут просить меня до посинения, а я все равно плюну им в лица.

То, что они просят, так забавно, что я начинаю смеяться.

— Ты шутишь. Вы, должно быть, шутите, — гогочу я. — Вы, сумасшедшие психи, думаете, я поверю, что вы делали все это только для того, чтобы заставить меня вам помочь? Ух ты, ты точно знаешь, как обращаться с леди!

Я чувствую, как нож разрезает пластик, и напряжение в моих запястьях ослабевает. Если он думает, что я буду просто сидеть здесь и слушать это тупое дерьмо, то сильно ошибается.

Но Алистер уже готов к моему ответному удару, он впивается в мое плечо, вонзаясь в мне в мышцы, удерживая меня приклеенной к стулу.

Наклонившись, он прижимается щекой к моей голове:

— Как насчет того, чтобы держать свою сладкую задницу прямо здесь. Будь хорошей девочкой, ты захочешь послушать, что я скажу.

Я не могу убежать. Если мне не изменяет память, в последний раз, когда я убегала от него, меня повалили на землю, и я порвала свои любимые джинсы. Я вытягиваю руки перед собой, как щит, успокаивающе потирая запястья.

Мои руки болят, плечи болезненно пульсируют от неудобного положения, в котором

они находились. Я шевелю пальцами, разминаю их, и замечаю на среднем пальце правой руки что-то черное.

Прищурившись, я подношу руку ближе к лицу. На верхней части пальца ниже костяшки — инициалы А.К. размером с пенни. Я в ужасе быстро пытаюсь стереть то, что, как я надеюсь, является фломастером.

Я даже не обращаю внимания ни на что другое, просто пытаюсь оттереть палец. Мой палец, на котором есть инициалы Алистера.

— Если ты будешь продолжать ее тереть, она хрен заживет, — на лице Алистера появляется самодовольная ухмылка, которую я хочу сбить на хрен.

— Ты сделал мне татуировку? — вскрикиваю я, встаю и прижимаюсь грудью к его груди.

Пылая от ярости, я поднимаю подбородок к его лицу. Его темные глаза обжигают мои, пряди его темных волос немного падают на лицо, когда он наклоняет голову к моим губам.

— Не могу допустить, чтобы ты забыла, кому принадлежишь. Я же сказал тебе, Брайар, — вздыхает он. — Ты моя.

— Я вырву эту гребаную серебряную ложку прямо у тебя изо рта, чтобы скормить тебе всю твою чушь.

— Маленькая Воришка, нет никакой ложки. Я научился слизывать богатство с ножей.

Мы стоим и смотрим друг на друга, пытаюсь понять, кто моргнет первым. Мое дыхание прерывистое, сердце не может биться быстрее. Алистер сделал мне татуировку, что-то такое постоянное, что-то такое заметное. Весь мир сможет это увидеть.

Я чувствую себя заклеянной. Помеченной как его собственность. Я никогда от этого не избавлюсь, даже если он оставит меня в покое. Я всегда буду смотреть на черные чернила у себя на руке и вспоминать, какие у него темные глаза или как он пахнет, прижимаясь ко мне.

Вот почему он это сделал. Чтобы ему всегда принадлежала частичка меня.

— Я пойду возьму немного лосьона, это похоже на порно премиум-класса, — объявляет Рук, давая понять, что мы не одни на дне этого мавзолея.

— Я уйду, — я толкаю Алистера плечом в грудь, протискиваясь мимо него и направляясь к лестнице. Меня останавливает Сайлас, который не говорит мне ни слова. Только скрещивает руки перед выходом и смотрит на меня пустым взглядом.

— Выйдешь отсюда, и ты и твой дядя можете начинать паковать свое дерьмо.

Я напрягаю спину, стискиваю зубы и, наклонив голову, смотрю через плечо:

— Прости?

— Нам нужен кто-то, кто поможет нам забраться в сейф. Если ты не хочешь помогать, прекрасно. Но тогда можешь распрощаться со стипендией, а Томас может начинать искать другую работу преподавателя, — говорит он без особых эмоций в голосе.

Алистер не блефует, он может легко потянуть за ниточки, необходимые для того, чтобы вышвырнуть меня вон. Его отец и мать входят в школьный совет, по щелчку пальцев не только моя жизнь, но и жизнь Томаса может быть разрушена.

Он так много работал, чтобы выбраться из сточной канавы. Ходил в школу и учился, только для того, чтобы я заявила сюда и все ему испортила? Чтобы в мгновение ока лишила его всего, ради чего он работал?

— Сейф? Почему ты думаешь, что я могу помочь? Я даже не знаю, как это делается! — сквозь зубы лгу я.

Единственное, что он знает, это то, что я украла это его кольцо. Не думаю, что ему известно что-то еще.

— Ты можешь убежать от своего прошлого, но не от судимости, — говорит Рук, прикуривая сигарету и выпуская дым изо рта.

Я чувствую себя беззащитной. Уязвимой, когда они все смотрят на меня. Каждый из них знает обо мне все, а я знаю только то, что о них писали в газетах. Я нахожусь в крайне невыгодном положении.

— Ну вот вам и ответ. Если у меня есть приводы, очевидно, я не умею воровать, — еще одна ложь.

Все случаи, когда меня арестовывали или ловили, были во времена моего детства, до того, как я отточила искусство воровства. В зависимости от сейфа, который я уверена, могу легко взломать. Мне нужно только время и стетоскоп. Но этим парням помогать я не хочу. Не хочу помогать им ни в чем. Не хочу иметь ничего общего с тем, во что они втянуты. Какая-то банда, наркотики, убийство — я не хочу ничего из этого.

— Я, к сожалению, вынужден согласиться. Откуда нам знать, что ей под силу сделать то, что нам нужно? Она неграмотная, плохо одетая провинциалка. Разве плохое может быть чем-то из ряда вон выходящим? — голос Тэтчера начинает звучать все более раздражающе, с каждой секундой нарастает желание ему врезать.

— Укради его бумажник.

Я поворачиваюсь к Алистеру, поднимая бровь:

— Я не могу.

— Тогда ладно, уходи. Попрощайся со своим будущим из трущоб. Завтра ты сядешь на самолет.

Я должна сделать выбор. Я должна сделать его прямо сейчас.

Помочь им, а потом с этим покончить. Они оставят меня в покое, потому что знают, что я ничего не скажу, а если скажу, то они бросятся вместе со мной под автобус. Это их способ замарать мои руки вместе с их.

Я буду так же виновата.

Или я уйду. Я покину это место, и все мои надежды и мечты пойдут прахом.

— Я не могу украсть его бумажник прямо сейчас. Так не пойдет, — я облизываю нижнюю губу, пытаюсь раздобыть себе хотя бы немного влаги, я едва могу дышать без ощущения, что у меня в горле застряли ватные шарики. — Я бы не стала просто подходить к парню и говорить: *Эй, я хочу украсть твой бумажник*. Я должна застать его врасплох.

— Видишь, я же говорил тебе, она лгунья.

Сытая по горло болтовней Тэтчера, я набрасываюсь на него, сильно толкнув двумя руками. Мои эмоции настолько зашкаливают, что малейшее движение приводит меня в ярость. Мой взрыв ярости лишь немного сдвигает его высокую фигуру. Это выводит меня еще больше, но до него свою мысль я донесла.

— Ты просто это сделаешь, — приказывает Алистер, не обратив внимания мою вспышку гнева.

Раздраженная, уставшая и желающая покончить с этим. Я делаю вдох и подхожу к нему, пока он следит за каждым моим движением, словно ястреб. Да, это определенно идеальная ситуация для того, чтобы украсть чей-то кошелек.

— Я просто подхожу к парню, избегаю зрительного контакта, отхожу в сторону, — я разыгрываю все, что объясняю и, глядя на землю, переступаю через Тэтчера. — Смотрю им в

глаза один раз, а потом бум — и ухожу.

Я прохожу мимо него и резко разворачиваюсь лицом ко всем. Я вытягиваю руки, как в конце фокуса. Тэтчер лезет в карман, достает бумажник и вертит им в воздухе.

— Он все еще там, свинья. Видишь, я же говорил тебе, давай просто избавимся...

— Проверь внутренности, — говорю я с самодовольным выражением лица. Я завожу руки за спину, пока он это делает, открывает кошелек и обнаруживает, что он пуст. Осторожно потянувшись в задний карман, я достаю пару стодолларовых купюр.

— Все дело в отвлечении внимания, — напеваю я, пересчитывая хрустящие у меня в пальцах купюры.

Толкнув Тэтчера, я легко выхватила бумажник. Я просунула руку в его карман и забрала стопку с купюрами еще до того, как он понял, что происходит. Для всех остальных это выглядело так, будто я была сыта по горло его дерьмом, которым я и была сыта, но это также дало мне возможность.

Потом я вернула кошелек в карман, где Тэтчер его и обнаружил, только пустым. Деньги у меня в руках выглядят очень неплохо. Я подбрасываю бенджаминов в воздух, наблюдая, как они порхают по помещению и падают на грязный пол.

Я не хочу этого делать. Это не то, что я представляла себе после отъезда из Техаса. Я хотела оставить воровство позади, и, возможно, после этого мне это удастся. Когда все закончится, я смогу начать все с чистого листа.

Только сначала мне нужно заключить сделку с группой дьяволов.

— Итак, какой сейф я взламываю?

Алистер

— Не забудь взять с собой костюм.

Слышу я, запихивая в сумку очередную футболку, сканируя свою комнату на предмет вещей, которые я мог пропустить, чтобы мне не пришлось возвращаться сюда ни за чем другим в течение следующих нескольких месяцев.

Я фыркаю:

— Да, точно.

Я собираю со стола новый скетчпад и набор ручек, бросаю их туда же. Большинство моих вещей уже в общежитии, но, когда наступили каникулы по случаю Рождества и Дня благодарения, все покинули территорию школы, а мне нужно чем-то себя занять, пока мы будем в гостях у семьи Тэтчера.

Все его дальние родственники по материнской линии прилетали в гости, и я обычно запирался в своей комнате уже на второй день празднеств. Хотя там было шумно и людей больше, чем я мог вынести, но все равно предпочитал это место своему дому.

Хотя я не праздновал вместе с ними, праздники у Тэтча всегда казались более настоящими. Здесь не было безумно украшенного бального зала или ужина на сто человек. Это был обычный семейный ужин, с рождественской елкой и играющими на заднем плане звенящими колокольчиками.

Если бы его отец не был буйным психом, Тэтч мог бы вырасти обычным богатым придурком. Если бы все сложилось иначе, я знаю, что возненавидел бы его. Возможно, мы бы стали врагами на всю жизнь.

Чтобы не слышать его, я подхожу к своему шкафу, включаю свет и перебираю ряды одежды, которую никогда не носил.

В основном это костюмы, смокинги, подаренные мне или купленные, когда я был моложе и меня могли заставить их носить.

— Ты не придешь в джинсах на бал-маскарад, Алистер. Это безвкусно, и ты будешь выделяться еще больше, чем сейчас. Нам нужно слиться с толпой.

Он прав, но это не значит, что у меня перестанет зудеть кожа от мысли о том, чтобы надеть рубашку с воротничком.

— Я даже не понимаю, зачем нам идти. Кроме как дать тебе повод надеть что-то нелепое, — ворчу я, снимаю с вешалки черный комплект, желая проверить, подойдет ли он вообще, прежде чем беспокоиться о его упаковке.

Надеюсь, он будет слишком мал, тогда у меня будет причина не надевать его.

— Потому что это наша самая безопасная ставка. Мы знаем, где будут все учителя и ученики. Это даст нам больше времени на случай, если твой питомец попытается сделать что-то невежественное.

Мой питомец.

Она ведет себя хуже всех. Побитая собака, которая не перестает писать на диван только для того, чтобы разозлить меня.

Бал в канун Дня Всех Святых был одной из многих возмутительных традиций Холлоу Хайтс. Это было похоже на выпускной бал в колледже, только гораздо хуже. У моей матери до сих пор хранятся фотографии, на которых она и мой отец запечатлены во время

посещения бала. Это происходит каждый год и с годами становится все более экстравагантным.

Понятно, что это не входило в мой список того, что нужно сделать, но, как я уже сказал, Тэтчер был прав. Все согласились, что это идеальное время, чтобы пробраться в кабинет Грега, гарантируя больше времени для Брайар, чтобы сделать то, о чем мы ее просили.

Сбросив одежду и зажав между ухом и плечом телефон, я влезаю в брюки и думаю о том, какой наивной она оказалась.

Выдвигая требования, которые я не собирался выполнять. Мы знали, что она расскажет Лире, что нас вполне устраивало. Она не хотела говорить, и она уже слишком много видела, чтобы не быть вовлеченной.

Брайар говорила так, будто после того, как она все это для нас сделает, мы должны оставить ее в покое. Конечно, другие парни, может, и подчинились бы. Но татуировка, которой я украсил ее палец, пока она была в отключке от хлорофилла, оказалась там не просто так.

Она моя. На столько, на сколько я посчитаю нужным.

Знание того, что она не причастна к смерти Розмари, делало ее не столько врагом, сколько девушкой, которую нужно сломать. Брайар размахивала пальцем, приказывая нам оставить ее в покое и никогда больше не беспокоить.

Неужели она действительно думала, что я остановлюсь? После того, как я был так близок к тому, чтобы она разлетелась на куски у меня на глазах в бассейне, неужели она думала, что мой ужас так легко закончится? Что я имел в виду то, что сказал, когда пометил ей руку?

Татуировка была сделана для моего внутреннего собственника. Чтобы, когда Истон Синклер снова попросит ее позаниматься в библиотеке, он знал, кому она принадлежит. И если мой брат снова пересечется с ней, чего не случится, он будет знать, что Брайар Лоуэлл — одна из немногих, кого он никогда не получит.

Я наблюдал за ней, видя, как она отчаянно пытается скрыть те части себя, которым, по ее мнению, тут не место. Как будто ее темные желания что-то грязное, что нужно спрятать подальше. Но я знал, я видел это, она не из тех женщин, которые кончают с таким придурком, как Истон.

Он не сможет подпитывать любопытство, таящееся под ее кожей. Не так, как я.

Я не собираюсь останавливаться. Когда я закончу, она увидит, насколько извращенная она на самом деле, и ей понравится каждая секунда, когда все будет сказано и сделано.

Я застегиваю пуговицу, слушая, как Тэтчер говорит мне на ухо.

— Ты меня слушаешь?

Вовсе нет.

— Да, что-то насчет пропажи твоих рубашек. Ты спрашиваешь меня, не брал ли я их? Потому что это был бы очень неправильный вопрос, я бы никогда, и я имею в виду это в самом худшем смысле, никогда не носил ничего, что тебе принадлежит.

— Прости меня за то, что я подумал, что мой сосед рылся в моем шкафу. Может, это был Рук. В любом случае, увидимся позже, во сколько ты будешь здесь? — спрашивает он, и я не могу не закатить глаза. Да, пироманьяк сжигает дерьмо в твоих кашемировых рубашках за десять тысяч долларов.

Но теперь, когда я думаю об этом, Рук, вероятно, использует их для кремня.

— В ближайшие несколько часов. Я напишу, когда буду в пути.

Мы прощаемся, и я бросаю телефон на кровать, застегиваю рубашку и заправляю ее в брюки. Схватив со стула пиджак, я встаю перед зеркалом во весь рост и надеваю его.

Когда я смотрю на себя, то вижу позади отражение моей матери. Ее плечо упирается в дверную раму, на ней темно-фиолетовая ночная рубашка, на которой видно, как сильно за эти годы повлияло на ее тело голодание.

Я уже должен услышать ее или хотя бы заметить ее присутствие, которое обычно выдают щелчки стакана с виски или запах ее сигарет Вирджиния Слимс, который волнами распространяется от нее, даже когда она пытается скрыть его духами Шанель.

Предпочитая молчать, она наблюдает за мной и, осмотрев меня с ног до головы, входит в мою комнату. Я опускаю взгляд на пуговицы на рубашке, притворяясь, что что-то с ними делаю.

Мне в лицо ударяет облако дыма, и я с презрением поднимаю взгляд. Ничего не говоря и не произнося ни слова, она рассматривает мое лицо, как будто видит меня впервые. Как будто я чужой в ее доме, а для нее, вероятно, так оно и есть.

Впервые за многие годы она поднимает руку, проводя костяшками пальцев по моей скуле, и от холода ее кожи у меня сводит челюсти.

— Красивый мальчик..., — шепчет она, ее голос тусклый и наполнен туманом.

Раньше я часто спрашивал себя, почему моя мама никогда не смотрела и не прикасалась ко мне, как мамы других детей. Я смотрел, как дети бегут в объятия матери в поисках утешения и похвалы. Любви, которая должна быть разделена между ними, и я задавался вопросом, что я сделал такого, что заставило мою мать так сильно меня ненавидеть.

Почему ее прикосновения всегда были похожи на мокрую слизь, а взгляд никогда не был теплым, а лишь холодным и осуждающим. Почему вместо того, чтобы прогнать кошмары, она насылала их на меня.

Я откидываю лицо назад, глядя на нее сверху вниз: они не планировали, что я буду таким высоким.

— И при этом такой гнилой до глубины души, — добавляет она.

Дело в том, что она даже не пытается быть злой. Она не пытается причинить мне боль, просто ей искренне наплевать на то, что она мне говорит. Чтобы причинить мне боль, ей должно быть не плевать, а это не так.

— Жаль, что такое лицо, как у тебя, пропало зря. По крайней мере, мы с твоим отцом можем сказать, что у нас получились красивые дети.

Я усмехаюсь, мои ноздри раздуваются:

— Вот что случается, когда растишь ребенка в чужой тени, мама. Они становятся кошмарами.

Она подносит ко рту белую палочку, делает затяжку и, когда слегка улыбается, в уголках ее глаз появляются морщинки. Между нами в воздухе клубится дым. Я не потрудился переодеть костюм. Я подхожу к кровати, беру сумку и перекидываю ее через плечо.

— Тебе лучше оставаться там, куда ты направляешься, до Рождества, так будет лучше, дорогой.

Предоставьте моему неисправному родителю требовать моего отсутствия вместо того, чтобы спрашивать, куда я направляюсь. Насколько им известно, я мог пойти на сделку с наркотиками. Думаю, я окончательно смирился с тем, что они, скорее всего, будут поощрять меня отправиться в опасное место, а то, что меня убьют, будет чистым способом избавиться от меня. Так что они могли бы перестать держать меня рядом, чтобы сохранить лицо.

— Мам, ты не видела мою медицинскую сумку...

Очевидно, я опоздал на воссоединение семьи, потому что Дориан проходит мимо двери спальни и останавливается, увидев нас внутри.

Я молча молю, чтобы отец не высунул откуда-нибудь из-за угла свою седеющую голову. Даже если он и появится, то лишь на мгновение окинет меня взглядом, а потом продолжит вести себя так, будто меня не существует. Я предпочитаю его из всех. Он даже не пытается притворяться, что я ему нравлюсь.

Мечта любого ребенка — иметь старшего брата, на которого он мог бы равняться. Того, кто будет защищать его от больших хулиганов и учить драться. Кого-то, кого можно доставать до тех пор, пока он не сдастся и не начнет играть с тобой в видеоигры.

Именно таким должен быть старший брат. Защитником. Наставником. Тем, на кого можно положиться.

Я думаю, что мой — просто антихрист.

После окончания Холлоу Хайтс он уехал в Бостон в медицинскую школу, думаю, сейчас он интерн или что-то в этом роде. Мне кажется почти комичным, что ему доверяют жизни людей.

Как кто-то может смотреть на него и не видеть, какой он эгоистичный, мерзкий урод.

Я знаю, что мои родители сделали меня таким же, как он. Создали меня по его образу и подобию. Об одной мысли об этом, мне хочется содрать с себя кожу.

Он молчит, глядя на меня с отвращением:

— Ты все еще здесь? Я думал, что к этому времени тебя уже найдут мертвым в канаве.

— Это доставило бы тебе слишком много радости, Дориан. Мы не можем этого допустить, не так ли?

— Почему кто-то думает, что мы похожи, для меня загадка. Это оскорбление моих генов.

— Поверь мне, я тоже не хочу, чтобы кто-то говорил мне, что я похож на обезьяню задницу, но ты работаешь с тем, что тебе дают, — говорю я, пренебрежительно улыбаясь.

— Им следовало просто сломать мой шаблон. Вместо этого мне приходится пялиться на свои запчасти каждый раз, когда я прихожу домой.

Мне охота ударить его за напоминание, но я не хочу иметь дело с ответной реакцией.

— Как бы весело это ни было, я лучше покончу с собой, чем буду стоять здесь с вами двумя.

Я выхожу из своей комнаты, совершенно спокойный, если это будут последние слова, которые я скажу им обоим. Жестко, я знаю, но это не делает их менее правдивыми.

— Убедись, что ты режешь вертикально. Тогда вероятность того, что ты выживешь, будет невелика, — добавляет Дориан, его голос отдается у меня в голове, пока я спускаюсь по ступенькам, стараясь оставить как можно больше расстояния между собой и ими.

Я закидываю свои вещи на пассажирское сиденье, запрыгиваю на водительское, завожу машину и, разбрасывая гравий позади себя, выезжаю с подъездной дорожки. Надеюсь, что при этом я разобью пару окон.

Я не выезжаю из поместья затаив дыхание и не мчусь на скорости по прилегающей к дому дороге. Пока не буду уверен, что они меня больше не слышат и не видят.

Я перестал жалеть себя после того, как познакомился с парнями. Когда мне показали, что семья — это не то, с чем ты рождаешься. Это тот, за кого ты готов убить. Даже если мои родители и брат живут с настоящими демонами, у меня все равно есть ребята.

Нам было по шесть лет, и мы были на летнем празднике в загородном клубе со своими семьями. Тогда я впервые встретил их. Когда я обнаружил, что Рук и Сайлас пытаются запустить небольшой фейерверк, а Тэтчер отвлекает всех, кто проходит мимо.

Трое мальчиков, происходивших из богатых семей, но все еще ищущих хаос в жизни. Им нужна была анархия, чтобы справиться с ужасами дома, в их сознании. Даже в этом возрасте. Эти люди, которые не смотрели на меня по-другому и не пытались изменить меня, три человека, которые приняли меня таким, какой я был, и заставили меня принять себя таким, какой я есть.

Мы никогда не заставляли друг друга прятаться. Мы видели хорошее, плохое и наихудшее.

Несмотря на все проблемы, мучения, зло, мы были просто сломленными мальчиками. Невинными детьми, которых бросили в этот мир без защиты. На самом деле они не оставили нам выбора.

Так что теперь монстры защищают друг друга.

И только друг друга.

Брайар

Октябрь исчез так же быстро, как и появился. По этому случаю украсили залы, все было в жутких оранжевых тонах. Резные тыквы в общих залах, мелкие строчки на меловых досках.

Осень полностью окутала приморский Орегон, на улицу стало невозможно выйти без куртки, и чем стремительней приближался Хэллоуин, тем меньше я радовалась.

Уже объявили финальные экзамены по всем моим предметам, и все они были где-то в первой неделе декабря, что означало, что я уже к ним готовилась. В ноябре не будет ничего, кроме дидактических карточек и маркеров.

Раньше я любила Хэллоуин.

Не из-за нарядов, а из-за «Тридцать один день Хэллоуина» на канале Syfy. После школы мы с родителями, свернувшись калачиком на диване с пакетом конфет и попкорном, смотрели старые фильмы ужасов. Все мы смеялись над дерьмовой графикой и пошлыми сюжетами. Мало что могло с этим сравниться.

В этом году я почти ничего из этого не смотрела.

Моя жизнь и так была похожа на триллер.

Теперь еще этот бал, который должен был состояться на следующей неделе. Я всегда хотела попробовать нарядиться в маскарадный костюм, потому что раньше мне это не удавалось. Но знать, что несколько секунд после его начала мне придется исчезнуть, чтобы помочь четырем людям, на которых мне плевать, — это лишало меня удовольствия.

Даже когда Томас дал мне денег на покупку платья. Даже после того, как мы с Лирой их выбрали, я все еще не могла заставить себя радоваться. Я мстительно надеялась, что не смогу залезть в сейф или что там сработает сигнализация, и они попадутся.

С другой стороны, если их поймают, то и меня тоже. Они получают пощечину, а меня исключают. Лира с самого начала была права, здесь они неприкасаемы. Годы и годы репутации, основанной на их фамилиях, делали наказание невозможным.

— Правда или нет, что рекурсивная функция должна иметь какой-то способ контролировать количество повторений? — спрашивает Лира, сидя за столом в библиотеке. Она откидывается на спинку стула, немного отрывая ноги от пола.

Я опускаю голову на руки и смотрю на стол:

— Правда.

— Правильно! Еще один балл для математика, — объявляет она, бросая дидактическую карточку на стопку перед нами.

Мы сидим друг напротив друга, обе с открытыми ноутбуками, конспектами, ручками, маркерами и по меньшей мере тремя книгами на каждую. Мы думали, что совмещение выпускных экзаменов с учебой имеет смысл, пока не попытались сосредоточиться на трех вещах одновременно, пытаясь написать четырехстраничную работу.

Как так получилось, что я изучаю математику и все *еще* пишу гребаные работы?

Я поднимаю одну из синих карточек:

— Расскажите о структуре липидов.

Лира специализируется на энтомологии, конечно же, с уклоном в биологию. Когда она закончит университет, то хочет заняться клиническими исследованиями того, как некоторые насекомые могут иметь потенциальное медицинское значение.

Когда Лира мне об этом рассказала, я решила, что она немного сумасшедшая, но потом я подумала о том, что змеиный яд используется в некоторых лекарствах для сердца, так почему бы не использовать насекомых?

— Мономер, глицерин и три жирные кислоты. Элементы включают углерод, водород и кислород, — она жуёт кусочек красной крученой конфеты, проглатывает, и я киваю.

— Тебе вообще нужно учиться? — приподняв бровь, улыбаюсь я.

— Наверное, нет, — пожимает она плечами, бросив в меня конфету.

Конфета попадает мне в грудь, и мы обе смеемся.

Именно в такие моменты я чувствую себя наиболее комфортно. Когда моя жизнь становится похожей на такую, которую я хотела. Занятия с кем-то, кого я могу назвать подругой.

Я рассеянно провожу большим пальцем по среднему, словно играю с кольцом. Слегка припухшая кожа под костяшкой пальца заставляет меня опустить взгляд. Я все еще в шоке от того, что там татуировка.

— Больно? — с любопытством спрашивает Лира.

Нанесенный мною макияж начал исчезать, и скоро мне нужно будет подкраситься.

— Нет. Думаю, было бы лучше, если бы было больно.

— Почему?

— Тогда я была бы более склонна ее ненавидеть.

Я обещала себе, что во всем буду открыта и честна с Лирой. В том числе и в том, что сама татуировка была красивой. Мне нравилось, как буквы вписаны в пространство моего пальца, буквы «А» и «К» закручивались вокруг, как лианы вокруг розовых кустов.

Я подумываю о том, чтобы, когда все будет закончено, прикрыть ее настоящей розой. Просто чтобы снова показать Алистеру, что я справлюсь со всем, что он в меня бросит.

Даже если это будет постоянное воспоминание о нем.

— Должен ли я обижаться, что меня не пригласили на эту учебную сессию?

Голос Истона Синклера напоминает мне утренний кофе. Гладкий, теплый, все, что нужно для начала дня.

Я поднимаю голову и смотрю на него с улыбкой:

— Я потеряла твой номер, иначе я бы пригласила тебя.

Маленькая ложь во спасение. Я действительно его потеряла. После того, как намеренно выбросила. Истон милый, я уверена, что он отличный парень, и, если бы представилась возможность, я бы приняла от него предложение о свидании, но не сейчас, когда у него есть девушка.

Судя по тому, что я видела, довольно хорошая. Я имею в виду, она смотрит на меня так, как будто я должна начищать ей туфли, но она все равно кажется милой. И никто не заслуживает того, чтобы ему изменяли, никогда.

Моя мама учила меня, что, если он изменяет с тобой, он изменит и тебе. Включите техасский акцент.

— Не беспокойся, — отвечает он. — Привет, Лира.

И слегка машет рукой, чтобы подтвердить присутствие моей соседки.

— Привет, — отвечает ему Лира кончиками пальцев, берет еще один кусочек конфеты и жуёт его.

— Я спросил папу о фруктовых деревьях на следующий год и, кажется, убедил его идеей о вишневом дереве. Больше не придется ждать поставок в продуктовый магазин.

Глаза Лиры вспыхивают светом, в них взрываются фейерверки. Я гляжу на него с подозрением прищутив глаза, победа над моей подругой была плавным ходом. Я признаю.

— Это так круто, спасибо Истон, — с волнением в голосе отвечает Лира. Возможности просто выйти за пределы общежития и сорвать с дерева вишню — это все, что нужно было Лире для счастья. И жуки, конечно.

— Вообще-то я рад, что встретил тебя, я хотел тебя кое о чем спросить, — снова обращается он ко мне, заложив руки за спину и слегка покачиваясь на пятках.

— Конечно, в чем дело? — я закрываю свой учебник по прикладной математике, обращая все внимание на него.

— Бал в канун Дня всех святых в следующую пятницу, если ты еще не зареклась туда идти, я хотел узнать, пойдешь ли ты со мной. Я даже обязательно дам тебе потыкать в меня корсажем, который моя мама неизбежно для нас купит.

Мягкие светлые волосы немного падают на лицо, голубые глаза смотрят уверенно.

Он знает, что я скажу «да».

Я имею в виду, кто бы сказал «нет» Истону Синклеру?

Не знаю, нравится мне эта уверенность или раздражает.

— Я шокирована, то есть польщена, — смеюсь я, заправляя за ухо прядь волос. — Но разве ты не идешь с Мэри? Я почти уверена, что голосовала за вас двоих как за королеву и короля Холлоу.

— Мы с Мэри на прошлой неделе расстались, — вздыхает Истон, проводя рукой по волосам. — Просто ничего не получалось, и мы решили, что будет лучше, если мы будем просто друзьями.

— Так ты свободен? — тяну время я.

— Настолько свободен, насколько это вообще возможно. Это значит «да»?

Хочу ли я пойти с ним? Возможно. Истон милый, симпатичный, и все его любят. Уверена, что он был бы идеальным джентльменом, придержал бы для меня дверь и, увидев меня в платье, назвал бы красивой.

Не было причин говорить «нет», больше не было.

Но я все еще хотела сказать «нет», и не только потому, что мне пришлось бы бросить его, как только мы приедем. Меня привлекал Истон, просто он мне не нравился. Не настолько, чтобы с ним встречаться. Когда ты думаешь о парнях, которые тебе нравятся, ты должна думать о том, каково им будет целовать тебя, как твое тело будет взаимодействовать с их телом, как они заставят биться твое сердце.

С ним я думаю только о платонической дружбе.

— Я бы с удовольствием, но...

— У нее уже назначено свидание.

У меня в ушах раздается скрежет, стул рядом со мной грубо отодвигается, а затем кто-то опускается на деревянное сиденье. Рядом с Лирой садится Рук, с ухмылкой перекатывая в губах спичку.

За мной возвращается моя тень, заслоняя собой все вокруг. Он поглощает все это, крадет весь свет и тянет меня глубже во тьму вместе с собой. Вот где он хочет меня видеть. Прямо там, в тени, вместе с ним. В кино всегда говорят, что свет побеждает тьму. Добро побеждает зло, так почему же он способен уничтожить все, что даже не пытается бросить ему вызов?

Добро, свет, все это было ему не равня.

— Дамы, — лукаво подмигивая, произносит Рук. Я наблюдаю за Лирой, которая

смотрит на него краем глаза, поднимает свой стул и отодвигается его подальше от него.

— Прости, что? — спрашивает Истон, пытаясь играть в догонялки с этой ситуацией. Я уверена, что, когда он думал о том, чтобы меня пригласить, Алистер Колдуэлл и его друзья не были частью уравнения.

— Я сказал, — Алистер хватает край моего сиденья, придвигая его ближе к себе, втягивая меня в свою паутину. — У нее уже назначено свидание.

Я чувствую его голову, прямо рядом со своей головой. Как он прижимается ко мне, вдыхая запах моих волос, а я только усугубляю ситуацию, падая ему на грудь. Совершенно случайно, конечно, толчок от внезапного движения нарушает мое равновесие.

Алистер скользит рукой по моему плечу, вокруг шеи и, свесившись вниз, его пальцы уже уверенно покачиваются прямо над моим пупком.

Я сильно прикусываю внутреннюю сторону щеки:

— Истон, это не он, — я тихонько помахиваю руками, стараясь, чтобы это не выглядело еще хуже, чем есть.

— Не кто? Не твой парень? — бросает он, испытывая отвращение от того, что я позволяю Алистеру ко мне прикасаться. Несмотря на то, что у него, вероятно, больше денег, чем Истон может себе представить, он все равно смотрит на сидящего позади меня человека свысока. Как будто он чем-то лучше него.

— Вот именно, — скрежещу зубами я, слегка повернув голову, чтобы бросить взгляд через плечо. — Мы просто...

Я растягиваю это слово, пробуя его на язык:

— Друзья.

Я чувствую, как Алистер касается губами моих волос и ухмыляется.

Самоуверенный ублюдок. Когда Истон уйдет, я врежу ему прямо по члену. Я понимаю, что мы должны выглядеть дружелюбно, чтобы никому не показалось странным, почему мы вместе пошли на бал, но это уже переходит все границы.

— Перестань, Маленькая Воришка. Мы больше, чем друзья, — шепчет он так, чтобы слышала только я. — Ты еще не рассказала золотистому ретриверу о том, как той ночью твоя маленькая киска капала мне на колено? Практически умоляя меня об этом.

Я дрожу, и не потому, что холодно.

— Она моя, Синклер. Уверен, что ты сможешь найти другую безнадежную девушку, чтобы задурить ей голову своим дурацким образом рыцаря в сияющих доспехах, — громко говорит Алистер, не отрывая своей головы от моей.

Глаза Истона превращаются в ураган гнева. Когда-то светло-голубые, похожие на счастливое небо, они становятся темными, правдивыми предупреждающими знаками перед тем, как по земле пронесется буря.

— Вот с таким парнем ты хочешь проводить время, Брайар? Гребаный мудака без всякой морали? Даже его собственная семья не может его терпеть, он — ничтожество, — Истон хлещет резкими словами, как хлыстом, надеясь при этом кого-нибудь задеть.

Я не так много знаю об Алистере в семейном плане, но не думаю, что Истон имеет право судить других людей. Он понятия не имеет, что происходит за закрытой дверью дома Колдуэллов.

Считаю ли я Алистера отморожком с проблемами гнева, из-за которых мне хотелось бежать от него куда подальше? Да.

Но очень сомневаюсь, что это потому что он вырос в любящей семье.

У каждого есть секреты. У каждого есть своя история.

Даже у героев.

Даже у злодеев.

— Ничтожество, которое трахает девушку, по которой ты пускаешь слюни.

Я задыхаюсь от его ответа, готовая немедленно это опровергнуть, но Истон уже возвращает удар. Его трясет от недоверия, в его поведении щелкает переключатель:

— Пускаю слюни? Я тебя умоляю, она новенькая с красивой задницей, но даже это не стоит того, чтобы иметь дело с тобой или твоими ненормальными друзьями.

Я не должна удивляться.

Но это все равно больно.

Таких парней, как Истон, пруд пруди. Симпатичные, у которых, кажется, есть все, и которые сладкими речами прокладывают себе путь прямо к твоему сердцу и, когда ты не даешь им то, что они хотят, наступают на него ногой.

Я, по крайней мере, могу уважать Алистера за то, что он не скрывает того, что мурак. Он никогда не пытался казаться кем-то другим. Вы получаете то, что видите, даже если вам это не понравилось.

— Ты, наверное, даже в постели так себе, — ворчит он, глядя на меня сверху вниз, как будто я грязь под его ботинком.

— Я думала, мы друзья, — немного громко говорю я, от чего библиотекарь шикает на меня, раздраженно распахнув глаза. Я оглядываюсь на других наблюдающих за нами студентов, и у меня краснеют щеки.

— Друзья? Ты выглядела доверчивой и похожей на легкую добычу. Ты просто девчонка из сточной канавы, — говорит он. — Для тебя нет Прекрасного Принца. Добро пожаловать в твою жизнь, Брайар, ты была создана для секса на одну ночь и быстрого траха.

У меня нет ни секунды, чтобы даже подумать об ответных действиях, потому что Лира уже встает на мою защиту:

— Сожри свой член. Отнеси свое уязвленное эго куда-нибудь, где людям не насрать.

Истон уходит, не сказав больше ни слова, и все мы приходим в себя от того, что только что произошло.

Я поворачиваюсь к Алистеру:

— А ты, — показываю на него пальцем я. — Я делаю для тебя одолжение. Вот и все. Мы не друзья, и уж точно, черт возьми, не трахаемся. Ты не можешь приходить и мочиться на меня, как будто метишь территорию.

Судя по всему, я терплю неудачу в том, чтобы быть серьезной. Я нервно сглатываю, когда он наклоняет голову и поднимает бровь, как бы спрашивая, «что ты мне только что сказала?»

Я убираю указательный палец, но тут Алистер обхватывает рукой мое запястье. Свет в библиотеке освещает его глаза, показывая мне шоколадные завитки. Я так привыкла к полумночному черному оттенку, что вновь обретенный цвет становится для меня шоком.

Алистер наклоняется вперед, и пока он смотрит мне в глаза, его дыхание скользит по моей коже. Удивив меня, он засовывает мой средний палец себе в рот.

Я смотрю на него, и у меня вырывается вздох. От того, как его теплый рот обхватывает мой палец, и как его мягкий язык кружит вокруг основания, у меня покалывают пальцы. Я сильно прикусываю внутреннюю сторону губы.

Алистер неторопливо убирает от меня свой рот. Опускает мое запястье и проводит

большим пальцем по нижней губе:

— Не прикрывай это, — он смотрит на татуировку у меня на пальце. — И мне не придется никуда мочиться.

Алистер со скрежетом отодвигает от меня свой стул и, встав, возвышается надо мной.

Я стараюсь не замечать, насколько он привлекателен при дневном свете. Как на солнце он кажется почти нормальным. Как оно освещает его загорелую кожу и подчеркивает контуры стройного тела.

Я сжимаю руки в кулаки, а затем бросаю взгляд на то место, которое он облизал. Макияж, который когда-то был там, исчез, благодаря его слюне. Чего он, конечно, и добивался.

Гребаный урод.

До моих ушей доносятся звуки шагов, говоря о его уходе, но тут Алистер поворачивается лицом ко мне и, пятясь назад, произносит:

— И Брайар, в пятницу надень для меня что-нибудь красивое.

Алистер

Под звуки доносящейся издали скрипки я прислоняюсь спиной к одному из зданий округа Ротшильд, в котором Столовый зал Сальваторе из набора обычных прямоугольных столов и скучной атмосферы был трансформирован в нечто, что, возможно, захотел бы посетить Гэтсби.

Даже не заходя туда, я уже знаю, что там меня ждут люстры и дорогой декор. Нам нужно эффектно появиться, чтобы у людей отложилось в памяти, что мы тут были.

Чем быстрее мы это сделаем, тем быстрее сможем приступить к выполнению поставленной задачи.

— Она могла решить не приходить.

— Она придет, — говорю я Тэтчеру и, бросив на землю окурок сигареты, топчу ногой едва тлеющий уголек.

А если Брайар не появится, то что бы с ней потом ни случилось, пусть пеняет на себя.

Рук и Сайлас заняты отключением камер наблюдения, поэтому мы с Тэтчером остаемся сопровождать Брайар и Лиру на претенциозный хэллоуинский бал. По сути, это возможность для студентов и преподавателей открыто поглумиться друг над другом. Наряды, возлюбленные, все, что могут увидеть их самодовольные глаза, подвергается жесткой критике.

Больше всего камнями швыряются люди, живущие в стеклянных домах.

У меня в кармане жужжит телефон, я достаю его и смотрю на светящийся экран. Нажимаю на зеленое приложение мессенджера и хмурюсь от сообщения Шейда.

«Я отправил свою рекомендацию, тебе стоит подумать о поступлении».

В приложении ссылка на какой-то салон в Нью-Йорке, набирающий новых татуировщиков. Они ищут тех, кто специализируется на черном и сером. Я размышляю над тем, какой будет моя жизнь, прими я это предложение.

Через несколько месяцев я получу лицензию, и могу работать где угодно. Если бы не убийство Роуз, я бы уже был на восточном побережье. Возможно, в Нью-Йорке, уже работал бы в салоне, жил бы в двухкомнатной квартире, ходил бы на работу, где ни одна живая душа не знала бы мое имя.

Я был бы совсем один.

Понравится ли мне вообще моя жизнь без парней? То есть я не сомневаюсь, что Тэтчер уже собирается уехать на восток, и Рук тоже, но Сайлас планировал остаться здесь с Роуз. Могли бы мы все вместе отправиться в путь? Начать новую жизнь, где за нами перестанет тянуться кровавый след, и мы сможем просто жить?

Мне хочется ответить «да», но это было бы оптимистично.

— Что это значит? — спрашивает Тэтчер, уткнувшись носом в мой телефон.

— Ты всегда был таким чертовски любопытным? — я убираю экран и снова засовываю его в карман, подальше от глаз Тэтчера.

— Мне никогда не приходилось таким быть. Ты никогда раньше не был таким скрытным.

Тэтч смотрит на меня сверху вниз, как будто я что-то у него украл. Эта безумная потребность знать о нас все, быстро надоедает.

— Послушай... Я не спрашиваю тебя, чем ты занимался, когда ты приходишь домой с окровавленными руками, хорошо? У всех есть вещи, которые лучше держать при себе, даже у тебя.

Я не думаю, что он убивает людей. То есть, может, и убивает, но я сомневаюсь. Я просто думаю, что у него есть свои способы выпустить пар, как и у всех нас. У Тэтчера они просто немного более... жуткие.

Это заставляет его умерить любопытство, потому что даже он не готов признаться в своих секретах.

— Вот, я выбрал самую простую, которую смог найти, — Тэтч бросает мне черную маску, украшенную спереди серебряными завитками.

— Я ее не надену.

Я оглядываюсь и вижу, как он надевает на лицо черную маску с темно-красным рисунком и завязывает ее за головой. Маска закрывает верхнюю половину лица Тэтчера, гармонируя по цвету с его костюмом.

— Не будь таким слабаком, просто надень маску.

Ворча от раздражения, я прижимаю пластик к лицу и плотно завязывая его за головой. Маска почти полностью закрывает левую часть лица, половинку носа, а также правую скулу и губы.

Я просто уверен, что в этой штуке выгляжу чертовски смехотворно.

Я поворачиваюсь на стук каблуков, надеясь, что это не очередная девушка в вариации одного и того же платья, цепляющаяся за своего спутника, потому что не может ходить в туфлях.

Платье Леры — тюль на тюле, малиновое кружево тянется вокруг ее талии, обнажая фигуру, которую она прячет под своей обычной одеждой. Она напоминает девочку, которая выросла, слушая сказки. Только не те, в которых целуют лягушек и живут долго и счастливо.

А сказки братьев Гримм.

В них говорится о жестокости и смерти. Не о золоте и поцелуях, а о крови и силе темной магии.

Ткань внизу переходит в насыщенный черный цвет, и когда Лира идет к нам, платье стелется за ней по земле. Даже я могу признать, что прямая челка на черной блестящей маске, обнажающей бледную кожу лица, в сочетании с красной помадой — это сексуально.

— Похоже, кто-то спёр твой фирменный цвет, Тэтч, — бормочу я, прислонившись к нему спиной.

— Очевидно, — Тэтч дышит, как будто, чтобы произнести это простое слово, ему потребовался весь кислород.

Удивительно, но королева жуков довольно хорошо держится на каблуках, приближаясь к нам с кислым видом, или, по крайней мере, с кислым видом, обращенным в мою сторону.

Я открываю рот, но она не дает мне сказать:

— Брайар пришлось задержаться с дядей, он хотел сделать фотографии, чтобы отправить их ее матери. Она скоро придет.

Заполнившее воздух неловкое молчание кажется просто убийственным. Лира и Тэтчер установили какой-то странный зрительный контакт. Они оба ничего не говорят, просто смотрят, ожидая, когда другой моргнет.

Меня разбирает смех при мысли о том, что Лира, девушка, которой нравится собирать жуков и пачкать землей руки, связалась с Тэтчером, самым отбитым из известных мне

чистоплюев. Одержимым своим чистоплюйством. Одежда упорядочена по брендам и по цвету. Постель всегда заправлена, все на своих местах. И все же, вот они стоят и трахают друг друга глазами.

— Тэтчер, — кашляю я. — Это Лира, Лира, это Тэтчер.

Я насмешливо представляю их друг другу, но, судя по всему, Лира прекрасно знает, кто он такой.

— Да, мне известно, кто он. То есть, — откашливается, глядя на меня, Лира. — Мне известно, кто вы все.

То, как она за ним наблюдает, будто через отверстия в своей маске смотрит ему прямо в душу. Это не страх, это... любопытство, поселившееся у нее во взгляде. Даже если она хочет держаться от него на расстоянии, он все равно кажется ей интересным.

У большинства девушек не хватило бы смелости это сделать. Когда мы учились на первом курсе, одна девчонка выбежала голой из раздевалки мальчиков после того, как Тэтчер приставил ей нож, когда она ему отсасывала.

— Приятно познакомиться, — с ухмылкой на губах говорит Тэтч и протягивает ей руку.

— Теперь ты представляешься? Не думала, что после того, как разрисуешь кому-то машину, а потом гоняешься за ним по лесу, нужно представляться.

Я поворачиваюсь на знакомый голос и вижу Брайар, идущую к нам по дорожке под стук своих каблучков. Ее глаза горят, зубы оскалены, словно она готова разорвать Тэтчера на части за то, что он посмотрел в сторону Лир.

Несмотря на то, что Брайар полна агрессии и выглядит так, будто готова объявить войну моему другу, я поражаюсь тому, как изящно она выглядит.

Затаив дыхание, я скольжу взглядом по вырезу ее платья, который заканчивается прямо над пупком.

Я сую руки в карманы, чтобы не провести ими по ее коже. Кожа кажется такой мягкой, как лепестки цветов. Мне жуть как хочется попробовать ее на вкус.

Всего один раз.

Один раз мучительно медленно провести языком по ложбинке между ее грудей, где обнажалась кожа. Фиолетовая ткань нежно облегает ее горло, как раз там, где были бы мои руки, заставь я ее потеть подо мной. Ее сиськи едва прикрыты полосками материала, прохладный ветер или, может, мой пристальный взгляд коснулся ее сосков, о чего они стали твердыми.

Вместо бального платья она выбрала нечто простое. Шелковое платье, облегающее тело и повторяющее изгибы ее фигуры. От его фиолетового, скорее сиреневого оттенка мерцает зелень ее калейдоскопических глаз.

К моему члену приливает кровь, боксеры внезапно становятся очень тесными в паху, и не из-за ее эрегированных сосков или красивых глаз.

Нет, от того, как ее хрупкая ручка поднимается к уху, убирая за него несколько прядей волос. На свету играет моя татуировка, и, хотя она маленькая, выбранный мной декоративный шрифт слишком хорошо сочетается с платьем Брайар.

Как изящно смотрятся у нее на теле мои инициалы. Как чертовски хорошо они смотрятся на ее пальце. От одной мысли о том, чтобы покрыть ее тело моим именем, нанести мои инициалы на всю ее кожу, я становлюсь еще тверже.

Мне хочется почувствовать ее запах. Узнать, нанесла ли она духи, которые мне нравятся. Те, с экзотическими цветами и чем-то сладким. Я подхожу ближе и оказываюсь

прямо перед ней.

На каблуках Брайар немного выше, ее голова прямо под моим носом. Я кладу руку ей на шею и провожу пальцами по ключицам и горлу. Кончики моих пальцев трепещут у нее на пульсе и чуть сжимаются, так, чтобы она меня почувствовала.

Надетая на Брайар маска почти не скрывает румянец, заливший ее щеки от моего прикосновения. Макияж у нее на лице только подчеркивает то, что уже было там изначально.

Многие девушки сексуальны. Быть сексуальной легко.

Но не многим девушкам удавалось носить мое имя так, как Брайар.

— Мне нравятся твоя прическа, — говорю я, глядя на нее сверху вниз, чувствуя, как под моим прикосновением бьется ее сердце.

Пряди медового цвета уложены на правую сторону, крупными волнами спадая на плечо, блестящая заколка удерживает их возле левого уха. Мне нравится, как она обнажила шею. Стройную и кремовую.

Брайар улыбается:

— Тогда я постараюсь больше никогда ее не носить. Думаю, если ты не снимешь эту маску, я смогу пережить эту ночь без рвотных позывов.

Я ухмыляюсь, проводя языком по нижним зубам:

— Да ты сегодня в боевом настроении?

Сделав небольшое усилие, Брайар убирает со своей груди мою руку и отмахивается от меня:

— Просто устала от твоего дерьма и готова с этим покончить.

Жаль, что даже когда она покончит с этим делом, я все еще не покончу с ней.

Я предлагаю ей руку:

— Тогда давай с этим покончим, — холодно говорю я.

Мы вместе идем ко входу в зал. Как я и предполагал, там мягким светом сияют огни из хрустальных канделябров. Окна освещают свечи, и все выглядит так, будто куплено на ярмарке эпохи Возрождения 16 века. Студенты и преподаватели, все в одинаковых масках, танцуют, болтают — обычные социальные сигналы, которые бывают на подобных мероприятиях.

Это происходит до тех пор, пока нас случайно не замечают очевидцы: я и Тэтчер, рука об руку с девушками, одетые для мероприятия, где никто не ожидал нашего появления. Я не могу сдержать ухмылку, большинство из них, вероятно, боятся, что мы что-то натворим. Устроим какой-нибудь розыгрыш, который давно замыслили.

Рука Брайар цепляется за материал моего костюма, и я веду ее к пустому столу, подальше от танцующих в центре зала людей. В комнате звучит «Лебединое озеро» Чайковского, и я знаю это только потому, что оно постоянно играет у меня дома, когда там мой отец.

Это единственное, что он умеет играть, и почему-то считает, что это придаст ему изысканности в глазах гостей.

— Почему они на тебя пялятся? Как будто ты Папа Римский, ради всего святого, — вздыхает Брайар, пытаясь опустить голову и спрятаться от любопытных глаз. Она избегает внимания, которое не обрушилось бы на нее, не войди она в этот зал со мной.

К нам прикованы все взгляды, и я просто знаю, что Тэтчер наслаждается каждой секундой. То, как все забыли о вечеринке и обратили все свое внимание на нас.

Я наклоняюсь к уху Брайар, касаясь его губами:

— Потому что мы — венец их мечтаний, Маленькая Воришка.

Неожиданно для меня она фыркает, тихонько рассмеявшись:

— Стоило мне только подумать, что еще более заносчивым тебе уже не стать.

— Я не говорю, что это из-за денег моих родителей, — успокаиваю ее я. — Мы отказываемся подчиняться правилам, с детства установленным для нас Пандерозой Спрингс. Глядя на нас, они видят свободу, бунтарство, которых у них никогда не будет. Девушки смотрят на тебя и удивляются.

Мое дыхание овеивает кожу Брайар, и я вижу, как учащается ее дыхание.

— Что в ней такого, что привлекло мое внимание? Как мне стать такой, как она? Мы портим богатых девушек. Потому что ночью, ложась со своими парнями, которые покупают им особняки и изменяют со своими секретаршами, они думают именно о таких, как я, — я кладу руку ей на талию, и мягкая ткань платья щекотит мою ладонь. — О жестких, брутальных, сомнительных мужчинах вроде меня, от которых у них намокают трусики. Думая о том, как я разобью им сердце, они кончают сильнее, чем, когда их трахают собственные парни. Так что да, они смотрят на меня, но они также смотрят и на тебя.

Сжав ее бедро, я притягиваю Брайар к себе, чтобы не потерять ее запах:

— Позаботься о том, чтобы устроить им запоминающееся шоу.

Все это правда.

Вокруг нас девушки, которые были бы более чем готовы, но все они слишком боятся себе в этом признаться. Боятся, что их отцы и священники узнают, что им нравится, когда их трахают ублюдки этого города.

Первый час мы сидим за столом и держимся особняком, наблюдая за крутящимися вокруг нас, словно марионетки, сверстниками.

Это делаем мы с Брайар.

Тэтчер пятнадцать минут назад пригласил Лиру на танец и кружит ее по мраморному полу, у нее развеваются волосы от того, что она едва за ним поспевает. Брайар следит за ними, словно ястреб. Она не спускает глаз с рук Тэтчера, будто готова отрезать их за одно неверное движение.

Они выглядят там как разные носки.

Я вытаскиваю из кармана телефон, и вижу сообщение от Сайласа, в котором он дает мне добро на следующие несколько часов. Они направляются на вечеринку, чтобы вместе с Тэтчем и Лирой присматривать за мистером Уэстом на случай, если он по какой-либо причине отсюда уйдет. Таким образом, они могут отправить нам сообщение и предупредить нас до того, как он нагрянет в свой кабинет.

Этот план безупречен.

Надеюсь.

— Время шоу, Маленькая Воришка, — бормочу я, когда мы с Брайар выскользываем из главного зала и направляемся к выходу.

Мы останавливаемся у машины Тэтчера, забрав стетоскоп, который она просила до того, как отправиться на короткую прогулку к соседнему зданию, где находится его кабинет. Пока мы идем, ветер теребит ее волосы. Не знаю, дрожит Брайар от холода или просто нервничает.

Нас окутывает тьма, лишь небольшой отблеск виднеющейся за окнами луны освещает нам центральную лестницу. Пока мы крадемся по коридорам, за нами тянутся тени деревьев.

Все это время мы следуем друг за другом нога в ногу.

Наконец мы добираемся до двери, и я тянусь в карман, чтобы достать инструмент, данный мне Руком, чтобы ее отпереть, но Брайар уже достала заколки «невидимки». Она проводит ими по своим пухлым губам и загибает их зубами так, как ей нужно.

Брайар быстро и изящно справляется с замком, просунув в него «невидимки». Дверь щелкает, и мы понимаем, что она открыта.

Оказавшись внутри, я решаю не включать освещение. Мне не нужно, чтобы кто-нибудь посмотрел на окна и увидел свет в офисе мистера Уэста, когда тот должен быть на вечеринке.

— Возьми мне ручку и бумагу, — говорит Брайар, после того как я одергиваю занавеску и показываю ей сейф.

— Пожалуйста, это не часть твоего лексикона? — я подхожу к столу из красного дерева, открываю ящики и нахожу блокнот и ручку.

— Ты хочешь, чтобы я открыла сейф или нет? — Брайар снова переводит взгляд на меня и выгибает бровь. Все в ее облике говорит о том, что она в рабочем режиме и ей нужно сосредоточиться.

— Туше.

Я протягиваю ей то, что она просила, прислоняюсь к стене рядом с сейфом и смотрю на то, как Брайар начинает поигрывать с циферблатом. Крутит его несколько раз влево, потом вправо. Чувствует, как шестеренки внутри сдвигаются и защелкиваются.

Вставляет в уши стетоскоп, помещает головку прямо над циферблатом. С этого момента, я наблюдаю то, что зовется чистым гением. Как она высовывает язык и, рассеянно его прикусив, слушает аппарат.

Затем Брайар начинает записывать на бумаге цифры, строить графики, превращать их в формулы, и у меня закипает мозг. В фильмах взломщики просто крутят циферблат, приложив к нему стетоскоп и слушая тиканье. Видимо, этого мало, чтобы получить нужную комбинацию.

Вынув наушники и положив их на землю, Брайар записывает на листе цифры, проводя в голове математические вычисления, для которых большинству понадобились бы калькуляторы.

— Где ты этому научилась? — спрашиваю я, удивляясь, где можно научиться такому интересному хобби.

— Разве ты еще этого не узнал? Ты знаешь о моем уголовном прошлом, полагаю, ты осведомлен и о других вещах.

Я закатываю глаза:

— Извини, в твоем деле не было раздела об увлечениях. Ну, за исключением твоей фотографии с командой по плаванию, — я слегка улыбаюсь, заметив в темноте проблеск румянца у нее на щеках.

— Мой отец, — вздыхает она, нацарапав и переписав какие-то цифры. — Всю жизнь то сидел, то выхолил из тюрьмы, но когда был дома, то обучал меня своему ремеслу. Карманные кражи, взлом сейфов, подсчет карт, если дело касалось быстрой наживы, он показывал мне.

— Странный метод сплочения семейных уз, — замечаю я, а ее пальцы начинают пробовать различные комбинации с замком.

Я представляю себе уменьшенную версию Брайар, сидящую в своем доме на полу,

играющую с замками и крадущую кошельки.

Мы являлись доказательством того, что выживание имеет мало общего с деньгами и все зависит от среды, в которой растешь.

— Не все из нас могут налаживать отношения с родителями зимой в Швейцарских Альпах и летом в Праге.

Я цокаю языком:

— Да, это я, — говорю я и, разжав кулаки, разминаю пальцы. — Избалованный, высокомерный, богатый мальчик, у ног которого лежит весь мир. Чего мне еще надо от жизни?

Брайар смотрит на меня, приостановив свою работу:

— Ты думаешь, я поверю, что в твоей жизни не было золотых тарелок и дворецких? Не притворяйся здесь, что тебе было тяжело. Ты не представляешь, каково это — расти, когда у тебя нет денег даже на электричество, ломать голову над тем, когда ты теперь поешь, или, когда в твою дверь снова постучит полиция, чтобы узнать, где твой отец. Ты ничем не лучше всех этих людей, просто ты и твои друзья более безбашенные, чем остальные.

— Ты хочешь сейчас сидеть и спорить о том, чья жизнь печальнее? Чье детство было хуже? Думаешь, ты единственная, кто прошел через дерьмо? Если тебе легче от того, что ты так обо мне думаешь, вперед. Я тебе и слова не скажу, — отвечаю я.

Судя по всему, она права.

Я не знаю, каково это — быть бедным.

У меня всегда были деньги и, когда мне хотелось есть, у меня в доме всегда была еда. У меня было все самое необходимое для жизни и даже больше.

Но чего она не знает, чего не заслуживает знать со своим сопливым отношением «горе мне», так это то, что в детстве я бы с радостью обменял все деньги на любящих родителей. На семью, которой на меня не насрать. Я бы предпочел голодать и быть любимым, чем быть сытым без любви.

Потом ты вырастаешь и понимаешь, что нужно играть теми картами, которые тебе выпали. Затыкаешься и идешь вперед, потому что все мольбы, все молитвы ни к чему не приведут. Иногда ты просто гнилое яблоко, упавшее недалеко от дерева.

Я не собираюсь с ней спорить.

Это того не стоит. Просто есть вещи, которые люди никогда не поймут.

Мы больше не разговариваем, и тишину заполняют звуки сейфа. Пока Брайар, наконец, не выставляет цифры в правильном порядке и не открывает тяжелую дверь.

— Проще простого, — шепчет Брайар, похлопав себя по спине.

И я рад, что она это сделала, потому что я бы ее не похлопал.

Я приседаю на корточки, заглядываю в сейф в надежде, что что-то в его содержимом даст мне нужную информацию. Даст нам то, что нужно.

Я беру из сейфа телефон и конверт и иду с ними к столу. Первым делом я включаю телефон, жду, пока белое яблоко исчезнет, и появится основной экран блокировки.

Я не удивлен, обнаружив, что информация защищена паролем.

— Какая комбинация была у сейфа? — спрашиваю я Брайар.

— 5749.

Набираю цифры на телефоне, но он вибрирует и говорит, что я ошибся. Зная, что ничего не добьюсь, кроме еще большего разочарования, я откладываю телефон и открываю конверт.

Внутри — пара сотен долларов, а также флешка, которая кажется очень

многообещающей. Осторожно вставляю ее в компьютер, жду, пока появится файл. Позади меня встает Брайар и наблюдает за экраном через мое плечо.

— Какого хрена, по-твоему, ты делаешь? — я поворачиваю голову и хмуро смотрю на нее.

— Это я взломала сейф. Я имею право увидеть то, что сама помогла украсть, — она скрещивает руки на груди, как будто эта властная поза меня запугает.

— Иди, присмотри за дверью, — мотаю я головой в сторону входа.

Мне не нужно, чтобы Брайар увидела содержимое флешки, даже если там фигня. Если это будет что-то, что выдаст информацию о Роуз и ее смерти, Брайар вляпается гораздо больше, чем нужно.

В первый раз она волей судьбы появилась у меня на пути, оказавшись в мавзолее. Из-за неправильной зацепки Брайар осталась рядом со мной, но ее помощь с сейфом — последняя сыгранная ею роль на нашей тропе мести.

Я дергал ее за ниточки, словно марионетку, с которой мог время от времени поиграть, но Брайар не имеет никакого отношения к Роуз и к тому, что мы сделаем с людьми, причастными к ее смерти.

— Нет, — не унимается Брайар. — Или ты даешь мне посмотреть, или я закричу.

— Ты готова взять на себя вину за это? — приподнимаю я бровь, прекрасно понимая, что за то, что мы делаем, мы можем бросить ее под автобус.

— Если это означает, что ты не получишь информацию, спрятанную на этой флешке, то конечно.

Я думаю, она блефует, но то, как она напрягает спину и смотрит мне прямо в глаза, довольно убедительно. Взвесив варианты, я понимаю, что у меня нет на это времени.

— Хорошо, но все, что мы найдем по этому делу, останется у тебя в голове, ясно?

Кивнув в знак согласия, мы оба поворачиваемся к компьютеру.

Когда Брайар наклоняется ко мне, чтобы посмотреть на экран, я чувствую, как о мое плечо трутся ее груди, ее запах так близко к моему носу, что у меня невольно напрягается член. Интересно, остановила бы она меня, если бы я бросил ее на этот стол и показал ей, как сильно можно кончить от страха быть пойманной?

Как быстро будет биться ее сердце, когда я буду наблюдать, как по ее телу растекается адреналин.

Я впираюсь зубами в нижнюю губу, как бы впился ей в кожу, просто чтобы удержать обрушившиеся на меня образы.

Когда с сигналом всплывает файл, я дважды по нему щелкаю и открываю видео с камер наблюдения. Я не знаю, где оно снято, но похоже на склад или строительную площадку. Бетонные полы и высокие потолки не оставляют мне никаких зацепок.

В центре комнаты сидит привязанный к стулу человек, а над ним возвышается Грег Уэст и расхаживает кругами. Я увеличиваю громкость и слышу, как из динамиков просачивается его голос.

— Я думаю, мы были с тобой более чем гибкими. Теперь ты должен нам довольно много денег, — говорит он, и таинственный человек поднимает голову и показывает в камеру свое лицо.

Дыхание Брайар холодом пробегает по моей шее, и она сбивчиво произносит:

— Он?

Я киваю, прикусив внутреннюю сторону щеки:

— Да.

Вместе мы смотрим, как мэр Донахью борется со связывающими его веревками, а потом говорит:

— Мне просто нужно еще немного времени, Грег! Еще немного времени, и я отдам тебе все сполна.

Мое горло обжигает кислота, мозг не в состоянии понять, что видят глаза. Потому что я знаю, что человек, рыдавший над гробом своей дочери, не причастен к ее смерти. Человек, которому я сочувствовал. Которого мне было чертовски жаль.

Найдя рукой край стола, я до боли сжимаю его кончиками пальцев, чтобы не бросить компьютер в стену.

— Ты сказал это шесть месяцев назад. У нас больше нет времени Фрэнк. Босс устал ждать. Либо ты сейчас отдаешь деньги, либо что-то другое, что могло бы пригодиться, либо, — Грег делает паузу и, стоя перед мэром, пожимает плечами. — Ну, если дело дойдет до этого варианта, я не думаю, что ты захочешь узнать, что мы с тобой сделаем.

Фрэнк Донахью, человек, в одиночку воспитывающий своих дочерей, единственный в этом гребаном городе человек, которого я уважал, менее чем за двадцать секунд превращается в самое презренное существо.

— Блядь! — стонет он. — Чего ты хочешь? Просто скажи, и ты это получишь!

У меня внутри все закипает, в груди скребутся демоны, готовые разорвать меня на части, чтобы выбраться наружу.

— Ну, ты занял у нас много денег на свою последнюю кампанию, мэр, — подыгрывает ему Грег.

— Я должен был! Я бы обанкротился, если бы этого не сделал, — спорит мэр, его голос немного дрожит.

— Многие разоряются, Фрэнк, но они не занимают деньги у людей, которым не собираются их отдавать. Учитывая, что одолженные тебе деньги пошли бы на покупку очередной девушки, нам нужен товар.

Когда вырывается это неожиданное откровение, я чувствую, как Брайар прикрывает рукой рот, заглушая вздох.

— Вот куда исчезла Коралина. Ее забрали, — бормочет Брайар, ее голос дрожит от страха, я даже слышу слезы, которые вот-вот хлынут у нее по щекам.

О том, что Коралина Уиттакер пропала, я услышал лишь мимоходом несколько недель назад. Я, как и все остальные, подумал, что она уехала, покинула этот проклятый город. Мысли у меня в голове вращались со скоростью миллион миль в минуту, неужели есть еще пропавшие девушки?

— Босс не хочет показаться слишком жадным, поэтому он поступил по-доброму, Фрэнк, и просит только одну из твоих дочерей. Отдашь одну из них, и можешь считать свой долг погашенным, — Грег кладет руки на ручки кресла, наклоняясь лицом к мэру. — Полностью.

Битва Небес и Ада пытается разорвать мою душу пополам. В моей голове бушует война, которой я никак не ожидал.

Я уничтожу Фрэнка Донахью.

Каждая его косточка под моими руками превратится в пыль, я сделаю так, что он никогда больше не встанет на ноги, позволю Тэтчеру порезать его на кусочки и подать этому гребаному городу на золотом блюде.

— Тебе нужна одна из моих девочек? — голос Фрэнка дрожит.

— Или деньги. Выбирай.

— Что... ты убьешь ее?

Меня тошнит от того, что ему вообще потребовалось задавать этот вопрос. Меня тошнит от того, что он это обсуждает. Мне еще более тошно от осознания того, что он собирается сделать, потому что этот ответ ведет прямо к смерти Роуз.

Милой, невинной Роуз, которая ничем не заслужила этого дерьма. Мой друг, мой лучший друг, черт возьми, который не спал ночами, переживал, что его девочка умерла, потому что он сделал что-то не то, перешел кому-то дорогу.

— Не будь наивным, Фрэнк. Ты продашь одну для сексуальных утех. Мы продаем и обмениваем девушек. Что сделают потом с ними их владельцы, ну, это нам уже не ведомо.

— О Боже, — хнычет Брайар.

Грег достает пистолет и приставляет его к черепу Фрэнка, давая понять, что не собирается долго ждать.

— Подожди, подожди! Дай мне секунду, всего секунду!

— Мы дали тебе достаточно времени. Твое время вышло.

Я слышу щелчок предохранителя, короткую паузу, а потом Фрэнк произносит фразу, изменившую ход наших жизней.

Навсегда.

— Роуз. Возьми Розмари.

Брайар

Следующие несколько минут моей жизни проходят в потоке поспешных решений. Несколько мгновений назад я была свидетельницей того, как Алистер чуть не сошел с ума от просмотренного нами видео. При одной мысли об этом у меня холодеет внутри.

Меня тошнит от мысли, что Фрэнк обнимал Лиру, как она ему сочувствовала, хотя на самом деле он сам все это сделал. Потерял одну дочь и довел другую до грани самоубийства.

И все же, даже в состоянии полного шока, я не могла перестать следить за Алистером. Как он вышагивал по полу, рукава закатаны до локтей. У него так сильно пульсировала кровь, что вены на предплечьях стали похожи на толстые, оплетающие дерево виноградные лозы.

В моей голове слились воедино звенья одной цепочки. Про себя я выстраивала повествование, сплетая всё, свидетелем чего стала, и что слышала. В итоге все это сложилось в одну шокирующую картину.

Они убивали людей не просто так, черт возьми. Они убивали учителей и похищали девочек не ради развлечения, а чтобы выяснить, что случилось с Розмари.

Я видела, как черные глаза Алистера рассыпались на части, трескались, как земля над лавой. Сквозь их мрак пробивалось сияние от магмы, когда он слушал, как Фрэнк отдает свою дочь, будто она какая-то свинья на продажу.

Это вызвало такую настоящую, грубую уязвимость, какой я никогда раньше не видела на его лице. Даже если он пытался скрыть это гневом и яростью. Я все еще чувствовала его боль, когда он смотрел на экран.

Роуз была для него важна.

А ее отняли.

Я, как никто другой, должна знать, что происходит, когда забираешь что-то у Алистера Колдуэлла, — почти всегда это заканчивается не очень хорошо.

Я подумала, что у него будет время остыть, прежде чем мы вернемся вниз. Я собиралась дать ему пространство, может, по чему-нибудь врезать, но мы даже не вышли из кабинета.

Мы были так поглощены этим видео, что не услышали, как надрывались у нас в карманах телефоны, пока, наконец, не стало слишком поздно.

Лири закидала мой мобильный сообщениями и звонками, все они примерно об одном и том же: «Убирайтесь к черту из этого кабинета». Грег ушел с вечеринки, и к тому времени, как мы прочитали сообщения, уже возился с дверной ручкой.

Мое сердце уходит в пятки, мы бросаемся запикивать все обратно в сейф, а потом закрываем его как можно тише и быстрее. Я дикими глазами начинаю искать, где бы спрятаться, от звука поворачивающегося в двери замка по спине струится пот.

Мы в полной заднице.

Но тут Алистер не хватает меня за локоть и затаскивает в шкаф в другом конце комнаты. Он закрывает дверь с плантационными жалюзи, сквозь которые мы можем видеть фрагменты того, что происходит снаружи.

Прижавшись спиной к груди Алистера, я упираюсь руками в плотные стены; в испуганном ожидании мне тяжело дышать, я чувствую слабость и головокружение. Я замираю, увидев, как мистер Уэст, пританцовывая, входит в свой кабинет.

Ступая дорогими туфлями по ковру, он идет к своему столу. Я чувствую, как из груди Алистера вырывается ярость, как его сердце бешено бьется о мою спину.

Ему хочется сделать какую-то глупость. В тот момент гнев берет над ним верх. Всего в нескольких шагах от него находился человек, заключивший сделку, которая оборвала жизнь его подруги, а я всего лишь зубочистка, сдерживающая плотину.

Я чувствую, как он сместился, и запаниковала.

Скользнув рукой к руке Алистера, я обхватываю его длинные пальцы, словно ищущий утешения ребенок. Я цепляюсь за него и крепко сжимаю. И делаю это не для того, чтобы защитить его, а чтобы защитить себя.

Если он вырвется отсюда, нам обоим крышка, и я не собираюсь идти на дно вместе с ним. Как бы меня это ни бесило, мы с ним в одной лодке.

Грег включает компьютер и садится в кресло, устроившись поудобнее. Я понятия не имею, как долго он там пробудет, и не знаю, смогу ли стоять здесь вечно.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь представить себя где-нибудь в другом месте, а не в этой вызывающей клаустрофобию комнате с самым ненавистным мне мужчиной на всем белом свете. Мое дыхание становится прерывистым, и кажется, что я ничего не могу сделать, чтобы успокоить свое бешено колотящееся сердце.

Мой мозг перегружен сигналами бедствия. Способность справляться с этим беспокойством отключает мою систему. Все вокруг напоминает хаос, и нормальное функционирование кажется маловероятным.

Как только я закрываю глаза, Алистер отпускает мою руку, и уверенно скользит ладонями к моим бедрам, тут же приковав меня к месту. Я чувствую, как у меня внутри сбивается дыхание, как снова и снова сжимается грудная клетка.

Нежными поглаживаниями он, как по заповедной тропе, проходится по изгибам моего тела. Кончики пальцев пробегают по материалу моего платья до самой груди и там останавливаются.

Я погружена в грезы, все здесь кажется нереальным.

Даже когда его руки скользят под ткань, мозолистые ладони касаются моих чувствительных сосков, посылая крошечные вспышки молний мне между ног. Где-то на задворках сознания я понимаю, что должна прийти в ярость. Должна его остановить, но моим телом словно завладевает другой человек.

На поверхность выбирается альтер-эго, чтобы защитить меня от ужаса.

Я откидываю голову Алистеру на плечо, мой нос касается его острой как бритва линии подбородка, и я готова поклясться, что об нее можно порезаться.

— Ты чувствуешь это, Маленькая Воришка? — бормочет он, так тихо, что мне кажется, что у меня галлюцинации.

Я киваю в знак согласия, чтобы он продолжил мять мне груди, совершая небольшие круговые движения, приподнимая их по мере того, как подушечки его пальцев все плотнее погружаются мне в кожу. Я слышу, как мистер Уэст шевелится в своем кресле, наклонившись, чтобы набрать что-то на клавиатуре, и мое оцепенение от нахлынувшего жара начинает рассеиваться.

— Это называется наводнение.

От его голоса у меня сжимаются бедра.

— Это прилив переполняющих тебя эндорфинов. Твой мозг выделяет их перед смертью, чтобы она была менее болезненной. Это пьянит и возбуждает. Вот почему тебе нравится

бояться. Вот почему под всем этим, — раздается из его груди. — Мы одинаковые.

Я это чувствую.

Это ощущение экстаза, окатившее меня с головы до ног. Наполнившее меня потребностью. Как живо возбуждение между моих бедер. Как все это усиливается, потому что мистер Уэст находится всего в нескольких футах от нас. В любой момент он может нас застукать, руки Алистера атакуют мою грудь, я выгибаю спину и задыхаюсь, как сучка во время течки.

Я чувствую себя на волосок от смерти, но в то же время такой чертовски живой.

Тяжело сглотнув, Алистер устремляет свои ладони вниз и задрав юбку моего платья, обнажает кружевной верх моих черных стрингов. Я рада, что они темные, надеясь, что уже проявившее себя возбуждение не будет ему так заметно в сумраке шкафа.

— Я чувствую, какая ты влажная, Брайар. Твоя пизда хотела меня в бассейне, и хочет сейчас, а я, блядь, едва к тебе прикоснулся.

Алистер обращается со мной так, будто у меня проблемы. Говорит со мной свысока, одновременно скользя ладонью по изгибу моей задницы.

От этого ощущения мое тело охватывает дрожь, и я перемещаюсь так, чтобы почувствовать, как в меня сзади толкается его член. Я чувствую, как мои губы приоткрываются в безмолвном удовольствии, тело теряет весь имевшийся у него ранее контроль.

И все же мои губы ему не поддаются. Пока нет.

— Пошел ты, Алистер, — сквозь стиснутые зубы шиплю я.

То, как его губы касаются моих губ, становится вспышкой пламени. Возбужденным столкновением языков и зубов. Наши губы сливаются в погоне за страстью и ненавистью. Мне хочется стонать от того, как хорош он на вкус, словно темный шоколад.

Я прикусываю язык, почувствовав, как Алистер прихватывает своими белыми зубами мою нижнюю губу и, пососав ее, отпускает. Я ощущаю во рту металлический привкус крови, сжигающий меня заживо. Мои пальцы цепляются за одежду Алистера, не понятно, от злости или от желания.

— Хватит врать себе, это уже надоело, — говорит он тоном, не терпящим никаких возражений. — Тебе это нужно. Ты этого жаждешь.

Безжалостные пальцы проникают мне между ног, скользя по складкам моей киски, заставляя меня дрожать в его объятиях. Я никогда не чувствовала себя такой маленькой, такой крошечной, как в его мужественных руках. Его сущность поглощает меня и не хочет отпускать.

Я извиваюсь, пытаюсь уловить еле ощутимое трение, которое он создает. Мой рот, моя гордость никогда не дали бы мне признать это вслух. Что он прав.

Что когда я в изнеможении просыпалась по ночам, единственным способом облегчить это было скользнуть пальцами между бедер и двигать ими под мысли о нем. После ночи в бассейне я не могла кончить, не представив перед собой его лицо.

Напряжение внизу живота сильное, но такое приятное.

И я хочу всего этого.

Я смотрю на Алистера в этом тесном пространстве, соприкасаясь с ним губами.

— Борись со мной или трахни меня, Колдуэлл. Мне надоело играть в игры.

Этими словами я намеренно выпускаю на волю разъяренного зверя. Я никогда не чувствовала такой силы, она поглощает меня целиком. Вся моя сила воли направлена против

него.

Два пальца рисуют узоры на моей напряженной плоти, раздвигая губы и растирая мои соки. Ленивыми, целенаправленными движениями он исследует мою влажную киску. Я слышу слабые звуки где-то между бедер, когда Алистер размазывает мою естественную смазку от клитора до ближайшей к нему сморщенной дырочки.

Он играет со мной, дразня меня, и я слышу его хриплое дыхание. Алистер смотрит вниз, наблюдая, как мои бедра трутся о его пальцы, в погоне за кайфом.

Наклонившись вперед, я цепляюсь за раму шкафа и сжимаю ее, чтобы не упасть. Моя голова слегка касается двери, пряди разметавшихся волос, кажется, пробиваются сквозь жалюзи. Мои глаза неотрывно следят за учителем, которому достаточно включить в этой комнате свет, чтобы нас заметить.

Он увидел бы мои покрасневшие щеки и поблескивающую влагу, что стекает у меня между ног прямо к лодыжкам.

Я дрожу в объятиях Алистера, с каждым мгновением мой жар только усиливается. Мелькает секунда ясности, когда он перестает ко мне прикасаться, чтобы расстегнуть молнию на брюках, спустив их настолько, чтобы достать свой член, и тут я спрашиваю себя, какого хрена я делаю.

«Боже, Брайар, что, блядь, ты делаешь?»

Но эта мысль тут же испаряется, как только я чувствую, как его член прижимается к моим складкам, скользит между моих бедер, смачиваясь в моей сладко пахнущей жидкости.

Вены на рельефном члене Алистера касаются самой чувствительной части моего тела, с каждым движением бедер лаская мой клитор. С наших губ срывается прерывистое дыхание.

Я бросаю быстрый взгляд вниз и вижу, как он проникает у меня между ног, как кончик его члена скользит по моему бугорку, показывая, как трудно будет молчать, когда он проникнет сквозь мои плотные стенки. Это самый эротичный опыт в моей жизни.

— Ты боишься? — его голос звучит как гром в моих барабанных перепонках.

Я качаю головой — нет, потому что мне не страшно. Мне жарко. Я схожу с ума от желания. Я помешанная. И чертовски отчаянная, но я не боюсь, впервые будучи с ним, я не боюсь.

С расчетом он тянется вперед и бьет кулаком по стенке шкафа.

Один раз.

Второй.

Третий.

Звук рикошетом разлетается по комнате, заставляя мистера Уэста устремить взгляд в нашу сторону. Он не видит нас со своего стола, но в замешательстве хмурит брови. У него на лице читается желание выяснить, что он только что услышал.

Боже мой.

Что он творит?!

— Алист...

Я чувствую, как его ладонь зажимает мне рот, и он тут же полностью входит в меня. Не дав мне времени опомниться и успокоиться.

Алистер не занимается со мной сексом. Он меня трахает. Он берет каждую мою эмоцию и наслаждается ею.

Моя влага облегчает его яростные толчки, но я все еще чувствую дискомфорт от резких действий. Грег встает из-за стола, мои пальцы впиваются в деревянную раму, а глаза

распахиваются от ужаса.

В жилах леденеет кровь при мысли, что меня могут поймать. Алистер знает, что делает, чего я лишусь, если нас застукают. Думаю, что именно эти мысли и подпитывают его яростный натиск.

От жестких глубоких толчков я пошатываюсь. Я чувствую его повсюду. Меня обволакивает его запах, член проникает так глубоко, что я не знаю, смогу ли когда-нибудь снова почувствовать пустоту.

— Ты боишься? — хрипит Алистер.

Я задыхаюсь в обилии чувств. Все это слишком. Мое сердце бешено колотится от страха, что нас поймают. Поймают не только на том, что мы вломились к нему в кабинет, но и трахались у него в шкафу.

Я понимаю, какими могут быть для меня последствия, если это случится.

Но даже когда мистер Уэст начинает к нам приближаться, я не в силах сказать Алистеру, чтобы он притормозил. Я бы не стала его останавливать, даже будь у меня такая возможность.

У меня в животе все горит, и чем сильнее он в меня вколачивается, тем сильнее разгорается пламя. Короткие, безжалостные толчки, которые, к моему потрясению, никто не слышит. Мои крики заглушает его ладонь, зажавшая мне рот, и как бы я ни хотела, я не могу закрыть глаза. Мне нужно смотреть.

Это похоже на лобовое столкновение. Я просто не могу оторвать взгляд от ужаса. Я должна увидеть, чем все закончится.

С каждым шагом мистера Уэста я все стремительнее приближаюсь к кульминации. Все сильнее чувствую, как член Алистера касается чувствительного места внутри меня. Тем сильнее я насаживаюсь на него, давая ему возможность упереться во что-то твердое.

По моему телу пробегают мурашки, когда я слышу его низкие стоны удовольствия, чувствую, как свободной рукой Алистер уверенно держит меня за бедро. Его губы с нарастающей настойчивостью чертят дорожку к моей шее. Я ощущаю, как он втягивает мой запах глубоко в легкие. Удерживая меня там.

Я хочу кончить.

Хочу этого так сильно, что мне все равно, что меня поймают.

Голова становится совершенно пустой, тело плавится в его крепких объятиях. Все вокруг кружится, мелькают белые пятна, эйфория лижет мне пятки. Мои стенки сжимаются вокруг него все плотнее и плотнее.

— Скажи мне, Маленькая Воришка. Я хочу это услышать. Скажи мне прямо сейчас, блядь.

От сильных эмоций глаза застилают слезы. Алистер убирает руку от моего рта, дав мне свободу звать на помощь или сказать ему то, что он хочет услышать. Я так заведена, что уже готова упасть за грань. Воображаемая резинка у меня в животе натягивается. Поэтому, когда его большой палец находит мой клитор и начинает безжалостно тереть его, я не могу сдержаться.

— Да, я боюсь, — шепчу я слабым голосом, который пугает меня, потому что не имеет со мной ничего общего.

Я достигаю оргазма, когда мистер Уэст берет рукой за ручку двери шкафа. Он вот-вот откроет его и тогда увидит, как я разлетаюсь на миллион кусочков, а Алистер трахает меня сзади. Оргазм накрывает меня с головой, натиск наслаждения вибрирует в каждом дюйме

моего тела.

Липкий нектар амброзии течет по моим ногам, заливая член Алистера. Моя киска конвульсивно сжимается, засасывая его в себя и не желая отпустить. Получив оргазм, я чувствую внутри себя каждый миллиметр его эрекции.

— Блядь, мне нужно вынуть, — голос Алистера напряженный, хриплый и сдавленный. Кажется, он говорит это скорее себе, чем мне.

Его зубы вонзаются в плоть моего плеча, и это не просто милый любовный укус, а такой, от которого у меня щиплет кожу. Алистер еще несколько раз толкается в меня бедрами, а затем легко из меня выскальзывает, и кончает. Мою грудь наполняет еще одна ударная волна удовольствия, когда я слышу на его губах свое имя.

Я невольно задумываюсь, часто ли это происходит. Когда он в душе и дрожит, обхватив рукой свой член, а затем кончает с моим именем на губах.

За гранью экстаза, который я даже не замечаю, мои стоны удовольствия заглушают звук срабатывания пожарной сигнализации. Я спускаюсь с небес на землю и, когда слышу эхо сигнала тревоги, последствия моих действий становятся более реальными. По всему кампусу орут сирены.

Мистер Уэст выругивается, стоя так близко, что, по сути, дышит со мной одним воздухом. Он быстро забывает о грохочущем шкафе и спешит на помощь с очевидным пожаром, спасшим мою честь и репутацию.

Я вырываюсь из шкафа, и чистый воздух без аромата нашего пота и гормонов становится жестоким напоминанием о том, что я только что сделала. Что, если у него гребаное венерическое заболевание? Мы даже не использовали презерватив. Боже, мне не хватало только забеременеть.

Положив руку на грудь, я привожу себя в чувства, и в прилипшем от пота платье поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Алистера.

— Пожалуйста, скажи, что ты чист, — выдыхаю, стараясь не смотреть на него, пока Алистер натягивает штаны, застегивает их и проводит рукой по волосам.

Он вальяжно выходит из тесного шкафа, как будто все это его не волнует. Что-то мелькает в его глазах. Раздражение? Досада?

Алистер вздыхает:

— Я чист.

Меня охватывает облегчение: одна из главных проблем решена. Под вой сирен я подбегаю к окну и вижу, что одно из деревьев в парке охвачено яростным оранжевым пламенем. Огонь свирепствует и шипит, поднимаясь все выше и выше по старому дереву.

— Боже мой, Лира, — вздыхаю я, переживая за свою подругу, которую я оставила с оставшимися тремя психами.

Я готова выбежать из этого кабинета и вернуться в большой зал, где ее оставила. Но я не успеваю это сделать, поскольку меня хватает Алистер, преградив мне путь своей высокой фигурой и удерживая меня за предплечья.

— С Лирой все в порядке, — все человеческое в его глазах исчезает, возвращаются черные бездны, в которых нет места ни для чего, кроме тьмы.

— Да? И откуда ты это знаешь? — парирую я.

У него на лице проступает понимающая ухмылка, превращая его в сногсшибательного злодея, кем он, собственно, и является. У меня все внутри сжимается, Боже, у меня был секс с ним. У меня был с ним лучший секс в моей жизни, и что теперь?

— Оттуда, что это она помогла Руку устроить пожар.

Алистер

— Разве у тебя нет своей собственной комнаты? — откидываюсь я в кресле за столом. — И своей кровати?

Рук поднимает голову с моей подушки и вскидывает брови:

— Я разве не могу потусоваться с двумя лучшими друзьями?

— Тэтчер в душе, а я практически тебя игнорирую. Ты просто не хочешь сидеть один в своей комнате.

— Сайлас на «Кладбище», он хотел пойти один. Мне нужно научиться доверять ему делать что-то самостоятельно, но если я буду сидеть в нашей комнате, не отвлекаясь, то в итоге начну за ним следить, чтобы он не наделал глупостей, — признает Рук и, подбросив над головой свою Зиппо, умело ловит ее, когда она падает обратно.

Я киваю, возвращаясь к лежащему на столе эскизу, мой карандаш вдавливается в бумагу, заштриховывая внешнюю сторону розы, чтобы придать ей больше объема.

— Кстати, о Сайласе, — продолжает Рук и, сев, свешивает ноги с края моей кровати. — О Греге мы позаботимся, знаю. Но что делать с мэром? Мы просто оставим его в живых, зная, что он сделал?

Грифель моего карандаша ломается от силы нажима.

— Это не нам решать, — по-прежнему глядя на рисунок говорю я. — Это дело Си. Мы разберемся с Грегом, вытащим из него все, что сможем, а потом предоставим Сайласу решать, преследовать ли Фрэнка. Это его война. Мы просто солдаты.

Я знал, что, когда расскажу им о том, что видел, мне понадобится минута, чтобы это переварилось. Пусть правда сожжет наши и без того кровоточащие раны. Я знал, что как только мы обнаружим причастность Грега, выясним, был ли он тем, кто ввел наркотики и убил Роуз, Сайлас начнет менять направление.

План состоял в том, чтобы убить Грега, захватить флешку раньше, чем это сделает кто-либо другой, и сохранить ее до того момента, когда мы будем готовы анонимно отправить ее в полицию. Нам нужны замешанные в смерти Розмари, а не секс-группа. Это не входит в наши планы, но мы не можем держать информацию при себе, зная, что пропали другие девушки. Воздав по заслугам, мы предоставим полиции об этом позаботиться.

Мэра Донахью в любом случае ждет возмездие. Будь то от моих рук или от рук тюремной системы, живым ему не уйти.

Последние несколько дней я думал об этом видео часами напролет. Вспоминал, насколько легким для Фрэнка было это решение. Как быстро он выбрал одну из своих дочерей для сделки.

В глубине души я чувствовал себя виноватым.

Я чувствовал себя отчасти виноватым, потому что отношения Розмари с нами, вероятно, были причиной того, что он выбрал ее, а не ее сестру. Сейдж Донахью не входила в наш круг. Если Роуз была не против испачкаться, общаться с людьми с подмоченной репутацией и не обращать внимания на наши выходки, то ее сестра была полной противоположностью.

Сейдж была чирлидершей, любимицей Пондерозы Спрингс, и ее не застали бы рядом с такими, как я. Она не была сукой по отношению к нам, скорее делала вид, что нас не существует. Что было нормально, мы тоже не старались быть с ней приветливыми.

Сайлас говорил, что, когда он приходил к Роуз, Сейдж всегда исчезала. Хотя эти девушки были близняшками с общей ДНК, они казались полными противоположностями. За исключением цвета волос, который был совершенно одинаковым, даже если одна из них любила розовый цвет, а другая его ненавидела.

— Ты бы это сделал? — спрашивает Рук, глядя на меня, плотно сжав зубы. В его голове назревает буря, от которой глаза Рука становятся такими голубыми, что мне кажется, что они светятся.

— Сделал что?

— Ты бы стал выбирать, будь ты Фрэнком? Выбирать между своими детьми?

Я закладываю карандаш за ухо и отодвигаю блокнот. Скрещиваю руки на груди и смотрю в потолок. Кусаю кожу на внутренней стороне щеки.

— Я дал бы Грегу меня убить, но не стал бы причиной смерти одной из моих дочерей.

Продукт семьи, которая с самого начала выбрала, кого из сыновей любить. Не просто небольшая линия фаворитизма, но я даже не участвовал в конкурсе на звание самого любимого ребенка. С юности я сомневался в необходимости своего существования. Если они так ненавидели меня с момента моего появления на свет, зачем им вообще было меня рожать?

Если Дориан удался таким идеальным, зачем вообще было заводить еще одного ребенка? У них же все отлично получилось с первой попытки, верно?

В этом городе секреты имеют свойство к вам подкрадываться, и ответ на этот вопрос не был исключением.

Даже будучи общепризнанным злодеем, я бы все равно пожертвовал собой, но не причинил бы вред дорогому мне человеку.

Стук в дверь останавливает этот разговор еще до того, как тот успевает начаться.

— Это, наверное, Сайлас, — объявляет Рук, спрыгивая с кровати, чтобы открыть дверь.

Хотя зачем ему стучать? Разве он не мог просто войти?

Дверь медленно открывается, высокая фигура Рука загораживает от меня коридор, поэтому я слышу только голос.

— Так-так-так, я знал, что ты рано или поздно постучишь в дверь дьявола, — отсюда я практически вижу ухмылку на его лице.

В комнату проникает язвительный голос Брайар, еще больше возвращая меня в реальность.

Рук поворачивается ко мне и указывает большим пальцем за спину:

— Это к тебе, чувак.

Я делаю вдох, поднимаюсь со стула и иду к приоткрытой двери. Я обхватываю пальцами верхнюю часть, открываю ее и опираюсь на раму, глядя на Брайар.

Ее глаза прикованы к моей обнаженной груди, она впитывает меня всего, татуировки, которые она не видела раньше, все это, и я не против.

Это позволяет мне открыто ее разглядывать, ее прямые джинсы, которые она все время носит, полосатую рубашку с длинными рукавами, разрезанную у пупка и обнажающую ее живот. Интересно, сколько парней в этом общежитии смотрели именно на этот участок кожи, пока она шла к моей комнате?

Я сжимаю пальцы на двери:

— Закончила пялиться? — вышло резче, чем я хотел, но ладно.

— Да, эм, да, я просто... крутые татуировки, — она пытается прикрыть свой вопиющий

трах глазами, но безуспешно.

Я смотрю на свою грудь, на единственный рисунок у меня спереди, кроме монеты на нижней части живота. Череп барана и шипы я придумал сам, а Шейд удостоился чести набивать ее на протяжении семи часов.

— Спасибо, — ворчу я, — Ты здесь по какой-то причине? Или тебе просто нравится оказываться там, где не следует?

Я приподнимаю бровь, наблюдая, как Брайар раскачивается взад-вперед на своих каблуках.

Она оглядывает коридор, убеждаясь, что вокруг никого нет:

— Я просто хотела сказать тебе спасибо.

Из-за плохого освещения в общежитии ее глаза выглядят тусклыми.

Я понимаю, за что она меня благодарит, но все равно решаю быть засранцем.

— За то, что заставил тебя кончить? Не стоит благодарности, — я не борюсь с улыбкой, когда Брайар заливается румянцем. Ее круглые щеки краснеют.

— Я не это имела в виду, и ты это знаешь, — шипит Брайар. — Я благодарю тебя за Аду.

Я вздыхаю, выхожу в коридор, закрываю за собой дверь и опираюсь на нее спиной. Мои руки скрещены на груди. После того как мы выскочили из кабинета Грега, я имел честь объяснить ей, что перед тем, как мы трахнулись в шкафу, я написал Руку, чтобы он сделал что-нибудь, чтобы помочь нам оттуда выбраться.

Я не знал, что он сожжет растущее во дворе дерево, но это помогло. Бедная Лира стала соучастницей поджога только потому, что пыталась вырвать спичку из рук Рука и смахнуть пламя с бензина, от которого оно загорелось. Это также стало причиной моей уверенности, когда я чуть не выдал нас, трахая Брайар. Я не смог бы найти более удачного времени, но даже если бы нас поймали, я бы не беспокоился.

Грег Уэст в моей книге был уже мертв, что он мог сделать со мной или Брайар с глубины шести футов?

— Не делай из мухи слона.

— Но это... знаешь, что, — она поднимает руки, будто таким образом останавливая разговор, и тянется в карман. — Это не имеет значения. Я просто хотела вернуть это, своего рода перемирие.

Она протягивает мне ладонь и свет падает на мое кольцо.

Я, блядь, знал, что оно у нее.

После кабинета, после секса, после последствий. Мучения с ее дохлой крысой были не нужны. У меня было на нее столько компромата, что, если бы Брайар решила заговорить, я бы ее уничтожил. Поэтому не было ничего страшного в том, что я вернул тупого грызуна.

Мне следовало с самого начала его убить, это было бы проще, чем покупать припасы и еду для этой чертовой твари. Гребаной твари, которая кусала меня в первые три дня, когда я поселил ее в своей комнате в общежитии.

Пока Тэтчер был на занятиях, я устроил с белой крысой настоящий спор о том, что ей лучше собраться с духом, иначе мой сосед по комнате сдерет с нее шкуру. Я не соврал, когда сказал, что уже позволил Тэтчеру содрать шкуру с животного, кажется, с белки. Вот что мы использовали для записки на двери их общежития.

— Теперь мы друг от друга отмылись, — заканчивает Брайар, ожидая, что я заберу у нее украшение. — Ты иди своей дорогой, а я пойду своей.

Я чуть было не смеюсь: мы друг от друга отмылись?

В том шкафу мы явно занимались чем-то совсем другим. Я выпачкал в ней свои руки и член. Мои пальцы, губы были покрыты ее запахом. После душа мой член стал еще тверже. Стоя под обжигающе горячей струей воды, я чувствовал, как меня окутывает ее запах, что очень облегчало мою дрочку.

Я был ею выпачкан.

Отмыться было невозможно.

Не сейчас.

— Знаешь, что видят люди, когда смотрят на тебя, Брайар?

Вопрос застаёт нас обоих врасплох.

Брайар отшатывается, закатывая глаза:

— Не могу дождаться, чтобы это услышать.

Я наклоняюсь к ней, убираю ей за ухо прядь ее волос, и мой взгляд скользит по ее тонкой шее, к плечу, где, вероятно, остались следы моих зубов.

— Ничего. Они ничего не видят, — бормочу я.

Реакция Брайар оправдана: она отдергивает мою руку, стискивает зубы и встает в оборонительную позицию, уже жалея, что пришла сюда протянуть мне оливковую ветвь.

— Это так мило с твоей стороны, Алистер. Правда, спасибо, что напомнил мне, какой ты кусок дерьма.

Я даю ей от меня уйти, ровно настолько, чтобы Брайар почувствовала себя увереннее, и следую за ней. Я иду уверенным шагом, зная, что в конце концов ее догоню.

— Они видят мусор, — продолжаю я. — Отбросы.

Эти слова, кажется, подталкивают ее идти быстрее, Брайар берет за перила и спускается по ступенькам. Я следую за ней по пятам, чтобы она слышала каждое мое слово.

— Девочку из ниоткуда, которой здесь не место. Невидимку без цели, без будущего.

Мои слова резкие.

Но они честны.

Учителя не видят в ней потенциала, как в других учениках. Они смотрят на нее так, как будто Брайар уже достигла всего, чего только можно достичь в жизни. Ей достаточно просто быть здесь. Они не считают ее умной или талантливой.

Они даже ее не видят.

Брайар резко поворачивается, в ее глазах отражаются разочарование и боль. Несмотря на то, что она остановилась, я не останавливаюсь. Я продолжаю идти на нее, шаг за шагом, пока она не прижимается к моей груди.

Пока ее спина не упирается в стену, и я не чувствую ее запах.

— Я просто хотела, чтобы это закончилось, Алистер. Зачем ты мне это говоришь? Зачем ты это продолжаешь? — в ее голосе слышится надлом, она ищет в моих глазах ответы.

Я стискиваю зубы, мое лицо бесстрастно. Ей ничего во мне не разглядеть.

— Могу я тебе кое-что сказать? — я полностью игнорирую ее вопросы.

— Нет.

Не слушая ее, я хватаюсь за петли для ремня и, подцепив их пальцами, медленно притягиваю Брайар к себе. Мы с ней дышим одним воздухом, наши носы соприкасаются.

— Они точно так же смотрят и на меня, — грубо шепчу я.

Я происхожу из очень богатой семьи, и ко мне все равно относятся так же, как к девушке, у которой практически ничего нет. Это не имеет никакого отношения к деньгам, а

к тому, что у нас внутри.

— Они смотрят на меня, как на ничтожество. С годами я понял, что мне это нравится. Мне нравится быть человеком, которого задвигают в тень.

Мы прижимаемся друг к другу бедрами, и глаза Брайар загораются страстью. Моя правая рука покоится у основания ее горла, пальцы слегка обвиваются вокруг шеи. Под ладонью я чувствую биение ее пульса, быстрый ритмичный стук.

Я провожу языком по нижней губе, задевая при этом ее губы:

— Мне там нравится. В тени мы можем делать все, что захотим. Там мое место. Наша невидимость не делает нас слабыми, Маленькая Воришка.

Давление моей руки усиливается, с губ Брайар срывается стон.

— Она дает нам силу.

Взгляд ее глаз испытывает мой самоконтроль, это взгляд потребности. Брайар хочет, чтобы я ее поцеловал. Чтобы целовал ее губы, шею, сладкое место между плечом и горлом, ее большие сиськи, изгиб позвоночника. Она хочет, чтобы я был на ней, внутри нее.

Мы никогда больше не сможем очиститься друг от друга.

Я хочу, чтобы мои слова впитались ей в кожу. Проникли в ее организм, чтобы она поняла, какой вред она может нанести, когда осознает, что темные и извилистые части ее самой не являются чем-то, что нужно прятать. Они должны быть тем, что двигает ее вперед.

Только так она сможет выбраться отсюда живой.

Я ослабляю хватку, отталкиваюсь от стены, чтобы увеличить расстояние между нами, мой член ненавидит меня за то, что я лишил его ее тепла.

Я стою там еще мгновение, смотрю на Брайар, на то, как поднимается и опускается ее грудь. Как ее покрасневшие щеки делают ее еще более невинной, чем она есть на самом деле. Было бы так легко взять ее прямо здесь, в этом коридоре.

Вместо этого я разворачиваюсь, заставляя себя идти обратно в мою комнату в общежитии, где Рук и Тэтчер, вероятно, пытаются подслушать нас через дверь с помощью стеклянной кружки.

— Подожди, Алистер, подожди.

Я останавливаюсь, дав ей слово, но только на секунду, и она это знает.

— Я хочу знать, — вздыхает Брайар. — Я хочу знать, что делает тени такими замечательными. Я хочу, чтобы ты мне показал.

Мои кулаки сжимаются, по венам проносится огонь, в крови бурлит возбуждение. Я прикусываю язык, сдерживая улыбку.

Я знал, кто такая Брайар. Я знал, кем она была и кем может стать, как только увидел ее на той вечеринке. Я знал, какой вред она может причинить этому месту.

Теперь пришло время ей самой в этом убедиться.

Брайар

Я вхожу на бетонный стадион, сотрясаемый ревом двигателей. Пропитанный запахом жженой резины и травы. Когда мы поднимаемся со стоянки у подножия небольшого холма и видим, что возвышающиеся огни на этом месте все еще работают, я поражаюсь. Полагаю, они снова заработали благодаря деньгам чьих-то родителей. В ночи звучит андеграундный рэп и дэт-металл.

Публика, выглядящая не старше четырнадцати, курит сигареты в центре дорожки, и даже те, которым на вид около тридцати, сбиваются в кучу, делая ставки на мчавшихся по потрескавшейся и разбитой трассе психов.

«Кладбище» оказалось таким, каким я его и ожидала увидеть.

Хаос. Беспорядок. Бунт.

— Почему полиция еще его не закрыла? — пытаюсь перекричать это безумие, спрашиваю я Лиру, которая ведет меня к ряду открытых бетонных сидений.

Они расположены не слишком далеко, так что нам оттуда все довольно хорошо видно. Включая находящийся в центре стадиона импровизированный боксерский ринг. Это большой участок земли посреди травы, на котором перестала расти зелень, поскольку на ней долго топтались.

Я содрогаюсь, увидев, как подросток моего возраста падает на землю после удара коленом в лицо.

Если бы нечто подобное произошло в моем маленьком городке в Техасе, тут бы уже был шериф с половиной полицейских округа.

— Они знают, что ничего не смогут с этим сделать. Невозможно арестовать всех, кто здесь находится, и даже если это удастся, у большинства здесь достаточно денег, чтобы освободиться от наручников еще до того, как их оформят. Это бессмысленно.

Ночной воздух прохладный, и я мысленно благодарю себя за то, что оделась потеплее. Мягкий материал толстовки в паре с накинутым поверх нее длинным пальто на пуговицах прекрасно справляются со своей работой, согревая меня.

Мои неутепленные Конверсы, напротив, никак не помогают, и я уверена, что мои ноги отмерзнут еще до конца вечера.

Сунув руки в карманы, чтобы согреть пальцы, я вижу, как на стартовой линии выстраиваются две машины.

— Дамы, господа, шлюхи и ублюдки, добро пожаловать на «Кладбище»!!!

Что ж, это приятно, думаю я, когда окружающая толпа начинает гудеть и кричать. От хлопков в ладоши, улюлюканья и кричалок во мне нарастает возбуждение. Ударив меня по плечу, Лира присоединяется ко всеобщему ликованию и воодушевляет меня.

— Как всегда, если вы участвуете в гонках, то уже должны ждать в одной из ям. Пожалуйста не ходите по трассе во время соревнований, сегодня вечером у меня нет никакого желания соскрести с асфальта мозги, — объявляет кто-то шутливым тоном, от чего толпа аплодирует еще громче.

Это должно всех напугать, но только еще больше раззадоривает.

Первые машины с жаром заводят свои двигатели, моторы урчат. Первые тридцать минут мы, аплодируя, смотрим, как по трассе проносятся автомобили от Мустангов до Феррари.

Мы даже не в курсе, за кого болеем, но знаем, что это весело.

Я бы соврала, сказав, что в перерывах между гонками не ищу Алистера. Его фирменной кожаной куртки нигде не видно, как и его друзей, по крайней мере, пока.

Мое любопытство не позволяет мне оставить все как есть. Оставить его в покое.

Я явилась к нему в общежитие с планом. Поблагодарить его за то, что он не убил мою крысу и вернул ее целой и невредимой, на самом деле она показалась мне даже более упитанной, что означало, что он ее слишком много кормил, но я подумала, что это было довольно мило.

Я вернула кольцо, и мы разошлись в разные стороны.

Он знал, что я не причастна к смерти Роуз, убедился в том, что я не буду болтать о Крисе, и мы сняли нараставшее между нами сексуальное напряжение. У нас не было причин поддерживать связь.

Мне нужно было с ним покончить.

Затем он сделал то, что Алистеру удастся лучше всего. Он меня подстегнул. Заманил.

Мой мозг не хотел иметь с ним ничего общего. Он знал, что Алистер своими действиями не принесет мне ничего, кроме неприятностей и боли. Но мое любопытство, мое тело — хотели большего.

Втайне мне также хотелось узнать, что они задумали. Понять, почему они так тщательно расследовали смерть Роуз и как это привело их в офис мистера Уэста. И если они не собирались ничего рассказывать, я бы рассказала, потому что, кроме Роуз, явно пропало еще много девушек, и мы не могли позволить вот так просто их продать.

Я вижу, что у входа на стадион появляется Тэтчер; его светлые волосы блестят в лунном свете. В ногу с ним идет Сайлас, впервые за все это время, опустив капюшон.

Девушки сразу же обращают на это внимание, как и я.

Серая шапочка в сочетании с тонким колечком в носу, которое я только что заметила, зажатая в губах сигарета, и облегающая, не скрывающая ничего белая тренировочная майка.

Я думаю о том видео, о том, как ужасна, должно быть, затаенная в нем боль. И хотя у меня нет повода их жалеть, даже несмотря на то, что они сущий ад, Сайласа мне жаль.

Им требуется минута, чтобы оглядеть толпу, как я думаю, в поисках мест, где бы сесть, и тут взгляд Тэтчера останавливается на мне.

Мне потребовалось бы много усилий, чтобы ему посочувствовать. Даже из вежливости перед Алистером я не могу терпеть Тэтчера Пирсона. Может, это из-за его отца, может, потому что на нем так сказывается его репутация. Как будто тот факт, что его отец отнимает у людей жизни, никак его не волнует.

И хотя он не знает, кто для него Лира, я все равно ненавижу то, как он на нее смотрит.

Он поднимается по лестнице, направляясь прямо в нашу сторону. Я напрягаю спину, готовясь к неизбежной надвигающейся на меня войне оскорблений.

— Дамы — воркует Тэтч, проскользнув в ряд позади нас и потирая от нетерпения руки. — Кто готов к небольшой кровавой бане?

— Думаю, тебе не повезло, Дамер¹⁶. С тех пор, как я сюда приехала, что-то не заметила тут много крови, — усмехаюсь я, оглянувшись через плечо и одарив его саркастической улыбкой.

Тэтч возвращает мне похожую гримасу:

— Это просто потому, что еще не дрался Алистер. Когда он выходит на ринг, всегда льется кровь.

Сайлас молча сидит рядом с ним, попыхивая коричневым концом сигареты, а я смотрю на него дольше, чем хотелось бы. Мы сидим и смотрим друг на друга, но тут он лезет в карман, достает пачку раковых палочек и протягивает их мне.

Думаю, он решил, что я поэтому сверлила его взглядом.

Я качаю головой:

— Я не курю, хотя спасибо.

— Это, похоже, единственное, что у нас общего, — добавляет Тэтчер.

— Ты не куришь? — спрашивает Тэтчера Лира, заводя разговор с волком в овечьей шкуре, как будто он не из тех самых устрашающих красавцев, которыми были все успешные серийные убийцы.

Тэтчер смотрит на нее, наклонив голову, словно любуясь ребенком, и я машинально к ней прислоняюсь. Чувствуя необходимость защитить ее от него.

— Лира, дорогая, я не верю в медленное самоубийство. Серьезно, если ты соберёшься это сделать, — он проводит большим пальцем по горлу, облизывая клыки, потому что мысль о крови, видимо, разжигает в нем аппетит. — Делай это быстро.

— Сын весь в отца, — резким, как бритва, тоном говорю я.

Тэтч переводит взгляд с Лире на меня. Как будто его убивает то, что ему приходится от нее отвлекаться. У каждого из них есть свое слабое место, что-то, что заставило их переступить черту, и у Тэтчера это его отец.

Ледяной взгляд пронзает моё каменное выражение лица, и на мгновение мне кажется, что он может меня убить. Губы Тэтча превращаются в злобную улыбку, схожую с улыбкой Хита Леджера в «Темном рыцаре», и у меня холодеет кровь.

Тэтч внушает мне страх, потому что я знаю, на что он способен за воротами Холлоу Хайтс. Он закончит здесь школу, унаследует компанию, женится на скучной, симпатичной женщине и заведет троих детей. Он будет жить нормальной жизнью, с богатыми друзьями, гольфом по субботам и поздним завтраком по воскресеньям. Только вот по ночам у себя в подвале, где, по мнению его жены, он работает над мелкими проектами, Тэтч будет пытаться невинных людей. Его никогда не заподозрят, это всеми обожаемый человек, но у него есть мерзкая черта характера.

Его никогда не поймают. Потому что он сногсшибательный, но в два раза круче.

— Нет, милая. У моего отца не было определенных предпочтений, ему просто хотелось оборвать как можно больше женских жизней. Ну, знаешь, проблемы с мамочкой и все такое, — шутит он.

Тэтч наклоняется ко мне, его лицо совсем близко к моему. Мое сердце колотится в груди, снова и снова, а он поднимает указательный палец и наматывает на него прядь моих золотистых волос. Меня начинает мутить.

— Мне нравятся брюнетки, и я предпочитаю с ними не торопиться. Медленно пускать им кровь, резать их. Расчленёнка просто, — он судорожно и глубоко вдыхает. — Меня заводит.

На этом расстоянии я чувствую его терпкий аромат, как в лесу после дождя.

Глаза Тэтча темнеют, и он так сильно наматывает себе на палец мои волосы, что у меня начинает жечь кожу головы.

— Я терплю твои безвкусные, идиотские комментарии, только потому что Алистеру нравится с тобой возиться, и он ясно дал понять, что никто другой к тебе не прикоснется, но, если ты встанешь у меня на пути, я убью тебя, а после переkraшу тебе волосы.

Под заглушающий все вокруг рев мотоцикла Тэтч откидывается на сиденье, и у меня от волнения пересыхает в горле. Мне требуются все мои силы, чтобы сглотнуть. Похоже, Тэтчеру надоел наш балаган, я перешла с ним слишком много границ.

Я разворачиваюсь лицом к дорожке, чувствуя себя неудобно из-за того, что он у меня за спиной. Я понятия не имею, что он там делает. Планирует подстричь меня ножницами, порезать мне спину.

— Ван Дорену лучше не проигрывать. Я поставил на этого ублюдка, — жалуется своей девушке какой-то стоящий перед нами парень, а я смотрю в сторону выстроившихся гонщиков.

Оба они сидят на спортивных мотоциклах в ожидании зеленого сигнала, их ноги твердо стоят на земле. Я почти сразу узнаю черный мотоцикл Рука. Каждое утро, сидя на занятиях, я слышала, как он въезжает на школьную парковку, а потом, посмотрев в окно, видела, как он опаздывает.

— Как Рук вообще видит в этой штуке? — спрашивает меня Лира, рассматривая его: черные джинсы, черная толстовка с оранжевым пламенем на рукавах. Его шлем матовый, лицевой щиток отражается в ночи, и не уверена, что через этот козырек вообще проникает свет.

— Удача? — с сомнением отвечаю я.

Висящий между мотоциклистами светильник в форме елки мигает от красного к желтому; я задерживаю дыхание, глядя, как Рук вращает запястьями, чтобы завести двигатель, и от этого звука у меня гудят барабанные перепонки.

Когда сигнал становится зеленым, Рук отпускает сцепление и, толкнувшись вперед на безумно высокой скорости, поднимает обе ноги, чтобы опереться на педали, в то время как шины разъедают бегущий под ним асфальт.

Вой мотора прекрасно сочетается с всеобщим ликованием, и когда мои глаза начинают следить за ним по треку, я замечаю на чьей-то спине в центре стадиона большую татуировку в виде черепа.

В поросшем травой центре поля, где всю ночь проходили бои, стоит Алистер. Вокруг него и его противника собралось небольшое скопление людей. Я люблю его фигурой без рубашки, тем, как при каждом вздохе напрягаются его мышцы, и поблескивает в ночи потное тело.

Мое внимание полностью переключается с Рука на него.

Даже когда слышу, как по кругу проносятся мотоциклы, создавая в моем сознании эффект торнадо.

Я не могу оторвать от него глаз. Есть что-то будоражащее в том, чтобы за ним наблюдать.

Противник Алистера превышает его и ростом, и весом. Человек со стволами деревьев вместо рук и зданиями вместо ног, разница в весовых категориях кажется мне несправедливой. Один удар в лицо, и Алистеру раздробит челюсть.

Но то, как он двигается, не дает противнику даже шанса скользнуть по его телу. Ловкий и быстрый, он уворачивается от монстра, парируя нижней частью тела удары, от которые раскрошились бы ребра.

Они кружат друг вокруг друга, как животные, готовые к нападению, не сводя глаз друг с друга, не позволяя себя обойти. В поле зрения появляется лицо Алистера, и он стремительно наносит правый хук, от чего вся толпа вокруг него трепещет.

Я даже не смотрю, как падает его противник. Я почти ничего не вижу, когда Алистер, воспользовавшись возможностью, начинает наносить ему в лицо удар за ударом, зарывая его головой в землю.

Кровь заливает обнаженную грудь Алистера. Наблюдающие за ним зрители не могут отвести взгляд, на их лицах застыл ужас. Если он продолжит в том же духе, то убьет этого человека.

Но все, на чем я могу сосредоточиться, это на линиях его лица, изгибе бровей и губ.

Я никогда не видела, чтобы кто-то был так разгневан, но при этом так необыкновенно красив.

Этот расплавленный гнев, что разливается по его телу, вытекая из всех пор, затмевая собой все остальное. Жестокий вулкан человеческой ярости, испепеляющий всех, к кому он прикасается, но вы все равно стоите, поражаясь невероятности природы, даже когда она сеет хаос.

Бог гнева.

Вот причина, по которой я появилась.

Чтобы Алистер напомнил мне о той частичке меня, которую я оставила в Техасе, о частичке, которая, как мне казалось, должна умереть, чтобы добиться успеха в таком месте, как Пондероза Спрингс. Частичке, которой нравились пробуждающиеся во мне ощущения, когда я смотрела, как Алистер причиняет кому-то боль. Тот, кто преуспел в таких трудностях, о которых большинству людей было страшно и подумать.

Мне больше не нужно быть воровкой, но это не означает, что я должна отказаться от этого образа жизни. Не означает, что я должна довольствоваться скучным существованием без приключений.

Чьи-то руки отрывают Алистера от лежащего на земле здоровяка. Чтобы его остановить, требуется семь человек. Даже тогда все выглядит так, будто его удалось остановить, он при желании все равно мог бы продолжить, пока его не принялась бы оттащить вся эта толпа.

Однако тут почти всех отвлекает Рук: его победный круг состоит из того, что он отрывает от земли переднее колесо своего мотоцикла, поставив его в вертикальное положение. Когда он на полном ходу ставит обе ноги на заднюю часть сиденья и выпрямляется прямо на мотоцикле, Лира заслоняет ладонями лицо.

Когда я оглядываюсь в поисках Алистера, его нигде нет.

Ночь становится прохладной, и мы сидим здесь еще тридцать минут, наблюдая за гонками и драками. К этому моменту почти все уже в стельку пьяные. Как только мы с Лирой встаем, чтобы уйти, то же самое делают Тэтчер и Сайлас.

— Вы нас преследуете? — подозрительно вскидываю я бровь.

— Совпадение, — отвечает Тэтчер.

Мы вчетвером выходим со стадиона, причем они идут в другом направлении. Мы останавливаемся, чтобы сходить в туалет, а потом пройти к машине Леры. Прогулка недолгая, мы разговариваем, чтобы согреться.

В нескольких футах от нас на одном из парковочных мест я вижу ее машину, а недалеко от нее прислонившегося к капоту своего автомобиля и разговаривающего с друзьями Алистера. Я замечаю, что костяшки его пальцев покраснели, и некоторые из них кровоточат. Он все еще без рубашки, поэтому на него трудно не пялиться.

Я знаю, что должна игнорировать его и просто сесть с Лирой в машину, что должна просто уехать, но не могу. Что-то внутри меня не позволяет мне уйти, не сказав ему что-

нибудь.

— Я сейчас вернусь, — говорю я Лире и, обойдя ее машину, направляясь в его сторону.

Первым меня замечает Рук, от проступившей у него на лице ухмылки, у меня возникает желание дать ему в морду. Румянец окрашивает мои щеки, когда я думаю, рассказал ли им Алистер о том, что мы сделали? О Боже, неужели они все знают, что мы сделали?

Я внезапно чувствую себя в этом ночном воздухе еще более незащищенной, и у меня возникает сильное желание поджечь хвост и не рисковать, но я не могу этого сделать, поскольку один из них меня заметил.

Они поворачиваются ко мне, мы все стоим и смотрим друг на друга, и это самые неловкие пятнадцать секунд в моей жизни. Я отказываюсь даже смотреть в сторону Алистера, поскольку знаю, что он наверняка ухмыляется.

— Что ж, это нам знак, парни, — Рук хлопает их по спине и смотрит на Алистера. — С Днем рождения, чувак.

С Днем рождения?

Они уходят, а я прячу руку за спину, нервно хватаясь за толстовку,

— Сегодня твой День рождения? — кажется, это лучший способ вступить с ним в разговор.

Я не могу начать со слов: Эй, я тут возбудилась и разволновалась, глядя, как ты бьешь кого-то по лицу, потому что, по ходу, меня заводят опасные вещи.

Алистер кивает и, нажав на своем телефоне кнопку, показывает время:

— По крайней мере, по состоянию на три минуты назад.

— И у тебя не будет вечеринки с друзьями и половиной города?

Это шутка, которая должна была поднять ему настроение, но, видимо, не удалась.

Алистер хватается свою футболку, натягивает ее через голову, а затем смотрит мне в глаза:

— Я его не праздную.

Его тон ровный и серьезный.

— Да ладно, тебе сколько, девятнадцать? По закону ты не должен ненавидеть свой День рождения, по крайней мере, до сорока.

Алистер усмехается, с его губ срывается короткий смешок:

— День рождения — это когда празднуют день, когда ты появился на свет, верно?

Я киваю.

— Зачем мне его праздновать, если я совсем не рад своему появлению на свет?

Загадка того, кем на самом деле является Алистер Колдуэлл под всей своей бравадой, продолжается. У меня были о нем только отрывочные сведения, которые я получила, наблюдая за ним с плохой стороны.

Я знала, что он злой. Что до смерти предан этим трем парням. И когда заходила речь о его семье, он этого избегал.

У меня было дерьмовое, тяжелое детство, но я никогда не хотела покончить с жизнью. Никогда не хотела исчезнуть. Чтобы этого захотеть, нужна причина, и причина чертовски веская.

Алистер — загадка, а для любопытной девушки — криптонит.

— Татуировка у тебя на бедре. Я видела ее раньше, у Сайласа тоже есть такая, не так ли? — меняю я тему, надеясь раздобыть еще один недостающий кусочек головоломки.

Алистер медленно приподнимает нижнюю часть футболки, показывая монету со

скелетом. Я прищуриваюсь, читая написанные сверху и снизу слова.

— Прими меня, паромщик Стикса, — читаю вслух я.

Мои пальцы машинально тянутся к чернилам на его коже.

— Это обол Харона. Во многих культурах существуют мифы о том, что нужно иметь монету, чтобы заплатить паромщику, который перевозит души из страны живых в страну мертвых. Вот почему некоторые люди кладут монеты на глаза людей, когда те умирают.

— Как река Стикс в греческой мифологии, — отдергиваю я руку. — Так почему у вас всего по одной? Сомневаюсь, что, когда придет время, у кого-то из вас не хватит монет.

Алистер опускает рубашку, снова прикрыв татуировку:

— У нас у всех по одной. Так мы сможем встретиться снова. Даже после смерти.

Я никогда раньше не видела такой верности, как у них. Я о ней слышала, когда люди говорили о преданности, то определяли ее именно так, но на самом деле никто из них так не поступал. Так, как они.

Они готовы умереть друг за друга в мгновение ока, и это видно во всем, что они делают. Как будто их осколки идеально сочетались друг с другом. Они могли совершенствоваться вместе в темноте, защищая друг друга там, где никто не причинит им вред.

Я думаю о том, как жаль, что он ничего не делает на свой День рождения. Такой юный, с большими возможностями. Каждый год родители устраивали мне вечеринку в трейлерном парке, все собирались вместе, чтобы поесть. Была музыка и горки. Не Диснейленд, конечно, но для меня этот день был особенным.

Никто не заслуживает того, чтобы ненавидеть день своего рождения.

Даже Алистер.

— Пойдем, замутим что-нибудь, — предлагаю я, и он таращится на меня как на шута.

— Что замутим? — ухмыляясь, Алистер проводит языком по зубам, словно задумал что-то нехорошее, и я пропускаю сквозь себя это волнение, не пытаюсь его остановить.

— Все, что хочешь. Это твой День рождения, ты должен насладиться хотя бы одним из них, прежде чем использовать эту монету.

— Я же сказал, что не праздную, — его дыхание веером пробегает по моему лицу, когда я делаю шаг ему навстречу.

— Да, и мне все равно. К тому же ты мой должник, — у меня на лице проступает ухмылка.

Я не знаю, во что мы ввяжемся, но уверена, что мне это понравится.

— Что я могу быть тебе должен, Брайар? — нараспев произносит мое имя Алистер, и мне нравится, как оно перекачивается у него на языке, особенно когда он вскидывает брови, поддразнивая меня.

Медленно, я поднимаю вверх средний палец, показывая отмеченные на моей коже инициалы.

— Ты у меня в долгу за то, что испортил мне мой первый опыт татуировки. Так что в действительности дело даже не в твоём Дне рождения, а в том, что ты заглаживаешь передо мной свою вину.

С его губ срывается смех, похожий на раскаты грома. От этого резкого звука у меня перехватывает дыхание, и внутри все трепещет от того, как сильно он мне понравился.

И этот звук мне хочется услышать еще.

Алистер

Я никого раньше не приводил в этот дом, кроме парней, да и они не оставались здесь надолго. Я не знаю, зачем вообще привел сюда Брайар, не было никакой причины сюда приходить. Не было причин показывать ей дом, потому что, прежде всего, это не было похоже на дом.

Может, какая-то часть меня хотела показать ей, что я приобрел за все это богатство.

Огромный дом, внутри которого пустота. Ни любви, ни тепла.

Здесь только дорогая мебель и вычурные светильники.

— Здесь мог бы поместиться весь город, в котором я выросла, — говорит Брайар, глядя на кухню, пока я промываю теплой водой окровавленные костяшки пальцев.

Она обводит ее взглядом, пробегая пальцами по всему, что стоит на кухонной стойке, а я прислоняюсь к дверному косяку, гадая, о чем она думает.

— Это мило, но...

— Не то, что ты ожидала?

Брайар кивает:

— Предполагается, что твой дом — это место, где ты можешь самовыражаться. Никаких семейных фотографий, ничего ласкающего душу, это, — крутится она, вытянув руки. — Похоже на дом для показов. Нет ощущения, что здесь кто-то живет.

Мне смешно от того, насколько иронично это звучит.

— Это жилище. Не дом, — честно говорю я.

— Поэтому ты их ненавидишь? Поэтому ненавидишь свою семью? — не глядя на меня, спрашивает Брайар, вероятно, шокированная собственной смелостью от того, что задала мне такой вопрос.

— Я ненавижу их не за то, что они относятся ко мне как к чужому. Я презираю их в первую очередь за то, что они меня завели, за то, что завели сына, хотя знали, что будут ненавидеть до конца его жизни.

Я чувствую, как она медленно пытается размотать обвившихся вокруг меня змей. Найти способ еще глубже проникнуть в мою голову, мне под кожу.

— Ты не можешь так говорить. Должно же быть что-то хорошее, родители не просто так с рождения презирают своих детей, Алистер. Должна быть причина.

Мои кулаки начинают жаждать насилия. Я смотрю на стекающую по стоку в раковину смытую кровь.

Наивная.

Вот кто она.

Даже Брайар, девушка, выросшая среди нищеты, считая, что, возможно, видела все плохое, что есть в мире, все равно наивна в отношении жестокости людей.

Вот что я хочу ей сказать. Не у всех есть причины совершать дерьмовые поступки. В мире есть ебанутые люди, просто потому что они могут такими быть.

— Мы не будем это обсуждать, — заканчиваю я наш разговор. Не хочу, чтобы она докапывалась до меня больше, чем уже докопалась.

— Ладно, тогда, — тихо бормочет она. — Где здесь туалет?

Указав ей нужное направление, я беру свой телефон, чтобы проверить сообщения от

парней.

Сайлас прислал нашу детскую фотографию, которую сделал его отец после того, как мы весь день стреляли друг в друга из нерфа. Нам на ней лет восемь или девять. У Рука еще длинные волосы, наши лица уже повзрослевшие, но это все еще мы. У меня в голове не было ни одного счастливого воспоминания, частью которого не были бы эти парни. Без них не было ничего хорошего, даже несмотря на все плохое.

Он быстро добавил: «С ДР».

Тэтчер высказал замечание о том, что я все еще одеваюсь как восьмилетний ребенок, на что я ответил эмодзи в виде среднего пальца.

В коридоре раздается звук работающего душа, а затем громкий треск, и я тут же прихожу в состояние повышенной готовности. Дориан с родителями на выходные уехал в Сиэтл на какую-то конференцию. В противном случае, Брайар бы и шагу не ступила на эту территорию, даже если бы я захотел показать ей реальность того, что здесь происходит.

Поэтому мой вопрос заключался в том, что, черт возьми, она делает?

Я иду в ванную, дверь слегка приоткрыта, ровно настолько, чтобы проникал свет.

— Невежливо принимать в чужом доме душ, не пригласив туда хозяев, — громко говорю я.

Не услышав ответа, я быстро открываю дверь и обнаруживаю, что ванная комната пуста, даже в стеклянном душе нет человека, который был здесь несколько минут назад.

Какого хрена?

Только увидев зеркало над раковиной, я узнаю, где находится моя пропавшая гостья.

«Найди меня».

Это написано на запотевшем стекле красивым, изящным почерком, от которого меня охватывает волнение.

Это и есть та игра, в которую хотела сыграть Брайар? На моей территории?

Какой глупый поступок для такой умной девушки.

Я выключаю душ, иду обратно на кухню, чтобы бросить куртку с телефоном на кухонный остров и начать поиски. Я знаю, что она не поднималась по лестнице, потому что, чтобы попасть в фойе, ей пришлось бы пройти мимо меня. Остается только задняя часть дома.

Я неторопливо иду по дому, и с моих губ слетает тихий свист. Я не спеша ищу мою маленькую ворихку. Я обыскиваю каждую комнату, заглядываю за двери, под кровати в пустых комнатах.

Покидая их, я не оставляю там камня на камне.

Когда я найду Брайар, хочу, чтобы она задержала дыхание, зажала руками рот, пытаюсь заглушить даже малейшие звуки, срывающиеся с ее губ. Я хочу, чтобы ее сердце бешено колотилось от адреналина, а кожа покраснела от смеси страха и возбуждения.

Под отдающий от стен звук моих шагов я иду к тому месту, которое раньше было моим любимым в доме.

Кончиками пальцев я толкаю дверь, открыв нетронутый кабинет, состоящий из письменного стола, нескольких разбросанных книг и потасканного журнального столика. Сквозь закрывающий эту часть дома стеклянный купол комнату освещают звезды и луна.

Я смотрю на окружающий дом лес, такой темный, что невозможно разглядеть, что скрывается за деревьями. Кто угодно может увидеть нас здесь, внутри.

Даже при скудном освещении я замечаю, что из-под боковой стенки стола выглядывает

пшурок, как будто кто-то стоит под ним на коленях, пытаюсь спрятаться от всех монстров внешнего мира.

Как можно тише я подкрадываюсь к краю стола и, перестав свистеть, хлопаю ладонью по столешнице. Затем с ухмылкой на губах опускаюсь вниз, чтобы заглянуть под стол, но вижу, что там ничего нет.

На секунду растерявшись, я хмурю брови. С краю лежит ее перевернутый Конверс — трюк, который я должен был предвидеть. Я просто вовремя на сложил два плюс два, но, когда до меня, наконец, доходит, я чувствую, как меня обхватывают чьи-то руки.

— Бу, — тихо шепчет Брайар. — Как тебе, когда тебя пугают, Алистер?

Повернувшись в ее объятьях, я смотрю на проступившую у нее на лице ухмылку и слегка приподнимаю бровь.

— Это ты пыталась меня напугать? — я беру ее за подбородок и, приподняв к себе ее лицо, наклоняюсь к ней. — Тебе придется придумать что-нибудь получше, Маленькая Воришка.

И я делаю то единственное, о чем мечтал с тех пор, как увидел ее на трибунах Кладбища. Единственное, чего хотел на свой День рождения.

Я прижимаюсь губами к ее губам, притискиваю ее к себе и сразу же чувствую на своем языке ее вкус.

Обхватив ладонями ее лицо, я притягиваю Брайар к себе, чтобы лучше почувствовать ее вкус. Мой язык движется внутри ее рта, я хочу толкнуть ее на стол, раздвинуть ей ноги и попробовать уже другие губы, но у Брайар, очевидно, иные планы.

С гораздо большей силой, чем я ожидал, она упирается руками мне в грудь и отталкивает меня назад. Инстинктивно я тянусь за спину, нащупывая что-то твердое, на что можно было бы приземлиться, и нахожу подлокотник вращающегося кресла.

Я сажусь, глядя на нее снизу-вверх, а Брайар стоит между моих ног, очень похожая на ту неприятность, в которой я хочу потеряться. Луна освещает правую сторону ее фигуры, показывая мне все те места, к которым я хочу прикоснуться.

К тазовым косточкам, что выглядывают из-под ее джинсов с низкой посадкой, к облегающей фигуру рубашке, так тесно обтягивающую ее груди, что они выглядят тяжелыми и упругими. Сквозь материал рубашки я замечаю ее твердые соски.

Моя челюсть и член напрягаются одновременно. Я думаю о других мужчинах, которые могли видеть Брайар в таком состоянии. Соски напряглись от холода, покраснели от воздуха. Мне хочется вырвать глаза незнакомым мне мужчинам только за то, что они взглянули на нее такую.

Она — женский облик, доведенный до совершенства. Нет ничего более эротичного. Ничего более прекрасного.

Обдуманно движениями Брайар откидывает волосы в сторону, опускает руки на мою грудь, с силой царапает ногтями по моей коже. Истокая уверенность, она покачивает бедрами под звуки тишины и опускается, пока не оказывается передо мной на коленях.

Брайар выглядит как билет в рай, и я бы прошел через адский огонь, чтобы его получить.

Я чувствую, как она скользит пальцами по моим обтянутым джинсами бедрам, вглядываясь в меня своими калейдоскопическими глазами. Луна показывает мне каждую ее грязную, порочную мысль.

— Ты планируешь что-нибудь делать там внизу? — спрашиваю я, изогнув бровь и глядя

на нее так, будто ей лучше поторопиться. Будто ей нужно произвести на меня впечатление. Будто она не сможет доставить мне удовольствие, хотя я знаю, что еще как сможет.

Но моей Маленькой Воришке нравится, когда ей бросают вызов.

— Никто никогда не учил тебя быть терпеливым, Алистер?

Она наклоняется вперед, опуская голову к плотному поясу моих джинсов. Я чувствую сквозь ткань ее горячее дыхание и вздрагиваю от предвкушения. Я облизываю нижнюю губу, прикусывая ее зубами.

— Осторожно. Я позволю тебе дразнить меня только до тех пор, пока не возьму то, что хочу.

Как только я это говорю, Брайар высовывает язык и скользит им по ширинке. Я впиваюсь пальцами в подлокотник, чтобы не схватить ее за волосы и вогнать ей в горло свой член.

Мне хочется войти в нее. В каждую дырочку. Во все.

Опустив голову на грудь, я смотрю, как она играет с пуговицей на моих джинсах и ласкает ртом цепочку моего бумажника. Она плавно проводит языком вверх и вниз по холодному металлу, пропуская его через звенья цепочки.

«Блядь, это горячо», — думаю про себя я, не желая выдавать свое удовольствие еще до того, как она по-настоящему ко мне прикоснется.

— Так ты воруеть мужские бумажники? — я упираюсь языком в верхнюю губу, пряча улыбку.

— Хорошая техника, — добавляю я.

Отсюда мне видно ее улыбку, только часть, в основном ее струящиеся по моим коленям светлые волосы, кончик ее носа и язык, когда он высовывается из ее теплого рта. Но даже несмотря на это, я все равно замечаю ее улыбку.

— Очень смешно, — ухмыляется Брайар, от вибрации между моих ног у меня слегка подрагивают бедра.

С ее губ не слетает больше ни одного связного слова, потому что, расстегнув мои джинсы, она просит меня помочь ей их спустить настолько, чтобы вытащить мой член. Мой пульсирующий член стоит прямо, его головка набухла от предвкушения.

Брайар немного распахивает глаза, а затем фиксирует взгляд на моем члене. Я ухмыляюсь, думая о том, что он уже был у нее внутри, достигая самых глубоких уголков. Меня постоянно впечатляет ее нетерпение.

То, как она обхватывает рукой ствол, вызывает шок, пробегающий прямо по моим яйцам. Я изо всех сил пытаюсь усидеть на месте, когда Брайар не торопясь слизывает с кончика маленькую белую капельку, а затем полностью обхватывает его губами.

Я сжимаю челюсть и издаю стон сквозь стиснутые зубы, а она идеально приспособливается к моему размеру. Я чувствую, как она опускается все ниже и ниже на мой член, и ее рот растягивается вокруг меня. Моя рука движется сама по себе, схватив ее за волосы и намотав их на кулак.

Ее язык быстро смазывает мой член своей слюной, я чувствую, как ее рука скользит по моему основанию в такт с размеренным скольжением моего члена между ее горячими розовыми губами.

Брайар продолжает работать у меня между ног, и я откидываю голову назад.

Я позволяю ей немного контролировать темп, позволяю ей играть, и она проводит своим влажным языком по нижней части, обхватывая мой член своим плотным, теплым

ртом. Когда она опускается полностью, и мой член ударяется ей в самое горло, я не могу не задержать ее там еще на секунду.

Брайар не пытается сопротивляться и подняться обратно, удерживая меня у себя в горле, и я продвигаюсь еще глубже. Рукой контролирую движение ее рта по моему члену, двигая по нему ее губами вверх-вниз.

— Блядь, — со стоном произношу я от того, как хорошо она принимает меня своим ртом. Усиливая хватку, немного увеличивая скорость, пока мой член не перестает выдерживать поддразнивания.

Я встаю, положив обе руки ей на затылок, Брайар с потребностью смотрит на меня своими яркими глазами и стонет, а я проскальзываю глубже в ее горло. Я чувствую, как она притягивает меня ближе, и ее ногти впиваются мне в бедра.

— Ты помогаешь мне трахать твой тугой, маленький ротик, Брайар? Ты этого хочешь, куколка? Ты хочешь грубо? — спрашиваю я, удерживая ее у основания моего члена, ожидая ее ответа, прежде чем дать ей вдохнуть.

Я хочу кончить, глядя на ее полные слез глаза, на то, как она нуждается во мне, сидя на полу. В нетерпении она кивает, дав мне необходимое разрешение.

Я двигаю бедрами, направляя всю свою длину ей в горло и чувствуя, как оно сжимается вокруг меня. Я продолжаю погружаться в нее, короткими толчками, удерживая руками ее голову.

Я скольжу взглядом вниз, туда, где Брайар усердно работает у меня между ног, мой мокрый член быстро входит и выходит между ее раздвинутых губ, и впалых от всасывания щек.

Я продолжаю использовать ее рот, как только могу, толкаясь в заднюю часть ее горла, так что слышу, как она давится. При каждом толчке Брайар сжимает губы вокруг моего члена, по возможности лаская его языком.

Она берет все, что я даю. Брайар поглощает его с готовностью, отдавая так же хорошо, как и получая. Нет ничего сексуальнее того, как она стоит передо мной на коленях.

Как будто почувствовав мой взгляд, Брайар открывает свои зеленые глаза и смотрит на меня. На протяжении всего этого она не перестает сосать, остается там только для меня. Брайар покачивает головой вверх-вниз, не отставая от ритма моих бедер.

Я никогда не чувствовал себя таким возбужденным. Секс никогда не был таким. Ничто и никогда не вызывало во мне таких ощущений.

Небрежные звуки эхом разносятся в воздухе, от чего я зарываюсь руками ей в волосы, с каждой секундой желая большего. У меня слишком большой член, чтобы она могла вечно дышать через нос, поэтому я отстраняюсь и выхожу из ее рта, позволяя ей глотнуть воздуха.

— Срань господня, — задыхаясь, говорит Брайар хриплым голосом, она откашливается, вытирая подбородок, и смотрит на меня, а по ее лицу текут слезы. Если бы у меня был телефон, я бы сейчас сделал фото, чтобы дрочить на него каждый день до конца своей жизни.

Ее покрасневшие глаза, пунцовые щеки, распухшие губы и стекающая из уголков рта слюна. Брайар разрушена, хватает ртом воздух, и все, чего я хочу, это большего.

Я хочу, чтобы она разбилась вдребезги, чтобы собрать ее слезы в банку и использовать их в качестве смазки, чтобы потом дрочить свой член. Я хочу вдыхать ее, ломать, использовать всю, пока не кончу.

Я наклоняюсь и, обхватив ладонями ее лицо, поднимаю Брайар с колен, прижимаю к

своим губам. Мой поцелуй болезненный, я наказываю ее рот своим, а наши языки обвиваются вокруг друг друга, словно змеи.

Я снова сажусь в кресло, притягиваю Брайар к себе, чтобы расстегнуть пуговицу на ее джинсах. Затем цепляюсь пальцами за петли и стягиваю их вниз по ее стройным ногам.

Она грациозно выходит из них, держась за мои плечи, пока снимаю с нее трусики, а затем снова берет себя в руки и забирается ко мне на колени. Я чувствую, как на моем твердом стояке пульсирует жар ее киски.

Я протягиваю руку, обхватываю ее горло и снова притягиваю к своему рту:

— Ты ведь возьмешь мой член, Брайар? Позволишь мне трахать тебя, пока я не кончу?

Потянувшись в задний карман, я нащупываю там презерватив, подношу упаковку к губам и, разорвав ее зубами, раскатываю по своему стволу. Не сводя с нее глаз.

Брайар тихо кивает, протягивает руку и берет мой член, затем проводит его головкой от верха ее щели до самого низа, покрывая меня своими соками.

Мой кончик проникает между ее губами, на мгновение оставаясь у нее внутри, а затем я хватаю ладонями ее узкие бедра и толкаю Брайар вниз по всей длине моего члена.

Я опускаю голову ей на плечо, постанывая от наслаждения, а Брайар удивленно ахает от удовольствия и легкого дискомфорта, приспособившись к моему размеру. Брайар начинает покачивать бедрами, я слышу, как она тяжело дышит мне в ухо, и нежные стоны наполняют мои чувства.

Я чувствую, как сквозь рубашку ее соски впиваются в мое тело, как ее теплый торс и полные, округлые бедра прижимаются к моим. Безмолвный стон вырывается из ее рта с каждым движением бедер, которое заставляет мой член входить в нее, снова заполняя ее тугие стенки.

Она впивается ногтями мне в лопатки, наклоняется вперед, концентрируя каждый мускул своего тела, чтобы трахать себя моим членом. Я провожу языком по ее шее, собирая капли пота, наслаждаясь разлившимся у меня на языке солено-сладким вкусом.

— Алистер, я... — хнычет Брайар, сбиваясь с ритма, и я знаю, что это потому, что она жаждет большего. Ей нужно больше.

— Что, детка? Скажи мне, что тебе нужно, и я дам тебе это, — шепчу я ей на ухо с ухмылкой на губах. Я просто хочу услышать, как она это скажет. Хочу услышать, как она не выдержит и попросит меня.

— Мне... мне, блядь, так хорошо. Почему это так приятно? — плачет она, двигаясь восьмеркой, пытаюсь найти идеальное место для моего члена.

Я обвиваю левой рукой ее талию, насаживая на член, заставляя ее принимать каждый дюйм, растягивая ее маленькую киску вокруг моей длины.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Брайар, — требую я.

— Трахни меня, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — говорит она с нуждой и нежностью.

Это всё, что мне нужно, чтобы поднять свои бедра навстречу ее бедрам. Я прижимаю ее к себе, так что мой член — единственное, что движется внутрь и наружу из ее скользкого влагища. Я скольжу по ее киске, словно она была создана для меня.

Мои бедра шлепаются о ее задницу, звук эхом разносится по оранжерее, и мой оргазм нарастает с огромной скоростью. Мне просто нужно, чтобы Брайар кончила первой, мне нужно почувствовать, как, прежде чем я взорвусь, она сожмется вокруг меня, выкрикивая мое имя.

Свободной рукой я обхватываю ее горло, сжав шею у основания, лишая ее способности дышать. Я усиливаю давление, крепко держа Брайар, глядя, как закатываются ее глаза, когда она пытается бороться с желанием глотнуть кислород.

Я запускаю в ее мозгу инстинкт борьбы или бегства. Даю ей тот безопасный вид кайфа, от которого она может получить передозировку. Тот, от которого у нее поджимаются пальцы на ногах, а кровь словно горит.

Брайар выглядит как гребаная богиня.

Принимает мой член, как очень хорошая девочка, выгнувшись мне навстречу, откинув назад голову, приоткрыв губы и плотно закрыв глаза, в которых вспыхивают звезды.

То, как смотрится у меня на коленях ее фигура в форме песочных часов, как в ней снова и снова исчезает мой член. Она умрет, если я не кончу.

— О Боже... — сдавленным, тихим голосом произносит она и, почти полностью обмякнув в моих объятиях, кончает на мой член, пропитав мои колени своей влагой. Ее стенки смыкаются вокруг меня, делая почти невозможным даже новый толчок в нее.

Я отпускаю ее горло, слыша, как Брайар с трудом стонет и задыхается от нехватки воздуха.

Меня охватывает оргазм, переполняет мои чувства, и я вхожу в нее так глубоко, как только могу. Мой член сокращается и пульсирует, мышцы пресса напрягаются, а удовольствие на несколько мгновений заглушает все вокруг.

Руки Брайар слабеют, она опускается на меня и, положив голову мне на плечо, переводит дыхание.

Пока мы собираемся с мыслями, никто из нас не двигается. Мне кажется, я даже не моргаю, — так боюсь спугнуть этот момент.

Меня захлестывает волна эмоций, не похожая на кайф после оргазма. Создается ощущение, что мой разум на время прекратил войну с самим собой. Ничто не кажется больше тяжелым, все просто... есть.

Я чувствую, как Брайар поворачивает голову, приближаясь к моему уху,

— Счастливого Дня рождения, Алистер, — шепчет она, и в воздухе звенит ее смех.

Впервые.

Оно действительно было счастливым.

Брайар

— Сахарная вата — это самое близкое к божественной пище, что есть у людей, ты знала об этом? — я запихиваю в рот еще одну пригоршню липкого розового пуха, постанывая от того, как он растворяется у меня на языке.

— Я бы с тобой поспорила, но это так вкусно, что думаю, не смогу, — отвечает, Лира похрустывая голубым облачком сладости.

— Девочки! Вы вообще работаете или просто слоняетесь без дела? — говорит мой дядя, подойдя с коробкой старых зеленых винных бутылок и поставив их перед нами на скамейку.

Посмотрев друг на друга, мы с Лирой громко смеемся. Нам требуется минута, чтобы успокоиться:

— Извини, Томас. Мы собирались пообедать, это незаконно — заставлять людей работать без тридцатиминутного перерыва, — шучу я.

Он театрально закатывает глаза, ухмыляясь нам обоим:

— Вы не пробывали здесь и тридцати минут!

Все еще смеясь, мы откладываем сладкую вату и начинаем собирать стенд. Когда начало садиться солнце, небо осветили огни, а воздух наполнился запахом жирной еды и сладких угощений, я услышала, как начала затихать музыка.

В этом году карнавал в Пондероза Спрингс проводил Холлоу Хайтс, чтобы в нем могли поучаствовать студенты. В основном старшеклассники, которые делали стенды или проводили игры, такие как «Бутылка».

Мы помогли моему дяде организовать «Кольцеброс», а затем отправились на карнавал, чтобы покататься на аттракционах и потом вернуться в общежитие.

Я расставляла на столе бутылки, но тут услышала, как меня позвал Томас, и повернулась:

— Что случилось? — мягко улыбнувшись спрашиваю я.

Он почесывает затылок и, стоя рядом со мной, возится с расставленными мною бутылками.

— Я знаю, что, когда ты росла, меня не было рядом, и я не твой родитель, — начинает он, выглядя еще более нервным. — Но здесь я вроде как твой опекун, ну или, по крайней мере, чувствую себя таковым, понимаешь?

Я вздергиваю бровь:

— Ты пытаешься поговорить со мной о птичках и пчелках? Потому что мама мне уже все это объяснила.

— Нет, нет, нет, — яростно мотает головой Томас, выставив перед собой руки. — Я не об этом. Просто...

Он переводит дыхание.

— Я знаю, что в последнее время ты крутишься вокруг Алистера Колдуэлла и его друзей.

Я шокирована больше, чем должна быть.

В смысле, я не носилась по кампусу с ним за ручку, но нас видели вместе с первого дня занятий. Я знала, что люди будут болтать. С его Дня рождения прошло несколько недель, и большую их часть мы провели в поисках, где бы пообжираться.

Его машина, мое общежитие, пока Лира на занятиях, душ, я не могла вспомнить, когда в последний раз у меня было столько секса за такой короткий промежуток времени.

И все же, каждый раз, когда я пыталась поговорить с Алистером о нем, спросить о Розмари или просто о том, кто он такой, Алистер сразу же закрывался. И мне было неприятно, что я довольствуюсь только сексом.

Каждый раз я говорила себе, что уйду, что оставлю его в покое, если он не даст мне ничего, на что можно было бы опереться.

Но просто не могла этого сделать.

К своему стыду, я была готова и на это, лишь бы иметь хотя бы частичку его. В глубине души я знала, что там что-то есть, просто он не позволял мне это увидеть. Я поняла это еще при первой нашей встрече: Алистер вызывал зависимость. Я просто не знала, насколько, пока наконец не попробовала.

Отказаться от него было нелегко, особенно из-за того, как он ко мне прикасался. То, как он обнимал меня, когда мы были вместе, и то, как я ловила его взгляд, когда мы лежали с ним после оргазма.

Алистер все плотнее и плотнее опутывал меня своей паутиной, и я это ему позволяла.

— Мы просто друзья, — говорю я, отмахнувшись от него как от пустяка. Я не лгу, какого-то официального статуса у нас не было, так что «друзья» кажутся ближе всего к правде.

— И это прекрасно. Я просто хочу, чтобы ты была осторожна, хорошо? У Алистера здесь дурная слава. И у его семьи тоже. Я просто не хочу, чтобы ты пострадала, Брайар.

Я знаю, что будь здесь мой отец, он бы сказал то же самое. Мой отец уже попытался бы избить Алистера, но сказал бы мне это заранее, и, хотя Томас говорил мне держаться от него подальше, я все равно была ему благодарна.

Я быстро обнимаю его, обхватив руками за пояс:

— Я буду осторожна. Спасибо, Томас.

Это, судя по его плечам, приносит ему облегчение, его вздох прокатывается по моей макушке, и Томас обнимает меня в ответ.

— Я пропустила групповые обнимашки? — говорит Лира, подходя с другими коробками и шутливо надувшись.

Весь следующий час мы помогаем Томасу собрать игру и даже завести несколько первых клиентов, а затем идем кататься на карнавальных аттракционах, которые, как мы знаем, скорее всего, не самые безопасные.

После последнего аттракциона мои волосы растрепаны ветром, щеки обветрены, и я не перестаю смеяться с тех пор, как мы сюда приехали.

Я прогуливаюсь, болтая с Лирой, но тут нечаянно задеваю кого-то плечом.

— О, простите, — бормочу я и, повернувшись, протягиваю руки, чтобы поймать того, кого невольно ударила.

— Похоже, нам просто суждено без конца встречаться вот так, — говорит он. — Я начинаю думать, что ты специально на меня наталкиваешься.

Я почти ослеплена его улыбкой, но даже этого недостаточно, чтобы отвлечь меня от того факта, что я знаю его лицо.

Когда я некоторое время назад столкнулась с ним возле библиотеки, то не думала, что он меня вспомнит. Пока я собирала книги, у нас состоялся короткий разговор, о выбранной специальности и о том, что, если мне когда-нибудь понадобится помощь с уроками, я могу к

нему обратиться.

До этого момента я видела его только на фотографиях, поэтому меня еще больше шокировало его сходство с Алистером. Дориан мог бы быть его близнецом, за исключением того, что его нос немного наклонен влево, а щеки более пухлые по сравнению с резкими скулами Алистера.

— Как проходят занятия? Какие-нибудь учителя доставляют тебе неприятности? Я знаю, что мистер Габбл может быть довольно придирчивым.

— Все идет хорошо. Пока никаких проблем, — я натягиваю на лицо улыбку, надеясь, что если буду поддерживать непринужденный разговор, то смогу быстрее от него отвязаться.

— О, прости мне мою невоспитанность, я Дориан, — он протягивает руку Лире, и она ее пожимает, — Дориан Колдуэлл.

— Лира, — отвечает она, покачав рукой.

— Вам нравится карнавал, дамы? Клянусь, с каждым годом аттракционов становится все больше и больше. В следующем году Холлоу Хайтс понадобится большая ярмарка, — смеется он, сунув руки в карманы.

— Похоже на то, — неловко говорю я.

Дориан никогда не давал мне повода считать его странным, но я не могла избавиться от ощущения, что он был одной из причин, почему Алистер так ненавидел свою семью.

— Вы обе первокурсницы, верно? Значит, знаете моего брата, Алистера?

То, как Дориан задает этот вопрос, наталкивает меня на мысль, что ответ он уже знает. Этот блеск в его глазах, будто ему интересно, рискну ли я ему солгать. Как я отреагирую.

— Конечно, мы его знаем. Точнее, о нем. Ваша фамилия довольно известна в здешних краях, — я прикрываю свою ложь шуткой, надеясь, что моего фальшивого смеха будет достаточно, чтобы его убедить.

— Тогда считай, тебе повезло, что сначала ты познакомилась с более обаятельным братом, — говорит он и подмигивает для пущей убедительности.

Я знаю, что он вежлив, но от этого комментария у меня по коже бегут мурашки во всех неправильных смыслах.

— Думаю, да, — с легкостью вру я.

— Я хотел спросить тебя в прошлый раз библиотеке, но, — Дориан лезет в карман, доставая телефон. — Я бы с удовольствием взял твой номер, может, пригласить тебя на ужин? Я знаю один отличный ресторан...

— Извини, но у меня есть парень. Но спасибо за предложение, — прерываю его я прежде, чем он успевает закончить, и медленно начинаю отступать от него, увлекая за собой Лиру.

Менее чем за десять секунд вспышка чего-то злого превращает его улыбку из вежливой в извращенную. На его лице появляется раздражение от моего отказа, но вскоре оно исчезает, и на его место возвращается обычное очаровательное лицо Дориана.

— Может, в другой раз, — усмехается он. — Спокойного вам вечера, дамы, уверен, мы еще увидимся.

Так же быстро, как и появился, Дориан исчезает. Исчезает в толпе посетителей карнавала.

Вместе мы проходим через остальные аттракционы, у меня почти кружится голова от того, сколько раз я смотрела на Лиру, кружащую на карусели «Сюрприз». В любом случае, мы веселились и наслаждались, так как ночь стала немного прохладнее.

Я стою возле туалета и, шарясь в телефоне, жду Лиру, когда от ощущения, что за мной наблюдают, волоски у меня на затылке встают дыбом. Я поднимаю взгляд, вглядываясь в толпу, но не вижу никого, кто бы на меня пялился.

Я чувствую, как кто-то обхватил меня за руку, и тут же прихожу в состояние повышенной готовности.

— Не кричи, — слышу я шепот около уха.

Меня дергают назад, оттаскивая на заднюю часть здания туалета, подальше от шума карнавала. Я чувствую, как он прижимается ко мне своим телом, вдавливая меня в кирпичную стену, и мгновенно успокаиваюсь от запаха гвоздики и пряностей.

— Я не могу оставить Лиру, — шепотом кричу я, вцепившись руками в кожу его куртки и пытаюсь отстраниться.

— Ребята с ней побудут, пока мы не закончим, — отвечает Алистер, заслоня меня от любого, кто мог бы пройти мимо нас.

Наши глаза встречаются, и на лицах проступают одинаковые ухмылки.

— Я думала, ты не приходишь на школьные мероприятия, — произношу я.

— Рук хотел торт «Муравейник».

Это последнее, что говорит мне Алистер, а затем прижимается к моим губам в обжигающем поцелуе, который уничтожает все мои мысли. Он давит на меня всем телом, и я таю, как лед на горячем асфальте, чувствуя каждый мускул на своей нежной коже.

Я хватаюсь за воротник его кожаной куртки, прижимая ближе к себе. Я хочу чувствовать его везде.

Еще один удар. Еще один кайф.

Я повторяю это про себя.

— Только из-за Рука, да? — шепчу я, оторвавшись от его губ.

Он прикусывает зубами мою нижнюю губу, а затем опускает голову к ложбинке на моей шее и пробегает по ней влажным языком, от чего у меня перехватывает дыхание.

— Только из-за Рука, — ворчит Алистер.

— Лжец.

Я со стоном опускаю руки к его твердому животу, скольжу пальцами вверх по краю рубашки, чтобы коснуться его обнаженной кожи, которая горит под моим прикосновением. Он всегда такой горячий. Все время горит.

Улыбнувшись, Алистер помечает губами мою шею.

— Правда? — говорит он глубоким голосом, от которого мое сердце пронзает молния.

— Пожалуйста.

Мой голос звучит более просительно, чем я ожидала, но думаю, что на самом деле хочу этого от Алистера больше всего на свете. Правды, ответов, чего-то, что доказало бы, что это нечто большее, чем просто праздник секса. Что я для него нечто большее, чем невидимая бедная девушка, ставшая легкой добычей.

— Сегодня вечером мне нужно кое-что сделать, но сначала я должен попробовать тебя на вкус. Хотел привести голову в порядок. И мне нужно тебя кое о чем спросить, — начинает он.

Каким гелем для душа ты пользуешься? — спрашивает Алистер, вдыхая меня, будто я лучший сорт из приобретенного им кокаина.

Я не могу сдержать сорвавшийся с губ смех:

— Что?

— Чем от тебя все время пахнет. Это как гребаные цветы.

От того, как он проводит кончиком носа по венам на моей шее, я вздрагиваю в его объятиях.

— Это..., — рассеянно отвечаю я, когда Алистер опускает руки на мои бедра и проводит по ним плавными круговыми движениями, — Олау. Черная смородина и орхидея. Кажется.

Пока мы стоим вот так, стремясь руками к обнаженной коже, притягивая друг друга ближе, все больше возбуждаясь, короткие вдохи, нежные стоны, я мысленно делаю себе пометку продолжать использовать этот аромат.

Мне это нравится. Мне бы хотелось, чтобы этим все и ограничилось, но, когда я откидываю голову к стене, мой мозг не дает мне сосредоточиться. Что имел в виду Алистер, говоря, что ему о че-то нужно позаботиться? Что он собирается делать?

Этого мне недостаточно. Мне нужно больше. Нужны ответы.

Мне хочется быть эгоисткой, потому что мне нужен весь Алистер. А не только какие-то его части.

Я прижимаю руки к его груди и, слегка надавив, отстраняюсь от него.

— Алистер, подожди..., — начинаю я, сглатывая нервы у меня в горле. — О чем ты собираешься позаботиться сегодня вечером?

Я совершаю ошибку, перехватив его взгляд. Темные, насыщенные, горькие карие глаза напоминают мне свежую землю после сильного дождя. Они такие темные, почти черные, полные глубины, которую я даже не могу понять.

Окрасившее их вожделение начинает терять свой блеск, и я знаю, что он понимает, о чем я прошу.

— Не надо, — говорит Алистер, качая головой. — Не делай это.

— Это из-за Роуз? Ты пойдешь в полицию по поводу того, что мы нашли на той флешке, ты сдашь мистера Уэста? Это ты собираешься сделать?

Он убирает от меня руки.

— Об этом позаботились.

— Как? Ты кому-то рассказал? — настаиваю я. — Мне нужно знать, что что-то делается, там, возможно, сотни пропавших девушек. Это улика, которая нужна для раскрытия остальных похищений! Ты должен что-то сказать.

Эта мысль не давала мне покоя с тех пор, как я посмотрела видео.

— Ты в этом не участвуешь. Ты свою работу сделала, и теперь с этим разбираются. Это все, что тебе нужно знать.

Я хмурю брови:

— Это все, что мне нужно знать? Ты что, блядь, издеваешься? Я ради тебя взломала сейф! Меня могли исключить, черт возьми, арестовать! Я заслуживаю знать!

От того, как он от меня отходит, будто я вызвала у него тошноту, у меня в груди рождается острая боль, словно медуза обвивает щупальцами тело, прежде чем ужалить, и я уже чувствую ожог.

— Нет, ты взломала сейф, потому что я тебя шантажировал. Не веди себя так, будто ты сделала мне одолжение, Брайар.

— Ты серьезно? — рывкаю я, и вслед за этим раздается резкий смех. — И ты собираешься так себя вести?

— А чего ты ожидала? Мы начнем трахаться, и я должен буду объяснять тебе все, что

делаю?

Я вздрагиваю от того, насколько резок его тон, насколько грубы его слова.

— Я тебе ничего не должен. Если ты ищешь парня, который будет называть тебя красивой и говорить, что благодаря тебе он поверил в любовь, то тебя ждет грубое разочарование, потому что я не такой. Это, — Алистер взмахивает пальцем между нами двумя. — Секс. Вот и все, просто секс. Не пытайся убедить себя, что это нечто большее.

Я думала, что в тот момент, когда у меня разобьется сердце, в груди раздастся ужасный грохот. Звон, как от разбитого об пол стекла.

Но ничего такого не произошло. Вместо этого наступил момент молчаливой скорби, и сердце рассыпалось на части. Не было никакой причины, почему меня это так затронуло.

Почему?

Алистер Колдуэлл — источник неприятностей. От него одни проблемы. Он мучил меня. Он замешан в убийствах и сексуальных связях. В нем нет ничего испугательного.

Но между гневом, между ненавистью было короткое время, когда он был моим источником неприятностей. Моей бедой.

По глупости я решила, что я особенная. Ведь он сделал мне татуировку, не так ли? Пометил меня, чтобы видел весь гребаный мир?

Эта тупая боль начинает распространяться по всему моему телу. Слышать, как он говорит это вслух, неприятно, даже если я знаю, что в глубине души он именно так к этому относится.

Но это же Алистер. Он, наверное, делает татуировки каждой девушке, которую трахает, просто чтобы воочию лицезреть свое завоевание. Чтобы показать, что ему принадлежит все, к чему он прикасается.

Это была моя ошибка — думать, что змея сменит свой окрас.

— Для тебя это проще, да? — говорю я. — Чтобы я тебя ненавидела?

У меня щиплет глаза, но я отказываюсь пустить ради него хотя бы одну слезу. Он не понимает.

Алистер усмехается и качает головой:

— Я не хочу, чтобы ты что-то ко мне чувствовала. Так будет легче.

— Ты предпочитаешь, чтобы я ненавидела тебя, чем открыться мне. Чем объяснить, почему ты все время такой мудака! Именно поэтому ты не хочешь рассказывать мне о своей семье, да? Это они сделали тебя таким, так ведь?

— Я не рассказываю тебе, потому что это не твое собачье дело. Прекрати пытаться получить от меня больше! Я не собираюсь сидеть здесь и, пока ты гладишь меня по головке, рассказывать тебе о том, как мои мама и папа меня не любят. Оставь это, блядь, в покое.

— Ты просто боишься. Ты знаешь, что, если ты мне расскажешь, если вступишь меня к себе в душу, — я тычу пальцем ему в грудь. — Я пойму, почему ты сделал то, что сделал. У меня больше не будет причин тебя ненавидеть, а ты почему-то этого не хочешь.

Его лицо искажает чистый, необузданный гнев:

— Потому что ты должна ненавидеть меня, Брайар! Я не тот человек, который должен тебе нравиться. Я не тот, с кем тебе стоит дружить, — он шагает ко мне, впиваясь в меня глазами, а я замираю от его внезапного движения. — Я нехороший человек. Я причиняю боль людям. Мне нравится причинять им боль, и знаешь что? Я наслаждаюсь, причиняя боль тебе. Мне чертовски нравится причинять тебе боль, Маленькая Воришка.

Слова выстреливают мне в грудь, словно пули. Раскалывая броню, которую я выстроила

над своим сердцем.

Я не двигаюсь с места, по-прежнему стою неподвижно, как доска, глядя на него пустым взглядом. Пытаюсь найти в его глазах свет. Что-то, что, как мне кажется, давно умерло.

То, чего, возможно, даже не существует.

— Что они с тобой сделали? — хриплю я, в неверии качая головой.

Вот и все. Я была просто марионеткой для игр, просто кем-то, с кем можно было подурачиться и манипулировать. Я ничего не значила. Все это было лишь частью его гребаной игры.

— Эй, любовничек! Ты закончил? Нам пора идти, — голос Рука — спасительная благодать, дающая мне повод уйти от этого разговора. Подальше от глаз Алистера.

Обхватив себя руками, готовая свернуться калачиком в своей комнате в общезитии с пинтой «Бен и Джерри», я иду обратно к шуму карнавала.

«Мне не должно быть так больно. Я не должна так себя чувствовать», — думаю я, доставая из кармана телефон, чтобы отправить сообщение Лире.

На середине ввода слова «Где», мое сознание заполняет сладкий запах, и я чувствую, как к моему носу прижимают мягкую ткань.

Затем мир погружается во тьму.

Алистер

Обычно причинив людям боль, я испытываю прилив эйфории, заполняющей весь мой организм. Это утоляет голод, питает гнев, ровно на столько, чтобы я мог восстановить контроль над своей жизнью.

Я получаю свою дневную дозу, и все готово до следующего раза, когда я вновь почувствую потребность кого-нибудь уничтожить.

Сейчас я чувствую только ненависть к себе. Ее так много, что при каждом вдохе мне кажется, что я вдыхаю бензин. Еще больше масла в пылающий у меня в груди огонь, который не собирался гаснуть в ближайшее время.

Левой рукой я плотнее обхватываю руль, а ногой давлю на газ, и машина несется по асфальту. Индикатор на приборной панели пытается дать мне понять, что машина не может ехать быстрее, но, несмотря на это, я не отрываю ногу от пола.

Из динамиков льется музыка, и я краем глаза вижу, как Рук барабанит по приборной панели, раскачивая головой в такт. Я смотрю, как, приближаясь к месту назначения, свет фар освещает почти пустую дорогу с двусторонним движением и растущие по обеим сторонам деревья.

Когда едешь так быстро, достаточно одного движения руки, чтобы машина перевернулась, влетела в деревья и почти мгновенно убила нас обоих. Но никого из нас это не беспокоит. Мы сосредоточены на громких звуках музыки, на барабанах, что гремят и сотрясают стекла.

Я говорю себе, что после сегодняшней ночи это чувство уйдет. Я посею хаос, покончу с жизнью, и раздражающее напряжение в моей груди исчезнет. Нажав на тормоз впервые с тех пор, как покинул карнавал, я начинаю сбавлять скорость ровно настолько, чтобы не перевернуться при повороте направо.

Брайар была пешкой в большой шахматной партии. Фигура, которая удивила меня и с которой было весело играть. Я получил то, что хотел. Поставил ее на колени, эти прелестные маленькие глазки смотрели на меня снизу-вверх. Я зажал ее в кулак, засунул пальцы глубоко в ее пизду и смотрел, как она испытывает небывалый кайф и выкрикивает мое имя.

Я сломал ее.

Показал ей, что она не лучше меня.

Просто еще один человек, зависимый от этого чувства, когда делаешь что-то плохое. Я разрушил представление Брайар о том, чего, по ее мнению, она хочет, пролив свет на то, что все темные части ее личности являются ее силой.

Я разрушил ее, чтобы построить, только для того, чтобы вырвать землю прямо у нее из-под ног. Я смотрел, как Брайар гибнет у меня на глазах.

Но именно это и нужно было сделать.

Я не мог позволить себе, чтобы она совала нос не в свое дело, вмешивалась туда, куда не следует, спрашивала меня о том, чего не понимает.

Лучше было разбить ей сердце сейчас. Убрать с дороги, пока не случилось чего-нибудь похуже. Пока она не построила этот воображаемый мир, впихнув меня в мечту, частью которой я не имел права быть. Ожидая, что я буду тем, кем не являюсь. Тем, кем никогда не стану.

«Я хотел этого», — думаю я.

Так почему же, черт возьми, я так себя чувствую?

С легкостью я въезжаю на подъездную дорожку к обреченному дому, прямо за хлипкими металлическими воротами, которые хреново справляются с задачей не впускать людей. Таблички «Посторонним вход воспрещен» настолько старые, что ржавчина начала разъедать надписи.

Рук выходит из машины еще до того, как я паркуюсь. Я смотрю на небольшой двухэтажный кирпичный дом, и по моим рукам пробегает электричество. Ночь наступает быстро, так всегда в это время года, и до освобождения, которого мы все так ждали, остается всего несколько минут.

Порыв сильного ветра поднимает охапку листьев, разнося их по коричневому двору, в доме завывает сквозняк, проскальзывая внутрь поврежденной крыши и между щелями заколоченных окон.

В последний раз, когда я видел это место, здесь лежало мертвое тело. Сегодня ночью будет то же самое.

Я обхожу машину сзади, а Рук открывает багажник. Меня ослепляет свет фар, и в поле зрения появляется машина Тэтчера. И он, и Сайлас останавливаются рядом со мной, глушат двигатель и выходят.

Мы не разговариваем, нет необходимости в словах. Мы знаем, зачем мы здесь, и это тяжелым грузом лежит на плечах каждого из нас.

— Лови, — бормочет Рук, бросив мне топор с длинной ручкой.

Я спокойно ловлю его, сжимаю в ладони рукоятку, чувствуя тяжесть оружия. В ночи мелькает долотообразное лезвие. В голове возникают идеи, как им кое-кого убить.

Я слышу невнятные вопли, Тэтчер и Сайлас отходят от багажника машины, волоча тело неугомонного Грега Уэста. Он борется, пытаюсь освободить заклеенные скотчем ноги.

Мы следуем за ними через мертвый двор, поднимаемся по шатким ступеням и входим в дом-ловушку, где мы нашли Роуз.

Попасть туда все равно, что очутиться в машине времени. Когда мы были здесь в последний раз, Роуз неподвижно лежала на том же полу, на который мы сейчас бросаем Грега. Половые доски скрипят от его веса, и он пытается перекатиться, стучаясь головой об пол.

Тэтчер и Сайлас ждали у его дома после того, как мы ушли с карнавала, чтобы в нужный момент схватить его, когда он шел к своей входной двери. Как раз, когда он думал, что сможет закинуть ноги на диван и пощелкать по спортивным каналам, Тэтч ему все испортил. Схватил его и бросил в багажник.

Последствия всех его действий до этого момента сгущали воздух.

Пролить кровь ради нашей мести. Искушая шкалу моральных компасов только для того, чтобы почувствовать в душах облегчение от мести. Если меня когда-нибудь поймают, я бы не пожалел об этом.

Даже если я буду гнить в тюремной камере до конца своих дней, это того стоит.

Они этого стоят.

Я готов услышать, как Грег произнесет эти слова. Мы шли по следам, и они привели нас к человеку, которого мы искали. Мне просто нужно услышать эти слова.

Рук срывает у него со рта ленту, раздается звук рвущейся кожи и волос, и Грег тут же начинает орать.

— Что, блядь, с вами не так?!

— С нами со всеми? — спрашивает Тэтчер. — И не сосчитать.

Грег упирается ногами в землю, изо всех сил пытаясь отползти от нас четверых. Это даже жалко, последние слабые попытки отброса человеческого общества.

— Ты хотел убить ее, Грег? — спрашивает Тэтчер, игнорируя его вопрос. — Или это просто удача, что у нее оказалась аллергия на экстази?

Интересно наблюдать за человеком, который до этого момента был полностью уверен, что никто никогда не узнает о его поступке. Интересно наблюдать, как в его крысиных глазах отражается шок, и он начинает думать: «О, блядь, я влип».

— Я... я не знаю...

— Мы видели флешку.

Я останавливаю его даже от попыток это отрицать. Я здесь не для того, чтобы допросить его или получить больше информации о том, во что он ввязался. У меня достаточно улик, чтобы понять, что полиция разберется во всем, о чем не позаботились мы. Я пришел сюда, чтобы выслушать его признание.

Я был готов стать судьей, присяжным, палачом.

Как и у большинства маскирующихся под людей злодеев, его маска сразу же спадает с лица. Грег знает, что не может этого отрицать, он осознает то, что мы видели. Остается либо признаться в этом, надеясь, что мы уважаем его за признание, либо стухнуть как последняя сука.

— Я предполагаю, что один из вас трахал ее? Поэтому я здесь? — насмехается Грег, перекатившись так, чтобы сесть, опираясь на колени. Когда он сплевывает на пол, его сальные волосы падают ему на лицо.

— Экстази был только для того, чтобы сделать ее более податливой для покупателя. Она была продана в тот день, когда я забрал ее из библиотеки. Я не знал, что эта тупая сука от этого умрет. Это стоило нам денег, которые мы не должны были потерять.

Когда Рук слышит оскорбления в адрес Роуз, им овладевает слепая ярость, и он пользуется возможностью познакомиться с Грегом поближе. Он крутит битой, размахивая алюминиевой палкой, и сокрушительно бьет ею по боку Грега, отчего тот с резким стуком взлетает в воздух.

Я молча надеюсь, что он пробил ему легкое.

— Ты не имеешь права говорить о ней. Не так, гребаный мошенник.

Это был первый из многих болезненных уроков, которые мы преподадим сегодня вечером нашему профессору.

Он рычит, вжавшись лбом в грязь, скосив глаза от жгучей боли. Тэтчер вдавливая подошву своего оксфордского ботинка в те же самые ребра, которые только что приняли удар высшей лиги, и переворачивает его на спину. Я чувствую, как у меня сжалось в груди, как усилилось давление по всему телу. При этом ощущении в руках, мышцах шеи и челюсти, моя ярость нарастает от произносимых им слов.

— Думаете, если убьете меня, станет лучше? Вы будете таким же плохими, как и я, просто убийцами. Это не вернет ее! — кричит Грег, слюна летит изо рта, как белые жуки. — Она мертва. Ничто из того, что вы сделаете, этого не изменит.

Я ждал этого месяцами. Проводил бессонные ночи, думая о том, чтобы я сделал, если бы мне дали возможность добраться до человека, который забрал у нас Розмари. В голове проносятся воспоминания. О Сайласе, о Роуз, обо всем хорошем и плохом.

Это было то, чего никто не понимал.

Мы знали, что ее больше нет. Знали, что сколько бы крови мы ни пролили, Роуз не вернется. Ее не стало.

Нам просто было плевать.

Я шагаю вперед.

— Нет, не вернет, — я переворачиваю в руках топор так, что тупой конец теперь выставлен вперед. — Но от этого я почувствую себя чертовски лучше.

Я втыкаю конец оружия ему в горло.

По нижнему этажу дома разносится звук хрустнувших от дерева щепок. От удара тыльной стороной топора у Грега в горле разрывается трахея. Грубый, вырывающийся из его рта звук, заставил бы меня съежиться, если бы я не был так увлечен тем, насколько это приятно.

Все, что он может сделать, это дышать и хрипеть. Ни слова больше не вырвется из его уст.

И тут подходит Сайлас.

Его руки спокойны, глаза как уголь. Он стоит над Грегом, глядя на него сверху вниз, чтобы тот увидел, как выглядит живой человек, потерявший свою душу.

На эту ночь смерть с косой отказалась от своих обязанностей, передав их Сайласу, чтобы тот мог приговорить грязную душу к ожидающему его аду.

Таков всегда был план. Убийство. Мечь, которую, как чувствовал Сайлас, загладит вину перед Роуз, потому что, по его мнению, той ночью он должен был быть с ней.

Роуз ушла из библиотеки домой из-за их ссоры. Я не знаю, из-за чего, но вместо того, чтобы ждать, пока ее заберет Сайлас, она ушла одна.

Какими бы ни были его последние сказанные ей слова, они были брошены в гнев.

Я бы все отдал, чтобы узнать, какие мысли роятся в голове у Сайласа сейчас, когда он стоит лицом к лицу с человеком, который оборвал жизнь его девушки.

С неуловимой грацией он опускается рядом с ним и, упираясь ему в грудь коленом, прижимает его к полу. Раздается скрип половиц, и мы можем лишь наблюдать, ожидая момента, когда понадобится Сайласу.

— Надеюсь, дышать трудно, — хриплым голосом заговаривает наконец он. — Надеюсь, каждый вдох режет тебя, как лезвие бритвы.

Сайлас опускает свои большие и сильные руки на лицо Грега. Он просовывает пальцы ему под голову, чтобы его удержать, и проводит большими пальцами по векам.

Грег кашляет и борется за воздух, страх смерти становится все более явным, а он даже не может позвать на помощь.

Он извивается, отталкиваясь от пола, — последние попытки человека, собирающегося встретиться с тем создателем, в которого он верил. Никогда больше не сделать ни единого вдоха.

— Я хочу, чтобы ты помнил этот страх в аду. Запомни эту боль на долгие века, пока будешь заживо гореть в котлах преисподней.

С невообразимой силой он погружает большие пальцы в глазницы Грега. Вдавливая их во впадины, разрывая нежную кожу век, просачиваясь в губчатые мышцы глаз.

Из груди Грега вырываются гортанные крики, похожие на помехи в телевизоре. Боль, которая заставила бы любого молить о пощаде. Однако Сайлас едва вздрагивает. Даже когда начинают лопаться кровеносные сосуды, и на грудь льется кровь, пачкая его большие

пальцы, пока он выкалывает Грегу глаза.

— Блядь, — шепчет себе под нос Рук, стоя рядом со мной, а Тэтчер смотрит на него так, словно это какая-то демонстрация, и он должен делать заметки.

— Надеюсь, ты думаешь о ней, о том, как ты мог бы избежать этого, если бы никогда не поднимал на нее руку, — продолжает Сайлас, глядя так, будто просто копается в нежной мякоти персика, чтобы выковырять косточку.

Багровая жидкость заполняет глазные впадины Грега, струйки липкой крови стекают по щекам. Сайлас проникает большими пальцами под глаза и резко выдергивает их из глазниц. Когда он убирает пальцы от глаз, это выглядит как цифровой ужастик.

То, как глаза Грега свешиваются из глазниц за крошечные нервные окончания, покачиваясь от сильных толчков его тела.

Не произнеся больше ни слова, Сайлас обхватывает руками горло Грега и начинает сжимать. Для того, чтобы покончить с его жизнью, требуется всего четыре минуты. Четыре спокойные минуты, прежде чем у него перестают двигаться ноги, горло — издавать булькающие звуки, а сердцебиение полностью останавливается.

В эти четыре минуты создается ощущение, что все наконец-то закончилось.

На данный момент.

Вместе мы следуем четким инструкциям Тэтчера по очистке тела, убираем все следы нашего пребывания, а он в это время погружает труп в отбеливатель. Чтобы все следы оставленной на его теле ДНК были уничтожены химикатами.

В качестве последней меры по сокрытию следов Рук обливает его жидкостью для розжига, после чего мы поджигаем Грега. Запах горелой плоти и жареной крови перекрывает все остальные запахи. Это аромат смерти, и мой нос будет чувствовать его и через много лет.

Я курю снаружи дома, прислонившись к кирпичной стене и ожидая, пока тело распадется на части. На улицу выходит Сайлас, поднимает капюшон и задирает голову к небу, как будто ищет Роуз среди звезд.

— Ты в порядке? — спрашиваю его я, выдыхая дым из легких.

— Я просил тебя остаться на год, остаться, пока мы не выясним, кто ее убил, и сегодня ночью мы это сделали. Так что я не собираюсь просить тебя задерживаться тут еще, — произносит Сайлас, все еще не отрывая глаз от ночного неба. — Но я иду за Фрэнком.

Я не обижаюсь на его слова. Он знал, чем для меня было пребывание здесь. Пришлось задержаться в городе, с семьей, воспитавшей меня изгоем. Я знаю, что он просто пытается присмотреть за мной.

Но я говорю ему, что останусь, пока он не закончит. Я пообещал.

И не нарушу данное слово. Даже если это означает вновь столкнуться с травмой, связанной с этим местом.

Я подхожу к нему сзади, кладу руку ему на плечо:

— Я с тобой, до самого конца. Я с тобой, Си.

И я не шучу. Я буду здесь до конца, что бы это для нас ни значило.

Он кивает, принимая мой ответ:

— Она говорила, что ты больше всех похож на старшего брата.

Я хмурю брови, у меня внезапно перехватывает горло:

— Что?

— Роуз. Она говорила, что ты взял на себя роль старшего брата, чтобы стать тем, кого у

тебя никогда не было. Всегда присматриваешь, следишь, чтобы ничего не случилось. Это она любила в тебе больше всего, потому что знала, что со мной все будет в порядке, пока ты за все отвечаешь, — слабо улыбается Сайлас, глядя в ночь, и рассказывает мне то, чего я никогда раньше не слышал.

Я никогда не рассказывал Розмари о своей семье, но когда ты растешь рядом с кем-то, трудно не заметить, как устроена его внутренняя жизнь. Она знала достаточно, чтобы собрать воедино разрозненные детали.

Я даю взять верх молчанию. Даю Сайласу немного пространства, немного времени, чтобы подумать о том, что только что произошло. Чтобы прийти в себя от адреналинового кайфа, который мы все испытывали.

Где-то в глубине души я знаю, что Роуз парит в облаках, злясь на нас. Злясь на Сайласа за то, что он рисковал нашими жизнями, чтобы отомстить за уже мертвую девушку. Я вижу ее прищуренные глаза и нахмуренные брови.

Но даже если и так, мы бы умерли с уверенностью, что ее убийцу постигла та же участь. Этого было бы достаточно.

— Алистер! — кричит из дома Рук, врываясь через прихожую на переднее крыльцо.

— Что? — спрашиваю я, внезапно возвращаясь в состояние повышенной готовности. Готовый решить любую внезапно возникшую проблему.

— Лира, она позвонила мне по мессенджеру, — объявляет он.

— Лира Эббот? Что ей нужно?

— Просто возьми его, вот, — он пихает мне свой телефон, я беру его и прикладываю к уху.

— Алло? — говорю я, сбитый с толку — и это еще мягко сказано.

Если она звонит мне, чтобы поругаться из-за Брайар, я быстро дам ей понять, что сейчас не самое подходящее время для этого.

— Алистер! О, слава Богу. Я пыталась дозвониться до тебя целый час. У меня не было твоего номера, а у тебя нет Facebook, поэтому я просто начала звонить другим парням, надеясь, что ты...

— Лира, что, блядь, случилось?

Я заканчиваю ее бредни, надеясь, что она сможет перейти к делу.

— Брайар, — выпаливает Лира на одном дыхании. — Она с тобой?

Я вынес достаточно наказаний, чтобы заслужить титул в аду. Я нагнал страх на столько людей, что и не сосчитать. Я причинял боль случайным незнакомцам просто ради забавы во время драк.

Я прожил всю свою жизнь, почти не испытывая этого сам.

Абсолютную панику.

Я чувствую ее в своей груди. Как будто кто-то вонзает в нее ножи, каждый из которых обжигает и впивается в мою плоть. Мое сердце колотится так сильно, что вибрирует вся грудная клетка, а его быстрый стук отдается эхом в моих ушах.

В них раздается звон, как от сирены. Такой громкий и высокий, что у меня чуть не лопаются барабанные перепонки. Булавки и иголки колют мои пальцы рук и ног, все немеет меньше чем за двадцать секунд.

Как будто я слишком долго находился под водой. Столько времени держал голову под ее поверхностью, что когда вынырнул, хватая ртом воздух, мое горло горело, а мозг кричал мне, чтобы я никогда больше в нее не погружался.

Мне никогда раньше не было страшно.

И теперь я представляю, что значит чувствовать ужас.

— Нет. Она не ушла с тобой на карнавал? — с трудом произношу я.

— О Боже, Брайар, — Лира начинает рыдать в динамик, задыхаясь. — После того, как вы ушли, я ждала у туалета, но она так и не вернулась. Я получила сообщение с ее телефона, что она собирается к тебе домой, но уже почти два часа ночи, а она так и не появилась. Она не отвечает на звонки, Алистер, что если...

— Прекрати.

Мне не нужно, чтобы она произносила эти слова. Я не хочу их слышать.

Я знаю, что она собиралась сказать, и от того, что это может быть правдой, мне хочется рвать и метать. Я только что видел, как человеку выдавили из черепа глаза, и не вздрогнул.

Однако от перспективы того, что Брайар похитят и, возможно, продадут в сексуальное рабство, у меня ёкает сердце. Я представляю, как она борется, делает все возможное, чтобы себя защитить.

Потому что она боец, и я знаю, что она так просто не сдастся.

Но даже так, все, что я вижу, это как ее используют. Прикасаются. Насилуют ее.

— Подожди, — говорю я вслух, у меня закипает мозг. — Ты сказала, что она написала тебе сообщение? Сказала, что идет ко мне домой?

Тут меня осеняет.

Желание проблеваться быстро сменяется лавиной ярости, которая вот-вот взорвется.

— Да, а что?

— Я знаю, у кого она, — говорю я ей. — И я прикончу его за то, что он ее забрал.

Брайар

Добро и зло.

Ранняя концепция, о которой многие пытаются сказать, что она имеет определенное сходство.

Любят говорить, что добро заключает в себя весь свет. Это ореол жизни, который не делает ничего плохого. Это плач новорожденных детей, мягкие пряди спутанных золотых волос и церковные скамьи в воскресенье.

В то время как зло — это корень греха. Это существа, которые таятся в ночи, крики из туманного леса и вороны, каркающие над свежим мясом. У зла есть образ. Это тень, чернота, забвение.

Вам внушают это всю вашу жизнь, так что, когда вы разовьете свой собственный разум, то сможете различить разницу. Увидев кого-то, вы поймете, являются ли его намерения злыми или чистыми.

Они чертовски ошибаются.

Зло не имеет фиксированного образа, как и добро.

Если бы это было так, Алистер не вламывался бы в дверь своего фамильного дома, готовый прорваться сквозь ад. Дориан не стал бы привязывать меня к стулу с кляпом во рту, нависая надо мной со злыми намерениями.

По мировым стандартам, мужчина с почти докторской степенью, король бала со светлыми глазами, улыбкой на миллион долларов и шикарно упакованной фигурой должен быть моим рыцарем в сияющих доспехах.

А его морально серый брат, с холодными глазами и проклятой репутацией, который верит, что убийство способно отомстить за девушку его друга, — это продажный злодей, готовый лишит меня невинности.

В тот момент, когда я ступила на территорию Холлоу Хайтс. Как только услышала об Алистере, его сразу же стали изображать злодеем. Я и сама так думала, когда он стоял рядом с Истоном в той классной комнате.

Я принимала то, что о нем говорили, и делала предположения. Конечно, любой человек в здравом уме посчитал бы его плохим парнем, увидев, как он участвует в убийстве. И, возможно, это сделало его злым. Способность стереть кого-то с лица земли. В то же время, если бы кто-то убил мою маму, как у Лиры, я не уверена, что не поступила бы точно так же.

Весь этот город превратил его в того, кем он не был. Они развязали войну в его душе и ожидали, что он обретет покой. Они были шокированы, когда он предпочел насилие гармонии.

Воспитанный в семье, в которой у него не было шансов выжить, не став жестоким.

Когда Алистер появляется в поле зрения и входит в гостиную с враждебностью в суровом взгляде, мои глаза говорят то, что не могут произнести уста.

Мне кажется, белая футболка Алистера тает на его теле, настолько она облегает его рельефные плечи и подчеркивает тонкую талию. Его волосы не убраны с лица, вместо этого ниспадают на лоб отдельными прядями, как будто он проводил по ним пальцами.

По полу стучат его шаги.

Дориан едва двигается с места, покручивая в стакане с виски тающий лед и с

презрением глядя на младшего брата. Ствол пистолета упирается в кожаное кресло.

— Я уже начал думать, что ты не придешь, — заговаривает Дориан, наблюдая за тем, как Алистер резко останавливается, увидев в его руке пистолет.

Он стоит перед нами, переводя взгляд то на меня, то на брата.

Я знаю, что у меня на глазу уже начал проявляться отек, час назад по лицу перестала стекать кровь, и я чувствую, как заскорузла от запекшейся крови моя бровь.

Я не позволила ему прикоснуться ко мне, что привело к удару пистолетом по лицу, который вырубил меня на несколько дней, хотя на самом деле прошла всего пара часов. Когда я очнулась, то была привязана к этому стулу и слушала, как Дориан снова и снова разглагольствует о том, как я ошибалась.

Как глупо я поступила, предпочтя ему Алистера, отвергнув его, когда он лучше во всех отношениях. Как он потрясен моей неспособностью это увидеть. Он ходил передо мной взад-вперед, пока, наконец, не решил сесть, что навело меня на мысль, что у него случился какой-то психоз.

Так и было.

— Что ты делаешь? — спрашивает Алистер, сжав кулаки, чтобы сохранить спокойствие, зная, что из-за заряженного оружия он находится в невыгодном положении.

— Делаю то, что умею лучше всего, братишка.

Мне не нужно смотреть, чтобы увидеть ухмылку на его лице.

— Забираю то, что принадлежит тебе. Беру то, что всегда было моим.

Мой рот болит от напряжения из-за обмотанной вокруг моей головы ткани, не дающей мне произнести ничего, кроме недовольного бормотания. Глаза щиплют слезы, и хотя я стараюсь оставаться как можно более спокойной, я все же чувствую, как они горячими струйками стекают по моим щекам.

— Ты бредишь, Дориан. Мы больше не дети, и это не игра. Отпусти ее, — возражает Алистер.

Я чувствую на себе взгляд Дориана.

— Она хорошенькая, да? — бормочет он, и мне хочется блевать от мыслей, которые крутятся у него в голове обо мне. — Это была одна из первых вещей, которые я в ней заметил. Ее губки идеально симметричны, а глаза сияют, как драгоценные камни. А потом ей пришлось пойти и все испортить.

В комнате раздается скрип кожи, прогибающейся под его весом, он встает, оставляя виски на приставном столике и держа в руке пистолет. Мое сердце бьется в такт его шагам, когда он движется позади моего стула.

Я чувствую, как холодный металл пистолета упирается мне в волосы, как Дориан рисует стволом узоры на моей коже, заставляя меня вздрагивать от страха. Я пытаюсь сдержать слезы, заглушить крики, но со всем этим мне не справиться.

Я не могу поверить, что умру вот так. Зажатая между человеком, который мне дорог, и тем, кто его ненавидит.

— О чем ты, блядь, говоришь?

— Я видел вас двоих в оранжерее той ночью. Когда вы думали, что никто не смотрит.

Яростный бред извергается из его рта, я чувствую, как пистолет дрожит у меня в волосах от силы его голоса.

— Когда она позволила тебе прикоснуться к ней! Осквернить ее. Как прижималась к тебе, и я не мог поверить, что она могла сделать что-то подобное. Я не мог поверить, что она

выбрала тебя. Я имею в виду, — усмехается он. — Если она так хорошо выглядит с копией, представь, как потрясающе она будет выглядеть рядом с оригиналом.

Ночь, которую я хотела сделать особенной, он превратил в нечто зловещее. Я никогда не смогу вспоминать День рождения Алистера, не думая о том, где стоял Дориан, наблюдая за нами. И как долго он там стоял.

— Она не моя, — говорит Алистер, стараясь не встречаться со мной взглядом. — Она просто девушка. Ты разрушишь свою жизнь, свое наследие ради девушки, которая ничего для меня не значит.

Я морщусь от его слов, отводя от него взгляд и глядя в пол. У меня так сильно болит в груди от того, что я могу умереть, ничего не знача для того, кто для меня важнее, чем должен.

— Я первый ее нашел! — ревет Дориан, и у меня от страха дрожит спина. — Я первый ее увидел! Она должна была быть моей, а ты забрал ее у меня!

Я не совсем понимаю, то ли это замешательство от сотрясения мозга, которое у меня точно есть, то ли от исходящих из его уст слов.

Я чувствую, как Дориан берет меня рукой за голову, и слегка вскрикиваю от того, что он опускает лицо к моим волосам и глубоко вдыхает.

— Я увидел ее в самый первый день в Холлоу Хайтс, — бормочет он, словно разговаривая со мной. — В тот момент я понял, что она должна быть моей. Я должен был заполучить тебя, Брайар.

Я слышу только, как Дориан поднимает пистолет, ударяет им о что-то твердое снова и снова, а затем продолжает:

— Но ты выбрала его! Ты раздвинула ноги для моего дополнения! Он ничто по сравнению со мной!

Эта фантазия, которую он создал в своей голове о нас, быстро рушится без моего осознания. Поговорив с ним всего два раза, я и не подозревала, что Дориан наблюдает за мной. Разжигая галлюцинации, в которых я не хочу участвовать.

В первый день, когда я почувствовала чей-то пристальный взгляд, это был он. По моей коже пробегают колючие мурашки, когда я вспоминаю, как порой чувствовала, что кто-то на меня смотрит, но предполагала, что это Алистер.

К моей голове снова приставляют пистолет, ствол впивается в кожу, и я чувствую, как меня сотрясает дрожь. Сердце колотится. Пот струйками стекает по лбу.

— Дориан... — начинает Алистер.

— Я вижу, как ты смотришь на нее! Как будто она принадлежит тебе! Татуировка на ее пальце! Ты пометил ее! — практически кричит Дориан. — Ты не заслуживаешь ее, ты ничего не заслуживаешь. Ты просто сточная крыса, запасной вариант на случай, если я потерплю неудачу. У тебя ничего не будет!

Температура повышается по мере того, как его движения становятся все более неистовыми. Обратный отсчет на бомбе, которой является Дориан Колдуэлл, приближается к мощному взрыву.

— Дориан! Послушай меня, — шагает вперед Алистер, протягивая руку в знак перемирия. — Мы можем оказать тебе помощь. Тебе не нужно этого делать.

— Мне не нужна гребаная помощь! Я хочу ее!

Я вздрагиваю.

— И если она не будет моей, то и твоей тоже не будет.

Все происходит так быстро, горячие слова, торопливые движения. Все крутится на ускоренной скорости, и тут все решает замедлиться. У меня ощущение, что я опустилась под воду в бассейне, упала на дно и просто сижу на глубине. Все в воде стало медленнее.

Я вижу, как Алистер бросается вперед, с его губ срывается слово «Нет».

Из моего рта в замедленной съемке вырывается дыхание, я закрываю глаза, прежде чем на меня обрушится конец.

Я думаю, что у меня будут вспышки моего будущего, прошлого, всего того, чего я никогда не испытаю, но вместо этого я просто вижу его. Вижу его и представляю себе мир, в котором я могла бы любить его без всяких последствий.

То, как он бросается на меня, как на его лице расцветают страх и боль, словно только что распустившаяся роза. Роза расцветает как раз перед наступлением холодной зимы, где ей вскоре предстоит погибнуть. Я задаюсь вопросом, станет ли он после моей смерти таким же, как Сайлас, или я действительно была для него никем.

Я вижу, каким он был мальчиком до урока, до того, как его сделали олицетворением зла. Я вижу то, о чем все забыли, — что он был верным, из плоти и крови, с кривой ухмылкой и ониковыми глазами.

Под всем этим скрывался смеющийся мальчик с мечтами и с друзьями.

Мальчик, который когда-то любил своего брата.

И я думаю, как мне повезло в этот момент, что я увидела его всего лишь мальчиком.

Мои уши пронзает выстрел из пистолета, разрывая барабанные перепонки. Мне на лицо летят теплые, влажные брызги жидкости, и я жду, что будет еще больнее.

Я открываю глаза, и все еще могу видеть.

Должно быть, я призрак, верно? Я не ожидала, что это произойдет так быстро, думала, что будет свет, ворота, через которые мне нужно пройти.

Вместо этого Алистер падает на колени перед стулом и тянется руками к моему лицу.

— Брайар, Брайар, Брайар.

Брайар

Брайар

Брайар

Это так реально, мое имя на его губах, эхом отдающееся в моей голове, пока он вынимает у меня изо рта кляп и ослабляет удерживающие меня веревки. Я чувствую, как его горячие, как угли, руки впиваются мне в щеки, направляя мое внимание на его глаза.

Мир снова начинает двигаться нормально. Я выныриваю на поверхность как раз вовремя, чтобы услышать гортанные стоны боли и шарканье ног.

— Ты в порядке, — шепчет Алистер. — С тобой все будет хорошо, Маленькая Воришка.

Словно перышко, он подхватывает меня на руки, прижимая к своей груди. Пока он меня несет, я вдыхаю успокаивающий запах его одеколona и зарываюсь лицом ему в шею. Впитывая этот запах.

Мое зрение нечеткое, но я вижу, что на полу за стулом, на котором я только что сидела, лежит Дориан. На боку, с широко открытыми глазами, держась за залитое кровью плечо. Крови так много, что она кажется ненастоящей. Он извивается на полу от боли, и кровь просачивается между его пальцами.

Перед тем, как закрыть глаза, я вижу их.

Гостиную пересекают три тени, одетые в черное; как всегда, дети тьмы пришли защитить своих.

Алистер

Душ выключился двадцать минут назад.

Я хотел дать ей время. Позволить ей все осознать, подождать, пока все уляжется, и я знал, что как только она выйдет, адреналин доведет ее до изнеможения.

Брайар в гостевом доме у Тэтчера, а значит, у нее будет своя спальня, и не возникнет никаких неловких разговоров о том, где я сплю. Хотя я знаю, что ей нужно пространство, я не дам ей сегодня спать в общежитии.

Только на эту ночь я хочу, чтобы она находилась под одной крышей со мной. Я должен быть уверен, что хотя бы сегодня она в безопасности.

От раздавшегося скрипа двери в ванную у меня перестает подпрыгивать колено, и я смотрю на ее длинные ноги, из-за которых валит пар. Ее тело скрывают мои футболка и боксеры, на несколько размеров больше.

Богиня. Ангел. Все хорошее, что осталось в злом мире.

Я осторожно беру ее мокрые волосы и откидываю их в сторону, давая себе возможность лучше рассмотреть синяк у нее под глазом.

Теперь я ненавижу себя еще больше.

За то, что из-за меня пострадала девушка, которая представляла собой все то, чего я когда-либо хотел. Девушка, у которой было все, что мне нужно, а я слишком боялся принять это. Потому что, как сказал Дориан, я ничего не заслуживаю.

Это все, чему меня учили. Так как же я могу хоть на секунду поверить, что мы с Брайар могли бы стать кем-то?

Вид ярко-фиолетовой раны и царапины на ее лице повергает меня на самое дно. Я не сомневаюсь, что больше беспокоюсь об этом синяке, чем о моем истекающем кровью на полу брате.

Хотя сегодня вечером, когда я смотрел на Дориана, был один момент, когда я увидел себя. Сына, которого вырастили таким, каким он никогда не хотел быть.

Он был другой крайностью.

Воспитанный под давлением роли преемника, обязанный быть идеальным, не допускающий провала, потому что, если он потерпит неудачу, его заменят. Я знал, каково это давление для маленького ребенка, и оно нанесло ему такой же вред, как и мне.

И в этот момент я стал ненавидеть его чуть меньше, потому что впервые почувствовал к нему симпатию.

У меня болит голова от последствий, с которыми, как я знал, мне придется столкнуться завтра. Отвечать на вопросы наших родителей, слушать, какую историю они придумают, чтобы скрыть все это.

Но сейчас я предоставил ребятам разбираться с поездкой Дориана в больницу, а со всем остальным я разберусь утром. Сейчас я хочу убедиться, что с ней все в порядке.

Что она выйдет из этого нормальной.

— Постель чистая, а дверь запирается, — я встаю со стула, не в силах смотреть на нее дольше нескольких мгновений. — Я буду в конце коридора, если тебе что-нибудь понадобится в течение ночи.

— Алистер? — шепчет Брайар, останавливая меня на пути к двери одним звуком своего голоса.

— Да?

— Прости.

«Прости».

Как будто это ее вина. Как будто она могла что-то сделать, чтобы остановить моего брата. Даже если бы она не попалась мне на пути, он бы все равно это сделал. Может, даже преуспел бы в своей цели — сделать ее своей.

Я качаю головой.

— Прекрати, это не твоя вина. Не делай этого.

Я выдыхаю.

— Дориану нужна помощь. У него хреново с головой. Не извиняйся, ты не сделала ничего плохого.

Слезы текут по ее свежеумытому лицу.

— Мне жаль не его. Я сожалею о том, что случилось с тобой в детстве, что сделало тебя таким. Что заставило тебя выстрелить своего брата ради меня.

Я хочу уйти.

Я должен уйти.

Но я физически не могу удержаться от того, чтобы не подойти к ней. Словно гравитация тянет меня в ее сторону, отказываясь отпускать, пока я не касаюсь рукой лица Брайар, стирая слезы с ее лица.

— Технически, я не стрелял в него, — мягко улыбаюсь я. — Это сделал Сайлас.

Из ее горла вырывается неожиданный смех.

— Ты знаешь, что я имела в виду.

Я держу ее лицо в своих ладонях, мы стоим, глядя друг на друга, и я думаю обо всем, что я сделал с ней до этого момента. Как глубоко под всем этим я просто пытался уничтожить ее, потому что Брайар олицетворяла то, чего у меня никогда не могло быть.

И, как и в случае с Дорианом, если я не мог заполучить ее, то никто не мог.

Как прямо сейчас все, чего я хотел, — это по-настоящему обладать ею. Не просто для забавы, это больше, чем игра. Но я хотел услышать ее смех.

Я хотел проглотить его целиком и посмотреть, исцелит ли он всю ярость в моей душе. Я хотел купаться в том покое, который наступал рядом с ней после секса, когда мы лениво чертили круги на телах друг друга и ничто больше не имело значения, кроме ровного звука ее дыхания на моей коже.

Я знал ее страх, но хотел понять, что ею движет.

Что заставляло ее улыбаться, почему она всегда носила одну и ту же пару обуви и кем она хотела стать, когда вырастет. Я хотел быть не просто мужчиной, который ее пугал.

Я хотел быть тем, которого она сможет полюбить, даже если я понятия не имел, что это значит.

— Ты останешься со мной на ночь? Я... я просто, я не...

— Да, — я не даю ей закончить, да ей это и не нужно.

Брайар забирается на кровать первой, двигаясь плавно и бесшумно. Ее длинные конечности вырисовывают беспорядочные узоры на хлопковых волнах, перемещаясь по морю темно-синей ткани с грацией, которая немного напоминает мне акулу, без усилий скользящую по глубокому синему океану.

Я скидываю ботинки, стягиваю футболку, бросаю ее на пол и перебираюсь на свою сторону кровати. Я подкладываю подушку под голову и ложусь на бок, так что мы смотрим друг на друга.

— Я всегда хотела иметь братьев и сестер, — говорит Брайар. — Быть единственным ребенком одиноко, и думаю, что именно поэтому мне было так трудно завести друзей. Я всегда чувствовала себя одинокой, и как бы странно это ни звучало, здесь я этого не чувствовала. Даже когда ты и твои друзья были отъявленными придурками.

Я усмехаюсь, моя грудь вибрирует от тепла.

— Братьев и сестер переоценивают, — шучу я. — У меня тоже никогда не было настоящих братьев и сестер, не в том смысле, в котором это понимают большинство людей. У меня был родной старший брат, но это не делало нас братьями.

— Но у тебя есть Рук, Тэтчер, Сайлас, — указывает она.

— Да. Они у меня есть.

Это мои братья. Моя семья. Кто пробудился и выбрал каждый день быть частью моей жизни.

— А Дориан, — запинается она. — С ним все будет в порядке?

Я вздыхаю.

— Да, Сайлас просто повредил ему мышцу в плече. Дориану понадобится переливание крови и немного жидкости, но он будет в порядке.

Брайар кивает, принимая мой ответ, и я вижу, что мысль о том, что он жив, приносит ей облегчение. Несмотря на то, что он чуть не убил ее, она все равно не хочет, чтобы из-за нее кто-то умирал.

Если она мне нужна. Если она действительно мне нужна, я должен сделать так, чтобы она меня знала. Больше, чем то, что я показывал миру.

— У него гемофилия.

— Что?

— У Дориана. Он родился с редким заболеванием, которое называется гемофилия, просто его кровь сворачивается не так быстро, как у обычных людей. Когда ему было семь лет, он был на тренировке по лакроссу и получил удар по ребрам, ничего страшного для большинства детей, но в итоге он попал в больницу с сильным внутренним кровотечением.

Я помню, как слышал, как об этом говорили мои родители. Я помню, как впервые услышал об этом и подумал: «Я ненавижу, что мой брат болен. Как бы я хотел вылечить его».

— Тогда они узнали об этом, и мой дед, Аларик, не захотел давать имя Колдуэлла больному мальчику. Что, если он умрет? Что, если он не сможет справиться со всеми активами, которые ему предстояло унаследовать? По крайней мере, он сказал моим родителям, что им нужно иметь запасной вариант на случай, если что-то случится.

Я чертовски ненавижу говорить об этом. Мне было ненавистно вспоминать о том, каким опустошенным я был в детстве, когда узнал, почему родился. Я ненавижу, что никому не было дела до того, что мне сказали. Как это было просто чем-то, с чем я должен был жить.

— Алистер... — бормочет Брайар с грустью в голосе.

— Итак, мои родители, по сути, создали меня в чашке Петри¹⁷. Генетически модифицировали мои гены, чтобы у меня была точная группа крови, чтобы я изначально был копией моего старшего брата. Чтобы, если что-то случится, я мог дать ему кровь, пожертвовать орган. Я был рожден только для того, чтобы быть запасным. «Наследник и запасной», так нас называл мой дед, — мой голос к концу фразы как будто сдает, как будто весь бензин в моем баке наконец закончился. Теперь я работаю на пустом месте.

Я заставляю себя посмотреть на нее, заглянуть ей в глаза:

— Я хотел покончить с собой с тех пор, как узнал. Я не хотел жить жизнью, в которой я должен был быть только запасным. Дополнением. Только если понадобится орган. Никто не заслуживает такой жизни. А потом я встретил ребят и...

— Они дали тебе причину жить, — заканчивает она, срывая с моих губ слова, которые я не хотел произносить. Зная, что мне нелегко признаться вслух в том, что я в ком-то нуждаюсь.

— Да. Да.

Брайар тянется рукой, убирая волосы с моего лица, пробегая пальцами по моим темным локонам.

— Я рада, что ты встретил их. Я рада, что ты жив, Алистер.

В этот момент внутри меня что-то происходит.

Все эти темные тучи нависают надо мной, и начинает накрапывать дождь. Дождь сильно и быстро падает на внутреннюю часть моей груди, орошая орган, который, как я думал, высох и умер.

Мое сердце было пустыней. Пустым, сухим, лишенным заботы и ухода. Ничего, кроме песка и палящего зноя. И только что впервые в жизни пошел дождь. Сердце бьется уже не болезненно, а ровно, так, как оно всегда должно было биться.

— Когда я впервые увидел тебя на той вечеринке, — я делаю паузу, не зная, как объяснить свои чувства. — Ты заставила меня почувствовать себя живым. Ты взволновала меня. Ты наэлектризовала меня так, как никто до тебя.

То, как она стояла посреди танцпола, окруженная людьми, перед ее лицом клубился дым, а мигающие огни давали мне возможность разглядеть лишь отдельные части ее лица. Но даже через все это я мог видеть ее ясно.

Брайар поглаживает мою грудь, вытягивая из моего горла слова.

— И сегодня, когда я увидел тебя на этом стуле, все, о чем я мог думать, это о последних словах, которые я тебе сказал. Как я позволил своему прошлому диктовать мои чувства к тебе. Я никогда не был так чертовски..., — я крепко зажмуриваюсь. — Напуган, и я ненавижу это. Я не хочу больше это чувствовать. Я отказываюсь снова так себя чувствовать.

И это чистая правда. Я никогда больше не хочу это почувствовать. Я не позволю ей оказаться в таком положении.

— Мы не можем предсказать будущее, Алистер. И это нормально — бояться этого. Страх не делает тебя слабым, он тебя останавливает.

Я думал об этом.

Она была определением этого утверждения. Даже несмотря на то, что я мысленно заставил ее пройти через ад. Я напугал ее, она никогда не прекращала бороться со мной. Никогда не позволяла этому остановить ее движение вперед.

— Я прорву небо, разорву небесные врата, если это потребует, чтобы ты больше не подвергалась риску. Чтобы помешать мне защитить тебя, придется поднять сам ад. Ты понимаешь?

Брайар кивает, поднимая на меня взгляд, подернутый пеленой усталости. Я притягиваю ее к себе, обхватывая ее руками так, чтобы ее голова покоилась на моей груди.

— Поспи немного, Маленькая Воришка.

— Что это значит для нас? Я не хочу быть девушкой, которой нужен ярлык, но мне

просто необходимо знать, что я значу для тебя, — говорит она, и ее губы двигаются по моей голой коже, отвлекая меня на мгновение.

Я не буду ей лгать и надеюсь, что в конце она сможет это принять.

— Если честно, я не знаю, что все это значит, Брайар. Не знаю, как описать, что, когда я рядом с тобой, мое сердце словно бьется в первый раз, или что ты заставляешь меня чувствовать себя живым, — я хмурю брови, продолжая: — я не знаю, как все это воспринимать, что это значит для тебя, для меня, для нас.

И это самое трудное.

Откуда мне знать, что такое любовь, если мне ее никогда не показывали? Когда меня никогда не учили, как получать или давать ее? Моя версия заботы о других заключалась в том, что я избивал Рука, когда ему нужно было сделать больно, помогал Тэтчеру снять шкуру с оленя и позволял Сайласу выбивать банки из-под газировки у меня из рук.

Для Брайар этого было недостаточно, она заслуживала большего.

— Но я знаю, я одержим тем, как ты прижимаешься ко мне. То, как изгибаются твои губы, когда ты злишься, вызывает у меня желание разозлить тебя, просто чтобы это увидеть. Я постоянно бешусь, когда слышу, как другие люди заставляют тебя смеяться, из-за этого мне хочется причинить им боль, потому что на мгновение они делают тебя счастливой, а это хочу делать я.

Она улыбается на моей коже, пока я продолжаю.

— И сейчас я бы остался здесь на всю жизнь, просто слушая, как учащается твое сердцебиение. Не знаю, что я могу тебе дать, но все, что от меня осталось, все, что у меня есть, — твое, на столько, на сколько ты захочешь.

И я говорю серьезно. Каждое слово. Даже если я не уверен, что не совершил огромную ошибку, выложив свои карты так открыто.

Наступает тишина, и я чувствую, как ее губы прижимаются к моей коже в нежном поцелуе,

— А если я хочу, чтобы это было навсегда?

— Тогда это навсегда, Маленькая Воришка.

— Это очень похоже на любовь, Алистер Колдуэлл.

Иглы впиваются мне в кожу, словно меня охватывает полное онемение. Волны покоя оседают на моих плечах, и меня засасывает эйфория, которая приходит от того, что я рядом с Брайар.

Никаких убийств. Никакой истории. Никаких братьев-психопатов. Только я, парень, который готов на все, чтобы удержать эту девушку рядом с собой.

— Это нечто, — бормочу я, прижимаясь губами к ее макушке и глубоко вдыхая, наполняя легкие ее ароматом.

— Тогда это все, что имеет значение. Это все, что мне нужно, — шепчет она. — Все остальное — пустяки.

Я смотрю на свои инициалы, украшающие ее палец, и досаую, что написал их на среднем, а не на безымянном.

— Что бы ты ни отдал, я хочу все. Все темное, все страшное. Я хочу этого. Навсегда.

Вот так дитя тьмы узнало, что не обязательно выходить на свет, чтобы обрести счастье. Нужно просто найти человека, готового шагнуть в серую зону.

— Это все твое. Каждая поврежденная часть меня. Она твоя, Маленькая Воришка. Надеюсь, тебе нравятся игры в темноте, мы останемся здесь на некоторое время.

Брайар

Только за неделю до Рождества полицейские наконец опознали тело, которое было сожжено в местном доме для вечеринок. На той неделе студенты и преподаватели собрались вместе в заснеженном внутреннем дворе, чтобы создать мемориал Грегу Уэсту.

Проходя мимо шаров, фотографий, открыток «Мы скучаем по тебе» и других памятных вещей, я не могу проникнуться к нему жалостью. К человеку, который жил в одиночку и помогал продавать девушек в сексуальное рабство.

Я крепко обхватываю пальцами две чашки кофе, толкаю плечом тяжелую дверь в столовую и пробираюсь через ряды, пока не вижу уткнувшуюся носом в книгу Лиру, а напротив нее пустующее место для меня.

— Дикий первый семестр, да? — говорю я, опускаясь на стул и подвигая к ней дополнительную чашку.

— Сдала экзамены, стала свидетелем убийства, совершила поджог. Я бы сказала, что это один из тех, которые можно записать в учебники, — Лира поднимает взгляд и благодарит меня за кофе.

Я не знаю, как называется объединение из-за хаоса, но мы с Лирой сделали наше общество одиночек чем-то вроде вечности. После всех перипетий последнего семестра я не могу представить, как буду доживать оставшиеся дни в колледже без нее.

— Ты видела полицейских в кампусе? Я слышала, они опрашивали девушек, которые дружили с Коралиной. Было слишком много пропавших и мертвых тел, чтобы не начать следствие, — говорит Лира, перелистывая страницу в своей книге.

— Да, — ужас заполняет мой желудок. — В конце концов, это должно было случиться.

Все в наших действиях с Алистером было не как у всех. Но это не означало, что я меньше о нем заботилась, не означало, что моя тревога, как бы он не попал в тюрьму, уменьшилась из-за того, что несколько недель назад у нас было первое свидание.

Я знала, что у меня есть глубокая, основательная связь с ним. Наши души соединились благодаря тому, что в детстве мы оба по различным причинам были невидимками. Но именно в День благодарения я поняла, что люблю его.

Когда он вошел в квартиру Томаса в брюках и рубашке, с пирогом, который заставила его принести бабушка Тэтчера. Я видела, как он вышел из своей зоны комфорта ради чего-то, что делало меня счастливой.

Все, чего я хотела, это чтобы он зашел ко мне, я не ждала ничего другого.

Мы провели день вместе, и это было похоже на то, что делает настоящая, нормальная пара. Мы помогали на кухне, пока Томас рассказывал истории своей молодости, а мы пытались найти общий язык. В течение тридцати минут царило неловкое напряжение, но оно быстро растаяло, как только Алистер начал привыкать к ситуации.

Я любила его за то, что знала: Алистер готов отказаться от всего, чтобы защитить меня. Чтобы сделать меня счастливой. И хотя я, возможно, никогда не услышу от него этих трех коротких слов, я знаю, что он это чувствует.

Алистер Колдуэлл никогда не будет мужчиной, осыпаящим меня красивыми словами и любовными стихами. Мужчиной, выражающим все свои чувства или признающимся в любви. Но он тот человек, который пройдет сквозь снежную бурю, чтобы принести мне пирог из

закусочной Тилли во время выпускных экзаменов. Человек, который сломает носы таким, как Истон Синклер, за то, что они не оставляют меня в покое.

Он — мужчина, в котором есть дикость и надежность. Идеальный баланс, позволяющий мне чувствовать себя живой и в то же время в безопасности. Единственный наркотик на планете, который мне подходит. Лира была в какой-то степени была права в той закуской.

Я не та девушка, которой нужен только комфорт. Мне нужен вызов. И именно таким и оказался Алистер. Вызов каждый день.

Я не знаю, когда это произошло, когда ненависть и похоть сменились любовью, когда мое сердце начало рисовать его имя на своих стенках не с отвращением, а с восхищением.

Было бы просто ужасно, если бы парень, с которым я только что начала встречаться, попал в тюрьму за убийство, но, находясь с ним, я понимала, что иду на этот риск.

— Итак... — начинаю я, сунув руку за спину и вытащив аккуратно завернутый подарок. Прямоугольную коробку, украшенную черно-фиолетовой оберточной бумагой.

— Брайар! Я думала, мы договорились не дарить подарки! — ругает меня она.

— Я должна была тебе что-то подарить. Я увидела это, и оно было слишком идеальным. Оно практически прыгнуло с полки.

Маленькая невинная ложь. Я сделала его на заказ, но ей не нужно этого знать.

— Я думала, что смогу сделать тебе сюрприз, — надулась Лира, достав гораздо большую коробку и пододвигая ее по столу ко мне.

Мы смеемся, понимая, что мы из тех людей, которые не могут не дарить подарки тем, кто нам дорог.

Вместе мы начинаем открывать наши подарки, внутри моего — мягкий красный пуловер. От материала, похожего на винтажный, мои пальцы сжимаются от счастья, и я провожу ими по вышивке, которая гласит: «Общество одиночек».

Если бы на мне уже не было десять слоев одежды, я бы надела его, настолько он мне понравился.

Подарком Лире оказался серебряный браслет с шармами, цепочку уже украшают четыре шарма. Милый жук, вишенка, маленький нож — за ее одержимость сериалом «Мыслить, как преступник», и ворон — из-за ее любимого Эдгара Аллана По.

Я подхожу к противоположному краю стола, обхватываю ее руками и крепко прижимаю к себе. Я очень благодарна судьбе за то, что моей первой подругой стала такая, как Лира.

Мы сидим за кофе, планируем целый марафон рождественских фильмов и наслаждаемся обществом друг друга.

Только когда я получаю уведомление на телефон, мне приходится уйти. Текст простой:

Лабиринт в пять.

Я говорю Лире «пока», не то чтобы я не увижу ее сегодня вечером перед тем, как мы все уедем на рождественские каникулы.

Не в силах побороть бурлящее в животе волнение и порхающих там бабочек, я быстро выхожу из столовой. Я мчусь через территорию школы в сторону района Берсли.

Снег валит не переставая, огромные снежинки падают на и без того белую землю. Отпечатки моих ботинок оставляют за собой след, когда я срываюсь на легкий бег. Мое дыхание вырывается в виде облачков пара.

Я облетаю здание сбоку, направляясь ко входу в Лабиринт. В последний раз, когда я

была внутри, я изо всех сил пыталась выбраться, теперь же мчусь по полукругу, готовая увидеть, кто ждет меня в центре.

Сосны несут на себе тяжесть снега, их темные иглы все еще пробиваются сквозь него, даря мне первую зиму в моей жизни и делая ее прекрасной. Я останавливаюсь, обойдя последнюю часть лабиринта.

Алистер сидит, засунув руки глубоко в темные джинсы, натянув на голову капюшон, чтобы защитить лицо от суровой погоды, поверх черного худи надета кожаная куртка.

Он резко выделялся на фоне окружающего белого цвета, торча посреди него как больной палец.

У меня под ногами хрустит снег, и Алистер поднимает взгляд в мою сторону. Я почти потрясена тем, насколько несправедливо он ошеломляющий. Все меркнет, когда он смотрит на меня, когда ему на глаза падает немного солнечного света, и они становятся блестящими, почти прозрачно-черными. Как идеально отполированное морское стекло или вода в бегущем по камням ручье.

Я не торопясь подхожу к нему, а он сидит совершенно неподвижно, следя глазами за каждым моим шагом, и как только я оказываюсь на небольшом расстоянии от него, бросается ко мне. Обхватывает загорелой рукой мою талию и прижимает меня к себе.

Словно в знак приветствия, он опускает голову к моим волосам, вдыхая мой запах, а затем произносит:

— Привет, Маленькая Воришка.

Мне нравится, как теплеет моя кожа, когда он говорит, согревая меня изнутри.

— Колдуэлл, — я откидываюсь назад, отстраняясь, чтобы посмотреть на него снизу-вверх. Я обхватываю руками его талию под кожаной курткой, согревая руки.

Вот что значит безопасное место.

— Видел кучу полицейских в кампусе? — небрежно спрашиваю я, хотя от этого вопроса у меня сводит живот.

— Видел, — просто отвечает он, глядя на меня сверху вниз. — Мы знали о таком риске, прежде чем на это пойти. Я не буду извиняться, если они докопаются, что произошло, но я сомневаюсь в этом.

Я и не ожидала от него ничего меньшего. Это единственная черта Алистера, которая не менялась с момента нашего знакомства: он никогда не извинялся за то, какой он есть. Вы либо принимаете его таким, какой он есть, либо ненавидите за это.

— Все еще работаешь над Фрэнком?

Он непринужденно кивает в ответ. Мне не нужно, чтобы Алистер менялся, не нужно, чтобы он говорил мне, что любит меня, или осыпал цветами. Но я просила правды, какой бы кровавой она ни была, он обещал, что не будет мне лгать.

И Алистер сдержал это обещание.

Он рассказал мне все. Все, что они делали до Грега, все, что случилось с Роуз, и что они планировали сделать с мэром. На данный момент это не так уж и много, потому что они ждут, когда Сайлас решит, что делать дальше.

Все, что они знают, это то, что ему не удастся избежать наказания, и его время скоро придет.

— Я боюсь. Мне не нравится пребывать в неведении, — шепчу я, упираясь подбородком в его грудь.

Алистер заправляет мне волосы за уши, проводя большими пальцами по моим скулам.

— Не знаю, куда мы отправимся дальше, Брайар, или что произойдет, но я знаю, что несмотря ни на что, я буду защищать тебя. Я защищу это, — говорит он, успокаивая боль, которая поселяется в моем сердце, когда я думаю о том, что его заберут или, что еще хуже, он умрет.

Холлоу Хайтс оказался совсем не таким, как я думала. Все, что я планировала, даже близко не похоже на то, что я получила. Никогда за миллион лет я не думала, что буду стоять здесь. Никогда не думала, что стану девушкой, защищающей убийц.

Наверное, некоторые люди просто рождены, чтобы бегать с преступниками. Наверное, это я.

— Забавно, я думала, когда приеду сюда, все будет иметь смысл. Что я хочу делать со своей жизнью, где хочу оказаться в конце жизни, — говорю я. — Со мной никогда раньше не случалось ничего хорошего, поэтому я никогда не думала, что в будущем оно меня ждет. Но мне начинает нравиться выяснять это по ходу дела.

— Да? Ты не имеешь ни малейшего представления о том, каким видится тебе будущее? — спрашивает он, приподнимая бровь, в его глазах, похожих на звезды в ночном небе, мерцает озорной огонек.

— Я имею в виду, — саркастически вздыхаю я. — Идея о том, что мы с тобой будем искать квартиру в следующем году, звучит не так уж плохо. Получить стажировку в программе по науке о данных было бы неплохо, устраивать для тебя вечеринки-сюрпризы на День рождения...

— Брайар, — рычит Алистер, прерывая меня.

— Никаких вечеринок по случаю Дня рождения? — спрашиваю я с улыбкой.

— Никаких вечеринок. Мне понравилось, как я провел этот, — наклоняясь к моему лицу, он проводит своими теплыми губами по моим губам. — Трахая тебя.

Между моими ногами поднимается жар, эта тупая боль, которая никогда не проходит, усиливается, и я вдруг думаю обо всем, что мы могли бы сделать в этом лабиринте. Я игриво прикусываю его нижнюю губу.

— А что насчет Вас, мистер Колдуэлл? Есть идеи насчет Вашего будущего?

— Продолжаю говорить своим родителям, чтобы они засунули свои бизнес-предприятия себе в задницу, — ворчит он, и я не могу удержаться от смеха. — Следить за тем, чтобы парни не попали в тюрьму, и проводить каждую свободную минуту, пытаюсь найти новые способы напугать тебя.

Я думаю о последнем разе, когда мы занимались сексом, на парковке школы в полдень, когда по кампусу гуляли студенты. Тонированные стекла защищали нас от посторонних глаз, но меня распяляла мысль о том, что они, возможно, могли видеть, как я обхватываю его бедрами за талию, пока он входит в меня снова и снова на заднем сиденье своей машины.

Он знал, что мне нравится испытывать границы дозволенного, и я доверяла ему настолько, что позволяла ему это делать.

Мой безопасный кайф.

Мой прилив адреналина.

— Ты все еще не вернулся к своим родителям? — спрашиваю я, стараясь не отвлекаться на воспоминания.

— Дориан находится в реабилитационном центре уже три недели, а они уже пытаются его заменить. Я не хочу иметь ничего общего с их деньгами или бизнесом. Они застелили свою постель. Пусть ложатся в нее, мне, блядь, все равно.

По словам Колдуэллов, их старший получил травму, в результате которой он пристрастился к обезболивающим, и упорно работает в реабилитационном центре, чтобы избавиться от этой ужасной привычки. Во всяком случае, так они всем говорили.

Правда заключалась в том, что давление роли Дориана Колдуэлла заставило его начать принимать наркотики. Смешивая и сочетая спиды и транквилизаторы. Все, что попадалось под руку. Он годами был под кайфом, и его родители даже не обращали внимания, пока он соответствовал своему образу.

Теперь они искали наследника.

Жаль, что они рассматривали свою плоть и кровь как имущество, а не как людей, детей.

Всякий раз, когда я спрашивала, Алистер отвечал, что не надеется на возобновление отношений с Дорианом. Не потому, что он не понимал его, и не потому, что он похитил меня с планами убить, а потому, что еще до наркотиков он делал то же самое, что и его родители. Сделал его изгоем. Это была длинная дорога, по которой Алистер не хотел идти. Во всяком случае, не в ближайшее время.

— У меня есть для тебя рождественский подарок, — говорю я, отвлекая нас от депрессивной темы, ухмыляясь от уха до уха.

— У тебя под одеждой бант?

Я фыркаю, закатывая глаза.

— Нет, извращенец. Он у меня в заднем кармане. Но тебе придется достать его самому.

Алистер с вызовом вскидывает брови, опуская руки ниже по моему телу. Я дрожу, когда он проводит ладонью по моей спине вверх и вниз, опускаясь к моей заднице и грубо хватая ее.

Я издаю тихий стон, Алистер опускает голову к моей шее, от легких поцелуев, оставленных на моей ключице, у меня гудит в голове. Осторожно он засовывает руку в мой задний карман, двумя пальцами доставая подарок.

Прижимаясь ко мне своим телом, он натягивает у меня перед лицом золотую цепочку, и я вижу, как она касается моего носа.

— Это твой способ заклеить меня, Маленькая Воришка?

На кулон в виде маленькой буквы «Б» падает свет, и я ухмыляюсь.

— Подумала, что могу отплатить тебе тем же, учитывая, что мне придется вечно ходить с твоими инициалами на пальце.

Алистер усмехается, расстегивает замочек и надевает цепочку себе на шею. Она облегает его шею всеми нужными способами, находясь на несколько дюймов ниже кадыка, и мне хочется лизнуть ее.

Мне нравится, как мои инициалы идеально прилегают к его груди. Я тянусь пальцами и пробегаю ими по золотой цепочке. В моем сознании он уже мой, но теперь я пометила его официально.

Алистер Колдуэлл мой, мой, мой.

— Кстати говоря, для моего подарка нужно немного проехать, ты готова?

— Ты позволишь мне вести машину? — я поднимаю бровь, зная, что он ненавидит, когда я за рулем. Алистер нервничает из-за того, как я прохожу повороты.

— Вот что, пройди лабиринт так, чтобы я тебя не поймал, и ключи будут твоими.

Этот вызов подстегивает мое волнение. Я делаю нетерпеливый шаг назад от него, на моем лице проступает ухмылка Чеширского кота. Я чувствую, как мое сердце начинает биться быстрее, я медленно начинаю отступать от Алистера.

— Договорились, — быстро говорю я, а затем разворачиваюсь и пускаюсь обратно по лабиринту.

Зная, что, несмотря на то, что я действительно хочу сесть за руль, я всегда ему поддамся.

Алистер

— Что это за место? — спрашивает Брайар, когда я закрываю за нами дверь салона.

Она кружится, скрипя конверсами по деревянному полу, и ее покрытое снегом лицо вызывает у меня улыбку.

— Он называется «Спэйд Уан», — говорю ей. — Это тату-салон, в котором я работаю.

Брайар задыхается:

— Ты придурок! Ты позволил мне неделю впихивать тебе в глотку информацию о тату-салоне и не сказал мне?

Это меня в ней восхищало.

Даже если кому-то другому это казалось невозможным, Брайар верила, что я заслуживаю лучшего во всем. Украла мои эскизы и повесила их в своей комнате в общежитии, показывая их Лире.

Приятно, когда кто-то верит в тебя.

— Я работаю здесь уже некоторое время, — я веду ее вверх по ступенькам, где уже накрыт мой стол. Я приходил раньше, прибрался, подготовил все к сегодняшнему дню.

— Не могу поверить, что ты мне не сказал!

— Никто не знал.

— Даже парни?

— Даже они, — честно говорю я, садясь на вращающийся стул возле скамейки для татуировок. — Это единственное место, где я был предоставлен самому себе.

Закончив осматриваться, Брайар направляется ко мне. Садится ко мне на колени, и под ее весом стул откатывается назад.

— Так зачем рассказывать мне? Я знаю все о том, как ты защищаешь то, что тебе принадлежит, — она отбрасывает мои волосы с глаз.

Мои руки прямо над ее задницей, покоятся на ее бедрах, пальцы просунуты в петли пояса.

— Я обещал, что все, что у меня есть, будет твоим, помнишь? Никаких секретов.

Я сжимаю ее бедра, придвигаю Брайар к себе, быстро прижимаю свои губы к ее губам в стремительном поцелуе.

— Я хочу, чтобы у тебя был весь я. Чтобы у меня была вся ты.

Обнимая меня за шею, она оглядывает магазин.

— И это все ты? Ты хочешь однажды стать владельцем такого салона?

Я киваю.

— Что-то вроде этого. Я действительно хочу дарить людям искусство, которое останется с ними навсегда. Татуировки — это окончательная приверженность искусству, и мне нравится их значимость.

Сомневаюсь, что Шейд дал мне запасной ключ от этого места для того, чтобы я сделал татуировку своей девушке на Рождество, но узнай он это, думаю, это заставило бы его меньше беспокоиться о моей психической стабильности.

По крайней мере, он знает, что я способен поддерживать отношения.

Я думал о том, чтобы иметь собственный салон, когда закончится мое обучение, нанимать нужных мне художников, выпускать определенную продукцию. Мне нравилась

идея быть главным. Отвечать за что-то позитивное, за мечту.

— Хочешь свой подарок? — спрашиваю я, проводя языком по ее нижней губе.

Брайар жует внутреннюю сторону щеки, пытаясь сдержать свое волнение, но я знаю ее, как сильно она любит сюрпризы. Даже когда говорит, что не любит. Мне также нравится, что, когда она в шоке, с ее губ слетает легкое «О», это напоминает мне о том, как она кончает.

— Что это? — спрашивает Брайар, и я откидываю голову в сторону черного кожаного стола для татуировок.

— Технически их два, но один из них находится под столом.

С энтузиазмом она спрыгивает с моих колен, оставляя вместо себя холод. Ее цепкие пальцы тянут черную коробку на стол. Не торопясь, Брайар начинает открывать ее.

Я вижу белые шнурки, как только она снимает верхнюю часть, ее визг возбуждения вызывает у меня в груди гулкое чувство. Форма удовлетворения, к которой я все еще пытаюсь привыкнуть.

Она поднимает красные кеды, прижимает их к груди и, едва взглянув на них, говорит:

— Я обожаю их!

Я закатываю глаза.

— Ты даже не видела самого интересного.

Я встаю и встречаю ее на полпути, когда она переворачивает кеды, глядя на подошву с моим именем слева и ее именем справа. По моим ощущениям, это слишком самовлюбленный поступок мудака — написать свое имя и фамилию на обеих кедах.

— Надоело видеть, как ты ходишь в разбитой обуви.

Это еще одна вещь, отличающая Брайар от остальных. Пара обуви, которая ничего не значила бы для обитающих здесь подростков, значит для нее очень много. Она восхищается и любит сделанными на заказ конверсами, надевая их на ноги и пританцовывая перед зеркалом.

Я никогда не видел, чтобы обувь делала кого-то таким счастливым.

— Еще один подарок, — говорю я, проходя позади зеркала. — Я собираюсь сделать тебе татуировку.

Я тянусь к ней руками, потирая мои инициалы на ее пальце.

— Какую хочешь.

Наклонившись ко мне, Брайар хмыкает.

— Ты имеешь в виду, что для этого я должна быть в сознании?

Из моей груди вырывается низкий смех, он отдается эхом, когда я наклоняю голову к изгибу ее шеи:

— Если ты хочешь быть...

Я позволяю ей решать, чего она хочет и где хочет. Я решил, что должен загладить вину за первую татуировку, которую ей сделали, учитывая, что она была в отключке. Я не жалею, что пометил ее. Показал всему миру, что она моя. Я бы потратил на это всю оставшуюся жизнь.

Брайар лежит на столе, ее рубашка закатана чуть ниже лифчика, открывая ребра холодному воздуху салона. Я начинаю процесс дезинфекции, подготавливаю иглы, беру все чернила. Это не большая татуировка, четыре маленьких слова на верхней части ее грудной клетки займут минут двадцать.

Приготовившись, я смотрю на нее.

— Ты готова?

— Думаю, я смогу выдержать немного боли.

Я ухмыляюсь, нажимая ногой на педаль, гул станка наполняет салон. Я натягиваю ее кожу, начиная работать над трафаретом, который я уже нанес на нее. Когда я рисую или делаю татуировку, то впадаю в своего рода транс.

Но с ней все по-другому.

Как будто я помещаю на ее кожу частичку себя. Показывая ей это место, впуская ее в свой мир, в свою голову. Это больше, чем просто мои инициалы.

Это татуировка, которая что-то для нее значит, и я помогаю ей увековечить ее навсегда. Каждый раз, когда она смотрит на одну из них, она думает обо мне. И это то, чего я хотел, чтобы она никогда не переставала думать обо мне.

Чтобы она никогда не переставала быть моей.

Потому что я никогда не перестану быть ее.

Ее тело вибрирует подо мной, из нее вырывается короткое хныканье и легкие вдохи, и от этого у меня дергается член.

Закончив, я быстро привожу ее в порядок, сказав, что она может встать и посмотреть в зеркало, если хочет.

Я всегда испытываю неконтролируемое желание, когда нахожусь рядом с ней. У меня было такое желание, когда я впервые увидел ее. Хотелось прикоснуться к ней, сломить ее волю, проверить, как далеко она готова зайти ради удовольствия.

Я люблюсь ею, рубашка все еще заправлена под лифчик, обнажая ее упругий живот. Джинсы сидят низко на бедрах, надпись на груди как будто создана для этого.

«Мы все воры».

Искусство на искусстве.

— Нравится? — спрашиваю я, хотя вижу, как ее глаза загораются, как бриллианты, когда она видит в зеркале буквы.

— Нравится, — шепчет Брайар.

Я встаю перед ней, разворачиваю полиэтиленовую пленку и обматываю ее вокруг спины. Я нахожусь в дюйме от ее тела, запах Брайар разжигает голод в моем желудке.

Я притягиваю ее ближе и начинаю обматывать прозрачный пластик вокруг ее тела, не торопясь, наблюдая, как ее глаза опускаются к моим губам, готовые украсть у меня поцелуй.

Я пробегаю по ее коже пальцами, Брайар вздрагивает и под моим пристальным взглядом начинает задирать рубашку выше, открывая мне свой белый лифчик.

Словно два податливых фрукта, готовых к пиршеству, ее сиськи оказываются передо мной, почти вываливаясь за край.

— Ты сказал, что никто не приходит во время Рождества, верно?

Похоть, страсть, порочность вспыхивают в ее глазах, золотые искорки заставляют мой член напрячься. Я наклоняю голову к ее лицу, сохраняя нужное расстояние, чтобы продолжал наматывать вокруг нее пленку.

— Хочешь поиграть, Маленькая Воришка? — спрашиваю я, и она медленно кивает головой, касаясь носом моего носа.

Мне нравится ее готовность. То, что она не боится испытывать свои границы. Позволяет мне давить на нее до тех пор, пока она разлетится вдребезги в моих объятиях.

Я крепче сжимаю пластиковый цилиндр, глядя на нее сверху вниз.

— Ты доверяешь мне, да?

— Я доверяю тебе, — повторяет Брайар, ожидая, пока я сделаю шаг.

— Я напугаю тебя, хорошо? Но обещаю, что потом будет приятно. Будь храброй ради меня, хорошо, детка?

От ее нетерпеливого кивка головка моего члена упирается мне в джинсы, страстно желая высвободиться, умирая от желания оказаться внутри нее.

Водя руками вокруг тела Брайар, я оборачиваю прозрачной пленкой ее груди, над ними, затем перемещаюсь на плечо, обхожу и останавливаюсь, глядя на нее. Она смотрит на меня с предвкушением, а я обматываю полиэтилен вокруг ее горла, затем нежные розовые губы, которые прижимаются к нему, словно она целует стеклянное окно. Я продолжаю, пока не обматываю его прямо над ее носом, следя за тем, чтобы он плотно прилегал к ее коже.

Желание запаниковать должно нарастать, так как на данный момент я ограничиваю ей кислород, пленка закрывает нос и рот Брайар, а я наклоняю голову к ее губам.

Я беру ее рукой за горло, притягиваю к губам, целуя Брайар поверх пленки, которая служит барьером между нами.

Брайар пытается двигать губами вместе с моими, и я ухмыляюсь. «Какая хорошая девочка», — думаю я.

Она задыхается в полиэтилене, пытаюсь не паниковать в поисках воздуха, мои губы все еще прижаты к ее губам,

— Шшш, детка, все будет хорошо, — говорю я ей, просовывая палец в ее рот, проделывая в пленке отверстие и позволяя свободно проникать воздуху.

Задыхаясь, я начинаю осторожно расстегивать пуговицу на ее джинсах, и Брайар помогает себе из них высвободиться. Раздев ее до трусиков, я провожу Брайар к большому зеркалу, прижимая ее попойкой к прохладному стеклу.

Беру полиэтилен и еще несколько раз оборачиваю вокруг ее горла, а затем бросаю его на пол. Я использую конец пленки как своего рода поводок, притягивая ее к себе и затягивая на шее Брайар.

— Алистер, — хнычет она, хватаясь руками за мою футболку, отчаянно пытаюсь притянуть меня ближе к своему телу.

Левой рукой я скольжу по ее нежному телу, проникая между ног, под трусики и чувствую, насколько она нуждается во мне. Подушечками пальцев я размазываю ее влагу по мягкому бугорку ее киски.

Я разворачиваю Брайар, прижимаю ее лицо к стеклу, ее дыхание затуманивает зеркало, и я со стоном говорю ей в ухо:

— Ты чувствуешь, насколько эта киска намокла для меня?

С легкостью я просовываю два пальца внутрь ее тугих стенок, чувствуя, как она насаживается на мою руку, желая, чтобы я вошел глубже. Такая жадная, такая чертовски моя. Я оттягиваю поводок, перекрывая ей доступ воздуха, и слышу ее вздох.

Одной рукой Брайар тянется назад, хватаясь за мое предплечье, впиваясь в него ногтями, и я вижу, как ее глаза начинают закатываться. Кровообращение перекрыто настолько, что ей кажется, будто она летит, пока я трахаю ее пальцами сзади.

Я ослабляю хватку, позволяя ей глотнуть кислорода, Брайар опускается и хватается за зеркало для поддержки. Это то, чего я хотел каждый день своей жизни, смотреть, как она все глубже и глубже погружается в наслаждение.

Я скольжу взглядом по глубокому изгибу ее спины, по маленьким сдвинутым набок обтягивающим трусикам на ее круглой попке, и, Боже, по ее лицу, которое являет собой

воплощение мечты. Разгоряченные и окрашенные в красный цвет адреналином, мои чернила впитались в ее кожу.

Это самый настоящий рай для такого мужчины, как я.

Вытащив пальцы из ее пизды, я очень быстро просовываю их ей в рот, через отверстие в пластике, позволяя ей почувствовать, какая она сладкая.

— Как нектар богов, Брайар. Ты — их самый сладкий дар, — бормочу я, она сосет мои пальцы, облизывая их, прежде чем я начинаю снимать джинсы, высвобождая член из стягивающей его одежды.

Он вырывается наружу, оказываясь прямо между гладкими полными ягодицами ее задницы, с толстого красного кончика капает предэякулят. Я держу одну руку на поводке, а другой потираю свой член, размазывая по нему ее слюну и соки.

— Я трахну тебя вот так, — рычу ей на ухо я, прижимая свой жаждущий член к ее уютному входу, мое тело возбуждено намерением опустошить ее. — Скажи мне, что ты хочешь этого, Брайар.

Она не сбивается с ритма.

— Я хочу этого, черт, я хочу этого, пожалуйста, — Брайар практически дрожит, когда я жестко вхожу в нее, заполняя до отказа. Она раздвигает бедра, позволяя мне проникнуть глубже под таким углом, и мы оба падаем в океан наслаждения.

Я наслаждаюсь тем, как она хнычет от удовольствия и дискомфорта. Она тяжело дышит сквозь зубы, пока ее тело вынуждено подстраиваться под меня. Я не даю ей много времени на раздумья, потому что уже начинаю находить жестокий темп, вбиваясь в нее бедрами и выходя из нее.

Вот что мы делаем. Мы трахаемся посреди моего тату-салона. Я лишаю ее дыхания, засунув свой член так глубоко, что она будет чувствовать меня годами. Нам не нужны рождественские гимны и елка. Нам необходимы только мы и вот это. Эта неистовая, разрушающая душу связь, которую я скорее умру, чем потеряю.

— Черт..., — задыхается Брайар, которая не способна ни на что, кроме как стонать и толкаться ко мне своей готовой к этому киской. — Так близко.

Я дергаю за поводок, резко вырываю воздух из ее легких, ее спина прижимается к моей груди, и я подаюсь вверх, свободной рукой крепко обхватывая ее талию. Развратные звуки наших тел, сближающихся снова и снова, подстегивают меня дать ей еще больше.

Я трахаю ее у зеркала, мое тело и член прижимают ее так, как ей нравится. Брайар обожает, когда я вжимаю ее в неподатливые поверхности.

Ее ноги начинают дрожать, тело слабеет, она изо всех сил пытается кричать, когда кончает на мой член, выдаивая меня по полной программе. Я полностью отпускаю пленку, рукой тут же хватаю Брайар за бедро и безжалостно долблюсь в нее в погоне за собственным оргазмом.

Ее пульсирующее напряжение толкает меня за край, я поднимаю руку с ее бедра к голове и, сжав в кулак медовые светлые волосы, тяну вверх. Брайар наклоняет голову от зеркала, измученная, покрасневшая.

— Моя, — со стоном произношу я, глядя в зеркало, и встречаюсь с ней глазами.

— Твоя, — бормочет она.

Мой оргазм захватывает меня, как только я выхожу, толстые, теплые струйки спермы орошают ее спину. Она сжимается и пульсирует, дрожа от силы. Я продолжаю держать ее за волосы, наклоняя ее лицо так, чтобы она смотрела через плечо.

Я прижимаюсь губами к ее горячему рту, проникая языком внутрь, изливая все мои эмоции в ее горло. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы удержать ее рядом, удержать ее рядом с собой.

— Навсегда, Маленькая Воришка, — говорю я, прикусив ее нижнюю губу. — Это навсегда.

Я слышу биение ее сердца, как в ту ночь, когда она убегала от меня в лесу. Оно билось для темноты. Билось для меня.

Я пытаюсь перевести дыхание, слушая свое собственное сердце.

Слушая, как оно совпадает с ее ритмом.

Два сердца, которым суждено было остаться в одиночестве, нашли друг друга, соединились и продолжали биться.

Вместе.

Брайар

Если я увижу еще один плакат с приветствием, то вылью на него свой кофе.

Рождественские каникулы закончились, а это значит просыпаться ни свет, ни заря вместо того, чтобы ложиться спать. Мне потребуются месяцы, чтобы привести свой график сна в порядок после трех недель каникул.

С Лирой и Алистером я редко ложилась спать раньше пяти утра. Мой парень и лучшая подруга ночные совы, которые перетянули меня на темную сторону. Сейчас я поднимаюсь по ступенькам в свой первый лекционный зал, Лира скачет впереди меня, как будто ее не мучает сон. В этом году мы обе посещаем занятия по иностранному языку, и, к счастью, нам попался один и тот же профессор.

Я опускаюсь на стул, положив голову на парту и защищая глаза от яркого света комнаты. Все, чего я хочу, это свернуться калачиком в постели и спать, а толстовка Алистера вообще никак не способствует пробуждению.

Пропитавший толстовку запах только согревает меня и заставляет спать еще крепче.

Когда он сказал мне, что у него занятия только в десять, я раздумывала, не швырнуть ли в него учебником. Тот, кто решил, что латынь в 8:30 утра — это хорошая идея, должен гореть в аду.

— Я умру от недосыпания, — со стоном произношу я.

— Как насчет того, чтобы не делать этого. Если ты умрешь, Алистер задолбает нас своей депрессией.

Я поднимаю голову всего на дюйм, чтобы увидеть проскальзывающего в наш ряд Рука, с синяком под глазом и разбитой губой.

— Надеюсь, твой соперник выглядит хуже, чем ты, — замечает Лира.

Он просто пожимает плечами, одаривая нас кривой ухмылкой, а затем садится и откидывается на стуле. Я чувствую пропитавший его одежду запах травы, а его глаза заметно выделяет краснота.

Я, Лира и остальные парни постепенно сдружились. Я говорю «постепенно» только из-за Тэтчера, с которым у меня все еще отношения любви-ненависти. Иногда я хочу его придушить, а иногда не представляю, как эта компания будет существовать без него.

Я провела целый день в доме Тэтчера, встречая Рождество с его очень нормальными бабушкой и дедушкой. Когда я говорю, что это был самый странный день в моей жизни, я не шучу. Четверо самых анархичных, морально надломленных мужчин вели себя как идеальные джентльмены для маленькой леди по имени Мэй.

Это еще больше доказывает, что у них у всех есть души, как бы они ни старались их скрыть.

В это время входит наш профессор, оглядывает аудиторию и указывает на доску, на которой тут же начинает писать. От недостатка сна и понимания латинские слова для меня лишь тарбарщина.

Наконец-то начался второй семестр. Для меня это означает новый набор предметов, еще один шаг к моему будущему, но и всегда шаг в неизвестность.

Какими бы нормальными ни были последние несколько недель, я знаю, чем занимается Алистер, когда остается с ребятами. Замышляет, планирует, разрабатывает план, который

закончится тем, что мэр Пондероза Спрингс окажется под землей.

Только теперь этим занимаются следователи. Ставки выше, и хотя это заставляет меня нервничать, их это почти не беспокоит. Они знают, что сделали, и, если понадобится, готовы за это заплатить.

Я щурюсь, читая написанные мелом глаза.

Temet nosce

— Кто-нибудь знает, что это значит? — спрашивает у доски женщина средних лет с успешной внешностью и сканирует толпу в поисках смельчака.

Когда ей в ответ раздается лишь тишина, она вздыхает, готовая дать нам перевод, но тут с громким скрипом открывается дверь в аудиторию. Человеку свойственно быть любопытным, познавать неизвестное.

Именно поэтому все поворачивают головы ко входу и смотрят на опоздавшего.

В аудиторию входит рыжеватая блондинка с подстриженными до плеч волосами, прижимая к груди книги. Она идет с грацией и женственностью, за которую я бы убила. Меня интригует не ее красота, а то, как все в классе ахают и смотрят на нее.

Кажется, что все застыли, глядя на эту бедную девушку, которая не знает, что делать, кроме как смотреть в ответ. Как будто они увидели привидение.

— Кто это? — шепотом спрашиваю я Лиру.

Я слышу, как тикают часы на стене.

Раз.

Два.

Три.

— Сейдж Донахью.

Рук

Помните, в детстве на вас кричат за то, что вы тыкаете палкой в камин? Говорят, что вы обоссаете кровать, если продолжите это делать, или, что еще хуже, вам будет больно. Потом вы растете в страхе перед трещащим жаром, зная, что если до него дотронетесь, это повлечет за собой последствия.

Я и есть тот пожар. Огонь. Пламя.

Такой непредсказуемый, что вы и представить себе не можете. Меня невозможно укротить, это невыполнимо. Я горю слишком бешено, слишком жарко, чтобы меня можно было потушить.

Если вы со мной играете, то обжигаетесь. Сгораете заживо, и на память обо мне вам остаются только сожженная кожа и волдыри.

Спичка у меня во рту щелкает, разламываясь пополам между зубами. И это единственный звук, который можно услышать в этом классе.

Я думаю, что это от травы меня колбасит, что мой мозг разыгрывает безумный трюк. Но все остальные, похоже, тоже попали в ловушку моей галлюцинации, что означает, что мой худший кошмар только что вернулся в мою гребаную жизнь.

Она вернулась.

Лири и Брайар сидят рядом со мной и шепчутся о новой ученице, которая привлекла всеобщее внимание.

Да, раньше у нее это действительно хорошо получалось. Быть всеобщим объектом обожания с этими натуральными волосами клубничного оттенка, которые всегда выглядели

как обвивающие мою руку языки пламени.

Всеобщая золотая девочка, лидер среди своих подруг, капитан группы поддержки, королева бала выпускников. Сладость и сахар, что застревал в моих зубах, пока я его не выплюнул. Уверен, что я единственный, кто ее ненавидел. Наверное, потому что я единственный, кто действительно ее знал.

У мисс Американа имелись свои демоны. Скелеты. Такое, что она умрет, если кто-нибудь об этом узнает.

Она переводит на меня пустые, безжалостные, голубые глаза, и я чувствую, как начинает дергаться рука. Эти голубые глаза как самое жаркое пламя, и я, как никто другой, знаю, каково играть с этим пламенем.

Я не отвожу от нее взгляд, и тик в моих мышцах усиливается. Я в нескольких секундах от того, чтобы схватить зажигалку и поджечь аудиторию. Я готов спалить все воспоминания, которые она сюда принесла.

Воспоминания, что пляшут вокруг меня, словно тени.

Желание становится все сильнее и сильнее.

Это часть меня.

Я рожден, чтобы предавать огню.

Изящные ноги, бледная кожа с веснушками цвета пламени, губы сердечком.

Мой самый большой секрет.

Моя худшая ошибка.

Девушка, которая когда-то сжигала мои печальные воспоминания, а потом стала бензином, который их подпитывал.

«Завтра запоют птицы, Сейдж».

Я повторяю слова, произнесенные ею во время нашего последнего разговора.

И я сожгу их всех до единого, черт возьми.

Конец

Notes

[

←1

]

195 см.

[

←2

]

Проведение реанимационных действий

[

←3

]

Широко известно под названием Экстази

[

←4

]

Ponderosa — сосна желтая

[

←5

]

Регина Джордж является главным антагонистом фильма «Дрянные девчонки».

[

←6

]

Главная героиня серии романов «Сплетница».

[

←7

]

Вид многоножек семейства Scolopocryptoridae. Обитает в Северной Америке.

[

←8

]

Гемисколопендра — род древесных многоножек семейства сколопендровых.

[

←9

]

Разветвлённое и многочисленное семейство жесткокрылых, включающее в себя более 15 000 видов с 450 родами, которые распространены на всех континентах и островах, кроме Арктики и Антарктики. В европейской части России встречается около 180 видов. Наибольшая численность и видовое разнообразие златок наблюдается в странах с тропическим и субтропическим климатом, где сосредоточенно около 80 % известных видов.

[

←10

]

В американском сленге, человек занимающийся нелегальной или полуполюгальной деятельностью (но не исключая легальную), например наркоторговлей, сутенёрством, при этом не являющийся гангстером.

[

←11

]

Американская актриса и рестлер, в прошлом боец ММА, дзюдоистка. В настоящее время имеет контракт с WWE.

[

←12

]

Ее имя означает шиповник.

[

←13

]

Брандмауэр или фаерволл — это системная утилита (сетевой экран) для контроля и фильтрации входящего/исходящего трафика.

[
←14

]

Hustler — Ежемесячный порнографический журнал для мужчин, издающийся в США.

[
←15

]

Вымышленный персонаж, убийца, психопат, страдающий раздвоением личности, созданный писателем Робертом Блохом, герой знаменитого триллера Альфреда Хичкока «Психо» и его сиквелов. Прототипом Нормана Бейтса является реальный серийный убийца Эд Гин.

[
←16

]

Джеффри Дамер — серийный убийца, насильник, жертвами которого стали 17 юношей и мужчин в период между 1978 и 1991 годами. Все преступления, кроме одного, были совершены в Милуоки с 1987 по 1991 год.

[
←17

]

Чашка Пётри — прозрачный лабораторный сосуд в форме невысокого плоского цилиндра, закрываемого прозрачной крышкой подобной формы, но несколько большего диаметра. Применяется в микробиологии и химии.